Яйцо Чингисхана или Вася-василиск

Александр Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исламские террористы, нанотехнологии, старинные легенды и инопланетные твари — вот клубок в котором должен разобраться герой этого увлекательного романа.

На рубеже нового столетия цивилизация расползается как гнилая груша. Мировое «дно» пытается стать мировым «верхом». Толпы злых, голодных и обиженных, подняв знамя исламской революции, штурмует бастионы благополучия. В руках у воинов джихада сверхсовременное оружие, от вакуумно-вихревого до микрокибернетического, в головах твердая уверенность, что Аллах отдает неверный и зажравшийся Запад в их руки. В свистопляске зла набирают силу и другие тоталитарные движения, желающие вовсе покончить с существованием человечества. Двадцать пять тысяч демонов, воплощенных в двадцать пять тысяч лучших воинов, хороводят на костях. Но спасение может придти с той же стороны, откуда и зло...

- Александр ТЮРИН
  - ○
  - ○
  - ○ Часть I. «От нашей цивилизации вашей цивилизации»
  - ○ Часть 2. «Ходить сквозь стены — запрещено.»
  - ○ DRACONIAE ET BUBBLES
  - ○ DRACONIAE, BUBBLES ET HUMANOIDES
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Александр ТЮРИН
ЯЙЦО ЧИНГИСХАНА ИЛИ ВАСЯ-ВАСИЛИСК

история болезни в двух частях

В этой книге не сказано ни слова против Ислама. Речь идет только о том, что некоторые люди дерзновенно возлагают на себя право выступать от имени Всевышнего, не имея ни глубокой Веры, ни страха перед Ним. То, что они усердно произносят молитвенные формулы и славословия, лишь показывает степень их расчетливости и коварства.

Возможность победы заключена в противнике.

Сунь Цзы

Идеалист хуже дерьма.

Неизвестный китайский мыслитель

Нынче, когда стал я совершенно не такой КАК ВСЕ вы, мне приятно вспоминать себя человеком. Иной раз настолько убаюкаюсь на волнах воспоминаний, что даже не тревожит уже вопрос: «А действительно ли он — это я?»

Я. Каллисто, 1 мая 2002 г.

Часть I. «От нашей цивилизации вашей цивилизации»

Зарубка 0. (в детстве) «Сновизор»

В детстве ему не нравилось спать и он всячески отлынивал от этого занятия, хотя, в конце концов, подчинялся требованиям начальства в лице мамы. Засыпая, сильно потел, как будто яму копал, а потом видел что-нибудь страшненькое.

В списке малоприятных снов был и такой.

Родная коммуналка с длинным три раза загибающимся коридором и десятком дверей по обе его стороны. Только никаких людей, ни родителей, ни соседей. Он выскакивает из своей комнаты, потому что та вдруг наваливается тяжелой тьмой, семенит по коридору, боясь оглядываться. Стучит в двери — одни заперты, другие открыты, но из соседских каморок лишь тянется густая тоска. Ванная и двухочковый сортир торжественно безжизненны как склепы. Он выходит на пустую кухню, и ему кажется, что подползающая сзади тьма вот-вот прилипнет к нему и начнет переваривать. Он бы уже и рад обернуться, но окостеневшая шея — агент приближающегося врага.

Он не чувствует ног, его как будто сносит ветром в самое последнее помещение во всей квартире — чуланчик-подсобку, глухую камеру с одним только входом. И когда ползущая сзади тьма придавливает его, и костенеют не только шея, но и спина, руки, он видит, что шкафчик перед ними — это на самом деле дверь. Открывает ее сохранившими еще подвижность кончиками пальцев — и его словно втягивает в какую-то трубу, похожую на саксофон. Черная пасть квартиры остается позади, и то ли звук, то ли ветер выдувает его наружу…

Что там дальше, он так не разу и ни увидел, потому что кошмар как будто выталкивал его, оберегая свои «секретные объекты».

Зарубка 1. (июнь 2001 г., Западная Сибирь) «Земную жизнь пройдя до половины, он очутился в сумрачном лесу…» (цитата)

На грязную тощую руку уселся комар с дородным чистым телом, могучим хоботом и большим аппетитом. Но сердиться и даже сгонять хищное создание уже не хотелось. В частностях жизнь была проиграна, оставалось надеяться лишь на выигрыш в целом.

Таежный граф Дракула расставил пошире ножки, поднатужился и глубоко вонзил свой хобот. Первая капелька

чужой теплой крови ушла в его брюшко, потом вторая, третья.

Потом он улетел, не сказав даже «спасибо». Из дырки, смазанной антикоагулянтной слюной, продолжала сочиться кровь. Комары-мутанты последнего поколения добились уже двухчасовой несвертываемости. Прилетят еще веселой толпой мухи и устроят маленькую пирушку. У комаров с ними симбиоз и взаимовыручка. Почему такого нет у людей?…

Как будто для того, чтобы питать комаров и мух, Василий отправился из села Верхнекамышинского в деревню Камышинское тяжелой лесной дорогой — вместо того, чтобы вернуться обратно в Томск и вылететь по месту назначения на попутном вертолете.

Случилась ошибка. Кому забавная, а кому и досадная. Петербуржец Василий Рютин завязал переписку со своим двоюродным дядей Егором, исполняющим роли охотника и рыболова в сибирской деревне Камышинское. Хорошие задушевные получались письма: в основном о многочисленных прелестях таежной жизни и гадостях жизни городской, которым также несть числа. Зазывал дядька к себе, обещая полное исцеление от всех забот в дебрях Кетско-Тымского урмана [1] .

Василий, который почти уж костьми полег под тяжестью забот, клюнул на эту приманку. Он разорвал договор с ассенизационной фирмой, для которой клепал задачу из области динамического программирования — что-то про диаметр канализационных труб в зависимости от количества и качества харчей, потребляемых народом. Делал ее долго или уже делал вид, что делает, а говночисты в свою очередь делали вид, что платят ему.

«Все, хватит, тварь я дрожащая или недрожащая? Если даже получаю я все время по шее своей, если даже карма у меня второсортная и уцененная, если даже дао мое кривое, как волос у негра, могу я двинуть туда, где от меня ничего не зависит и от меня ничего не надо?»

Василий покидал в вещмешок манатки типа электрической мочалки-самоходки, автоматической зубной щетки, которой можно было чистить и башмаки, а также дешевого боди-компьютера «Вятка-Паккард», вынул из-под шкафа заначенные дорожные чеки «Сайбириан Экспресс» и юркнул за дверь. Жена промолчала. Кажется, она была не против, по крайней мере не отвлеклась от одновременного просмотра четырех сериалов: «Кислая Дыня», "Орехово-Зуево, «Мутантка» и «Жизнь Мафусаила». Мафусаил как раз праздновал свой пятисотый год рождения в окружении далеких потомков, которые со скучными лицами все еще боролись за его наследство.

Сашка правда оторвался от своей любимой компьютерной игры в трехмерного «Индиану Джонса» и сказал: «Па, а ты кнут возьмешь?» Папа взял не кнут, но пакетик, в котором было сорок миллиграмм чистого экстраморфина, то есть искусственного эндорфина. Эта гадость здорово выручала последнее время. А начал он принимать ее (верней, аналог ее примитивный), еще когда тянул армейскую лямку. Был там один доктор Айболит, который в таблеточках не отказывал, и даже дурное настроение лечил. А потом выяснилось, что и сам майор медслужбы — наркоман со стажем, и снадобья его — «наркомовские». Но что делать, Василию Самуиловичу нравился легкий и светлый экстраморфиновый туман, который немного приподнимал его над грубой и гнусной правдой-реальностью. Правда, после этого становилось немного кисло, но тут уж можно было элементарно поддать.

Общий вагон завез Василия в город Томск, радиоуправляемая баржа по Оби и Чулыму доставила в Батурино, автобус, снабженный неисправным аэроклозетом, забросил в Камышинское. Тут-то и оказалось, что это совсем другое Камышинское, и дядька вовсе не тот, который родной по крови, а самый настоящий самозванец. Притом именно с самозванцем и шла оживленная переписка последние полгода. Просто в своих трагических посланиях Василий не указывал индекса, а почтовая служба держала в уме Верхнекамышинское — большой поселок полугородского типа с баней, бюстом Ильича в кустах малины и мясистыми девушками, пристально следящими за переменчивой токийской модой. А вот занюханную деревню Камышинское, куда лишь раз в год пробивался вездеход-дерьмоход, она полностью игнорировала. Роковую роль сыграло и то, что самозванец имел название «товарищ Еродин», которое не слишком отличалось от имени любимого дяди — Е. Рютина.

Наверное, разница между настоящим дядькой и самозванцем была не слишком велика, поскольку Еродин ни в письменной, ни в устной речи ничем не отличался от Е.Рютина. К тому же, самозванец, накормив-напоив Василия, еще и предложил погостить. Но племянник все-таки верил, что его дядя совсем другой. Настоящий-то Егор Рютин слыл почти что шаманом, знатоком лесных прибамбасов. А верхнекамышинский мужик был только алкаш и балагур.

Василий избрал путь наибольшего сопротивления, хотя и рассчитывал, что по общей сумме баллов не проиграет. Он решил двинуться в нужную сторону по лесной тропе.

Что, может быть, жизнь надоела? Вообще нет, но именно такая — эт-точно. Потеряем разве что ее, поганую, а приобрести

можем весь мир.

Решение подкрепилось тем, что автобус, доставивший его в Верхнекамышинское, то ли по случаю поломки, то ли благодаря диверсионному акту должен был поехать назад, в Батурино, минимум через три дня.

Василий выведал дорогу у бывалых таежников. Итак, вначале вдоль речушки Синеводки, а когда впадет она в болотистое озеро Горькое, преодолеть его на плоту; затем дунуть через лес по несколько заросшей дорожке. К концу второго дня будет тебе Камышинское. Пятьдесят километров по прямой, вдвое больше по кривой.

Нашелся и напарник, которому, как видно, было все равно куда брести. В отличие от Василия, что по жизни своей являлся добропорядочным семьянином, Антон числился вечным странником, бичом-интеллектуаломом. Он вечно чего-то искал и взыскал: при коммунистах — свободы, при капиталистах — равенства, при мусульманах — христиан, при роботах — людей, при людях — инопланетян. И так далее. Упорные занятия эскапизмом привели Антона в Верхнекамышинское, где он искал Шамбалу, или, по-нашенски, Беловодье. Искатель познакомился с Рютиным, проговорив: «Вы не считаете, что у животных до появления человека был гораздо более высокий уровень жизни?»

Поскольку Антону было без особой разницы, где пробиваться в Шамбалу, то Василий запросто сгоношил его на переход в Камышинское. Как в лесу-то без напарника? Ведь когда спишь, надо чтобы кто-то сидел на стреме. А то ненароком подвалит мишка и откусит «шишку».

Несмотря на приличный рост и ширину плеч Антон показался безобидным, да собственно таким он и был, несмотря на то, что имелся в его биографии годичный срок отсидки. За то, что ударил своего дедушку поленом. «Это как нахлынуло, — объяснял Антон, — дедушка стоял и ругал природу… а природа, то есть пракрити, как говорят индусы, защитилась моими руками.» Следствие так и не смогло доказать, что дедушка помер вследствие удара поленом со стороны «природы», так что внучкУ дали лишь статью за мелкое хулиганство.

Сейчас путники пытались поджарить на костерке какую-то рыбешку, добытую с боями в болотистом водоеме, а попутно Василий пытался выяснить на какие собственно шиши живет Антон.

Ведь в самом деле не похож он на охотника-злодея, который убивает вкусных зверей в темных углах дремучего леса. А на получение заработной платы такому вечному страннику и при самой хорошей погоде не стоит рассчитывать.

И выяснилось, что живет Антон при всей своей незлобивости за счет женщин. Василий, который одно лихо имел от бабьего пола, страшно ему позавидовал.

Во-первых, богомольные старушки носки вяжут Антону за христолюбие; во-вторых, одинокие женщины бальзаковского возраста, подпевая «Аум», варят ему варенье из розовых лепестков; в-третьих, некрасивые девушки, притаптывая «Харе Кришна», собирают ему зернышки в дорогу. Всем им он заменяет сыночка, что, конечно, не исключает взаимодействия в половой сфере по картинкам из даосской книжки. Однако Василий понял, что и в этом случае Антон входит в лоно и выходит оттуда почти как новорожденный — по части развития чувств он был на уровне семимесячного эмбриона. Инфантильный бомж хотел все время в чем-нибудь раствориться: в свободе, в равенстве, в сознании Кришны, в природе.

В общем, женщины Антона любили, а он относился к ним по-разному. У последней своей сожительницы он перед уходом расписал все обои каким-то дерьмом и поссал на мультимедийный компьютер — за то, что она цивилизацию противопоставляла природе и неустанно пылесосила да драила свое уютное гнездышко.

Закусив рыбкой, Антон перетянул тряпицей сальные монашьи волосы с пробором посреди и сказал:

— Люблю я природу, и она мне отзывается. Не причинит мне вреда ни комарик, ни гад…

— Гадушка, — поправил его Василий.

— Ни гадушка, ни волчок, ни мишка, ни клещик энцефалитный. Потому что я источаю одне лишь вибрации любви. Я перенастраиваю даже самых зубастых зверьков на волну мира и благорасположения.

— Да уж твоей деревянной головушке энцефалит не помеха. — согласился Василий.

Общая дискуссия вдруг прекратилось, а лицо Антона слегка исказилось.

— Живот болит.

— Брат микробушка пошаливает, — смиренно отозвался Василий, — мало, значит, ты его любишь. Вот он и обижается.

Однако Антон быстро юркнул в ближайшие кусты и после недолгого кряхтения затих.

— Хорошо-то как, — спустя минуту послышался его голос. — Стоило пострадать маленько, зато сейчас словно воспарил. Еще Лао Цзы говорил, что сильный понос — это уже не понос.

Василий на секунду задумался о том, как с утра придется деревья валить хиленьким топорком, чтобы через болотистое

озерцо перебраться, а напарник по-преимуществу будет парить, вместо того, чтобы мучить березки. Эта мысль крепко огорчила его, и Василий принял щепоть экстраморфина.

Но вдруг Антон вылетел из кустов как перепел, лихорадочно застегивая штаны и не имея на лице и следа благости.

— Юноша, почему вы не спустили после себя воду? — вежливо, но строго спросил Василий.

— Там чудище прется сквозь чащу! Я видел его тень — в два раза выше человеческого роста. Это не зверь, он не откликается на мои вибрации любви, а на морде у него написано «люблю человечье мясо».

Василий хотел было обсмеять напарника, позабывшего о гармонии с природой, как и в самом деле что-то стало ломиться сквозь ветки, сопя мощно и яростно.

Тут оба странника мигом подхватили свои мешки и котомки и давай удирать во все лопатки, надеясь к тому же не слишком оторваться от берега озера.

И было полчаса страшного ночного кросса, когда все сучья направляли свои острия именно в глаза. По дороге Василий влетел в столь огромную кучу кала, что сразу похолодел при мысли о том чудовище, которое сумело ТАКОЕ навалить. Если бы не экстраморфин, то вообще наверное инфаркт бы случился.

Впрочем, и того быстрого бега было достаточно, чтобы сама тайга разодрала беглецов, разнесла кишки по сучьям и мозги по кочкам. Но бинокуляры-мониторы Василия выдавали на свои контактные экранчики тепловую картинку местности, а боди-комп там же проставлял азимуты и расстояния до колющих-режущих предметов.

Когда бег более-менее перешел в легкую трусцу, Василий прокричал сквозь порывистое дыхание своему напарнику:

— Да ничего особенного, не расстраивайся. Ну, медведь, ну, больших габаритов, ну развели костер возле его квартиры. Или дачи.

— Не медведь, а хозяин леса. — возразил Антон. — Мишка — добродушный, а этот строгий. И если там топтыгин ошивался, почему ж ты не заметил его своими бимонами? [2]

— Потому что я их снимаю время от времени, а то глаза чешутся. — сказал Василий и подумал, что вообще-то Антона к трусоватым не отнесешь. Во время боев в Алмазовке, когда федеральные ракеты разносили в клочья все, что мало-мальски напоминало кровожадного моджахеда, он с группой таких же просветленных товарищей кормил прасадом и добрым словом мятущееся мирное население…

Вася и Антон наконец остановились, один стал

восстанавливать дыхание, другой решил попИсать и попал себе на ботинки. В ночном лесу было тихо, если не считать воплей какой-то насилуемой птички и звона комариных эскадрилий.

Напарники решили переждать ночь до конца у подножия разлапистого таежного великана, обходясь лишь самым хиленьким костерком. Никто из них уже не спал, а лишь напрягал мускулы, чтобы при первом же грозном намеке запрыгнуть на ближайшую ветку. Антон даже присмотрел себе какое-то дупло со всеми удобствами, собираясь выдворить оттуда белочку. При этом он уверял, что дупло у дерева является эквивалентом человеческой задницы.

Когда наступил рассвет, стало ясно, что странники сильно заплутали. Никакого тебе берега озера Горького, лишь темная гуща ельника.

— Ну, давай, связывайся со своим окаянным спутником, — шутейно произнес Антон, — если вместо него не летает уже какой-нибудь демон-асур.

Да, пора было определять координаты и свое местоположение на электронной карте, которую Василий худо-бедно набросал перед тем как тронуться из Верхнекамышинского.

Он встал на какой-то поваленный ствол и стал наводить искательантенну, наблюдая за уровнем сигнала, который выдавал боди-комп.

— Все, наводка точная, канал пробит. Посылаю привет. Ау, орбита…

Но тут Василий сбросил с лица бимоны и грустно выругался. Антон же не преминул заметить с легкой укоризной:

— Зачем ты так, брат? Я же предупреждал, что спутник на космической орбите легко может стать добычей демона.

— Он стал добычей банкира. Код доступа не прошел, потому что… значит жена сняла все деньги с моего счета. Мы оказались не только в информационном вакууме, но и в полной заднице.

— Любовь приведет нас к себе. — заметил Антон.

— Ты это брось. Любовь меж бабой и мужиком приводит их в КВД, а любовь меж мужиками заканчивается в СПИД-лечебнице. Так что, подбирай выражения.

Василий был раздражен и поэтому неправ. Уж что-то, а половая жизнь Антона была вне подозрений.

Однако имелся в его биографии один эпизод, из-за которого странный товарищ собственно и начал бродяжничать. Несмотря на три своих неоконченных высших образования Антон не любил труд, но однажды маманя загнала его работать вахтером в один академический институт. А там, на других дверях, стоял еще один вахтер, семидесятилетний старичок. Однажды ночью два

вахтера распили бутылочку портвейна, после чего младший попытался полюбить старшего через задницу. А сыном старшего вахтера был как раз директором этого института… После оправдывался Антон с улыбкой недоумения на полудетском лице — нахлынуло на него что-то вдруг, ведь старичок был «добрый и мудрый, как сама природа»…

Товарищи по постыдному бегству подобрали оставшиеся вещи и стали ориентироваться по солнцу и прочим сомнительным приметам. Полдня было потрачено на усиленное ориентирование, но берег озера так и не обнаружился.

Василий, в отличие от Антона, заметно приуныл, легкий отходняк после экстраморфина тоже усугублял картину. Бич-интеллектуал половину дороги цитировал «Бхагавадгиту» и сказания племени догонов, а еще полдороги «Даодэдзин», добавляя из кое-каких сутр. Казалось, что ему совершенно все равно, куда идти. Повсюду была природапракрити, повсюду был абсолют-брахман. Какая разница, где растворяться.

А Василий чувствовал, что его опять надувают. Он всегда двигался к четко поставленной цели и всегда попадал не туда. В молодости он искал себе красавицу неописуемую, но вместо этого заработал болячку в одном популярном месте. Потом он хотел снискать литературные лавры. Но лавры обернулись березовым веником. И вот коварный военкомат призывает его на офицерскую службу. Человек же, вместо того, чтобы упорхнуть от силков, начинает корчить из себя советского Рембо.

И мозолил малахольный Рембо свою тощую задницу на жестком стуле, страдая от скуки и дубовых указаний начальства.

Итак, не исполнялись помыслы, неустанно страдала жена, дети, родители, бабушки-дедушки, роптали даже собаки и кошки. К середине жизни, если точнее к тридцати восьми годам Василий ощущал себя полным неудачником. Он добился только того, чего не хотел, а чего хотел, того добились другие. А ведь когда-то такие возможности представлялись! Как и всякий нормальный невротик он считал, что жизнь представляет сплошной заговор против него. От чувства огорчения заныло под ложечкой. «Гастрит, — подумал Василий, — организм сам себя съедает. Таков он, кризис тридцативосьмилетних. Однако как не пожрать перченого и не попить горячительного. Всем хорошим в себе я обязан съеденному и выпитому.»

Но вскоре настроение поднялось. Во-первых, от новой дозы экстраморфина. Во-вторых, прямо в лесу, когда вроде бы ничто не предвещало хорошего, путники вдруг наткнулись на колючую проволоку. Колючка, создавая забор, тянулась с запада на восток настолько, насколько хватало силы обозревающему глазу. Правда,

стоял за ней точно такой же лес, что и перед ней. И все же, если ее протянули, значит она огораживает не только деревья, кусты и заячьи какашки.

Антон обрадовался забору гораздо меньше, чем Василий. Колючка сразу уколола его душу своей явной нерастворенностью в природе. Однако он послушно отправился вслед за напарником вдоль забора — ему по-прежнему было все равно, куда брести. Путь оказался неблизким, колючка тянулась и тянулась, как будто представляла собой земную параллель. В конце концов это надоело и Василию. Впрочем, на сей раз он унывать не стал, а выбрал место, где забор накренился под воздействием упавшего дерева. Лапы упавшей ели качались прямо над его головой. Если не бояться иголок, можно без особых затруднений переползти на ту сторону. Что Василий с Антоном и проделали.

Пока они перебирались, трухлявый ствол скрипел и чмокал. А под конец даже треснул и сломался. На оголившейся гнилой древесине заползали и личинки, и жуки, и прочие сапрофиты, сгрызающие покойную ель. Теперь путь назад был отрезан, по крайней мере символически. Но назад, собственно, и некуда было возвращаться — разве что на обед к лесным чудовищам, дабы торжественно превратиться в огромную кучу дерьма. Возможно, Антон и не сильно возражал против такого слияния с природой, однако Василий был против категорически.

Оба лесных скитальца направились вглубь огороженной зоны. И прошли не менее километра, прежде чем лес разредился, а потом и вовсе превратился в какую-то чахлую изможденную поросль, состоящую в основном из чахоточных низкорослых березок. На фоне этой скудной растительности все чаще стали попадаться предметы техногенного происхождения, хотя и непонятного назначения. Балки и прочий стальной прокат, прямой и изогнутый, кронштейны, катушки изоляторов, поваленные столбы, обрывки проводов, барабаны из-под кабелей, а также что-то напоминающее большие тарелки.

— Заброшенная обитель дьявола, — подытожил Антон свои первые впечатления.

— Дьявола по имени Министерство обороны. Здесь то ли ракетная база, то ли вещевой склад. — прикинул Василий, поворошив свои армейские вспоминания.

— Здесь давно никого нет, кроме мелких демонов, копошащихся во прахе.

— Похоже, что это базу законсервировали лет десять назад, — согласился Василий. — Но, скорее всего, где-нибудь меж развалин ютятся десятка два солдатиков во главе с вечно пьяным лейтенантом. Сидят сейчас в неком неприметном сарайчике и

варят суп из старой американской курицы. Варят уже пятый час на керосинке, а курица только лишь пукнула слегка. Может у бойцов и вездеход имеется, на котором нас вывезут к автобусной остановке.

Человек, смертельно уставший от тушенки в саморазогревающихся банках, даже потянул носом воздух.

— Суп — это хорошо, — согласился Антон, — если только не из убоины.

— Для тебя там найдется бульон из кирзового сапога и борщ из портянок.

Антон действительно не ел убитых, зарезанных, растрелянных млекопитающих, жалея молодые жизни меньших братьев — ну если не считать эпизода, когда он поймал и живьем загрыз какого-то зайчонка. Как объяснил напарник: «Эта тварь слишком злобно грызла морковку.»

Двое лесных странников двинулись дальше вглубь зоны, стараясь придерживаться залысины на почве, напоминающей тропу.

Полчаса топанья и лазанья среди всякого металлического хлама, но не обнаружились ни суп, ни солдатики.

Зато мусора стало не меньше, а больше. И этот мусор был каким-то агрессивным, назойливым, он заслонял пейзаж как группа невоспитанных юнцов.

— Ай! — вдруг вскричал Антон, — эта штука вступает с нами в контакт.

Василий и в самом деле чуть было не наступил на какое-то ячеистое изогнутое изделие размером с хоккейную площадку, которое немного напоминало глаз насекомого, тем более, что не лежало на земле, а было наклонено к поверхности. Где-то с обратной стороны «площадки» находился, видимо, механизм, некогда управлявший ей.

— Похоже на локатор, — оценил Василий. — Хотя я таких никогда не видел. Ячея уж больно плетеная. Но только зря вы бздите, сударь мой. Чтобы ни одного человека вокруг и при этом бы такая рухлядь работала — такого не бывает.

— Она действует, — сказал Антон. — Я и так чувствую, а ты хотя бы поднеси руку.

Василий нехотя согласился… и уже на расстоянии полуметра ладонь почувствовала напряжение воздуха, и волоски на тыльной ее стороне потянулись, расправляемые какой-то силой. А ближе поднес — началось и покалывание. Причем с поверхности кожи сила проникала вглубь, как бы изучая начинку тела, словно даже струясь по его канальцам.

— Вот зараза так зараза! — Василий чувствовал, что кабы не

экстраморфин он бы сейчас запаниковал, поэтому попробовал выразить свое отношение в логичных фразах. — Похоже, какие-то курваки сейчас сидят под землей и вовсю нас изучают через перископы-телескопы. А весь хлам, что навален на поверхности земли, служит для маскировки, для активного засирания глаз, потому что расположенный здесь объект жутко секретный… Кажется, мы немного влипли. Единственная радость, что этот локатор, может, не распознал нас еще как людей, поэтому давай тикать отсюда на четвереньках.

Скитальцы юркнули в трубу немаленького диаметра, быстро проползли по ней, потом пробежали под какой-то сводчатой конструкцией и оглянулись.

«Глаз» развернулся в их сторону!

— Антон, давай налево, там легче будет затеряться среди всякой мешанины.

Но напарник стал вести себя странно.

— Я больше не буду удирать, Василий. Мне кажется ОН пытается общаться с нами. Я не знаю, кто его построил, но в нем есть что-то надчеловеческое.

— Конечно же надчеловеческое, если точнее генеральское, звезднопогонное. Антон, ты не с той штуковиной решил общаться. Это же тебе не баба пятьдесят второго размера. Нас тут выдрючат, высушат и выкинут за колючку. Через пару дней и косточек в наличии не останется, их зверушки разберут.

— У меня нет костей, Василий. Я — проявление Абсолюта. Кости и кожа, и плоть — это мираж, иллюзия, майя.

— А нахрена Абсолюту так проявляться? И когда твоя «майя» заболит или зачешется, это ты кряхтишь и стонешь вместо Абсолюта! Да ты посмотри, что «глаз» вытворяет.

И действительно от вогнутой ячеистой конструкции потянулось что-то напоминающее либо очень густой ветер, либо чрезвычайно разреженный пар. И это сомнительное дело направлялось к путникам по довольно четко очерченному каналу.

Василию сразу стало не до напарника. Он ринулся наутек, в общем-то не очень соображая куда. Из-за экстраморфина он не столько паниковал, сколько полуотключился, однако глаза что-то еще высматривали, нос вынюхивал, уши выслушивали, подкорка мозга бросала тело то туда то сюда, суматошно реагируя на препятствия. Пару раз Василий оскальзывался и чувствовал боль на разбитых губах и ободранных руках. Но и эта боль была какая-то отстраненная. Пару раз боди-комп пытался помочь советом и спрашивал, выводить ли на бимоны имеющиеся карты местности, не повторить ли сеанс спутниковой связи, не поиграть ли сейчас в трехмерные крестики-нолики, не спеть ли.

Потом Василий машинально оглянулся и увидел, что оторвался от «глаза» на порядочное расстояние, по крайней мере, куда больше, чем Антон. А напарника как раз накрывал и захватывал порыв того густого ветра, отчего движения тела и конечностей сразу стали какие-то прерывистые, дискретные. При этом дискретность все более увеличивалась, разные части и члены у Антона двигались по своим особым маршрутам. Он вроде бы разлетался на лоскутки, словно рисунок в детском калейдоскопе. Только струйки крови, напоминающие длинные тонкие веточки, и порванные струны сухожилий явно не соответствовали детской игрушке. «Глаз» как будто изучал Антона при помощи полного разъятия. И кончилось это тем, что от напарника остались лишь какие-то конфетти, но и они быстро превращалось в набор геометрических точек.

«Полное растворение, — автоматически подытожил Василий, — он получил то, что хотел. Но я-то всегда требовал другого, это должно ведь учитываться.»

Когда «глаз» стал разворачиваться в его сторону, то уже нашлась какаято полуразрушенная канавка с гниющей жижей на дне. Василий соскользнул в нее и пошлепал, стараясь пригибаться как можно ниже. Однако, над головой неотвратимо возникло и быстро сгустилось марево со странными оптическими свойствами — оно вроде бы состояло из множества газообразных линз. Воздух был пошинкован на отдельные объемы, одни из которых как бы раздулись и стали тугими, словно буфера молодой красавицы, другие наоборот съежились и провисли на манер старушачьих сисек.

Марево опустилось и рассекло самого Василия на отдельные странно смотрящиеся куски — получившаяся картина смахивала на совместное творчество Сальвадора Дали и Пабло Пикассо. Но при том полная анестезия, никакой боли. Чудом сохранившимся зрением Василий видел, как пролетают, кружась, руки, ноги, гирлянды кишок, уши — все они были измененных форм и размеров. Безобидная такая расчлененка, похожая на карусель. А потом они упорхнули прочь и Василий на мгновение остался в пустоте, странной, промятой складками, рассеченной прожилками как мрамор. Все несущественно, все пофиг — только такая мысль осталась при нем, но даже она слабела.

Время отделилось от него и стало несильным ветерком. Он висел, затухая в пустоте, пока вокруг не зароились вдруг другие части другого тела. Вскоре уже Василий воплотился в новую форму, которая приспособлена была жить там, где нет человеческих дорог. У него появились челюстеруки, два панциря, передние и задние хвосты, бахрома отростков, три пары тонких

длинных лап и родина под лиловым небом…

В какой-то сверхположительный момент пустота была оттеснена, марево отступило, а вместе с ним и бредовые видения. Неведомый эксперимент закончился. Василий встрепенулся всеми своими членами — самыми обычными, человеческими — и сфокусировавшимся зрением определил, что дренажная канава из открытой стала уже закрытой, то есть над головой появился свод и свет сменился тьмой. Это даже показалось уютным. Да и вскоре забрезжил впереди день — через какую-то сотню метров тоннель благополучно заканчивался.

А когда Василий снова вышел на свет, то увидел поваленную колючку и снесенные каким-то паводком столбы. Пожалуйте на волю, в пампасы. Оставив позади зону, Василий старался ни о чем не думать, но потом в его голове стал заседать дискуссионный клуб, который все-таки пришел к мнению, что это экстраморфин так разлагающе действует на психику. Половина того, что он увидел сегодня, просто — непрекрасные видЕния, наркотические глюки. А что касается Антона, то он просто взбесился и дал деру незнамо куда. Что и следовало ожидать от долбанного индуиста-буддиста-пофигиста.

К концу дня Василий все-таки ступил на болотистый берег озера Горькое. Из его амуниции мало что сохранилось, только вещмешок с универсальной щеткой и миской, в которую нечего было класть. Электромочалка и то сломалось, отчего теперь только лупила током и бессмысленно скакала по спине. Ну и конечно боди-комп накрепко присосался к груди. А еще сохранился пакетик экстраморфина. Его Василий без особого сожаления бросил в воду. А потом без особых колебаний снова выловил и ограничился тем, что отсыпал в озеро половину.

Василий, с трудом двигая ноги (те самые конечности, что совсем недавно, в видЕнии, самостоятельно плясали вокруг него) собрал немного валежника и подпалил его зажигалкой. Улегся на бочок, поджарил на костерке одну половинку своего тела, повернулся и припек другую. Затем успел отодвинуться, прежде чем отрубился от изнеможения и легкого дымного отравления. Снов не было, ни приятных, типа вручения Нобелевской премии, ни поганых, вроде круиза на барже с гробами.

Когда он прекратил спать, то почувствовал, что лучше полежать еще немного без какого-либо движения. Ведь достаточно одной подвижки и сразу все хором заболит, и руки, и губы, и поясница, и желудок, и его брат — кишечник.

Неожиданно он стал вспоминать то, что ему вспоминать не хотелось — один малоприятный эпизод из своей армейской биографии. В армию его призвали в конце 89 года как офицера

запаса. Подобное приключилось лишь с одним его однокурсником и лишь потому, что тот повернут был на оружии и всяких воинственных выкриках. Но мирные люди вполне ловко скрывались от военкомата, несмотря на волны повесток, время от времени заливающих почтовые ящики.

А Василий не стал особо отбрыкиваться, может потому-что поднадоела «тихая» семейная жизнь и тоскливые будни мэнээса во ВНИИ холодильного машиностроения.

Вначале служба равнялась работе в спокойном учреждении, мало отличимом от гражданского, только зарплата была повыше. Но по мере того, как на эту зарплату доставалось продуктов все меньше, работа становилась все более неспокойной. Кончилось это переброской в южные края, под Моздок, в одно малопонятное инженерное подразделение. Вскоре Василий первый раз услышал как свистят пули, и понял, что свистнувшая пуля уже не опасна.

А потом настал день, когда центральная власть, закусав сама себя, рухнула. После этого прошло совсем немного времени, и Василия вызвали к командиру полка.

У того в штабе уже находилось пять человек. Трое из них были обыкновенными верзилами из разведроты. Четвертый выглядел довольно интеллигентно, вроде как военный переводчик. Пятый…

Несмотря на то, что этот офицер был всего лишь капитаном, он производил впечатление заводилы. Ни тебе косой сажени в плечах, ни других внушительных габаритов, но в каждое движение вкладывал он несколько больше силы чем надо, вроде как от переизбытка энергии. Рослый красавецполковник рядом с ним смотрелся невыразительно и блекло. Василий понял, что за капитаном стоит кто-то большой, солидный, который собственно и сколотил всю эту группу для неких своих нужд. И еще. У этого офицера были не вполне нормальные глаза. И хотя изъяснялся он спокойно, даже вежливо, по шизоватым гляделкам и той самой напружиненности, можно было догадаться, на что способен этот фрукт.

— Вася, — сказал полковник, — тебе два месяца до дембиля.

— Так точно. И желательно их прожить так, чтобы дембиль все-таки состоялся.

— Сходишь на задание, и я тебя отпускаю. — посулил полковник. И вновь прибывший капитан Лялин не забыл «утешить»:

— В конце концов, это просто интересно. Гарантирую, что вы будете вспоминать об этом всю оставшуюся жизнь. Вспоминать, но не рассказывать. Договорились, старший лейтенант?

Все это звучало жутковато, и стало ясно, что понятия об

интересном у капитана и Василия совершенно различны. Но старший лейтенант был настолько загипнотизирован волевым излучением товарища Лялина, что не посмел забить болт на распоряжения начальства. Василий вяло промямлил, мол, слушаюсь и повинуюсь, я — ваш, хотя звенели в ушах колокола и напоминали о том, что он опять стал клизмой в чужой заднице.

Клизмой не клизмой, а такой, как капитан Лялин, такого как старлей Рютин, всегда поломает. Или психически, или физически. Именно на этом власть держится, а не на каком-то мифическом «присвоении прибавочной стоимости».

Василия прохватила медвежья болезнь, но уже через час пара рослых солдатиков вынесла его чуть ли не с горшком из белокафельного убежища и швырнула с размаху в БТР. Может старший лейтенант и там бы попросился справить нужду, но тут вся разведгруппа пересела в вертолет.

Бойцы расселись вдоль бортов и стали точить лясы, крепкими руками машинально ощупывая затворы и магазины. Оружия у них хватало, а вот умаразума — нет. Как и Василий, они не знали задачи, однако не испытывали томления духа и позывов к дефекации.

Ночью вертушка высадила разведгруппу в горах, и группа шла до рассвета. Затем целый день просидела в щелях и расселинах. И снова ночной марш-бросок по сложно пересеченной местности — Василий маршировал в полуотключке, слыша только свое хриплое дыхание и цепляясь взглядом за уверенную спину капитана. Наверное, помогало и то ширево, которым его снабдил приятель-медик — иначе как уж хиляку-интеллигенту не сдохнуть на дистанции.

На каком-то привале капитан Лялин наконец признался, что их задача — отбить какую-то реликвию у боевиков, причем отнюдь не красное знамя полка. Затем он дал еще одну информацию к размышлению, когда скинул ненадолго куртку — Василий заметил татуировку у него на предплечье. Непонятный шаманский орнамент. Впрочем,угадывалось сходство с каким-то щитом азиатского типа.

Разведчики на странный характер боевого задания отреагировали нормально. Реликвия так реликвия. Василию захотелось поискать у бойцов панели управления на позвоночниках; этим «киберам» можно было поручить нападение даже на мусорный бачок.

Ребята из разведроты все были головорезами, так что их действия при столкновении с противником вполне предугадывались. Переводчик говорил, казалось, на всех южных языках. Кстати он шепнул по секрету, что у капитана сибирский

говор. На Василии же лежало всякое оборудование, тепловизоры, лазерные дальномеры, закрытые каналы связи, устройства спутниковой ориентации, рация и, естественно, боди-компы, которые тогда назывались совершенно иначе. Шел 1991 год, и эти приборы были окутаны трехслойным ореолом тайны. Главной изюминкой боди-компов были, конечно, бинокулярные контактные мониторы, кратко бимоны. Они тогда занавешивали полморды на манер маски аквалангиста и вообще придавали инопланетный вид. Кроме того они накладывали на «живое» изображение местности тепловой рисунок, увеличенные фрагменты, измерительные знаки. Оставалось только пожалеть, что с такой штукой нельзя пойти на дискотеку.

В конце второго ночного перехода разведчики оказались на скалах, зависающих над каким-то горным аулом.

— Там, — махнул рукой капитан Лялин, — находится то, что нам нужно больше всего. Рютин, не оплошай, а то съем.

И разве не ясно, что в самом деле съест — хищника видно по ухмылке. Василий, унимая дрожь в руках, начал съемку местности инфравидеокамерой, перебираясь по узким скальным карнизам. Снимки укладывались в память боди-компа, чтобы в конце концов стать интегральным изображением объекта под названием «аул Очхой».

Успешно закончив свое дело, Василий морально несколько окреп и поинтересовался насчет так называемой реликвии:

— На что хоть ОНА похоже, товарищ командир? А то мы схватим, к примеру, ночной горшок вместо бутылки «ркацители».

Тон был шутливый, но получилось дерзковато:

— Именно я возьму ЕЕ, и больше никто, — жестко рубанул командир.Остальным ОНА не по зубам.

Зубастый наш капитан, зубастый. Да еще жилы веревками под кожей ходят.

— Но мы все не вечны, что особенно заметно при исполнении ответственных заданий, — стал спорить Василий, хотя чувствовал себя неуютно. — А если с вами что-нибудь случится?

— Тогда вы все возвращаетесь на базу.

И Василию тут пришло в голову, что если капитан отыщет свою секретную штуковину, то, не исключено, попробует вернуться на базу один, без дорогих боевых товарищей. Возможно такая мысль посетила и переводчика, который довольно неприязненно посматривал на своего командира. А тот — умный, хитрый, сильный зверь, да и только. И все чисто человеческое, всякое там хныканье, нытье, смятение сердца и томление духа — ему чуждо.

Командир, как обычно, решил пропустить дневное время, и

уж потом активничать. Василий протиснулся в щель меж двух глыб, сжевал шоколадный батончик, начал подумывать о «наркомовской» дозе, которая могла избавить от мрачных размышлений на тему близкой геройской смерти, как вдруг на него уставился капитан Лялин. Смотрит своими ненормальными гляделками то ли расфокусированно, то ли насквозь, и молчит. Чтобы прервать затянувшуюся паузу, Василий справился:

— Товарищ капитан, а правда, что вы из Сибири?

— Это тебе наш толмач сообщил? Догадливый гад, — произнес капитан Лялин таким тоном, что Василий испугался за судьбу переводчика. — Да, из Сибири я, браток, привык со снежными бабами трахаться. Так вот, у нас есть один генерал, который может поставить верх тормашками твой Эльбрус. Боевой мужик, нестарый еще, но у него за плечами и Афган, и Ангола, и ОАР, и Вьетнам, и Чехословакия, и Венгрия. И никому он еще не просирал. А сколько раз он меня из дерьма вытаскивал! Но вот когда он служил на Кавказе, у него местные паскудники уволокли одну вещь. И сейчас ее надо вернуть.

— Вещь? — Василий с тревогой оглянулся, опасаясь, что еще кто-нибудь услышит. — Нашу группу послали на боевое задание, потому что у какого-то начальника свистнули ридикюль с пачкой сторублевок и упаковкой презервативов?

Сказал это Рютин и поежился, опять дерзковато получилось.

— Ничего, ничего, юмор я оценил. И не бойся, что нас кто-нибудь услышит, — капитан как-то по звериному улыбнулся-ощерился. — Один ты слышишь и никому, конечно, не передашь. Понимаешь, мой командир не псих какой-нибудь, у него голова Ньютона, а кулак… ну как у Рэмбо. Если генерал говорит, что это важно, значит, важно.

Василий пытался собрать свои мысли. Наконец появилось какое-то соображение.

— Магия, может быть?

— А мне пофиг. — беспечно отозвался капитан по этому поводу. — Если надо, значит надо.

Василий с огорчением подумал, что ЭТО требуется какому-то генералуминералу, ну может быть еще капитану-шизику, но отнюдь не разведгруппе, даже если там поголовно дуболомы. И песня у Лялина все та же: пятилетку за три года, собаку Лайку в космос, красный флаг на Луну, пятьдесят олимпийских побед на одну страну. Надо, понимаешь, надо, хоть под ногами кто-то хрустит и пищит, а задница — голая.

— Что же все-таки это, товарищ командир?

— Еще увидишь… Ты ведь вместе со мной за ней пойдешь — на тебя звезды указали, ха-ха.

Действительно забавно, к тому же одна минута смеха заменяет стакан морковного сока. Пустить Рютина повоевать — это так же смешно, как заставить бабку-пенсионерку прыгать через забор.

Товарищ командир удалился, а Василий впервые пожалел, что не родился на свет лет на сто попозже, когда генералы и капитаны будут дубасить друг друга лишь с помощью компьютерной игровой приставки, не привлекая к этому делу никого и ничего, кроме программного обеспечения фирмы «Нинтендо».

Когда от солнца остался только нежно-светящийся призрак возле какого-то утеса, командир легким птичьим посвистом подозвал всех и начал повторять то, что уже растолковал каждому в течение дня.

— Косарев и Тупило спустятся вон по той тропе, далее вдоль обрыва прошмыгнут к двухэтажному домику под большим каштаном и спрячутся за сараем… Мухаметшин и Кальнишевский доберутся до противоселевой стенки на повороте дороги и заминируют ее… Рютин со мной пойдет… После всего мы будем отходить по канаве, что тянется левее дороги. Если начнется пальба, Косарев и Тупило работают по огневым точкам противника; а когда я дам отбой по радиоканалу, отваливают в рощу, начинающуюся у северной окраины села. Мухаметшин и Кальнишевский сидят тихо, затем взрывают свою стенку — или по команде, или спустя сорок пять минут. Встречаемся через три часа возле рухнувшего мостика… Тупило, закрой рот, работай носом… Василий, тронулись.

И добавил:

— Говорят, израильтяне — хорошие бойцы. Сейчас одного проверим, не обосрется ли.

И поди объясни, что ты такой же израильский боец, как и Чебурашка. Но уже надо защищать честь родни по папе.

Тепловизоры окрашивали пейзаж в мрачные багровые тона, придавая ему немного марсианский вид. Однако Василий с удивлением отметил, что по мере спуска по склону мандраж убывает и даже не расслабон приходит ему на смену, а охотничий азарт. Еще на склоне начался яблоневый сад. Плоды были здоровенные, налитые. Василий едва удержался, чтобы не впиться в один из них.

— А ну-ка фу, — прошипел Лялин как на собаку. — Помнишь, чем обернулся кусочек яблочка для товарища по имени Адам?

— Выходим на точку «один», — приуныв, произнес Василий.

Это был приземистый измученный жизнью глинобитный

сарай. На компьютерной карте за ним показан был большой террасчатый двор.

Капитан подсадил Василия на крышу сарая, а потом забрался сам — легко и непринужденно. Здесь он прицелился из короткоствольного АК-74УБ с глушаком и мигом уложил собаку, которая не успела как следует залаять метрах в двадцати от них.

Они спрыгнули во двор и пошли на полусогнутых вдоль грядки со спелыми томатами. Лазерный дальномер выдавал на контактные мониторы уменьшающиеся расстояния до грубой каменной кладки.

— Выходим на точку «два», — озабоченно рапортовал Василий, который все хотел утратить мужество и сдрейфить, но всякий раз заряжался уверенностью от моторного капитана.

Точка «два» была оградой, которая отделяла один двор от другого. Причем с нее разведчики сразу попали на наклонную крышу какой-то сакли. С крыши они спрыгнули на веранду второго этажа. Внизу шумел довольно густой сад, а на нее выходили темные окна просторной комнаты. Тепловизоры отмечали, что там кое-кто есть — на низком топчане лежало явно человеческое тело небольших габаритов.

— Старичок или подросток. Как же нам выйти выйти на точку «три», если он в тылу останется? — сказал Василий, не в силах разрешить проблему.

Однако та была решена легко, хотя и не старлеем Рютиным.

— А вот так.

Капитан Лялин просунул дуло в открытую форточку, нажал на спусковой крючок, отчего тело на топчане коротко дрогнуло и замерло. Из-за этого «окончательного решения» Василий почувствовал вкус желчи во рту и испарину на спине. Командир тем временем просунул руку в форточку и, дернув задвижку, открыл окно изнутри, после чего влез в комнату. За ним последовал и взмокший Василий, каждое мгновение ожидая, что с жутким воплем тело восстанет с лежанки и стиснет его в своих кровавых объятиях-тисках.

Капитан, впрочем, открыл лицо застреленного человека. Абсолютно мертвая старуха. Василий со стыдом осознал, что ему полегчало и он вполне одобряет слова командира: «Ну, этой-то жаловаться не на что. Все равно помирать пора.»

Василий хотел еще прикрыть труп ковриком, но тут капитан нашел лестницу, ведущую вниз, и нетерпеливо поманил.

Ступеньки проявили свою враждебность громким скрипом. Однако враг по-прежнему дремал. Разведчики спустились на первый этаж и оказались в просторной безлюдной комнате, залепленной коврами. Чего тут только не было: на стенах

сплошняком висели сабли, щиты, колчаны, даже хоругви с вышитыми сурами, на полках стояли густыми рядами кувшины, кубки, блюда, кальяны и шкатулки.

— Вот она, — произнес капитан Лялин. Василий уже понял, о чем идет речь.

Одна из сабель выглядела не такой, как все. Без эфеса, головка не украшена самоцветами, а рукоять не инкрустирована золотом, но… Клинок был необычайной для Кавказа формы и расширялся книзу. Во-вторых, он источал какое-то пульсирующее, почти неуловимое сияние. Из-за этого призрачного сияния немножко плыли очертания комнаты и ближайших предметов. К тому же и лазерный дальномер давал переменную ошибку при определении расстояния до сабли. В третьих, помимо сияния чувствовалось и какое-то напряжение, исходящее от чудо— клинка, и, кстати, не только от него.

— Это вещь так вещь, «меч-кладенец», прекрасно понимаю генерала,отметил капитан Лялин и уверенно направился к реликвии.

— Стойте, тут херня какая-то проклевывается, — Василий заметил, что различимые в инфракрасном диапазоне струи тепла потянулись из разных углов комнаты и даже из подпола к товарищу капитану. В тоже время расстояние до клинка увеличилось, это показал и лазерный дальномер. Реликвия словно поплыла в сторону от советского офицера.

Еще мгновение — и сабля оказалась в руках у какого-то человека, который словно вышел из стены. Василий увидел в своих бимонах, что его лицо разукрашено сеточкой прожилок, которые были градусов на пять холоднее тела.

Командир чуть попятился, наводя свой бесшумный автомат на третьего лишнего. Но за мгновение до выстрела человек словно бы растекся, исчез в одном месте и появился в другом — сбоку от капитана Лялина. Василий выпустил во врага очередь из своего АК-74 именно в тот момент, когда сабля опускалась на сибиряка. Человек замерцал и снова исчез, но по тяжелому сдавленному дыханию командира стало ясно, что он ранен.

— Все, Рютин, хрен с саблей, — произнес он еле слышно, — Двинулись на точку четыре.

Василий подхватил капитана Лялина и потащил из дома. Тот, судя по всему, мог орудовать только правой рукой. Но орудовал он ей отменно. Когда разведчики оказались в саду, по ним стали стрелять с обоих этажей. Из дальнего угла сада тоже. И тогда сибиряк засадил в дом гранату.

Граната была мощной. Под действием горячей и плотной ударной волны голова Василия сильно зазвенела и перестала

здраво рассуждать. Он видел возникающие там и сям фигуры, быстро брал прицел, опережая целеуказатель бимонов, и бил короткими очередями. Над головой проходили трассы с довольно неожиданных направлений. Это, возможно, поддерживали Косырев и Тупило, хотя их «поддержка» носила по прежнему морально-психологический характер.

Капитан висел на левой руке тяжеленным мешком, хотя продолжал метко садить из своего автомата. Ему удалось срезать пулеметчика у ограды. А за ней должна проходить та самая дорога с вожделенной дренажной канавой. Там Косареву и Тупило будет легче прикрывать отступление.

Однако в десяти метрах сзади, как будто из облачка теплого пара, возник воин с саблей. Да что там возник — вырос как диковинный цветок из одной точки. С помощью своих тепловизоров Василий хорошо видел клинок — тот был похож на язык пламени, только не колыхался, не дрожал.

— Этот приставучий гад за мной увязался, — севшим голосом шепнул капитан. — Ладно, поквитаемся. Ты беги, Василий.

— Да сдался он вам, сейчас я этому настырному яйца отстрелю.

— Все, вали отсюда. Это я тебе приказал. Но помни, теперь мое задание становится твоим. Ты парень не дурак и рано или поздно сообразишь, что к чему.

Конечно же, плюет на смерть командир. Да и не знает он, что это такое: может, вечнозеленая лужайка, где преставившиеся гуляют под ручку со святыми… первый круг, второй… миллион второй.., может, бесконечное построение полка с награждением отличившихся и неугомонным рявканьем: «Служу Советскому Союзу», может… А вот враг-паскуда вполне знакОм капитану Лялину: ну подойди только ближе, кадык выдерну и пасть порву.

Даже не со страха, а от осознания своей новой не слишком понятной роли Василий бросился к ограде сада, оставив командира наедине с воином сказочного вида и сказочного образа действий.

Когда лейтенант Рютин перелезал через ограду, то заодно наблюдал страшную сцену.

Воин наносит клинком кроящий удар, однако в руке у капитана Лялина — граната. Сабля входит в тело сибиряка, отваливая ему руку с плечом вместе, из скривившегося рта вылетает теплая струйка… И почти одновременно — взрыв, летят ошметья, уносится чья-то кисть с торчащей костью и сабля.

В этот миг ее холодное сияние было настолько сильным, что его бы заметили и за пятьдесят километров. У Василия появилось желание вернуться и поискать чуднОй клинок. Впрочем, желание

было не слишком острым, и он быстро превозмог его, тем более что трассирующая очередь гукнула рядом с левым ухом, заставив поджаться все члены тела.

Василий спрыгнул вниз и за оградой стало ясно, что он крепко лажанулся в этой суматохе, не помогла и компьютерная карта.

Благодаря отменной топографической тупости, оказался он не возле дороги, а на соседнем дворе. Тут еще раздался отдаленный взрыв, это Мухаметшин и Кальнишевский вовремя, но совершенно бесполезно взорвали противоселевую стенку на повороте дороги.

Здесь же, как будто, никто не стрелял, но зато весь двор густо зарос виноградом. Василий вскоре потерял всякую ориентацию, он бился в переплетениях лозы, словно муха в тенетах паука. Когда желание бороться уже стало иссякать и осталось сдернуть чеку с гранаты, чтобы не даться врагам в виде пригодном для издевательств, послышался прерывистый шепот:

— Эй, парень. Я слышал ты матюками сыпал. Никак русак?

Василий едва не откликнулся автоматной очередью, но тут сообразил, что голос-то без кавказского акцента.

— Судя по обстоятельствам, я — русак. А ты?

— Я из Ростова. Петр Прошкин. Вначале работником тут был, а потом не отпустили. Стал пахать уже не за деньги, а за то, чтоб морду не били… Я тебя выведу.

Добровольный помощник выглядел не только тощим и кособоким, даже в инфракрасном диапазоне было заметно, что пропечен он солнцем и пропахан работой до глубоких морщин, что свежие фингалы оснащают его физиономию. Выбирать особенно не приходилось. Раб тоже не ждал, он ухватил Василия за рукав и потащил сквозь заросли, потом провел мимо каких-то злопахнущих чанов, втолкнул в дверь сарая, вывел через другую и подвел к месту в заборе, где была сломана жердина.

— Отсюда прямая дорога в лес.

Василий глянул вдаль — похоже на то.

— Давай со со мной, мужик.

— Да куда я такой скудный приду? Родне одно расстройство. Да если я раньше не особо им приятен был, то, что уж говорить сейчас… Петр Прошкин я. Прощай.

Василий почувствовал, что не может потратить на уговоры ни одной лишней секунды, иначе просто сердце вылетит изо рта и само припустит по дороге. Мужик-то не тертый-жеванный, а протертый-пережеванный, ему уже и не вздохнуть по-человечески — развалится.

Василий выбрался тогда целым и невредимым. Конечно,

сыграла свою роль и бешеная пальба, поднятая сотоварищами. В девяносто первом джигиты еще не так были привычны к ночным дракам. Однако Косарев так и не вышел из боя. А при подрыве противоселевой стенки на повороте дороги осколком камня резануло переводчика Кальнишевского, и горцы, догнав его по кровавом следу, покромсали кинжалами. Об этом позднее, при встрече у рухнувшего мостика, рассказал Мухаметшин, который все видел, но не имел права вернуться. Как казалось тогда Василию, три человека погибли ни за что, а если добавить еще ту старуху, то и все четыре. Впоследствии он не любил ни рассказывать, ни даже вспоминать этот эпизод за его бессмысленность и непонятность, пусть и хотел порой блеснуть перед какой-нибудь дамочкой.

Еще он боялся, что за старуху ему придется ответить перед какой-то высшей или низшей силой, собственно из-за этого он и начал набираться экстраморфина регулярно.

Зарубка 2. (там же) «Удар третьей рукой»

Василий переправился через озеро даже не на плоту, а на полусгнившей коряге. На большее у него не хватило бы последних сил и желаний. Во время «паромной» переправы ноги пассажира оставались в воде. Это было удобно, потому что пассажир по совместительству являлся и двигателем. Можно было грести в самом нужном направлении. С другой стороны организм не справился с переохлаждением и быстро пал в объятия простуды. Так что в Камышинском Василий Самуилович появился с температурой, весь в соплях, нос работал, как неисправный кран.

Дядя Егор встретил его еще на тропе, ведущей мимо деревни, и сразу признал, несмотря на то, что не виделись они с тех пор как у Васеньки прорезались клыки. Ехал Е.Рютин на телеге с лошадью, так что доставил на хату с ветерком и уложил поближе к растопленной печке, из-за которой высовывали свои рыжеватые мордочки нелегалы-грызуны.

Дядя не только признал племянника, но и стал потчевать всякими отварами да наварами, из которых особенно запомнился суп из молодых мухоморов и кислой капусты под водку. Из-за такого лечения-кормления Василий вообще света белого не видел. У него сразу поплыло перед глазами и показалось, что температура тела подскочила минимум до ста градусов. Затем все залило вдруг ярким светом, и больной почувствовал, что испаряется. Однако моральных мучений никаких: полностью выложился на дистанции, показал себя настоящим спортсменом и джентльменом.

К утру температура исчезла, почти полностью: и лишняя, и необходимая. Василий не только охладел, но вдобавок высох; само собой, от соплей и следа не осталось, также как от слюней и других внутренних жидкостей. Больной, в целом, тоже как будто съежился. Даже кожа потемнела и заморщинилась.

— Это поправимо. Много — не мало, — изрек дядя Егор и притащил ведро кваса, который был тут же выпит. Из-за этого бывший больной раздулся и покрылся отеками.

— Понятно, что оказался ты здесь не от хорошей жизни, поэтому привередничать не будешь, — приговорил дядя Егор. — И меня сюда кривая да нелегкая вывела. Батяня мой срок тянул под Красноярском. Освободился в 56 без права проживания в крупных городах, вот и осел по дороге к Уралу. Камышинское тогда побольше чем сейчас раз в пять было: и ссыльные, и местные тут ютились. Но затем, кто смылся, кто помер. И зря, кстати. Здесь тоже хорошая жизнь обнаруживается безо всякого телескопа. Выпить — всегда пожалуйста. Выйти с голым задом в огород — выходи, и никто выговора не сделает. Бабы — вот тебе нате, от пятидесяти до девяноста лет, любых размеров, и даже жаниться не обязательно. Так что тебе не придется здесь кручиниться.

Первые два дня кручиниться в натуре не пришлось. Рыбалка, грибочки, охота на призрак зайца, деревенские жирные харчи. Вечером яблочные вино и самогон на сон грядущий. Была, правда, странность одна, причем малоприятная.

Во сне постоянно ощущалась теснота. Будто нет у него ни ручек, ни ножек, только два хвостика… и большой голодный рот, и адская пустота в животе, и скудный умишко. А вокруг еще сотни таких голодных ртов и хвостиков с ядовитыми иголочками на концах. И надо постоянно сновать, ползать, дергаться, увиливать от ядовитых иголок и сосущих-грызущих ротовых отверстий. И самому разить-колоть и кусать, впиваться, грызть, сосать, размачивать едкой слюной, потому что голодно, голодно и тоскливо. А потом еще стало холодно и страшно — он словно прорвал какую-то преграду и из теплой, теперь уже уютной полости вылетел в огромный и страшный мир. Он был крохотной тварью, маленькой пиявочкой-козявочкой, которую носят бурные потоки и разят мощные заряды, которую всасывают огромные водовороты и сбрасывают высоченные водопады.

И при том Василию все тяжелее было просыпаться. И даже когда просыпался он, то впечатление большой уязвимости и уносимости сохранялось. Так что он порадовался тому, что не развеял целиком пакетик с экстраморфином. Доза, как всегда помогла. Конечно это снадобье может снова повернуть мозги, но

они и так повернуты, так что получится полный кругооборот.

На третий день Василий проснулся с ранья. В рассветных сумерках комната колыхалась перед ним, словно морская волна, готовящаяся схлынуть. Даже цвет у нее был какой-то необычайный, ультрамариновый.

Когда он потер ладони, те показались какими-то влажными даже намыленными. Василий встал с кровати, зажег керосиновую лампу. Посмотрелся в зеркало, висящее над тазом для умывания. И его передернуло от отвращения — на шее, груди и спине появились какие-то удлиненные красноватые вздутия. Глазные же радужки же с чего-то порыжели.

— Что за говно, — горло перехватило, и слова получились какими-то сдавленными, шипящими. Не «говно», а «гуанооо». Так могла бы говорить рептилия.

Василий судорожно сжал пальцы в кулак и почувствовал мокроту на коже. Так и есть — из-под ногтей сочилась слизь.

Нехорошо сделалось, гадко. Взгляд как будто мутью заволокло. Из-за этого все вокруг стало немного ненастоящее, словно бы нарисованное. Просто ширма какая-то. Ширма к тому же еще потрескалась. И в трещины просачивалось некое сияние — как будто где-то там, за ней, светил яркий день.

Но дальше — больше. Совершенно неожиданно Василий осознал, что комната — это всего лишь крохотная норка в том месте, где слиплись четыре протяженные поверхности. А пара дырок, затянутых фанерой и мутными стекляшками, что называются окном и дверью, собственно никуда не ведут. И совершенно удивительно, что такая примитивная замкнутая клетушка, где и дышать невозможно, сумела стать жилищем.

Василий выскочил из дома. Но ощущение замкнутости и тесноты осталось. Весь утренний пейзаж был похож на разрисованную ширму, которая заслоняла от взглядов БОЛЬШОЙ НАСТОЯЩИЙ МИР.

Приехали. Надо было мчаться из Питера за тысячи километров, с великой прытью удирать от всяких мелких хлопот и неудач, чтобы, в итоге, поиметь одну большущую просто афигенную хлопоту.

Что произошло? Наверное, его поразила какая-то гнусная болезнь, объединяющая чуму и шизофрению. Конечно же, смертельная. Достойный конец неудачника. Поучительный финал грешника. Теперь Василий мог оценить все этапы своей бесславной биографии как ступени лестницы, неотвратимо ведущей вниз. За всю жизнь ни одного подвига, достойного восхищения и аплодисментов, ни одной подлости, заслуживающей народного возмущения — сплошная серятина.

В шестнадцать лет, когда он впервые улегся в раскладушку с девушкой сорока годов, он постеснялся снять штаны. Ему показалось, что семейные трусы придадут ему антисексуальный вид.

После этого близкое знакомство с противоположным пОлом было отложено на несколько лет — что положило начало комплексу неудачника.

Там случилась и другая история. Как-то с будуна, уже без штанов, пошел он кипятку налить, и неловкая рука смахнула кипящий чайник. Из-за этого кое-что, находящееся ниже пояса, почти что сварилось. Комплекс неудачника получил дальнейшее развитие.

Пока ошпаренный член тела довольствовался малым, Василий искал применение своим интеллектуальным силам. Учеба в замшелом ВУЗе и работа в унылом ВНИИ не слишком захватывали его, поэтому он начал лепить, ваять, играть, петь, предаваться экзотическим религиям, даже писать (с ударением на последнем слоге). Последнее, как казалось ему, получается лучше всего, поэтому он сочинил пять романов, которые немного погодя отыскали и издателя, и кое-какого читателя.

Когда ошпаренный хрен наконец восстановился в правах, то писатель В.Рютин мигом стал добычей агрессивной искательницы сексуальных забав, у которой были друзья-рэкетиры, каковые потом попросили заплатить за использование женщины по прямому назначению. За ней была череда ночных пташек, они охотно сближались с молодым автором, но от них не было никакого прибытка кроме убытка. В итоге чресла поразила болячка по имени prostatitis chlamidiae, губящая и изводящая живчиков. Последним усилием воли Василий заставил себя жениться и произвести ребеночка — сына Сашу.

С тех пор прошло двенадцать лет — лет, в течение которых почти каждый из зеленого, пухлого, подающего надежды юноши-здоровяка превращается в серого никому не интересного желчного субъекта с учащенным мочеиспусканием и сердцебиением. В персональном случае Василия Рютина он вдобавок еще обратился в отвратительного Змея Горыныча.

Давно растаяли вдалеке аплодисменты читающей публики, давно здоровый стул сменился бесконечной драмой, состоящей из запоров и поносов, давно все интересное стало скучным, давно деньги перестали капать с неба, давно жена стала грымзой, давно ребенок сделался аллергиком и двоечником.

Единственным плюсом, которым Василий пока еще обладал, была вера в свое предназначение. Он верил, что с ним рано или поздно произойдет что-то необычайное, придающее немеркнущий

смысл всему дурацкому жизненному пути, что его незавидная биография окажется лишь хитроумной прелюдией к героическому будущему, что когда-нибудь на его могиле вместо покосившейся таблички с нелепо процарапанной рожей встанет бронзовый красавец с земным шаром в руках. И на граните будет высечено: «Василию Рютину — благодарные потомки.» Или. «Прадеду — правнук.»

Собственно, на это намекали все пять его романов. «Фас, керогаз» повествовал о том, как зловредный разум из одной доброй старушкикибернетика перешел в ее усовершенствованный нагревательный прибор и спалил целый город. «Ночные бабочки» рассказывал о том, как стая насекомых, сплоченная коллективным разумом, занималась проституцией и сексом по телефону. «А вместо члена пламенный мотор» — здесь шла речь о том, как одна часть тела, отторгнутая хирургом от остального организма, смутировала в злобную тварь и стала заниматься насилиями в парадных и лифтах. «Прощайте, вы теперь в архиве» — отсюда читатель узнавал, что все мы — лишь игровые программы в каком-то мощном компьютере, причем нелецензионные, и за нами охотится теперь программа-истребитель. «Лекарство от вшей» — тут уж автор изобразил нас как простых паразитов на теле единственного разумного организма, то бишь планеты Земля.

Во всех произведениях за образом главного героя, конечно же, легко узнавалась личность автора. Герой-автор, само собой, одолевал свирепых ненавистников рода людского или примирял человечество с возможными галактическими союзниками. Года три назад Василий начал было свой шестой роман, в котором собирался вывести некую инопланетную антицивилизацию, которая соперничает с землянами за право представлять разумную белковую жизнь на всегалактической ассамблее.

Эта антицивилизация-соперница гораздо более гармоничная, симпатичная и сознательная, и неджентльменские приемы использует только в борьбе с гадами-землянами. В частности, она подсаживает в людей симбиотов, которые могут выполнить любые человеческие желания, управляя пространством и временем. За такие добрые дела симбиот растет внутри человека и соответственно ест его на завтрак, обед и ужин. И, как правило, с последним своим желанием гражданин хороший окончательно превращается в кучу фекалий, оставленных инопланетной гадиной.

И вот сейчас к Василию пришло что-то необычайное, только вместо интересного и захватывающего оказалось оно мерзким и отталкивающим. Тут уж страдалец осознал, что любые тайны

природы, к коим безусловно относится и грипп, и рак, нам вовсе не нужны, если они вредят нашему самочувствию.

Спазмы распространялись по всему телу, тошнота то и дело подкатывала под горло. Багровые вздутия горели и давили. По идее, сейчас надо было срочно ложиться в больницу. Однако его личный канал спутниковой связи был по-прежнему перекрыт из-за коммерческих причин, проводная связь в Камышинском отсутствовала, как и сто лет назад, а единственный радиотелефон не работал, потому что его вместе с деревенской телефонисткой поразила то ли молния, то ли случайно залетевшая тактическая ракета. На следующей неделе деревня ожидала прилета геологов на вертолете. Но ученые бородачи могли пролететь и на сто километров левее или правее.

Кто-то осваивал Марс, где-то скрещивали арбуз с тараканом, кому-то приспичило выращивать на грядке мозги вместо капусты, кое-кто обучал машину реагировать на шутки бодрым смехом без всякой подсказки, а в Камышинском все было глухо, как встарь.

Из всех нововведений могли случиться только исламские террористы с автоматическими гранатометами и ракетными кассетами. В последнее время моджахеды любили захватывать забубенные глухие деревни, чтобы, в ходе последующего боя за освобождение, те были бы дотла уничтожены федеральными войсками.

До полудня Василий просидел в нужнике, скрываясь от всяческих взоров и «наслаждаясь» ароматической симфонией выгребной ямы. При нем было зеркальце от бритвенных принадлежностей, которое показывало все более страшные картинки его внешности. Затем сердобольный дядя Егор просунул под дверь сортира ключи от медпункта и посоветовал сходить за таблетками от поноса. Сам фельдшер затерялся на бессрочной рыбалке в среднем течении Оби.

Василий быстро прошмыгнул вдоль кустов в покосившийся сарай с намалеванным на двери красным, вернее бурым крестом — вроде тех что когда-то украшали борта фашистских «Тигров». Здесь в самом деле удалось найти пригоршни таблеток без каких-либо опознавательных знаков, опустошенные бутыли из-под спирта, а также вполне современный сканер с микрокомпьютером и следами жирных пальцев на никелированных поверхностях. Но Василий и не хотел видеть на них свое отражение, он знал, что успел покрыться сеткой подкожных каналов ярко-красного цвета. Особенно богато было с ними на спине, где они сходились в точке, находящейся в поясничной области.

Василий сунул вилку в розетку, ввел код доступа в заработавшую систему (паролем оказалось слово «Петя»,

процарапанное на входной двери), повернул экран микрокомпьютера к себе и стал водить сканером вдоль больного тела.

Через пять минут его просто выворачивало от отвращения. Увидя такое, как не впасть в отчаяние и не завыть волчьим голосом! Компьютер, изучив данные сканирования, выдал на экран отталкивающий рисунок, достойный кисти позднего Босха.

Внутри тела у Василия Самуиловича находилась некая структура с температурой в тридцать градусов — и это несмотря на ярко-красную окраску вздутий. Структура имела вид паука, а если точнее — перевернутой ящерицы. Эта форма явно претила представлениям человека о прекрасном.

Василий какое-то время приходил в себя, а затем, вспомнив, что он мужчина, а также боец ныне не существующей армии, стал мужественно изучать тошнотворное изображение. В структуре явно выделялась головка — приходящаяся на область крестца, и брюшко — находящееся в области нижних спинных позвонков. Хвост этой ящерицы проходил по позвоночнику до головы, УХОДЯ ВГЛУБЬ ЧЕРЕПНОЙ КОРОБКИ, а конечности ее огибали все тело Василия, достигая пупка. Передние же лапы жуткой структуры заканчивался не где-нибудь, а прямо в органе, именуемом для благозвучия пенисом. И самое неприятное — конечности ее хотя и медленно, но шевелились.

Микрокомпьютер с вежливостью бесчувственной машины попросил разрешения внести данный случай в медицинские анналы. В ответ Василия вырвало желчью — в животе давно отсутствовала какаялибо снедь.

Страдалец, позабыв выключить жестокий прибор, вылетел из медпункта, проломил гнилой забор и помчался через поле прямо в лес.

Только, когда он забрался поглубже в чащобу, горло его освободилось от тисков рефлекторного сжатия и из него вылетел звук, похожий на скорбный скулеж добермана-пинчера, которого не выгуливали десять часов кряду.

Эта штука, эта долбаная ящерица в нем навсегда! Такие штуки не рассасываются! Во всяком случае его не станет раньше ее! Она пожирает его изнутри! Он сделался для нее едой и постепенно превращается в кучу говна! Ее не удалить, потому что она оплетает все его внутренние органы и, более того, проникает внутрь их. Во всяком случае, операция будет стоить десятки тысяч долларов.

Сразу же возникли мрачные мысли о волевом прекращении бесславного жизненного пути. Но как это сделать, если первый раз в жизни? Наверное, самый простой суицид — идти дальше и

дальше, пока его не закусают комары или волки… По счастью, пакетик с экстраморфином смирно ждал своего момента в кармане куртки.

Скушал дозу и пошел. Может, спустя час он стал обращать внимание на то, что он видит и чует. Воздух перестал быть равномерно прозрачным, в нем появились какие-то прожилки, складки, он напоминал некие занавески, которые непременно кто-нибудь поднимет.

Воздух, само пространство, как будто был рассечен на отдельные куски, каждый из которых имел собственную жизнь и разыгрывал собственную партитуру. Одни куски казались туго надутыми воздушными шарами, другие — провисшей мотней, одни выглядели страшно тяжелыми, другие — просто пустотой, дырой ниоткуда в никуда.

Одни куски процветали, другие гнили или засыхали, третьи застыли в каменной неподвижности. А по складкам текли струи энергии, быстрые и легкие, резкие и спокойные.

Голубое небо, едва видимое в просветы между крон, находилось в зоне покоя и посылало ровную энергию, как будто даже пело сочным баритоном. Это в немалой степени затягивало, и Василий даже слегка отвлекся от кошмарных мыслей. Пытаясь снова на них сосредоточиться, он остановился у ближайшей ели, но и та вовсю гудела в своем цветущем участке пространства. Весь лес уже воспринимался как довольно слаженный хор, где каждая клетка, каждый сегмент имел свою энергетику, своих обитателей, вел свою партию, где соблюдалась симметрия между цветением и гниением, напором и податливостью, любовью и злобой. Но неожиданно в эту симфонию, подслушанную нечаянным посетителем тайги, вмешалось нечто новое, грубое и постороннее.

Василий пригнулся, прислушался и огляделся, затем двинулся в сторону источника неприятных сигналов. Тяжелый гул и резкий запах узкой струей протек из кустов жимолости. Василий остановился и залег. Причем вовремя. Из кустов показался человек, потом еще двое. Группа немного напоминала охотников, но лишь самую малость.

Да, они, как всякие уважающие себя охотники, облачились в хамелеоновую камуфляжку, но в руках держали не двустволки, и даже не помповые ружья, а автоматические гранатометы со вставленными магазинами на двадцать четыре гранаты и пистолеты-пулеметы «Беретта» с обоймами из ста беспатронных зарядов, то бишь реактивных пуль повышенного радиального действия. Было у них и кое-что, напоминающее две спаренные трубы — пусковая установка и кассета с четырьмя

самонаводящимися ракетами, распознающими цели. По резким «жужжаниям», исходящим от «охотников», можно было догадаться, что у них на уме. Скорее всего они нацеливались на деревню Камышинское.

Василий весь вспотел, ведь до этого он только раз встречался с настоящими врагами, в ауле Очхой. Но тогда старший лейтенант находился под сильным излучением капитана Лялина, а сейчас… Пока что Василий решил ничего не предпринимать. Ведь «охотников на человека» могло быть больше, чем трое… Василий, от нечего делать, решил последить за вероятными злодеями. Занятие это было непростое.

Все трое имели на лицах модерновые таиландские бимоны со встроенными процессорами — каждый размером с очки горнолыжника. Василий когда-то участвовал в проектировании первых отечественных бимонов, кои назывались тогда «универсальный комплект боевого наблюдения», поэтому знал в них толк. «Охотники» обозревали местность с применением лазерных дальномеров и компьютерных видеосканеров, которые выдавали на контактные экраны целеуказание, прицел оружия, общее или секторное телеувеличение, а при нужде — тепловой рисунок с большим разрешением.

Василий понял, что желание просто «последить» может ему дорого обойтись, учитывая мрачную настроенность этой тройки. Но затем ощутил, что терять ему, собственно говоря, нечего — кроме проклятой «ящерки». Ведь с ним случилась трагедия, которая и Эсхиллу не по зубам. Так, может быть, именно сейчас противное и гнусное в его жизни пора преобразовать в прекрасное и возвышенное?

Василий не мог преодолеть скованность, пока не ощутил снова «нарисованность» всего пейзажа, какую-то его ненастоящесть, что, кстати, относилось и к фигурам врагов. Мышцы тут расковались и ему удалось пристроиться чуть правее подозрительной троицы — по счастью растительность была «на его стороне».

Василия заслонял густой боярышник, сам он двигался по рытвине, так что его голова находилась на уровне их ног. Вражеские ноги в противоминных башмаках он видел редко, но чутье не обманывало его — они все время были рядом.

Рытвина вдруг резко завершилась. И закончилась она стволом большой лиственницы, который рос как-то криво, поначалу вообще стелясь по земле.

Дальнейшие действия были не то автоматическими, не то машинальными, выветрились и страх, и задумчивость, забурлило желание действовать, побеждать и наслаждаться победой.

Случился выплеск ярости, полосы на его руках просто загорелись, он почувствовал далекий зов подруги — убить ее было бы блаженством. Но пока он не мог найти ее и это вскипятило всю его кровь.

Василий увидел незримую дотоле складку-"тропу", которая распахнула перед ним дверь и повела прямо на ствол. А справа и слева были «стены», преграды, куда не стоило ломиться. Это казалось озарением — сперва вспышка, затем легкий укол, вздох всем телом, и вперед, как будто к попе приделан реактивный моторчик.

Ноги и в самом деле понесли его прямо на косую лиственницу, а в нужный момент он спрыгнул точно на голову ближайшего «охотника». Правая ступня оказалась на плече у противника, каблук левого ботинка закатал тому прямо в лоб, раздавив походя бимоны. Раздался хруст пластика и возможно даже шейных позвонков. Через мгновение пистолет-пулемет перешел в руки Василия.

Оружие стояло на боевом взводе, поэтому первой же очередью был срезан второй «охотник». Он находился за ветвями кустарника, но гудел как трансформатор, поэтому сразу попался под пули и, брызнув кровью, улегся.

Третий успел укрыться за деревом и уже оттуда ударил из своего оружия. Пули повышенного радиального действия, известные в народе как «ромашки», стали кромсать веточки и срубать сучья вокруг Василия, сужая ему жизненное пространство.

Однако старший лейтенант запаса уже сорвал бимоны со второго «охотника», быстро сориентировался в системе управления оружием. За какую-то секунду совместил перекрестье прицела и целеуказатель, уловивший голову неприятеля. Еще немного и…

Тут Василию пришлось совершать кульбиты и прыжки, удирая от взрывов гранат, самонаводящихся на его тело. Противник погнал его и быстро засадил почти что в топь, однако в итоге… Бежать, по идее, можно было куда угодно, но Василий везде натыкался на какие-то преграды и лишь в одном месте была дверь, причем крутящаяся. Она как будто развернула его и очарованный бегун оказался на некой «тропе», что провела его по мшине. После этого враг, даже отчаянно моргая, уже не мог поймать его в перекрестье прицела. «Охотник» стал «добычей». Василий даже и не видел террориста, однако чуял его, воспринимал вполне продуктивным образом.

Их соединял канал, воспетая поэтами незримая нить, может даже струна, которая вся звенела от напряжения.

Компактный пистолет-пулемет благодаря бимонам и реактивным пулям стрелял как снайперская винтовка Драгунова, только без той отдачи и со скорострельностью 1200 выстрелов в минуту. Надо было за пару секунд, пока враг не опомнился,

закрыть пулями участок в десять квадратных метров. Именно там находилась живая мишень, соединенная с Василием звенящим каналом. И во врага, потенциально угрожающего деревне Камышинское, из девяноста выпущенных зарядов попало-таки три.

Василий побежал к нему вдоль струны как музыкальная нота и увидел, что этот, в отличие от тех двоих, явно уроженец кавказских гор. Но едва потянулся обыскать труп, как из чьей-то пусковой установки стартовала «умная» ракета. И, конечно же, она стремглав помчалась именно к Василию Самуиловичу.

Целеуказатель успел «захватить» ракету, рука прицелила пистолетпулемет, а палец нажал на кнопку огня. Ствол выпустил целую тучу пуль и ракета была подорвана в воздухе, став яркой вспышкой. Но Василий знал, что в кассете еще три ракеты. А в боеголовке каждой ракеты три независимые системы наведения: на тепло, на звук и образ. Может, это было избыточно для поля боя, но для леса — в самый раз. Тем более, и очередной противник пока был плохо различим и мог спокойно выпускать свои реактивные снаряды, дожидаясь попадания в «яблочко».

Василий услышал нарастающий трубный звук, это приближалась ОНА, четко отличая его образ от облика деревьев и кустов. «Ну все, абзац», — произнес он прощальное слово и словно провалился куда-то, как будто в яму ухнул, правда вела она не вниз, а вперед. В один прыжок, похожий на падение, он преодолел десять метров, однако горячая стена взрыва успела двинуть его сзади и заставила перекувырнуться три раза. Двинула, но не прикончила. Впрочем, Василий чуть не сломал позвоночник об какую-то толстую ветку и, хрипло выдохнув, шмякнулся на ковер из мха возле здоровенного пня. Чуть левее — и смахнуло бы полголовы.

Не пролежав и десятой доли секунды, он кинулся бежать. С одной стороны, он явно не выбирал дороги, потому что ветви лупили его со всех сил и по физиономии, и по животу, и по ногам; очень скоро он почувствовал на губах солоноватый «морской» привкус крови. С другой стороны, за это время разорвалось две ракеты, но где-то вдалеке. Значит бежал Василий все-таки по тропе, ведущей в правильном направлении: он почти скользил по ней, но при том еще тратил силы на то, чтобы она существовала. Он как будто раздувал ее — она держалась за счет его дыхания.

Через пару минут Василий оказался у тела первого сраженного им недруга. Теперь тот был стопроцентным покойником, так что не возражал, когда у него позаимствовали автоматический гранатомет.

Затем доступная одному лишь Василию складка, узость между двумя преградами, втянула и повела его вверх по сучкам лысоватой сосны. Василий и враг номер четыре увидели друг друга почти одновременно, но если гранатомет стреляет сразу, то ракетной установке требуется крохотное время, чтобы сообщить боеголовке, изменилась ли кодовая таблица распознавания цели.

Граната долетела раньше, однако в тот момент, когда она взорвалась, ракета уже покинула трубу пусковой установки.

Василий разжал руки и полетел вниз с высоты десять метров. В какой-то момент этого недолгого полета ему показалось, что он напоминает шишку, что красные вздутия на его коже превратились в жесткую встопорщенную чешую. В момент столкновения с землей на него пролился огненный дождь и стали падать горящие стволы деревьев.

Потом была пауза — полная отключка. Первое, что Василий ощутил в новой серии своей жизни — это был запах гари от его тлеющих штанов. Он поднялся и очень удивился тому, что цел. Не только на штанах, но и на курткештормовке были дыры, сквозь которые виднелась покрасневшая кожа и… «конечности ящерицы» — сейчас они были синими и, кажется, выделяли слизь. Спасительную слизь. По крайней мере, ожоги почти не терзали его болью, не вздымались пузырями. А как насчет ушибов? Бывает, что свалишься на лестнице с первой ступеньки и в десять раз хуже расшибешься.

Сосна, на которую Василий недавно столь лихо взлетел, была срезана на высоте трех метров от земли и обуглилась почти до самых корней. Кроны и стволы ближайших деревьев оказались сильно иссеченными осколочным ветром. Чего не скажешь о самом Василии. Впрочем, он чувствовал сейчас довольно сильное напряжение, расходящееся волнами от центра в крестце, с развихрениями в нескольких других точках. Кое-где мышцы были спазмированы и сведены судорогой, но легкой разминкой он привел их в порядок. Жизнь продолжается!

За это Василий ощутил приступ легкой благодарности по отношению к ящерной структуре. Радость выживания сейчас была отчетливой и искренней. Какое-то чутье вело его незримыми тропами и давало преимущество перед противником!.. Нет, конечно, «ящерица» тут ни причем, спасибо надо говорить его необычной психике, лишившейся «крыши» из-за приема экстраморфина. Именно его собственная психика мобилизовала все ресурсы организма на борьбу с ожогами и ушибами. Говорят, что какая-то бабка так психанула во время пожара, что буквально выпорхнула из хаты вместе с дубовым шкафом.

Василий, страдая теперь избытком оптимизма и улыбаясь

птичкам и белочкам, направился в сторону деревни. Собственно, спешить было некуда. От Камышинского либо уже угольки остались, либо никто не сунулся туда вовсе.

Зарубка 3. (там же) «Таежные университеты»

Почин крупным налетам на небольшие населенные пункты задан был в начале девяностых известными кавказскими боевиками, что получили диверсионно-террористическую подготовку на территории сопредельных с Россией стран. Акции эти «увенчались успехом» и не вызвали отрицательной реакции у публики. Само собой, удачные злодейства было не раз еще повторены, причем и в тех странах, которые сперва считали, что это их ни капли не касается.

Тактика налетов подверглась необходимым усовершенствованиям и была дополнена единой стратегией. Террор — оружие слабых — стал приносить большие психологические, политические и, конечно же, финансовые дивиденды.

Основная масса налетов пришлась на пункты с населением до 50-100 тысяч человек. Страна, обладающая хоть миллионной армией и полицией, не могла никак воспрепятствовать накоплению боеприпасов и оружия на своей территории, а затем проникновению террористических групп в 100 — 150 бойцов, не могла держать в каждом городке или поселке полки и дивизии. Но в любом городке или поселке террористы за деньги или за идеи могли найти пособников из числа обиженных, неудачников, шпаны и уголовников. Когда правительство перебрасывало в тот или иной пункт достаточные силы, как правило, оказывалось поздно. Боевиками были уже захвачены школы, больницы, детские сады, богадельни, аэродромы, узлы компьютерной сети и станции секторной радиосвязи, заминированы химические и нефтяные заводы, железные дороги, системы водоочистки и газоснабжения, взяты тысячи заложников. Естественно, что сами заложники куда больше боялись штурмового спецназа, чем террористов, которые непременно выступали за «мирное решение всех вопросов».

А затем или начиналась мясорубка или, еще чаще, торг. В итоге, любая мелкая шайка, едва разжившаяся десятком килограммов пластиковой взрывчатки и

мешочком универсальных взрывателей, могла уйти с победой, имея в кармане десяток миллионов долларов. Достаточно вспомнить налет банды Псевдорадуева на город Елец.

Со временем все банды, даже самые мелкие, получили единое руководство и уже больше не довольствовались десятком миллионов.

По дороге оптимизм и энтузиазм быстро растаяли. Василий заглядывал в любую встречную водную гладь озерка или лужи. Красные жилы покрывали густым диковинным орнаментом и физиономию, и грудь; на спину не имелось способа взглянуть, но можно было себе представить, что она достойна кисти Пикассо. Или Сальвадора Дали. Пожалуй, эти двое сумели бы создать совместный шедевр. «Да, я уцелел как живой налогоплательщик, — подумал Василий, — но стоит ли жить таким уродом?»

Вернулся в Камышинское он к вечеру. Деревня осталась такой же, не более и не менее неприглядной. Если здесь и шли бои, то только в кроватях, между бабами и мужиками. Василий закопал пистолет-пулемет и гранатомет в скирду сена, причем сразу забыл в какую, но трофейные бимоны захватил с собой. Он добрался в темноте до дядиной избы и, не обращая внимания на кастрюлю супа, дрожащую в руках Егора, рухнул на койку и заснул мертвецким сном. Напоследок он еще услышал слова дяди:

— Ты, это, не расстраивайся насчет полосатой морды. Тут у нас один мужик вообще синим стал. Так ить, все равно на дискотеку ходил, и в фильме про инопланетян снимался, и вообще жизни радовался. А дети у него нормальные родились, только заикаются немного…

В какой-то момент сон из мертвецкого стал обычным. Василию снилось, что он превратился в пузырь с отростками, который разумен и живет на планете гроз. Здесь дуют постоянные ураганы, снизу лупят молнии. Там, под ним, дымится и пускает огненные вихри раскаленное солнце, а наверху лежит ледяная тьма. И только семья из семнадцати крепко сцепившихся Пузырей достаточно жизнеспособна. Здесь трое правых и двое левых мужей, три средние жены и две верхних, двое нижних посредников и один верхний (второй верхний растворился во время последней случки), один дедушка-бабушка и три неотделившиеся детокапсулы…

Он как будто просыпался, но оказывался опять в другом мире, с лиловым небом и оранжевой жидкой землей. Из нее то и

дело вырывались адские желтые фонтаны, которые вонзались ввысь. Там он был похож одновременно на паука и ящера: шесть лап, секущие плоскости челюстерук, грудной и спинной панцири, бахрома быстрых и гибких отростков, среди которых выделялись два хвоста. Дракон бродил по жгутам времени и добывал себе силу в далеких сегментах пространства. Насытившись в их неясной глубине, он искал себе подругу. Он должен был найти и растерзать ее хвостами и челюстеруками, чтобы…

Тут, когда из-за холма уже донесся вой подруги, вдруг ударил фонтан, который стал рвать его тело — и Василий открыл глаза из-за боли.

Родственник тряс его за плечо, причем, судя по серому свету, грустно сочащемуся в очко оконца, время было самое раннее.

— Ну, что ты, дядя, не даешь человеку забыться. Кроме как во сне, негде порадоваться. — укорил родича Василий.

— Вставай, оригинал. Я с шулмой договорился. Она до полудня в урочище, а потом снова в тайгу усвистает. У нее сейчас самое время травы собирать — те как раз в соку.

— С какой еще шулмой?

— Это ведьма из Абакана родом. Зовут ее Умай.

— Да хоть ласковый май. Не желаю, чтобы за мой счет тренировались ведьмы, колдуны, шаманы, оборотни, вегетарианцы и прочие антинаучные пособники дьявола.

— Так ведь, сынок, никто, кроме нее тебе не поможет. Вселились в тебя духи далекие и сели твою душу объедать.

А почему не духи? Идея, хоть и не потрясает своей новизной, по крайней мере достойна обсуждения. Если не болезнь — а медицинский справочник Василий пролистал — то, может быть, они виноваты?

— Ну, убедил так убедил. А вернее мне уже все пофиг, с Умай помирать или без Умай.

Василий дал вывести себя из дома и загрузить в телегу.

— Погоди-ка, дядя. — страдалец зачем-то сгонял в дом за трофейными бимонами таиландского производства со встроенным микрокомпом и СКВ-разъемом для управления оружием.

Он плюхнулся на солому, дядя Егор каким-то утробным голосом крикнул: «Ну» и лошадка, словно между прочим, тронулась. Глянет какая-нибудь бабка из окна и решит, что папаша везет своего подгулявшего побитого сынка домой.

— Эй, прикройся, а то утро севодни студеное. — дядька кинул Василию оборванный тулуп, подаренный когда Пугачевым Гриневу и используемый в последнее время в качества колыбели для щенят.

Ехали вначале по грунтовке. Затем та свернула налево, а телега направо — и покатилась со скрипом по еле заметной тропе среди густеющего ельника. Сырой лесной запах сильно шибал в нос, протекая словно по трубкам между пространственными глыбами. Василий отчаянно остро почуял и прелую листву, и малинник, и толпу сыроежек. А еще каких-то зверьков, снующих в кустах калины. Каждая тварь занимала свой законный участок, только ему не было места на белом свете.

— Скоро уже урочище. Если втулка на колесе не вылетит, через час там будем. — сообщил дядя.

Лес мрачнел, надвигался, он уже не хотел стоять по сторонам. Егор вместе со своей пегой лошадкой и скрипучими тележными осями чудом ухитрялся продираться сквозь него. Но неожиданно чаща подалась вбок, отчего обнаружилось озерко и ветхая избенка. С одной стороны ее прикрывали заросли ракиты, с другой — условно защищал от леса покосившийся тын, на некоторые колья были надеты горшки, кои отчасти напоминали почерневшие головы. Не дать не взять — избушка Яги.

— Избушка, избушка, встань к лесу передом, а ко мне задом и немножко наклонись, — угрюмо пошутил Василий.

Они поднялись по трем шатким ступенькам крылечка и открыли незапертую дверь. Василий увидел широкую спину женщины, сидящей у низкой пузатой печки.

— Здорово, хозяйка, в интересном месте живете!.. — бодро начал он.

И сразу заткнулся. Потому что хозяйка нехотя обернулась. Круглое лицо было нелюбезным, узкие глаза прямо пробуравили вошедшего. Возраст ведьмы казался неопределенным, черты облика выдавали скорее хакасску, чем манси.

— Ты, полосатый, садись в уголок и не выпрындывайся, а то быстро поедешь назад, — сказала она глухим рубленным голосом, столь далеким от певучего говора коренных русачек.

И стало ясно, кому сидеть тихо, а кому уматывать.

— Ну, стало быть, я, как говорят у нас на флоте, отдаю швартовы и отчаливаю, — засуетился Егор. Кажется, он был рад поскорее удалиться.Умай, золотце, я тебе там картохи и яблочек привез, в сенцах оставил. Ты племянничку моему помоги, век благодарен буду.

— Ты меньше дерьма пей, тогда век дольше окажется, — бросила ему на прощание шулма.

Василий слышал, как хлопают двери, как дядя Егор разворачивает свою лошадку, поругивая ее за неторопливость. Потом послышались его понукания, и колеса заскрипели, унося телегу в цивилизованную даль.

Василий подумал, не лечь ли ему на лавку, но тут шулма его остановила.

— Сиди как сидишь. Я тебя слушаю.

Кажется, она что-то варила в котелке. Спиной она, что ли, слушает?

Неожиданно шулма встала. Была она в каком-то длинном стеганом халате, плотная, крепко сбитая, как все тюркские женщины. Этакий чемодан.

В руках у нее действительно дымился котелок. Угостить, что ли, собралась своим супом? Она стала совсем рядом, пред ним, он подумал, что расшитые чуни на ее ногах достойны даже гамбургского музея этнографии. Совершенно неожиданно она схватила Василия за чуб и ткнула его физиономией прямо в дымящуюся гущу. Жар, вонь ударили в лицо несчастного. Пискнув «ай, бля», он пробовал сопротивляться, но шулма держала его крепко своей чугунной рукой. А сам он как будто ослабел и раскис.

Но как утопающий бьется с непреодолимой силой стихии до самого последнего, так и Василий сопротивлялся долго и безнадежно. Он мучился, казалось, целую вечность, бился, задыхался, кашлял, чихал, испытывал рвотные и дефекационные позывы.

Она его отпустила, когда он почти лишился всяческих чувств. Глаза Василия стали закатываться, однако он увидел, что крыша у избы сейчас отсутствует. Пола, впрочем, тоже не было. Сразу стало ясно, что съехала крыша и у гражданина Рютина.

Снизу был океан, и сверху тоже он. Океан напоминали варево, кипящее во котле вселенского размера, только не суп там булькал, а носились огромные пространственные глыбы. Сразу захотелось вопить от страха. Сам Василий был как плевок, стиснутой могучими массами. Да что там он, вся планета Земля, весь известный мир был просто пенкой в этой бездне.

Он наблюдал за своими отражениями, а может просто рассматривал себя со стороны. Как будто даже в вертикальной проекции. И смахивал этот образ прямо-таки на распластанную препарированную рептилию. На оси — пятно головы, в стороны отходят ноги, руки, позвонки, кишки, ягодицы, пенис и прочие органы, образованные сплетением множества жизненных нитей. А внутри этой гадины виднеется еще одна, такая яркая, пульсирующая, подвижная ящерка с хвостиком, запущенным в бесконечность.

Как мокрота Василий поплыл по этому бесконечному отростку, не замечая свирепых океанских масс. И отросток сплетался с другими, такими же, пока не превратился в

настоящий стебель.

Стебель гнулся и дрожал в стервозном космическом котле, но в конце концов завершился цветком. И был тот красив словно пышная роза на снегу. Имел форму сердца, как-то сложно вибрировал, сжимался и разжимался, втягивая и выталкивая густое сияние. Но при более внимательном рассмотрении стало заметно, что цветок состоит из семнадцати слипшихся ярких Пузырей.

— Кое-что вижу на другом конце провода… похоже, что въевшаяся в меня ящерка, является чем-то вроде ручного зверя у этого подозрительного цветуечка. — радировал Василий незнамо кому, может быть, абаканской ведьме.

Помимо этой тривиальной мысли было еще много других, гораздо более сложных и серьезных, особенно касающихся взаимоотношений между самими Пузырями, а также между ними и вживленной в него ящерицей. Казалось, она была у них какой-то тягловой силой, более способной, чем они, на движение и пронизывание пространства. Однако все думки думные быстро выветрились из Василия, потому что его сознание резко заскользило вниз, напоминая спущенную в унитазе воду.

Когда все утряслось, Василий снова обнаружил себя в избушке шулмы, и это было чрезвычайно приятно. Затем отодвинулся подальше от котелка с «фирменным» таежным варевом и утер физиономию рукавом.

— Пуповина соединяет тебя со второй небесной долиной, которой правит Эсэгэ-Малан, творящий судьбу девяти земель. Эта пуповина питает в тебе постороннюю душу. — сообщила ведьма голосом заправского бюрократа. Примерно в том же духе вас извещают, что «в получении дополнительной жилплощади отказано».

— Ну так обрежь эту пуповину хренову. — быстро предложил клиент.

— Она состоит из девяноста девяти нитей, — важно произнесла шулма.Я могу отрезать все, кроме одной.

— Это еще почему, Умай?

— Посторонняя душа слишком глубоко сидит в тебе. Она так въелась в твою плоть, что с ее смертью погибнешь и ты.

— Это не в кайф, конечно…— в течение разговора у Василия чувство величайшей надежды моментально сменялось чувством полной безнадеги, и обратно. Он объяснял такой колебательный процесс своим полным отупением.А если останется одна ниточка?

— Ну ты бестолочь. Тогда посторонняя душа останется в тебе.

— И все напрасно, Умай?

— Не напрасно. Она усохнет до размеров пшеничного зерна.

— Пшеничное зерно. Это терпимо, как мне кажется. — Его рот наконец осклабился. — Ну, давай, начинай. Я думаю, что мы с тобой… ну в общем ты в накладе не останешься, купишь себе стереомузыку и телек на батарейках, не так тоскливо будет в лесу ошиваться.

Шулма завозилась у печки минут на десять, никак не откликаясь. Потом сказала:

— Походи за мной недельку. Тогда обрежу… А может и нет.

— Ну и ну. Ничего себе: ходи-броди, а потом — от ворот поворот. Иначе-то никак нельзя?

— Иначе в магазине можно. — неожиданно пошутила ведьма.

— Я с собой и запасов съестных не прихватил. А у меня по части жратвы — всегда «полный вперед» и никакой инвалидности.

— Запасы по дороге будут… Да что мне тебя уговаривать. Можешь проваливать. Иди к елу на закуску.

Василий сразу понял, что «ел» — это совсем отрицательный представитель мира духов.

С того дня пришлось Василию таскаться по тайге и наблюдать широкую спину Умай перед собой, а также составлять публику на ее сеансах общения с духами. Контачила она в основном с демонами эе — хозяевами урочищ, и с самим тагэзи — хозяином тайги, а елы и прочая паразитическая нечисть, застрявшая между мирами, всячески мешала ей. У шулмы была своя карта и свой маршрут, проходивший не столько по реальной территории, сколько в стране духов, и она двигалась по нему с четкостью швейцарской железной дороги.

Собственно, Василий едва выудил даже эту информацию. Умай была мало разговорчивой. Родилась она в семье первобытных охотников, которые вдруг стали советскими звероводами. Поскольку к братьям меньшим, то есть хакасам, особые требования, в отличие от русских крестьян, не предъявлялись, то и сохранилось благополучно камланье в ее роду. Разве что проделывалось оно втихаря. (В отличие от опиума для народа, то бишь религии, шаманизм считался проявлением стихийного материализма).

Первые несколько дней скитание по стране духов вызывало у Василия активную неприязнь. Собственно, и согласился он на это дело, потому что деваться было некуда — не возвращаться же домой, к семье, с гнусной ящеркой внутри, с окончательным признанием того, что жизнь пошла прахом, коту под яйца. Бомжевать по вокзалам — вот какая единственная альтернатива ему виделась.

Вначале он забивал тоскливые мысли, пытливо наблюдая за

Умай и размышляя по ее поводу. Бимоны Василия и в самом деле фиксировали, что к колдунье по каналам, проложенным ниоткуда, подплывали хвостатые пятна с повышенной температурой. Иногда он как будто воспринимал их голоса, хотя и не мог перевести речи духов на русский язык. Он даже чувствовал их запахи, слабые, но острые — чем-то напоминающие аромат сыра рокфор. Возможно это были демоны эе, которых Умай упомянула пару раз. Иногда к ней привязывались холодные косматые кляксы, разраставшиеся из неприметной точки. То, наверное, хладнокровно вампирили зловредные елы и еки. Иногда теплые языки словно облизывали весь лес и неторопливо тянулись к причитающей Умай — таков был, скорее всего, крутой тагэзи.

Пребывание в густом лесу, где не было и нет социализма, капитализма, даже феодализма, технократии и охлократии, где творение остановилось на пятом дне, помаленьку сняло у Василия ужас перед инфекционной структурой, засевшей в нем. Да и экстраморфин, который он пару раз заглатывал тайком, тоже ласкал психику.

Вокруг никто ни о чем не переживал, сознание тут еще дремало в природных зародышах, для леса все было правильно, все хорошо — но, само собой, пока не явились мужики с бензопилами. Ни у кого в этой чащобе не имелось ни малейшего повода страдать, обвинять и жаловаться в высшие инстанции. Соответственно, и взбаламученный ум-разум Василия угомонился. Сам он стал как зверь, внутри которого сидел с неясными намерениями еще один звереныш.

Впрочем, не все просто было с озверением Василия. Ему казалось порой, что он не бредет по зыбкой мшине вслед за Умай, чавкая сапогами, а тащится как ящер на панцирном брюхе по оранжевой грязи под лиловым небом, переставляя шесть расширяющихся книзу лап.

Там, в глубине созревают мощные горячие потоки, которые готовы вспучить поверхность здоровенным холмом, а потом подняться ввысь огромным желтым фонтаном, окруженным сеткой из разрядов. А еще ему хочется запустить челюсти в спину Умай и сделать из нее кормушку для родных, дорогих и близких личинок-лярв.

Василий не знал, подозревает ли шулма о его желаниях; во всяком случае она не подавала виду, пока он преодолевал свои «оранжевые» мысли.

А он боролся с ящерным мышлением с помощью возвышенных теологических дум. Он понимал, что религиозная отсталость Умай не вызывает в нем отвращения, хотя лично себя

не мог упрекнуть в идолопоклонстве. Он считал себя монотеистом, который так погряз в общем обмене веществ и прочей суете, что о нем несколько подзабыл Господь Бог. Его личная вера включала такой важный пункт: едва он совершит нечто необычайное, выделится из общей массы человеческого вещества, как Око Небесное заметит его и возвысит. Сейчас Василий частенько чувствовал ширму, которая отделяет его от неизъяснимых глубин космоса, где могло существовать всякое, и в общем радовался, что она стоит. А с бездной пусть общается Умай — пока эта ширма не рухнет и для него тоже.

Впрочем, шулме все давалось не слишком тяжело. Она видимо не претендовала на спасение своей души, рассчитывая после смерти превратиться в какую-нибудь белку или куст орешника. Ее сильное, но неяркое сознание вливалось в ту глубину, которая прикрывалось лесом, чтобы в конце концов раствориться в ней. Этот процесс, видимо, казался Умай достаточно приятным и безболезненным, так что она не особенно даже испугалась, когда провалилась в очередную западно-сибирскую трясину. Очевидно в том ей поспособствовал какой-то лесной чертенок, чей злорадный писк Василий сумел уловить.

— Василий, — первый раз обратилась она к нему по имени, — что-то тянет меня, пособи.

Рютин выглянул из-за скособоченной ивы и заметил только голову Умай, торчащую из зеленоватой тины. Все, что он видел сейчас, казалось лишенным объема, просто нарисованным на какой-то зыбкой и тонкой поверхности. И Умай была нарисованной, и трясина тоже. И тут же он ощутил, что за этим рисунком скрывается что-то иное, настоящее пространство и настоящая колдунья, которая и в самом деле попалась в ловушку.

Ему первым делом захотелось не помогать, а оторвать эту голову, чтобы потом подруга отложила в получившийся мясной кокон свое яйцо, набухающее лярвами. Интересно, как она выглядит, эта подруга?

Он втянул воздух и прислушался. На свое удивление он заметил, что почти не чувствует флюидов страха Умай, и это несколько охладило его охотничий пыл. А потом он взял себя в руки. В человеческие руки.

Он сломал верхушку у ивы и протянул ее ведьме. Та сумела выпростать руку из грязи и уцепиться. Но борьба с трясиной закончилась только пять минут спустя. Шулма была женщиной довольно солидной комплекции, кроме того, несколько раз ему хотелось, чтобы она ушла с головушкой вниз и перестала им руководить.

Когда Умай выбралась наконец, — а это было похоже на то,

что распахнулась дверь, ведущая наружу, — малоаппетитная женщина представляла собой что-то вроде большого комка грязи.

— Собери-ка хворосту, — распорядилась она.

Тут зверь-в-Рютине заставил его пожалеть, что он вытащил ведьму — не успела жизнь кое-как спасти, а уже распоряжается.

Когда он вернулся с полной охапкой, шулма сидела в одном только оренбургском пуховом платке, который доселе приходилось ему таскать в своем вещевом мешке.

Хотя хворост был сырой, огонь на удивление занялся быстро и весело.

— Давай-ка водкой разотрем, — из вежливости предложил Василий.

На удивление, ведьма быстро согласилась.

Кожа у шулмы оказалась гладкая, конечно же, маслянистая, как будто даже лакированная немного. Когда его рука продвинулась от плечей пониже, он неожиданно почувствовал натяжение своих трусов.

«Неужели ты позарился на эту медведицу? Это будет называться скотоложество.»— предупредил он сам себя.

Однако медведистость Умай сейчас не казалась отрицательным свойством. Сейчас она сидела, по-женски точно прикрыв платком свои мясистые бока, но почти открыв тугие дыни грудей и налитые половинки зада.

Василий увидел в шулме определенную соразмерность, верную подобранность округлых деталей и даже определенное изящество в подбородке, ушах, щиколотках.

А зверю-в-Рютине была симпатична и мясистость, и маслянистость…

Ладонь Василия двинулась от круглых коленей дальше, вглубь. Рука скользила как змея, туда, откуда разносилось пение ведьминского естества. Ее пальцы ухватились за «ствол молодого бойца» и попытались сбить прицел. Но те красные каналы, которые бороздили его тело, сейчас уходили дальше, пронзая пространство и любую плоть. Ящер, который гнездился в Рютине, неумолимо надвинулся на бедную ведьму, разложил ее вдоль мягкого пружинящего грунта и внедрился внутрь. Василий сам с удивлением наблюдал, что вытворяет находящийся в нем зверь с бедной женщиной. Сейчас он отчетливо ощущал напряжение и раскручивание сидящей в нем чужеродной структуры. В том числе и того канала, что тянулся прямо через член. Ящер явно пытался замучить Умай, получая именно от этого удовольствие и энергетическое подкрепление. И кстати, не только ящер, но и соединенный с ним цветок из семнадцати Пузырей.

Зверь хотел как будто проткнуть ведьму и узнать, что там, за

ней. Но не тут то было. Она быстро взяла себя под контроль. Василий почувствовал, что ладонь шулмы, оказавшаяся у него на спине, как бы ухватила его за крестец. В этот момент ящер-в-нем хотел впиться ей в глотку, но она успела рвануть какой-то корень.

Корень этот относился к чужеродной структуре, но все равно стало очень больно. Василий, не успев огорчиться, увидел над собой стебель, уходящий в небо. Он мигом поднялся по нему вплоть до самого цветка, состоящего из семнадцати разнокалиберных Пузырей.

И тотчас из-за сильного натяжения одна за другой стали рваться волокна и канальцы стебля. Он ощущал постоянное падение, и страшное головокружение, и тошноту. И одновременно что-то отчаянно сопротивлялось внутри Василия, доставляя все большую боль, которая не имела никакой привязки к телу, но вонзалась в центры ощущений. Из-за этого он закручинился, завыл, застонал, а взгляд его потемнел.

Вскоре в темноте осталась лишь одна мерцающая ниточка, кроме нее он ничего не различал.

Он двинулся по этой ниточке, становясь маленьким и незаметным. Боль закрасилась приятными, хотя и странными ощущениями. В конце концов он усох, стянулся в точку, он пришел туда, откуда когда-то явился, откуда пророс и выплыл, где не было ни времени, ни пространства, ни боли, ни мысли, ни привязанности, ни хорошего, ни плохого, ни «ты», ни "я"…

Освободившись от мрака, он понял, что лежит на одеяле, постеленном поверх еловых лап, рядом с небольшим костерком.

Боли не было, только сильная слабость. Над ним склонялось лицо Умай. Круглое и светлое как луна.

— Посторонняя душа свернулась в тебе до размеров пшеничного зерна и соскользнула к отверстию тазовой кости. Если ты ее не разбудишь, она таковой и останется. Более того, через три года ее втянет и поглотит душа твоей плоти, которая там живет.

Василий никогда не был любителем экзотики: африканок, вьетнамок, француженок… Ему всегда нравились тощие крашеные под блондинок девушки, что, конечно, было неоригинально и плоско. Но сейчас ему крепко пришлась по душе эта толстомясая азиатская ведьма.

Зарубка 4. (лето-осень 2001 г., Западная Сибирь — Москва) «От каждого по способностям, каждому — по ушам»

На следующий день после возвращения из тайги Василий снова отправился в медпункт. Сканер благополучно проработал всю неделю, пока пациент отсутствовал. То есть, проработал бы,

кабы не сдох на неделю дизельгенератор.

Когда Василий снова встал перед прибором и повернул к себе экран компьютерного монитора, он еще не знал, чем завершится процедура, и приготовился сильно расстроиться.

Впрочем,перед зеркалом он уже убедился: красные прожилки исчезли с лица, спины, груди и живота. Вокруг самого Василия тоже было нормальное пространство, без всяких прожилок, каналов и незримых троп, а взамен симфонического пения окружающей среды вернулись прежние тоскливые звуки скрипящих дверей и лающих собак.

Василий провел сканером вдоль всего организма, пристально глядя на экран компьютера: и никаких тебе следов той самой ящерной структуры. Лишь довольно бодрая окраска в районе желудка — ну да это гастрит.

Василий увеличил разрешающую способность сканера — и опять ничего не засек. Подумал было о технической неисправности и прогнал тесты — сплошной окей. И только, когда запустил софт гиперсканирования, обнаружил небольшое зернышко между крестцом и отверстием тазовой кости — вот и все, что осталось от «ящерки». [3]

А следом подумалось, что это зернышко — возможно, вполне естественная врожденная деталь его тела, он же не доктор. И вообще, наверное, многое из того, что он «увидел» и «услышал», надо отнести на счет экстраморфина, водки, супчика из мухоморов и варева, которым угощала Умай. Дьявольское ведь получилось сочетание продуктов. Ну да, именно экстраморфин — исток всего это бреда, в котором теперь не разберешь, где правда, таинственное природное явление, а где наглый глюк. А красные прожилки — это просто дерматит, а всякие низкотемпературные структуры, сидящие внутри тела, — это просто неисправности сканера, или сбои программного обеспечения.

Развенчав все недавние ужасы, Василий утопил остатки экстраморфина в первом же туалетном очке. А потом был недельный запой, далее охота, рыбалка, и снова все повторилось, то есть, запой, охота, рыбалка. Так пролетел месяц в чисто мужских радостях. В конце концов прилетели то ли геологи, то ли зоологи в голубом вертолете. Эти люди уходили в тайгу, а обратно аппарат летел порожняком и пилот был согласен взять попутчика, развлекающего его пустопорожними разговорами.

И пришлось Василию вспомнить о том, что он хороший семьянин, и возвращаться домой, в Питер, где он ожидал получить большую взбучку от жены, сопровождаемую быстрым прикладыванием ладоней к его щекам. Но рукоприкладства не получилось. Жена, и папаша, и сынок, все отвалили по холодку за

кордон на постоянное место жительства. Какая-то бумага, на которой Василий расписался, не глядя, где-то с полгода назад, оказалась документом об отсутствии имущественных претензий к супруге.

Любимая семья укатила на Запад. Василий узнал об этом 25 июля 2001 года.

А 5 августа начались беспорядки в Нью-Йорке. С Куинса заваруха перекинулась на Бронкс и Бруклин. Буйная толпа, состоящая из представителей низов и боков общества, чистила подряд магазины, поджигала лимузины и била на улицах любого, кто ей не нравился. Наркоманы курочили больницы, вытаскивая все, что годится для ширяния. Гомики трахали сплошняком то, что движется. Некрофилы — то, что не движется. Бомжи валялись в будуарах за миллион долларов с грошовыми раскосыми шлюшками и гадили по примеру всех революционеров в вазы севрского фарфора. В первые часы бунта полиция еще силилась навести порядок, а потом, потеряв от огня неизвестных снайперов с десяток человек, уже не совалась в опасные районы. Зато неизвестная дотоле группировка, назвавшая себя «Черные львы ислама», через своего лидера, доктора Джафара Акбара, заявила, что ситуация у нее под контролем, все схвачено, и, в самом деле, разбой на улицах прекратился. Но зато начались обыски с побоями и захват заложников в домах. А кроме того, снайперы стали просачиваться на Манхэттэн и бить в лоб, кого ни попадя.

7 августа «Черные львы ислама» заняли одну из башен Международного центра торговли, и заодно растеклись по всем улицам восточнее Бродвея. Только после этого полиция признала, что не вполне владеет обстановкой. На момент такого стыдливого признания уже более трехсот человек переехало в морг за счет огнестрельной или ножевой дырки, а боевики-исламисты при помощи захваченных в плен финансистов уже пустили на свои нужды около десяти миллиардов долларов. В город были введены подразделения национальной гвардии — днем, чуть ли не торжественным маршем; оттого-то, наверное, и попали под плотный огонь снайперов с гранатометчиками, оказались отрезаны и почти полностью полегли. Брошенные на прорыв части морской пехоты и 101-й аэромобильной дивизии не смогли преодолеть под обстрелом минные заграждения и надолго завязли. Уже тогда отмечено было, что боевики пускают в ход чрезвычайно эффективное для городской войны оружие — преследующие кибермины «тараканы», вакуумно-вихревые боезаряды, «умные» ракеты и игольчатые пули. А также налегают на пропагандистскую работу. Редкая газета не писала о том, что правительство уничтожает собственный город, что с вооруженной

оппозицией, представляющей обездоленные социальные слои и нацменьшинства, надо вести мирные переговоры.

К тому времени разразился мировой финансовый кризис — банкиры и фирмачи, попавшие в лапы «Черных львов ислама», пытались перевести на новые счета и обналичить огромные суммы, по их указаниям проводились авантюрные валютные спекуляции и перепродажи акций.

Первая попытка вызволить заложников в МЦТ обошлась дорого. Боевиков сбрасывали клерков, погибших под перекрестным огнем, к подножию небоскреба и вскоре там образовалось сплошное кровавое болото. Почти все политики, вся пресса требовали прекратить штурмовые операции и пойти на условия, выдвинутые «Черными львами» — в том числе снять арест со счетов тех воротил, которые были захвачены исламистами. Но президент Соломон Перлман понимал, что это приведет к мировому экономическому краху, и дал директиву на наступательные действия. Международный центр торговли заняла совместная американо-израильская антитеррористическая группа, которая предварительно залила небоскреб быстро твердеющим металлопластиком с помощью стратегических бомбардировщиков. Город Нью-Йорк был очищен от боевиков в результате месячных боев.

Погибло около 2000 военнослужащих и полицейских, а также 27 тысяч мирных жителей, в том числе, конечно, и участников бунта. Потери собственно боевиков — «Черных львов» никто так и не узнал. В ряде районов, где исламисты применили отравляющие вещества и патогенную микрофлору, были проведены успешные дегазации и дезинфекции. Тем не менее, президент Перлман заработал прозвище «нью-йоркский мясник».

Особенно вменялись ему действия проправительственных казачьих сотен, сформированных на Брайтон-Бич — в самом деле, казаки вешали да пороли бомжей и мусульман без особого разбора.

В ряде американских городов начались еврейские погромы, которые были пресечены с помощью израильских добровольцев, переодетых в индейские костюмы. Из-за этого слова «индеец» и «иудей» стали практически синонимами.

За «войну в Нью-Йорке» и вовлечение во внутренние дела США иностранных военнослужащих президент Перлман подвергся импичменту. Все прогрессивные газеты и ньюс-серверы в один голос взвизгнули: «Мы наконец уделали этого мясника!» Однако в течении года, вплоть до отложения Южной Калифорнии, в Америке ничего особенного не случилось и даже в немалой степени были устранены последствия финансового

кризиса.

Следующая вспышка насильственных действий случилась в Европе, в крупном финансовом муравейнике, Франкфурт-на-Майне, уже в августе.

А в сентябре Василий доел последние припасы, хранившиеся на кухне. Его вес увеличился на три килограмма, однако впереди маячил призрак голода. Не на одну приличную работу его не брали: по черному телеграфу прежний наниматель шепнул, что В.С. Рютин кинул его в самый ответственный момент. В какую-нибудь свежеиспеченную фирмешку Василий тоже не мог всунуться — там яростно пахали старшеклассники-хаккеры, начиненные под самую макушку стимуляторами-амфетаминами. Детишки колымили не за бабки, а ради того, чтобы ночью соединить все доступные компьютеры в нейронную сеть и сотворить какое-нибудь кибервиртуальное чудовище. Но тут из Москвы неожиданно пожаловала далекая родственница матери, вернее даже бабушкиименуемая Асия Раисовна.

Поскольку Василий прочно сидел без денег, ему нечем было угостить строгую немолодую женщину, прикрывающую седеющие волосы мусульманским белым платком. Но она сама угостила его и даже пригласила поработать в одной московской фирме — хоть и не слишком известной, но быстрой на расплату-зарплату. Работенка опять-таки из области динамического программирования, причем всего на месяц — но в конце пять тысяч баксов на бочку. Пожить можно было у Асии Раисовны, так что никаких квартирных расходов. Муж ее давно погиб в какой-то горячей точке, сражаясь то ли за правое, то ли за неправое дело, а дети лет пять как осели в Турции.

Василий подумал и согласился, хотя точно не знал, кем приходится ему Асия Раисовна — двоюродной тетей или троюродной сестрой, а спросить было неудобно.

С понедельника, как и принято, он вышел на работу. Директор фирмы, прозываемый Виталий Мухамедович, поставил задачу. А был это представительный мужчина в бороде, в каждом жесте которого сквозила нешуточная значительность. Казалось, он должен потратить на тебя, максимум, движение левой брови или правого мизинца.

Помощник директора сбросил готовые программные модули и объекты на предоставленный «транспьютиум», мощный компьютер с параллельными процессорами и фотомолекулярной памятью, конечно же первосортного китайского производства. На китайских предприятиях вся крутая техника изготавливалась работницами, чья воля была подчинена психомотивационной программе «муравейник», а центры ощущений подвергались

каждые двадцать четыре часа искусственному мультиоргазму за счет нейропептидных инъекций. Аппаратура изготовлялась сплошь по американским лицензиям, так что прибыли делили промеж собой пекинские красные правители и калифорнийские кибербароны, тоже, кстати, китайцы.

Поставленная задача решалась лишь методами оптимизационного динамического моделирования. Однако Василий владел этим оружием, выкованным в подвалах «Майкрософта», так что из столкновений со всякими головоломками нередко выходил победителем. Поэтому он и сейчас смело кинулся на амбразуру, хотя далеко не расчухал, с чем, собственно, воюет. Как ему вскоре показалось, фирма балуется с не слишком легальными биотехнологическими делами. Ну, а ему, собственно, какое что.

Когда Василий начал заниматься моделью, «силы ислама в Европе» вовсю развернули операции во Франкфурте. Полиция не выдержала мощной и быстрой атаки боевиков-моджахедов, так что, потеряв несколько бронемашин, покинула центральные районы города к западу от Ратхауса и Паульскирхе. В итоге немалое число банков вместе с толпой банкиров оказалось под исламистами и финансовая безопасность всего цивилизованного мира вновь стала стремительно таять. Но программист Рютин почти не смотрел телек и не въезжал в суть сообщений по радио.

Единственное, что его заинтересовало в СМИ, так это сообщения о массовой операции по перемене пола в Индии и об искусственном ускорении умственного развития одного барана.

К тому же, три дня спустя Василий осчастливился первой тысячей баксов, потратил значительную их часть на увеселения, именуемые сомнительными, поэтому страдал от амфетаминового будуна и его моральных сил хватало только на строчки программы.

Задача, поставленная Виталием Мухамедовичем, была весьма странной. Некий объект, состоящий из неизвестных элементов, приходил в активное состояние, после чего начинал вести себя как тридцать тысяч независимых объектов. Однако все их параметры составляли, понимаешь, динамическое единство, да еще изменялись по совместным, то бишь интегральным функциям. А аргументами этих заковыристых функций выступали почти случайные воздействия, приходящие из хаотически бурной «внешней среды».

В любом случае модель получалась громоздкой и сложной. Кроме того, начальство то и дело вносило дополнительные переменные в динамические функции и от этого становилось еще кислее.

Почему-то к описываемому объекту приклеилось у Василия прозвище — ЯЙЦО. Уж больно он напоминал яйцо какого-то монстра, из которого проклевывается тьма мелких пронырливых гадов.

Каждый день вел программист Рютин незримый другим людям бой, а помогала ему в этом Асия Раисовна.

Тетя Ася проживала в небольшой квартирке на Университетском проспекте. Там Василий занимал каморку, где раньше, до своей кончины, жила большая сивая собака, оставившая свою шерсть на коврах и диване. (Пса, между прочим, расстреляли за удушение и пожирание пенсионера, который был занудой и соседом Асии Раисовны по лестничной площадке. Кстати, Василий однажды обнаружил за батареей разбитую ампулу от психопрограммирующего средства для зверей.) На работу приходилось ездить в метрошке до станции «Рижская». Московская подземка каждое утро встречала Василия омоновцами, которые выглядывали из-за бетонных глыб блок-поста и высовывали оттуда дульные части своего оружия. А в вестибюле стояли цепями транспортные милиционеры. Они были закованы в шлемы-горшки и бронежилеты-макси, а в руках сжимали детекторы ВВ и ОВ[5], похожие на палицы. В общем и целом силы правопорядка смахивали на пеших кнехтов, пришедших с утра пораньше на Чудское побоище. Милиционеры и омоновцы поводили стволами, детекторы искали металл и вынюхивали ароматы пластиковой взрывчатки. Иногда людям помогали здоровенные ротвейлеры, также облаченные в доспехи.

Тем не менее взрывчатка рвалась, а яд травил, когда хотели. Когда того хотели неизвестные ангелы смерти.

> Смертникам закачивали жидкие взрывчатые вещества в закупоренные участки кровеносных сосудов или толстого кишечника, а кремнийорганические детонаторы вшивали под кожу. Случалось, что адская машинка помещалась на месте удаленного левого полушария мозга. Подрывники с такой, с позволения сказать, головой, не были ни фанатиками, ни боевиками. Они относились, как правило, к обычным жертвам: их умыкали, им проводили резекцию, имплантацию, затем психокодирование мотивационной памяти. После уничтожения центров аналитического мышления хватало обычного внушения с фармакологическим закреплением. И вперед, на смерть, с улыбкой во весь рот.
>
> Именно так взорвал вагон метро один из похищенных начальников московской милиции.

Взрывные устройства могли быть боеголовками небольших киберов, так называемых «тараканов», которые проникали в подземные тоннели через шахты лифтов, вентиляционные колодцы, трассы водоводов и канализации.

По всей Москве, по всей России было много патрулей, проверок, арестов, задержаний, «жучков» и «глазков», а вот толку от этого не было видно. То же творилось и в Европе, и в Америке.

Демократические и авторитарные режимы напрягали все свои стальные мышцы, высасывали прорву денег из налогоплательщиков на полицейские нужды, но так и не могли управиться с криминально-террористическим джихадом, с мировой исламской революцией, которая была сильна своим фанатизмом и своими финансами тоже.

В европейской части России диверсионные операции проводила в основном шахидская группировка, именуемая «Дети Шамиля» и подчиняющаяся неизвестному лидеру, в Германии — разноплеменная моджахедская организация, прозываемая «Волки Пророка», во главе с Мехметом Айдином, в Америке — «Черные львы» Джафара Акбара по кличке доктор Джеб.

Зональные командования сил Ислама как правило открещивались от акций, которые приводили к большим жертвам среди гражданских лиц, но если уничтожался военный объект, то торжественно объявляли о своем руководстве. Впрочем, в докладах российской и американской спецслужб отмечалось, что руководители диверсионно-террористических подразделений имеют те же ранги, что и зональные командующие, и на равных подчиняются главному штабу Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР), расположенному в Тегеране.

Командующий сил Ислама в Центральной Европе, генерал Азиз Коктюрк (немец, принявший мусульманство и турецкое имя), внушал и уверял, что борьба ведется только с мировым гнетом американских и израильских сионистов, а все европейцы должны радоваться грядущей победе исламского революционного джихада. Левые и правые группировки в России и Германии радостно внимали ему, строились «свиньей» и тоже шли на приступ Сиона.

Однако графики терактов и диверсий ползли вверх.

В России и Германии народная масса сплошь желала свирепства. Или власть надевает ежовые рукавицы или народ достает топоры. И паскудам по шее.

Но этому мешали разные умники, которые считали, что лекарство может быть страшнее болезни. Противники сильных лекарств нередко носили длинные носы и хилые подбородки и потому гуща народная все более злобилась на Сион. Заборные газетки и ньюс-серверы, часто существующие на деньги исламистов, внушали простые мысли: немцы и русские страдают от революционного джихада лишь потому, что прикрывают своими грудями плутократов-сионистов. Те же самые плутократы вредят госбезопасности и слабят Отчизну, чтобы сподручнее было из нее выкачивать кровь и другие полезные вещества.

Василий проходил сквозь арки и кольца детекторов на «Рижской» и через минуту оказывался на трамвайной остановке. Там опять-таки стоял спокойный милиционер с нервным доберманом и проводил по садящимся в вагон серповидным сканером. Граждане, приехавшие на метро и имевшие отмеченный жетон, подвергались менее жесткой проверке. Их просто обнюхивал пес — кое-кому он почему-то грыз ботинки. У некоторых бородатых личностей милиционер требовал паспорт, который совал в свой сканирующий микрокомпьютер для сличения с базами криминальных данных. Попавшие в салон пассажиры обреченно ждали, когда закончится досмотр. Водитель же оттягивался на какой-то компьютерной игре. Наконец старый вагон с доваренными бронещитами тяжело двигался в путь — если произойдет взрыв, то дополнительная защита не позволит трамваю разлететься по всей улице, хотя, конечно, при таком раскладе пассажиры внутри него превратятся в корочку на металле. Но Василий больше думал о том, почему кассовый аппарат, скромно мигнув красным глазком, не выдал ему положенную сдачу. Или о том, какие окажутся размеры у той потаскухи, с которой он отправится на Майорку, когда с работой будет покончено.

После всех этих дорожных мероприятий тот досмотр, который учиняли ему в фирме, не казался столь уж настырным. Те же детекторы, шарящие по телу, плюс прочитывались диски, которые он иногда притаскивал с собой — обратной дороги им уже не будет.

Василий быстро смирился с тем, что фирма занимается какими-то левыми делами. Моральный ущерб будет

компенсирован материальным наваром, запрет работать на дому спасет от обвинений в воровстве фирменных софтов, а милиции на гражданина Рютина наезжать бесполезно. Он хоть и умный, но самый простой исполнитель, что-то вроде робота.

Поэтому по двенадцать часов в день Василий безропотно торчал у панорамного многооконного экрана как птица на жердочке. (Некоторые «зеленые» программеры работают в бимонах, в виртуальном режиме, но это не для серьезного дела.) Бимошки с сенсорными перчатками он одевал минут не более чем на пятнадцать, чтобы помахать мечом на Куликовском поле. Но это лишь разок в день во время обеденного перерыва после употребления всяких кебабов, бишбармаков и прочих восточных харчей, от которых потом страдал живот. Впрочем, если запить пивом, то ничего. Но и пиво затем было выведено из меню.

Так называемое «Яйцо» состояло из трех подсистем, сильно отличающихся по своим задачам. Василий прозвал эту тройку — «желток», «белок» и «скорлупка». И в каждом из тридцати тысяч конечных объектов, на которые делилось большое «Яйцо», присутствовали все три подсистемы.

Объектики прыгали из «окна» в «окно», дробились, стирали друг друга и изничтожались «белым шумом»[6], кроме того никак не желали составлять гармоническое единство.

Каждое утро Василий бодро хватался за дело, будучи уверенным в близкой победе, но уже после обеда сникал.

В прежние времена он, если у него что-то не получалось, бросал чертову работу и отправлялся прошвырнуться, мог часа три проторчать у видика со стаканом джина, или провертеться в глюколовке, отражая нашествие какихнибудь юпитериан. А там, глядишь, решение бы созрело само по себе и программист Рютин победно бы ударил по клавишам. Но сейчас он был прикован к этой гнусной комнате с портретом какого-то Джинна Хотабыча на стене, к этому мягкому стулу, принимающему форму тела, к этому огромному экрану.

После пяти вечера произошел бы, конечно, разогрев, однако именно в это время работа в фирме железно прекращалась. И ни дисков, ни даже записей на бумаге вынести с собой нельзя. На выходе помимо мощных детекторов еще и ражий охранник буравит глазками и шарит по карманам. Та же процедура, кстати, проводилась и если Василий куда-то выбегал в течение рабочего дня. Впрочем, все эти хождения начальство ему вскоре прикрыло, ссылаясь на пункт контракта о трудовой дисциплине.

Кстати, по выходе из здания Василий почти всегда начинал мучиться головной болью и ему затем редко хотелось раскидывать болящими мозгами по поводу программистских

трудностей. Он предпочитал если уж не повеселиться, так хотя бы повалять дурака.

С весельем и забавами тоже ведь обстояло не блестяще, потому что самочувствие неумолимо шло под гору, и психика катилась вниз еще быстрее чем соматика. Завязал Василий вскоре с пьянками-гулянками и посещениями глюколовок. А о том, чтобы на бабу вскарабкаться, гражданин Рютин и думать прекратил. Тому, кто семь раз имел трипак, понятна такая осторожность. Уже год как в Москве свирепствовала новая форма СПИДА, самая скоростная. От прежних форм, медленных и худобедно излечимых, она отличалась тем, что моментально уничтожала иммунитет, отчего инфицированный заболевал всеми болезнями сразу — смерть обычно наступала в результате сильного чиха, вызывающего инсульт и дефекацию.

Не торопясь, растирая ладонями болящие виски, Василий возвращался домой. Лучше это было сделать до одиннадцати часов. По улицам уже густо разъезжали бэтээры, через каждые два метра чернели патрули, мелькали светлячки зажженных сигарет, над городом барражировали вертолеты, шаря прожекторами по крышам домов и можно было лишь догадываться, у кого из бойцов не выдержат нервы. В самом деле, после двенадцати Василий не раз слышал выстрелы. То ли действительно у кого-то шалили нервишки, то ли выходили на ночную работу вражеские снайперы. Но к тому времени он всегда уже был на квартире у Асии Раисовны.

Сперва он отказывался от ее харчей, обходясь сосисками и пиццей, но гастрит не дремал, угрожая смертью, поэтому пришлось перейти на домашние супчики Асии Раисовны. После ужина добрая тетушка, пораспрашивав Василия о том, о сем, уходила в свою светелку, а он отправлялся дымить табаком в свою комнату. Поначалу пиво, курево и сутранквил давали ему возможность заснуть мертвецким сном, но потом сон становился все менее доступным. Накачавшись и накурившись, обалдев от сутранквила, он смотрел на вихляния армированных гелепластиком певичек по телеку. Он пытался думать о своей задаче, но ничего путного в одурманенной голове не связывалось, а разрабатываемые программы лежали под строгой охраной на Рижской. Где-то к трем утра он доходил до ручки и просто созерцал обстановку комнаты: ковры с причудливыми арабесками, медные кувшины, кальяны, вазы, чаши, кубки и даже масляные лампы. Здесь было много всяких восточных сосудов старинной работы, и они сильно притягивали внимание. Стояла и клетка с птичками-корольками, сильно осоловевшими и забуревшими от табачного дыма.

Может, поэтому сновидения у Василия были малоприятные. Когда он наконец засыпал или, вернее, проваливался в полное бездумье и бесчувствие, ему снилось, что он летает бесплотной тенью среди таких вот сосудов. А в каждом из них — сгущенная тьма, в которой все останавливается навсегда, и едва окажешься поблизости, она захапает тебя. Это во-первых.

А во-вторых, особенно после пива, снилось, что он заточен в каком-то из этих сосудов уже добрую тысячу лет и не может шевельнуть ни одним своим членом, хотя по страшному хочет попИсать. Вначале он еще пытается выкарабкаться, но затем… струя, пущенная им самим, заливает его с головой, и он просыпается на мокрой простыне. Позорище такое.

И в третьих, иногда он оказывался в клетке для корольков, причем разбухшим, отечным, рыхлым, прижатым к ее прутьям. К нему приближалось что-то похожее на тучу, а потом это оказывалось лицом Асии Раисовны. Василий-из-сна просил его выпустить, жаловался, что все члены его отекли и болят, но голос просящего напоминал хлюпанье спелой груши на зубах, а ласковое воркованье тетушки Асии — грохот танка «Климент Ворошилов».

В девять звонил будильник. Василий долго ворочался в кровати, пытаясь выжать из жил тягучие, словно клейкие остатки сна, слушал, не вникая, бубнеж радио про бои во Франкфурте в районе Платц дер Республик и прочие гадости по всему миру. Асии Раисовны уже не было дома, поэтому он заглатывал порцию сосисок и поллитра кофе с таблетками витатона. Благодаря им проплывал по нервам сератонин, появлялось фальшивое воодушевление, и Василий поспешно бросался в пассажиропоток, промывающий Москву.

В какую-то из таких утренних поездок, когда он разминал пальцы и настраивал себя на борьбу с долбаным Яйцом, в глаза вдруг бросилась одна фигурка…

Поезд как раз остановился на станции «Национальная библиотека» и почему-то застрял. Или впереди что-то взорвалось, или откуда-то выбежали самонаводящиеся киберскорпионы, или кто-то опорожнил свой баллон с ОВ. В общем остановка затянулась минут на десять.

Двери были уже закрыты, вдоль вагонов прохаживались милиционеры в своих шлемах-горшках, помахивая электродубинками-угомонизаторами. А на платформе накапливался народ. И вдруг среди малоразличимого люда Василий приметил женщину — хотя и не девицу, но довольно свежую. Никакой тебе радужной или зеркальной волосни, ни стереоскопического маникюра, ни колготок типа «море

волнуется». Обычная такая одежонка, джинсики, курточка… Но она смотрела на него. Впервые за последние десять лет девушка (не имеющая материального интереса) обратила на него внушительную часть своего внимания. Василий мучительно подумал, то ли ему уставится на спину соседа по вагону, то ли… Короче, он отозвался взглядом. А потом заулыбался, ну и молодайка тоже. В конце концов он так разошелся, что стал изображать мента, вышагивающего в своем горшке мимо вялого, как белье, народа (мент, конечно же, этого не заметил). Девушка откровенно смехотнула. Василий еще больше расшалился.

Стал корчить рожи, показывая какое личико у омоновца под забралом. Молодка до того развеселилась, что даже приставила кулачок к своему смеющемуся рту.

Василию страшно захотелось, чтобы в тоннеле метро еще что-нибудь взорвалось или пустило ядовитую вонь, а тогда двери вагона открылись бы, ну и… О нарушении заповеди «не прелюбодействуй, а то козлом станешь» он даже не думал, а вернее не мечтал. Просто хотелось постоять рядом с теплым существом противоположного пола. Но, увы, ничто больше не взорвалось и поезд двинулся по монорельсу, напрягая электрические свои силы. А девушка хоть и не провожала его неотрывным клейким взглядом, однако посмотрела напоследок как будто даже с сожалением.

И все утро на работе Василий вспоминал этот взгляд, отчего динамическое моделирование ладилось еще меньше, чем обычно. Особенно раздражал «Джинн Хоттабыч» на стене, который как будто сверлил его буравчатыми глазками профессионального подрывника. Василий даже повесил настырного старца лицом к стене (портрет на следующий день вообще исчез со своего поста.)

Однако в этот день случались моменты, когда казалось, что все уже склеивается, надо еще только утрясти трое-четверо параметров, но потом «белый шум» в считанные секунды увеличивал их количество до двадцатитридцати и поиски алгоритма начинались снова.

К исходу рабочего дня у Василия сложилась твердая уверенность, что вся задача эта — лабудовая, то есть бессмысленная и беспощадная, что труды рук его напрасны и что фирма эта — просто бандитская «крыша», здесь отмываются какие-то бабки под прикрытием программистских работ. И что это плохо для него кончится — ведь он лишний свидетель.

Вернулся Василий домой в очень плохом расположении духа, поэтому стал пригоршнями бросать в пиво амфетаминовые «колеса». И пробрало. Кинул еще в рот серотониновый «мудогрей»[7]. Врубил погромче музон, психотронную группу

«Лоботомия». А потом добавил экстраморфина, к которому старался не прикасаться со времен таежного отпуска. (Однако все же не забыл после возвращения в город посетить того лекаря-калекаря, который снабжал его «ублаготворителями» еще с военной службы — благо, добрый доктор работал в питерской военно-медицинской академии.)

Как проглотил дозу, стало нечего себе. Забылись и молодка с перрона, и подозрения по поводу фирмы, и пронзительный старичок в рамочке. Василий сейчас хотел только одного, чтобы его не стало тошнить после принятия всего этого набора. Он помял руками купленную намедни игрушку — «умный пластилин». Если ты придашь ему более или менее приемлемую форму, то дальше он уже сам поможет начинающему скульптору и дооформится. Василий собирался вылепить танк, но опять получилась девушка. И хотя пластилиновая барышня была «ню», с длинными белыми волосами (которые еще колыхались как будто на ветру), перед внутренним взором ярко возникла метрошная незнакомка. Стрижка «под пацана», легкие ножки в узких джинсиках, расстегнутая до второй пуговки кофтюля. Вот зараза, изыди, изыди.

Василий размахнулся и засандалил пластилиновой девушкой в стену. И надо же — прилипла, правда превратилась в бесформенный ком. Неудачливый программист подумал, что неплохо бы достать из шкафа «Конструктор юного сексиста», который он купил сегодня за двести баксов, но до сих пор стеснялся распаковать. Любой умелец мог при желании собрать из пластиковых деталей подобия женских гениталий, заполнить их водой и растительным маслом, воткнуть в розетку, чтобы нагрелись и зашевелились, а затем использовать извращенческим образом. Он уже было протянул руку к большой коробке, как в комнату вошла Асия Раисовна. Наверное, она постучала, но Василий из-за наушников не услышал. Впрочем, он сразу скинул их с головы и постаралась пригладить всклокоченные сальные волосы.

— Ну что с тобой творится, Вася? — ее голос был стопроцентно заботлив. — Во-первых, надо меньше курить…

Она пригасила свет, чтобы комната была менее заметна шальным снайперам и распахнула окно, за которым летели к земле толпы водяных капелек, заодно выкинула наружу неоконченную пачку сигарет.

— Во-вторых, пить и есть надо вовсе не эту гадость.

— Ну, пить пророк запретил, — криворото усмехнулся горе-программист,учитывая гарем из малолетних жен, это можно понять.

— В-третьих, не говори того, чего не понимаешь. У них был в первую очередь духовный брак.

— Ну, это само собой. И во время забав возносились духовно на воздуся… Асия Раисовна, я вам, наверное, надоел, завтра съеду, поищу комнату поближе к этой чертовой работе. Да уж, достала меня такая работенка. Обменял бы ее с удовольствием на лесоповал.

— Зря ты со мной не делишься, Вася. Я же тебя вроде и подбила на нее.

— Да вы тут ни причем. У меня личностный, совершенно экзистенциальный кризис, связанный с общей недоразвитостью.

Он поморщился, потому что подступила тошнота и голова загудела.

— Накушался, значит, Васенька. Это по-русски, — несмотря на неодобрительные слова, действия были ласковые. — Вон весь в каких-то красных черточках.

Он даже не обратил внимания на ее слова, чувствуя общую неловкость.

Она подошла к нему и запустила свои чистые пальцы в его засаленные всклокоченные волосы. Вначале кожа головы зачесалась, но ладони были мягкие, теплые и как будто успокаивающие.

Василий прикрыл глаза и открыл их, когда действительно полегчало. Перед глазами были и шея, и грудь Асии Раисовны в значительно расстегнутом халате. Немалые округлости сейчас спокойно лежали под фланелью, слегка натягивая ее в районе сосков. Зрелые выпуклости хорошо сохранившейся немолодой женщины. Зачем это, зачем?

А при повороте глазных яблок вниз были видны ее коленки, конечно, круглые и гладкие.

Василий сглотнул слюну — где-то гурьбой побежали гормоны — более того, в нижней части живота вне зависимости от сознания оживились плоть и кровь.

Ни-зя, ай-ай-яй. Она же как будто родня.

— Ну, прижми головушку, так лучше будет, — женщина как будто не чувствовала опасности момента. Или словно провоцировала ее.

Голова одним виском легла на ее грудь, рука Асии Раисовны потерла другой висок.

Лежать на теплом и пухлом было приятно, от ее ладони шла какая-то легкость вначале без эротического фактора, потом все более возбуждающая. Тяжесть уходила из мозга, глаз и жил.

Прямо перед носом была прикрытая одним слоем мягкой ткани выпуклость соска. Рука его легла на талию Асии Раисовны

— так как будто было удобнее прислоняться. Халат еще больше распахнулся, щека его заелозила по голой коже во впадине между двух главных элементов бюста. Желание прислониться сочеталось с нарастающим желанием присосаться, войти, проникнуть, вклиниться, ворваться. А потом разорвать и взорвать.

Все прошло совершенно автоматически. Он увидел лиловое небо и оранжевую вспучивающуюся землю, шипящую и извивающуюся грязь. Он знал, что любовь завершится смертельным поединком. И тот, кто победит, устроит из трупа побежденного любовника уютное гнездо для воюющих и пожирающих друг друга лярв. Те личинки и личинки личинок, которые уцелеют, прогрызут высохшую оболочку и вылезут наружу в Большой мир, чтобы встретиться, может быть, через сто лет. Но опять-таки для войны. Друг с другом или с кемто еще.

Василий с каким-то звериным урчанием опрокинул Асию на кровать, халат разошелся, оголив добротную мякоть. Он почувствовал каналы, спешно прорастающие в его теле, один из них понес буйную пробойную силу, нацеливая ее на вход в женский организм.

Но напрягшийся «прибор» был перехвачен ее рукой. Ладонь сжалась, и все тут же вылетело из него, как из тюбика.

Василий, матюкнувшись, опустился на диван, а Асия Раисовна вылетела из его комнаты, как воздушный шарик под порывом ветра.

Несмотря на разрядку, все тело было в напряжении. Василий поискал свой экстраморфин, но, похоже, Асия Раисовна выбросила заветный пакетик вместе с пачкой сигарет. Он хлебнул из бутылки с надписью «Водка язвенная». Потом стал собирать конструктор юного сексиста, но не хватило терпения, и «пожилой сексист» с яростью разбросал детали по комнате. Решил было покурить, но за сигаретами надо было двигаться в прихожую, где в кармане куртки лежала пачка «Екатерины Великой».

Дорога вела мимо ванной. Дверь выглядела незапертой, за ней плескалась вода. Бабья мякоть была там.

Василий рывком распахнул дверь. Асия стояла у раковины, но разом отшатнулась к стене. Халат ее был распахнут.

Он обхватил ее, раскорячил, почувствовал волну ярости, разворачивающую все его каналы, успел увидеть в зеркале свое лицо в сетке красных прожилок, может быть, более тонких и бледных чем в прошлый раз. Затем засадил окаянный отросток в «приемный покой» и стал блудно ворошить там. Канал чего-то вытворял, но Асия Раисовна справилась и подавила стон возмущения.

Заканчивали они уже на полу, все в той же ванной, благо, там

поролоновый коврик имелся. Ему хотелось ворваться в каждую ее клеточку, разорвать ее всю, но он не смог преодолеть запретов на каннибализм, поэтому в финальной сцене просто надавал партнерше по физиономии и похлестал скрученным мокрым полотенцем ее мягкую задницу.

Зверь поднял голову к лиловому небу и победно заревел. Краем глаза Василий успел заметить, что Асия слизывает капельки крови с разбитой губы и улыбается.

«Чтобы тебя лярвы сожрали, толстомясую», — сказал он напоследок. Кажется, сочетание экстраморфина и водки опять принесло бредовые результаты, как и тогда, в июне.

Однако спал Василий хорошо и приятно, без кошмаров. Утром он нашел на кухонном столе завтрак, оставленный заботливой Асией Раисовной. В этот день ему работалось гораздо лучше.

Для воссоздания динамического единства оставалось согласовать с десяток параметров, но теперь он уже уловил суть. Тридцать тысяч дочерних объектов сильно напоминали мелких гаденышей-лярв, которые беспрестанно дерутся и выедают тело родителя, однако стремятся совместно повышать ПОТЕНЦИАЛ ВЫЖИВАЕМОСТИ.

Динамическое единство стало складываться, когда Василий придал трем подсистемам несколько отличающиеся функции. «Желток» стал силовым источником, «белок» общеструктурным координатором, а «скорлупа» — защитным и формообразующим механизмом.

Теперь удалось применить методы сложносимметричного моделирования, разработанные «Майкрософтом» и Геттингенской школой.

Чтобы предотвратить одновременное разрушение всех объектов под воздействием непредсказуемого «белого шума», Василий еще более усложнил модель, внеся состязательность и обучаемость в поведение объектов. Теперь при сколь угодно опасной атаке хаотической внешней среды погибали не все «лярвы», а только более уязвимые. Остающиеся же лишь делались более устойчивыми, соответственно рос и потенциал выживаемости.

В тот день, когда в Франкфурте начались мирные переговоры между командованием исламистов и немецким правительством, Василий завершил основную часть работы. Впрочем, забугорные коллизии и катаклизмы так и не приковали его внимания, он даже не обратил внимания на то, что его родня, живущая в маленьком мекленбургском городке, не столь уж удалена от места главных разборок. Василий скорее беспокоился о том, как

будет тратить деньги, каковые предстояло получить по завершению главного этапа работы.

Главный этап завершился еще до обеда. Но Василия заставили ждать до конца рабочего дня. Почему не подождать, отчего не попретворять мечты в четкие планы-графики близкого отдыха? И даже бубнеж радиоточки не был помехой сладким мыслям. А после обеденного перерыва оно вовсю гудело о том, что мирные переговоры сорваны, что Франкфурт переходит под контроль боевиков, которые удачно использовали передышку, что правительственные силы под натиском «Волков Пророка» покинули еще несколько районов города, что исламисты используют захваченные банковские документы и электронные носители информации в своих целях, что начинается новая фаза финансового кризиса. Но Василий был спокоен несмотря на все запугивания — он знал, что наличные баксы ни при каких потрясениях не пострадают — и был в общем-то прав.

Однако под конец кинули ему лишь 2000 долларов: если считать вместе с авансом, только половину указанной в контракте цифры. И когда в руках Василия оказалась сумма, куда меньшая чем та, что могла возместить весь морально-психологический износ, он вспыхнул и задымился.

Недовольный работник грозно завис над бухгалтершой, но та скромно сказала, что выполняет поручения шефа, у которого имеются некоторые претензии к отработке контракта. Василий несколько стух, поскольку понимал, что, следуя букве договора, его можно прихватить сотней различных способов. А черноокая красавица-секретарша с удовольствием сообщила, что шефа сегодня уже не будет, да и завтра, в пятницу, тоже. Сами понимаете, у правоверных выходной. Так что, до понедельника.

— В вопросах отдыха я солидарен со всеми тремя религиями. — известил Василий. — Так что, в самом деле, до понедельника.

Когда он проносил свое тело сквозь контроль на выходе, мозги сжало спазмом. А когда Василий вышел на улицу и прошел метров этак двадцать, не более, свет вдруг ушел из глаз, оставляя весь мир во тьме и небытии. Последняя мысль была о деньгах, лежащих в заднем кармане брюк.

Очнулся он, потому что было жестко и холодно. Вскоре Василий понял, что лежит на каталке в каком-то мрачном холодном помещении со стенами из бетонных блоков — то ли в приемном покое, то ли в морге.

Щека сильно болела, Василий дотронулся пальцем — что-то липкое, или кровь, текущая из рассеченной кожи, или… фу, даже страшно подумать. Потом рука трепетно метнулась к заднему

карману брюк — о, блин, хорошо-то как,деньги все еще лежали там тугой пачкой.

Неподалеку щебетало радио, что исламисты блокировали неподалеку от центра города Франкфурта крупное подразделение бундесвера и сейчас применяют для его уничтожения опознающие миниракеты с расщепляющимися боеголовками, что правительственная танковая колонна не смогла пробиться на помощь осажденным и отступила, понеся большие потери, что правительство Турции открещивается от причастности к снабжению оружием «сил Ислама в Европе», что боевики базируются в новых исламистских государствах, чье образование Запад поддерживал в девяностых годах, что по непроверенным данным предводитель «Волков Пророка» Мехмет Айдин получил легкое ранение во время последних боев.

Еще радио сообщило, что в Атлантическом океане затонуло судно со стотонным собранием творений скульптора Железнякова, а в Папуа-Новой Гвинее террористы съели французского посла. Причем, по ошибке, приняв его за американского.

Василий стал слезать с каталки, но тут его остановил грубый голос:

— Лежать. Щас мент придет, он тебя оформит. — Голос принадлежал квадратному санитару, лениво выдувающему большие зеркальные пузыри из здоровенного комка баббл-гам, катающегося у него в пасти.Будут кокументы в порядке, сможешь слинять, если нет — они тебя заберут и станут твою морду лечить у себя в застенке.

— Спасибо, я свою морду лучше сам полечу.

Угрюмый мент пришел через полчаса. С Василием все обошлось, но какого-то переломанного гражданина сержант сбросил с каталки, сковал вдоль и поперек кандалами-самохватами и потащил за собой. Экранчик ментовского микрокомпа показал, что у калеки просрочена московская регистрация.

— Ну что, линяешь? — уточнил санитар. — В больнице оставаться не советую, до понедельника никто тобой заниматься не будет, а до той поры и так все живет. Жрачка у нас хилая, так что не надейся.

— По тебе не видно, что хилая, скоро уже ряха треснет, — почти мысленно произнес Василий и побрел на выход.

Когда он был у самой двери, слова санитара заставили его оглянуться и встрепенуться.

— Эй, мужик. Двести баксов, кстати, я у тебя взял. За охрану так сказать.

— Как это двести, какую-такую охрану? — сглотнув возмущение, спросил Василий.

— Ну, лежал же ты здесь словно какашка, а я тебя сторожил, чтобы никто твое достояние не спиздил. Тут вообще такое творится — яйца могут у пациента оторвать. Знаешь, сколько сейчас органы стоят на этой самой Гонконгской бирже?

Василий потрогал свои органы и поежился, но потом даже повеселел, что отделался дешево — всего парой сотен долларов.

Было около часа ночи. Когда он подходил к метро, его замел патруль. Может, что-то сбойнуло в канале связи, но из банка эмвэдэшных данных не пришло никакой обнадеживающей информации на Василия. Так что его продержали в КПЗ до вечера следующего дня, заодно просвечивая и сканируя на предмет ОВ, ВВ, опасных устройств типа гамма-излучателей и киберимплантов, перекодирующих мозг.

Его отпустили, когда в участке кто-то догадался еще раз связаться с банком данных. Но все равно пришлось оторвать от сердца еще 200 мозолистых баксов — иначе проверки длились бы минимум пару недель.

С удобством располагаясь на сидении в вагоне метро, Василий Самуилович был уверен, что на этом его мытарства закончились. Так оно и казалось до поры до времени. Но неожиданно на переходе между станциями поезд встал и тут же погас свет. Стало донельзя жутко, однако вскоре зажглись маленькие красные лампочки аварийного освещения. А потом послышался шум. Как будто кто-то открыл очень большой водопроводный кран с насадкой аэрации.

И в самом деле вскоре мощный поток воды захлестнул поезд, заставив его попрыгать, а стоящих и даже сидящих пассажиров попадать. Лишь немногие женщины смогли тоненько закричать, еще несколько слабонервных описалось со страха, а кто-то даже обкакался, сильно ухудшив качество замкнутого пространства.

— Спокойно, товагищи, — картавя, произнес военный в чине майора,вагон совегшенно гегметический. Вы посмотгите, какие мощные стекла, это настоящие иллюминатогы.

Мужественный офицер поднес фонарик к одному из «иллюминаторов» свежеспущенной подводной лодки. За стеклом как раз проплыл труп, у которого голова была насквозь пробита трубой.

— Ну что же, бывает. — бодро произнес бывалый военный, вселяя уверенность в остальных пассажиров. — На войне бывает, что голова в одном месте, а яйца, пгошу пгощения, за тги километга остались.

— Есть ли связь с поверхностью? — спросил кто-то на манер

подводников и как раз по поезду пролетел голос машиниста. — Граждане москвичи и гости нашего города, со станцией связаться не могу, но воздуху в каждом вагоне хватает на шесть часов не слишком активного дыхания. Так что, товарищи и дамы, не занимайтесь со скуки сексом и спортом.

Но уже через три часа некоторые пассажиры потеряли моральнопсихологическую устойчивость, покраснели и стали делать вид, что задыхаются. Военный начал показывать, как можно дышать по минимуму, одними порами кожи, именно так он делал вместе со своей ротой, когда моджахеды применили против нее самые жуткие газы.

Через четыре часа майор угрожал паникерам расстрелом. Через пять с ним первым случился обморок.

Через шесть часов воду из тоннеля еще не откачали, но подали воздух по шлангам. Полное освобождение состоялось только в воскресенье вечером. Пассажиров-подводников, пострадавших в результате крупномасштабной диверсии, развозили по домам специальные автобусы, показанные телевидением. Однако, когда провожаемый телекамерой, Василий вошел в парадную, на его плечо легла тяжелая рука. Он обернулся и увидел человека совершенно определенной наружности. Золотой клык вампира, чуб переменного цвета, медальон с голографическим глазом и бугры стероидных мышц выдавали в нем Робин Гуда 21 века, то есть цивилизованного рэкетира.

— Василий Самуилович, нам надо пообщаться, — произнес человек,внушительно перекатываюсь массивным телом с носок на пятки. — Ваши доходы резко увеличились. Нам это известно и не надо скромничать. Деньги могут стать злом, могут испортить вашу личную жизнь, но мы знаем, как сделать так, чтобы вы получали от них одно удовольствие.

— Кто это вы? Политбюро ЦК КПСС?

Человек поднес к лицу Василия большой кулак, но не для того, чтобы напугать. Кулак просто служил визитной карточкой, на большом пальце была голографическая радужная татуировка, изображающая сидящего орла с буквой "У" на груди. Справа от птицы была поставлена на попа атомная бомба, слева имелась книга. Такую татуировку не стоит подделывать, за фальшивку в зоне убивают лопатой, а на воле гранатой, но в любом случае сдирают кожу с ложным изображением.

— Университетская группировка? — на всякий случай уточнил Василий.

— Она самая.

Вася знал, что в этой могущественной банде состоят даже

профессора и студенты-отличники.

— Мы возьмем вас вместе с вашими доходами под нашу охрану.Рэкетир немедленно внес фамилию, имя, отчество и год рождения «клиента» в свой микрокомп, а также примерную сумму дохода. На экранчике сразу возник готовый договор между В. С. Рютиным и некоторой организацией с условным названием.

— Мы, Василий Самуилович, обеспечиваем защиту от криминального мира, наездов то есть, надежное обращение ваших денег, эффективное их вложение, немедленный возврат выданных вами займов, получение кредита под разумные проценты. Ну и так далее, полный сервис. Примерный перечень услуг я вам сейчас распечатаю.

Из прорези микрокомпа вылезла небольшая бумажка. Университетчик развернул ее — она была сложена вчетверо и оказалась в итоге нормального формата А4, даже без заметных сгибов.

— Во сколько мне обойдутся ваши, так сказать, услуги? — вяло спросил Василий, вертя в руках бандитский перечень.

— Двадцать процентов от каждого денежного поступления. Вы можете сегодня не расплачиваться, хотя скажу, что потом это будет дороже. Мы берем полупроцентную пеню в день за отсрочку. Другие подобные организации, кстати, до одного процента. Но мы уважаем деньги наших клиентов. Так вот, в случае задержки выплаты, через месяц первое физическое предупреждение, через два месяца — последнее.

Василий сразу представил свой расчлененный труп, валяющийся в мусорном баке вперемешку с гнилой рыбой и гондонами. Неприятное зрелище.

— Но расписаться нужно сейчас. — неторопливо рассказывал университетчик. — Приложите указательный палец прямо к экрану, у него сканирующая поверхность — и это будет вашей подписью под договором.

Василий растерянно посмотрел на палец и, не найдя ничего лучшего, почесал им в ухе. Затем пробовал проскочить к лифту, но университетчик броневым щитом тут же заслонил дорогу.

— Не будем ссориться, Василий Самуилович. Нам ведь еще долго работать вместе — я ваш личный куратор. И я не хочу хоронить вас в скором времени. Честно говоря, не люблю я этого. Вот вчера провожали одного приятного гражданина в крематорий, нелепая случайность произошла с ним, вдруг его зажало между двух дверных створок на выходе из лифта, а кабина еще поехала и… хрясь — в морге сшивали две половинки. — Университетчик слегка засопел, похоже, что вспоминаемая сцена доставила ему эстетическое удовольствие. — Хорошо сшили

гражданина, крепко… но лучше мы вместе выпьем лет эдак через тридцать, провожая вас на пенсию. «Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они,»— так кажется у классика.

И Василий решил не сражаться с непреодолимой силой.

— Ладно, давайте ваш экранчик. А вот двадцать процентов… надеюсь, мои деньги вас испортят.

Куратор не обиделся.

— Я понимаю ваши чувства. Вот вам, для укрепления атмосферы сотрудничества, маленький подарочек от фирмы.

Бандит-университетчик учтиво вручил новому подопечному говорящую конфету в виде девушки. Конфета нашептывала: «Съешь меня, дорогой, я вся — твоя», опять напоминая Василию о манящей незнакомке и в противовес словам рэкетира только усилила горечь обиды. Университетчик растворился в ночной тьме, нисколько не опасаясь патрулей и сообщив напоследок контактный телефон и свое прозвище. Звали его Аристотель.

Пока Василий поднимался с первого этажа, он из пожухлого листика превратился в яростного негодующего монстра. Уже в прихожей он заметил, глянув в зеркало, что его лицо украсила красная сетка прожилок, а глаза порыжели. Опять, опять!

Не снимая куртки и ботинок он прошел на кухню. Там Асия Раисовна колдовала у плиты.

— Устал, котик, — проворковала она, нисколько не обращая внимания на его «полосатость». Так же и он не обратил внимания на синяк у нее на скуле и разбитую губу. Она просунула ему руку под куртку, а затем и под футболку. Он левую руку положил ей на ягодицу, другой опрокинул в рот рюмку «Абсолюта», следом кинул туда же котлету прямо со сковородки. Затем бесцеремонно и грубо ухватился правой рукой за женскую выпуклость, оставляя жирные следы на ткани халата. Ну и потащил Асию Раисовну к столу.

— Да, остынь, остынь, рыжеглазый, — шептала она, — поешь сперва, вся ночь впереди. — Но сама требовательной рукой вползала ему в штаны.

Он кинул ее на стол, как кусок мяса, опрокинув заодно несколько стаканов, сам залез следом. Ладонь попала в блюдо с патиссонами, голова женщины мокла в соусе, но свирепые каналы требовали своего. Он опять ворвался в «приемный покой», а незадолго до финиша пробовал разорвать ее на две части, она коротко вскрикнула, но потом снова возрадовалась. В конце концов Василий, намотав ее волосы на руку, протащил женщину лицом по пролившейся сметане, хлестнул пару раз большим огурцом по заднице, вытер ладони об шелковый халатик и отправился в свою комнату. Свои любимые сосиски он не забыл захватить. А еще он преодолел сильное желание перегрызть ей глотку.

В понедельник Виталий Мухамедович появился на работе, однако с перевязанной рукой. Это обстоятельство что-то пробудило в мозгу Василия, он пытался вспомнить, что, но так и не смог.

— Никто не зажимает деньги, — стал неторопливо объясняться шеф. — Вы сейчас на верном пути, в хорошем рабочем состоянии, и мы просто боимся, что большие суммы могут вывести вас из равновесия и даже ввергнуть в неприятности, что также помешает нормальному завершению нашей общей работы.

Василий хотел было посопротивляться, отстаивая свои права человека и труженика, но потом подумал, что Виталий Мухамедович не столь уж далек от истины. Вон из тех трех тысяч баксов, которые столь недавно притекли, в короткий срок каюкнулось целых две «тонны», причем тысчонка ушла по чужой воле.

— Ну, Виталий Мухамедович, ежели вырисовывается такая забота о человеке и труженике, то может избавите от Аристотеля, который облегчил меня на шестьсот зеленых.

Виталий Мухамедович сразу пригласил в кабинет пару своих «быков» и проявил максимум внимания.

— Так кем он назвался и как выглядел?

После обстоятельного рассказа шеф торжественно пообещал, что бандит Аристотель больше никогда не появится на горизонте и вообще Василий будет до конца дней как сыр в масле кататься. Будущий «сыр» почти что даже поверил.

Впрочем, когда вечером Василий уходил с работы, в голове роились совсем иные мысли. О том, что его держат на крючке. Может даже и рэкетир был подставной. А когда подойдет срок полного расчета и прощания — то грохнут жадного до денег программиста на темной улице. И опять привиделся бак с гниющей килькой и личным трупом в собственном соку.

А может, кинуть все к черту и уехать — как-никак «тонна» зеленых еще в кармане. Немедленно отвалить. Сейчас прямо на вокзал — благо, паспорт с собой — и в Питер. А там за пару недель оформить выезд, и через Франкфурт, то есть через Берлин, в этот самый мекленбургский городок подаваться. Хотя жена и не зовет. Наверное, подклеилась уже к кому-нибудь, недаром она, якобы из чистого озорства, годами изучала брачные объявления.

Зарубка 5. (Москва — Центральная Азия, сентябрь 2001 г.) «Внос и вынос тела»

Он вышел на платформе «Национальная библиотека» и двинулся на другую ее сторону, чтобы отчалить в сторону Петербургского вокзала.

Какой там вокзал: два шага вперед — и Василия скрутило. Ударило по всем болевым точкам и линиям, вызвало нехватку воздуха и тошноту. Вдобавок и кровь хлестнула из носа, как из

сифона. Василий понял, что еще пару шагов в ту сторону и он классически околеет. Он повернул назад и боль стала униматься, стихать. А когда сел в поезд, идущий в прежнем направлении, то начал приходить в себя.

Он всегда считал, что жевание помогает нервам. Поэтому вынул конфету «говорящая девушка», подарок Аристотеля, и сунул ее в рот. Та сладострастно застонала, а он едва не сломал зуб. Внутри конфеты находилась ампула. Василий осторожно развинтил ее и увидел характерный порошок цвета морской волны. Да, запах и вкус тот же самый. Это — экстраморфин. Похоже, рэкетиры неплохо знают его вкусы. Ладно, пусть будет с волков хоть шерсти клок — Василий принял дозу.

На станции «Университет» гражданин Рютин отличался от других пассажиров, идущих к эскалатору, только своим бледным и окровавленным видом. Скорее всего, люди принимали его за жертву какого-нибудь очередного изощренного теракта. Омоновец, осуществляющий контроль на выходе, не оказался слишком придирчивым и поверил сообщению о легком естественном недомогании после гриппа. Василий с тоской переживал, что Виталий Мухамедович нашел способ привязать его к колышку. Было ясно, что комулибо жаловаться бесполезно, это только усугубит страдания и приблизит конец.

В этот день Василий опять вернулся к наваристым супчикам и зрелым прелестям Асии Раисовны. Пока он добирался до уютного жилья тети Аси, думал, что растерзает ее. Но когда оказался перед дверью, то уже утихомирил себя — он уловил, что его озверение почему-то потребно Виталию Мухамедовичу. Ну и той хищной ящерной структуре, которая снова оживает в нем, украшая красными полосками и снабжая свирепством. Эх, зараза, не привиделась она ему в Сибири, не приснилась. Но, может, опять рассосется, как в прошлый раз? Главное, пребывать все время расслабленным, не напрягаться, не психовать.

Василий Самуилович довольно мирно отужинал, хотя Асия Раисовна активно вертелась перед ним, и было заметно, что под новым шелковым пеньюаром нет даже трусиков.

Потом Василий отправился в свою спаленку и даже ухитрился заснуть. Но коварная баба, конечно же, проникла в его комнату. Когда он проснулся, она уже сидела на нем и теребила его стати.

Страшная картина вспышкой осветила его мозг.

Косматое лиловое небо. Желтые яростные фонтаны вздымаются от земли к низкому небу, словно пытаясь вонзиться в него и изранить. Он распростерт на оранжевой колеблющейся почве, а подруга оседлала его, пригвоздила когтями шести лап,

подрезала челюстеруками, придушила двумя хвостами и готова пропороть трехрядками челюстей его горло… Самое время, чтобы взорваться и смять ее в последнем рывке.

Его руки стиснули буфера Асии Раисовны, еще немного — и брызнула бы кровь, но тут он увидел на месте московской ведьмы сибирскую шулму Умай.

И как только засветилось ее лицо, ласковое как полная Луна, ушло и озверение, растаяла страшная сцена. Он довел дело до конца, как если бы с ним была Умай, то есть вежливо и ласково. И отправил в соседнюю комнату разочарованную Асию Раисовну, даже разок не съездив ей по физиономии. И спал как никогда спокойно за последние пару месяцев. А через окно его баюкала своими нежными лучами Луна-Умай.

На следующий день динамическая модель уже жила, уже объекты, активно состязаясь или сотрудничая, наращивали полезные навыки. Они все более противостояли воздействиям хаотической внешней среды и уже пробовали переналадить ее под себя, переходя на новый уровень сложности по методу Геделя-Штарка.

Но когда Василий брал передышку от своего трудового штурма, он понимал, что именно из-за этой задачи его и держат на коротком поводке, именно из-за нее его и должны грохнуть.

А если это не игрушка, не бессмыслица, прикрывающая отмывание денег, не биотехнологический проект, тогда что? Похоже, он даже не сумеет узнать это. Его могут убрать в любой момент — разберут на детали как отслуживший компьютер и — привет. Грусть сама по себе была то светлой, то темной, но все время сильной.

Вечером на станции «Национальная библиотека» он заметил ту самую девушку, манящую таинственную незнакомку, и практически в тот момент, когда двери уже закрывались. Он успел выдраться, потеряв половину пуговиц, в том числе весьма важную — с ширинки.

Молодка еще даже не заметила рвущегося к ней навстречу Василия, когда боль уже оглушила и остановила его.

Что делать-таки? Позади очень вероятная смерть. Но еще один шаг и — шок; охренение по высшему уровню. Пройдет ли он через это живым, или наступит каюк?..

Василий все-таки шагнул вперед.

ОНА подхватила его, когда он уже падал. Хотя все тело его вопило, он еще воспринимал происходящее и даже удивлялся ему.

ОНА чем-то попрыскала ему в лицо, отчего сразу полегчало, в смысле отступила боль, но зато пришла прострация. ОНА

потащила его по платформе и в итоге он оказался в какой-то каморке. В руке ее засиял лазерный скальпель, Василий даже охнуть не успел, как она рассекла ему кожу на лице. Из-за этого он крякнул, хотя и не очень звонко, потому что некая анестезия отчасти блокировала рецепторы и превратила боль в неприятное давление. Девушка поднесла к его физиономии машинку размером с электробритву. Та, пискнув уцепилась за какую-то жилку, а может и проводок, затем рванула, вызвав последний всплеск противных ощущений.

Вскоре наступила очередь портативного сшивателя. Операция закончилась наложением бинта-регенератора.

— Этот маячок вместе с нейроконнекторами снят с твоей скуловой кости, — на ладони девушки лежала маленькая полупрозрачная и мягкая пластинка с двумя тоненькими проводками. — Такой приборчик хорош для «косвенного» контроля, может обеспечить не только болевой удар, но даже летальный исход.

— Но когда мне его поставили? — только и смог произнести Василий не совсем послушными губами.

Девушка не удержалась от хмыканья.

— Очевидно, твой наморщенный лоб выражает мучительное раздумье. А хлопался ты лицом вниз без чувств, была щека потом разбита?

— Ну, была.

— Так нечего и жаловаться.

Молодка находилась рядом с ним, совсем близко, но он вынужден был говорить отнюдь не об их будущих взаимоотношениях.

— Значит, вы обо всем знали? — справился Василий.

— Догадывались. — скупо отозвалась девушка.

— А кто это «вы»? — не мог не спросить Василий, понимая, что опять имеет дело с таинственной организацией.

— Много будешь знать, голова отвалится, — девушка явно не поддерживала эту скользкую щекотливую тему. — Нам кое-что известно и о тебе, и о тех, к кому ты попал. Но разговор здесь мы продолжать не будем.

Она подхватила Василия за вялую руку, они снова вышли на платформу, спустились на ее конце в тоннель и остановились в полумраке. Ситуация стала еще более сюрреалистической.

— Ладно, перекурим и назад, — натужно пошутил Василий.

Девушка же глянула на экранчик какого-то прибора, видимо звукоуловителя, затем сказала:

— У нас есть минута.

— А если чуть побольше пообщаемся, мама нашлепает по

попке?

Но думал он совсем не о том. Девушка повела его прямо по путям, отчего Василий почувствовал себя крайне неуютно. Особенно это чувство усилилось, когда послышался шум идущего навстречу поезда. Еще немножко — и Василий сдрейфил бы самым позорным образом. Впрочем, девушка уже остановилась возле небольшого люка в мрачной стене, направила на него как будто пульт дистанционного управления, и сезам открылся.

Незнакомка стала чуть более знакомой, когда ее круглая попка оказалась на уровне глаз Василия — она первой нырнула в узкий туннель аварийного или ремонтного предназначения. И едва беглец-программист последовал за ней, как сзади массивным вихрем пролетел поезд. Девушка еще раз махнула пультом и люк затворился, обрезав шум.

Оказались они в трубе не слишком большого диаметра, не слишком чистой и не слишком сухой. Василий подумал уже, не откланяться ли ему сейчас, не отказаться ли от сомнительной прогулки. Однако девушка сказала неожиданно твердым даже металлическим голосом, не терпящим малейших возражений:

— А теперь иди вперед.

— Но я не знаю, куда. — залепетал Василий, ощутив напор превосходящей воли и свою морально-психологическую нетвердость. — Я здесь никогда еще не гулял.

— Я буду тебе подсказывать. Вот фонарь.

Василий еще больше усомнился в незнакомке. «А вдруг хочет выстрелить в затылок?»

— В задницу, чтобы работало две дырки вместо одной, — поправила его молодая женщина, которая неплохо угадывала мысли. И Василий стал уповать, что она просто не хочет выставлять свой задок напоказ.

Труба в итоге привела в коридор весьма мрачного вида, где сверху капало, а снизу активно текло.

Тут Василий подумал, а не является ли его новая знакомка какой-нибудь сектанткой. Не безобидной мормонкой или кришнаиткой, а мрачной сатанисткой. Говорят, те кладут свои черные требы в самых глубоких подземельях и обязательно приносят в жертву человека, которого так или иначе заманивают в свое логово, а потом с удовольствием кромсают.

Коридор уже сделал три поворота и два раза разветвился — идущий незнамо куда мужчина уже смирился с тем, что ни за что не найдет дорогу назад. Поток воды, в котором Василий мочил ноги, становился то бурнее, то глубже, то спокойнее, то мельче. Пару раз он даже проваливался чуть ли не по мотню. Василий боялся оглядываться на знакомку-незнакомку, чтобы не уйти под

воду с головой. По сторонам, где посуше, в том числе по выщербинам стены, пробегали крысы. Там же ползали мокрицы и слизни. Целый зоопарк. Иногда по подземелью проносились мрачные трубные звуки, напоминающие о песнопениях сатанистов. Василий, совсем возопечалившись, уже собрался непристойно согнуться в животе и сымитировать расстройство желудка — старинный трюк, как вдруг кусок стены повернулся перед ним вокруг какой-то оси и открылся вход. Достаточно было сделать широкий шаг через глубокую лужу, чтобы оказаться в помещении.

Поскольку Василий уже согнулся и застонал по поводу мнимой боли в животе, то поспешно разогнулся, поправил пиджак и шагнул вперед.

Это был светлый, чистый, обставленный, современный офис, неизвестным образом оказавшийся во глубине московских катакомб. Там, около компьютерного терминала, сидел человек приличного вида в бимонах, он неторопливо повернулся к вошедшим, а затем распорядился не без брезгливости:

— Туфли, Рютин, снимите и поставьте на коврик, чтобы грязь не размазывать. Брюки тоже, дама отвернется. Повесьте их на радиатор. Наденьте халат, а потом садитесь вот сюда.

Василий выполнил все указания, заметив, что коврик и радиатор стали очень горячими, а над ними включилась вытяжка. Модерновое кресло, в которое он плюхнулся, сразу выложило его тело в удобную позу и стало слегка покачивать. Но дико смотрелись неухоженные мозоли на больших пальцах голых ног, образовавшиеся вследствие ношения обуви не по размеру. Ведь собеседник был в красивом двубортном костюме и дорогих полуботинках, весь какой-то выглаженный, а незнакомка, названная теперь «дамой», была как и прежде в радужных туфельках и узких джинсиках — она явно прошла по воде аки по суху.

— Неплохо вы устроились, — сказал Василий, чтобы немного разрядится.

— С нами сотрудничает пара лучших диггеров. Но мы не так уж оторваны от поверхности, как может показаться. Обратите внимание, на легкое дрожание потолка. Это идет трамвай. — уверенно заявил приличный господин.

— Откуда вы знаете, что он идет, если не смотрите на потолок?поинтересовался Василий. — У вас что видеокамера на макушке?

— Ну это я на экранах вижу. Никаких видеодатчиков мы даже на поверхности не держим, ограничиваемся анализом колебаний грунта. Но, тем не менее, нам доподлинно известно, что делается

на участке улицы длиной в пятьдесят метров и даже — пролетают ли вертолеты на высоте, скажем, метров сто. Например, мы сразу в курсе, если из грузовика или БТР выпрыгнуло пара-трое солдатиков.

Человек отклонился в сторону и дал Василию увидеть на экране изображение улицы — трехмерное и детальное, с несколько схематичными контурами движущегося транспорта и пешеходов.

— Здорово. Ну и что я вам буду должен за посещение столь интересного места и избавление от опасности? — осторожно справился Василий. — Надеюсь, у вас твердые цены и скидка для работников творческих профессий.

— Вы должны будете вернуться обратно и более ничего. Если точнее, вернуться на работу, в свою фирму.

Василий напрягся и спинка кресла сразу стала массировать его спину.

— Обратно в чертову фирму? Вот те на. Это после всего… Это после того, что у нас было с этой девушкой. Она же форменным образом похитила меня.

— Мы исправим эту ошибку. Ей просто показалось, что вам нужна скорая помощь…— приличный господин полуотвернулся на своем крутящемся стуле, показывая, что время дискуссии уже окончено или еще не подошло. — Вы немедленно вернетесь обратно, потому что мы вас не желаем кормить и поить. Пока что. И завтра утром вы как ни в чем не бывало, отправитесь в свою фирму.

— И они спросят: "Где ты был, дорогой. Кто тебе выколупал «жучка» из морды?

— Будете говорить, что вам это совершенно неизвестно. Мол, стал случайно добычей каких-то бандюков, которые утащили метров на сто, а потом уловили свою промашку и дали пинка под зад.

— Почему вы считаете, что мое начальство верит сказкам братьев Гримм?

— По-моему, эта сказка вполне современная. — довольно легкомысленно отозвался собеседник.

— А если они сказок вообще не читают?

— Ну, не волнуйся, мы тебя не бросим, — наконец вмешалась девушка, которая успела за время разговора навести макияж, выпить кофе и прочитать кипу распечаток, кинув их затем в мусорную корзину.

— Мы будем следить за тобой, — добавила она.

— Как? Тоже вошьете «жучок»?

— Не будь занудой, Василий Самуилович. У нас есть свои

способы, но это уж, извини, секреты кухни. Я ведь нашла тебя, когда надо было.

— Кому надо было? У кого есть свои способы. Кто вы? — снова задал Василий давно наболевший вопрос. — Вы из КГБ?

Но плоховоспитанная девушка опять отмахнулась от ответа.

— Из КВД.

— Не важно, какая у нас запись в трудовой книжке, — снова вступил в разговор мужчина в элегантном, но строгом костюме. — Для вас мы просто ангелы— хранители.

А сам похож на менеджера, управляющего, высокопоставленного клерка, для которого ничего цифирек не существует. Если цифирьки сойдутся удачно, то в конце года отдых на престижной Ямайке, бронзовотелые девушки первого сорта и обслуживание под пальмами по высшему уровню.

— А мне не надо знать, как зовут ангелов? — задался вопросом Василий.Ну там, Гавриил, Рафаил. Или Сатанаил. Я всегда думал, что говорить «эй, ты» — невежливо.

— Чтобы не говорить «эй, ты», называйте меня Лев Константинович, а вот ее, конечно же, Зина… Теперь о том, что нас интересует. Ваша фирма. Вы уже поняли наверное, что она непростая, с гнильцой. Особенно нас беспокоит ее директор.

— А, Виталий Мухамедович.

Лев Константинович тут же что-то ввел в компьютер. Он пользовался виртуальной клавиатурой и длинные пальцы его просто пробежались по воздуху.

— Василий Самуилович, вы каждый день видели его на работе в последнее время?

— Похоже, он приболел. В четверг был только до обеда, в пятницу вообще отсутствовал, так что я узрел его лишь сегодня, кстати, при перевязанной руке.

Лев Константинович и Зина едва заметно переглянулись.

— Слушайте, мне наверное что-то будет, если я стану отвечать на подобные вопросы, — забеспокоился Василий.

— Если не станете отвечать, точно будет. К примеру, получите постоянную прописку в одном из этих коридоров, — сказал Лев Константинович без всякой стали в голосе, совершенно буднично и легко. Но стало ясно, что когда дело требует, послаблений он не дает.Тут много бездокументных костей валяется, начиная от питекантропов и кончая современными умниками. Ну ладно, мы отвлеклись. В каком году, Василий Самуилович, вы демобилизовались?

— В девяносто первом. Почти как десять лет. — прилежно изложил Василий.

— Да, все верно. — согласился с его сведениями

собеседник. — В общем, если что, я думаю, с оружием справитесь.

— Да не надо мне оружия, Лев Константинович, мне бы свои деньги получить вовремя и израсходовать самостоятельно.

Собеседник впервые усмехнулся. Похоже, он знал о судьбе Василия гораздо больше, чем было ведомо самому Василию.

— Надо, Василий Самуилович, надо. Вы влипли в очень плохую историю. Девять шансов из десяти, что вы выйдете из нее вперед ногами, один — что на своих двоих. И этот шанс обеспечиваем вам мы. По-моему, грех им не воспользоваться. Естественно, мы не Красный Крест или другая благотворительная организация. Поэтому требуем взамен кое-что. Самую малость. Во-первых, вы перестанете кому-либо верить кроме нас.

— Даже Асии Раисовне не верить?

— А уж ей-то особенно, — вмешалась Зина, — старая опытная шлюха и подельница твоего Виталия Мухамедовича.

— Но она же родственница моей матери, то есть бабушки.

— Бекмурадовы прокляли твою бабушку за то, что она осмелилась выйти за русского и никогда с ней не общались. Ну и почему сейчас вдруг всплыла Асия Раисовна?

— А почему прокляли-то? — Василий активно удивился.

— Да потому что он потомок графа Паскевича, покорявшего Кавказ и воевавшего Турцию.

Тут Василий осознал, что беседа из малоприятной стала анекдотичной, и это несколько разрядило его нервишки.

— Паскевича?.. Всего лишь Паскевича. Ну было б понятно, являйся я потомком, скажем, Ермолова… Но, кстати же, у меня фамилия матери. Почему тогда я Рютин, а не Паскевич?

— «А почему я не знаю историю.»— передразнила Зинаида. — Большевики очень любили стрелять в людей с дворянскими фамилиями.

— Значит того дело требовало, — защитил большевиков трудоголик Лев Константинович.

«Насчет фамилии согласен, а вот насчет проклятия Бекмурадовых верится с трудом. Похоже на заимствование из романа.»

— Экспресс-тест показал, что вы принимаете «оранжевый туман», являющийся синтетическим производным лизергиновой кислоты,сказал Лев Константинович как бы невзначай. — Причем довольно давно. Так что микродозы ведут к постепенному нарастанию психотических явлений.

— Как это? Я бывает глотну экстраморфина, но не более того, если, конечно, не считать амфетаминов и прочей ерунды. — всполошился Василий, который довольно стыдливо относился к своему увлечению.

— И как давно вы глотаете этот так называемый «экстраморфин»?

— Со времен службы в армии. — и заозирался словно ища поддержки со стороны того самого майора Айболита. Или не доктор он уже, а настоящая наркоскотина?

Пока Василий поражался очередной сотворенной над ним мерзости, Зина поднесла ему на блюдечке удлиненную мягкую пилюлю и стакан воды, чтобы запить.

Он взял стакан и заметил, что пилюля слегка извивается.

— Эту дрянь я хавать не буду, — заупрямился Василий, — тогда уж прямо расстреливайте.

— Эта пилюля — твоя жизнь. — довольно патетически произнесла Зина.Во-первых, она — твой маячок, с его помощью мы сможем следить за тобой. Во-вторых, эта пилюля будет компенсировать воздействие «оранжевого тумана», если тот вдруг окажется в твоем так называемом «экстраморфине»; но все, конечно, до определенного предела. В то же время врагу нашу пилюльку обнаружить очень непросто, потому что она перемещается у тебя в кишечнике на манер ленточного червя. Кроме того, и другие хитрости есть.

— У меня что, своих глистов мало? — риторически вопросил Василий и заглотил пилюлю. Надо ж как-то отбиваться от «оранжевого тумана».

В животе, как ему показалось, у него что-то заползало, а Лев Константинович тут же проверил через компьютер, прошел ли устойчивый сигнал от маячка.

Он кивнул, и это означало, что сигнал есть и к тому же время аудиенции истекло. Василий Самуилович одел хорошо просохшие штаны и туфли, затем сказал «до свиданья» в спину занятого делами Льва Константиновича. Осталось перешагнуть лужу в обратном направлении. Зина провела Василия обратно коридорами да туннелями «подмосковных» подземелий и в конце концов вывела на платформу.

— Ну что, пора прощаться, — сказал он с некоторой грустью, озирая свои увлажнившиеся штаны. Не по мотню, но все-таки.

А еще Василий Самуилович по-прежнему отвергал мысли о том, что девушка по прозвищу Зина — холодная, расчетливая и опасная.

— Пора, — довольно охотно произнесла девушка. В ее руке появился какой-то баллончик. Раздалось пшиканье, в нос мужчины ударил резкий запах и… свет вдруг потек струями, а когда он снова стал обычным, то Василий увидел себя на платформе, среди толпы. Он не знал, сколько вот так простоял среди толкающих его тел, под злобное шипение «Застыл как

памятник… Наширялся… Похоже, обоссался… Встал как хер поутру».

Часы показывали десять-сорок. Он помнил, что вышел из вагона в восемь-тридцать. А потом что?..

Кажется, ему стало больно, плохо, потом наступила пустота. Значит, он простоял как столб, в умственной отключке, более двух часов. Кажется, он снова видел «ту» девушку, но так и не смог дойти до нее. Проклятье, непруха. «Зина». Откуда взялось такое старомодное имечко? Надя или Соня, это еще куда ни шло. Ладно, будем в своих грезах сорокалетнего почти неженатого мужчины именовать этот женский образ «Зиной». Пальцы машинально помусолили лицо и нащупали новый шрам, крест-накрест лежащий на предыдущем. Василий решил, что он, возможно, упал, рассек щеку, попал в медпункт, там его накачали анестезией, зашили и вывели в придурочном виде наружу — чтобы не загромождал тесное помещение. А что штаны мокрые — так это энурез проклятый. Или собачка сделала метку. Или уборщица-грубиянка плеснула из ведра. В общем, объяснения не хуже других.

И Василий снова приехал к Асие Раисовне. От ужина не отказался, однако не стал реагировать даже тогда, когда она явилась к нему в комнату и начала принимать всякие вызывающие позы. Ее зрелые формы кружили перед ним в свете ночника словно две комнатные луны. Ящер пытался расправить свои каналы, но Василий обманул его. Он задвигался с Асией Раисовной в танце, отчего та доверчиво прижалась к нему. Однако Василий потихоньку отвальсировал ее за пределы комнаты, а потом юркнул обратно, запер дверь и сдавил свою голову двумя подушками. Гадкое полузадушенное хихиканье над растерявшейся искусительницей пересилило воздействие зверя.

«Ищи свою подругу, ящер Яша, чапай по оранжевой булькающей грязи, но только без меня.»— сказал программист незнамо кому и погрузился в здоровый сон.

Около десяти Василий явился на работу, просквозил сквозь все детекторы и сел на свое место. Однако где-то спустя час его вызвали в комнату, которая находилась неподалеку от кабинета Виталия Мухамедовича. Однако стены здесь были без обоев, пол, что называется, цементный, окна с опущенными жалюзи и всего один стул. Когда Василий вошел, кто-то, оказавшийся сзади, подвел его к этому стулу и аккуратным, но настойчивым нажатием усадил. После чего свет лампы стал есть глаза, а поток холодного воздуха от вентилятора начал неприятно трепать макушку. Все в классических канонах. Спереди тоже стоял человек, но в полумраке он был виден только как квадратный

силуэт. Так что напоминал камень, утес, геологическое образование.

— Рютин, где вы были вчера с восьми-тридцати до одиннадцати?спросил тот, кто находился сзади.

— Я вышел на платформу, оттого что стало не по себе, потом находился в какой-то отключке, затем снова вошел в поезд и поехал домой…

После этих слов Василий поближе познакомился с цементным полом. Из-за сотрясения он не сразу сообразил, что тот, кто сзади, вышиб из-под него стул. На цементе осталось мокрое пятно, это выпали слюни изо рта.

— В следующий раз надо будет баночку подставить, — весело сказал тот, что сзади. Стало ясно, что от своей деятельности он получает чистое легкое удовольствие, как иной человек от употребления вишневого варенья и персикового компота.

— Вот садисты, — прошептал Василий. — Зверолюди.

— Ошибаешься, — гоготнул тот, что сзади, — пока наша жестокость где-то посредине между СС и ОБХСС. Как там у классика, «то стан совьет, то разовьет и нежной ручкой морду бьет». И не зверолюди мы, а специалисты в области общения.

— Можно ведь быстро увеличить общительность, — сказал тот, что спереди, голосом, который выдавал кавказца. — Да только потом придется полгода на лечение потратить. На лекарства целое состояние уйдет. Так где ты был с восьми-тридцати до одиннадцати?

— Я же говорю, в отключке. Наверное упал и ударился, наверное, попал в медпункт, наверное там дали анестезию, когда зашивали щеку. Ну и амнезия с энурезом случились.

Сейчас весь лежащий организм от мошонки до фолликул сжимался в предвосхищении следующей атаки палачей. Плюс испытывал он моральную муку. Василий понимал: имей он, что сказать, обязательно бы растрепался любому врагу родины. Лишь бы не ударили, да так, что на полгода в больницу.

— Амнезия-анестезия… вот сука брехливая. — произнес тот, кто сзади.Кажется наш друг сейчас прищемит пальчики между дверей. Или голову. И будет потом идиотия.

— Не торопись, Денис, — сказал тот, кто спереди. — Может, человек и не врет.

— Саид, ну какой же это человек? — оспорил тот, кто сзади. — Это яма с дерьмом и гора дурости.

Сейчас Саид встал полубоком и Василий с пола мог получше его разглядеть. Коренастый плотный сын гор кого-то ему напоминал. Василий вспомнил неожиданно быстро. Саид смахивает на того кошмарного воина, который рассек саблей

капитана-сибиряка, но был сразу же разорван на куски гранатой. Прямо брат-близнец, если не по чертам лица, то по излучаемой мощи. Попадешься ей на пути, раздавит как паровой каток.

Василия подтащили к креслу в углу, которое вначале и не было заметно. На лоб, запястья и щиколотки моментально легли захваты. Также была зафиксирована вся левая рука. Из какой-то панели вылез автоматический шприц с тепловым самонаведением и метко куснул в вену. Василий сразу поплыл, стал погружаться в какую-то гущу, неторопливо растекаться словно пролитое варенье.

Потом все как бы снова приняло формы и затвердело. Он увидел себя на платформе, за спиной поезд набирал скорость, превращаясь с каким-то тягучим звуком в реку из огоньков. Василий не видел всей платформы, частью она была настолько размазанной, что напоминала странный серо-желтый туман. «Иди», — говорил ему какой-то властный голос. Он шел, туман все сгущался и наконец Василий застыл в сплошной желтизне, как в густых сливках.

«ОТРЕЗОК ПАМЯТИ НА М35-25 У НЕГО ПОЛНОСТЬЮ ПРОМЫТ.»услышал Василий чей-то трубный голос.

«ЛАДНО, ПУСТЬ ПОПЛАВАЕТ, А Я ПОЙДУ ПОКА С ШЕФОМ ПОГОВОРЮ.»

«МОЖЕТ, УВЕЛИЧИТЬ ПОЛОСУ ВОЗБУЖДЕНИЯ?»

«ТЫ ЧЕГО, МУДАК? У НЕГО ПОСЛЕ ЭТОГО ИНСУЛЬТ БУДЕТ.»

"НУ ХОТЯ БЫ СМАЗАТЬ ЕМУ ПО РОЖЕ, УЖ БОЛЬНО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ.

«Я ТЕБЕ СМАЖУ, СОПЛЕЙ НЕ СОБЕРЕШЬ. ОН ЖЕ СЕЙЧАС НА ГРАНИ. КОРОТНЕТ ЗОНУ, И СТАНЕТ ОН ИДИОТОМ. А МОЖЕТ, ШЕФ ХОЧЕТ ИЗ НЕГО СДЕЛАТЬ СВОЕГО ЛЮБИМОГО СОТРУДНИКА.»

«ТЬФУ ТЫ.»

А Василий снова видел, как капитан Лялин стреляет в старушку, спящую на ковре. И после этого за командиром тянется какой-то красный след. На конце этого следа возникает яркая звездочка, которая нагоняет сибиряка, превращаясь в демонического воина… Василий снова тащил раненого капитана по саду, а следом стелился багровый шлейф. Чертов воин опять возник искрой на этом хвосте и стал догонять быстро, как болид. А когда Василий перелезал через стену, воин-болид догнал капитана и ударил его саблей, отчего тот сразу померк. Взрыв гранаты, похожий на какую-то разбушевавшуюся саламандру, разметал демона, однако осталось от него алое пятнышко, которое не гасло, а разгоралось все ярче, улетая в даль по какому-

то каналу. А потом канал свернулся и наступила непроглядная ночь…

Когда снова настал день, то Василий увидел перед собой Виталия Мухамедовича.

— Вы разочаровываете нас, Василий Самуилович, — укоризненно молвил чернобородый господин.

— Но я действительно ничего не помню! У меня провал памяти. Я сам из-за этого переживаю.

— Все равно, это случилось благодаря вашей разболтанности, вашему внутреннему бунту.

— Да, у меня моральный упадок, у меня припадок, кризис, психозис. Я уволен? — со слабой надеждой спросил Василий.

— Нет. Работа еще закончена. Но ваше сознание было перелопачено. Хотя в вашем мозгу мы не обнаружили каких-либо электронных или киберорганических имплантов, вы могли быть закодированы простой гипнопедией и быстрораспадающимися психопрограммными средствами вроде миконала. Так что необходимо пройти карантин.

Что такое карантин по Виталию Мухамедовичу, вскоре стало доподлинно известно. Какие-то ражие хлопцы уложили Василия на носилки (может потому, что его еще качало) и спустили в подвал. Он ожидал, что его там начнут растворять в ванне с царской водкой и понемногу сливать в канализацию, но обошлось. Его просто приковали наручниками к крепчайшей трубе, проходящей от одной стены до другой вдоль третьей. Что тоже было обидно.

Единственная мысль, какая сейчас содержалась в голове прикованного узника, была такова: «Почему я такой несчастный? Одним — мерседесы со встроенными туалетами, мавзолеи с трибунами, мемориалы с портретами в сто квадратных метров, на Мартинике курорты, блядки в Монте-Карло, внимание прессы. Другим — то по роже, то под зад, и сортир в кустах. Или в подворотне.» Единственное утешение, которое пока подвертывалось, было таковым: «В следующее рождение все окажется наоборот. Утомят меня эти „мерседесы“ и золотые писсуары. Буду тайком от прессы в подворотне нужду справлять.»

Непрометей Прикованный безрезультатно подергался на цепи, попрыгал на попе и на ногах, постучал каблуками по трубе. Поозирался.

Помимо всякого неинтересного хлама в углу подвального помещения стоял какой-то массивный аппарат, похожий на раскрытую книгу. Он явно работал, мерцали индикаторы на панели управления, от него доносилось негромкое, но напряженное гудение. Еще Василий заметил глазок видеокамеры,

установленной совсем невысоко на тоненьком кронштейне — ничего особенного, сейчас это хозяйство чуть ли не в каждом сортире монтируют.

Все, просмотр окончен, дальше пялиться было некуда. Настало время физических упражнений. Руки были свободны настолько, чтобы он мог залезть в карманчик джемпера — а там лежала ампула с экстраморфином, мучители почему-то не изъяли ее. Василий глотнул дозу, а потом стал развлекать себя, вспоминая содержание статей из пятьдесят восьмого тома «Брокгауза-Ефрона». В конце концов, он вздремнул, так бывает, если очень неуютно и подсознание умнее сознания.

Когда он проснулся, то обнаружил, что массивный аппарат переместился неясным образом в центр помещения. А на потолке, над аппаратом, колышется зыбкое световое пятно. К тому же воздух между аппаратом и потолком как будто сгустился. В конце концов там образовалось что-то вроде светового столба. Василий не удержался и швырнул в него осколок кирпича. И этот осколок, оказавшись внутри столба, стал медленно-медленно падать вниз, словно был пушинкой.

От столба быстро протянулись в разные стороны побеги, они натянули и скрутили пространство комнаты, разделили его на сегменты. Одни сегменты были как будто затвердели и треснули, другие словно разжижились, линии там поплыли и цвета перемешались.

Аппарат раскрылся, словно книга, и Василий увидел внутри… камень неправильной формы, но со следами обработки и какими-то высеченными знаками — собственно все побеги, корежащие пространство, исходили именно от него.

Один из побегов стал напоминать канал, по нему поплыла, откуда-то из угла, яркая звездочка, которая превратилась в алое пятно и… пятно сконденсировалось, обернувшись в итоге силуэтом. Внутри столба стоял человек. Причем человек, известный как Саид, близнец того демонического воина, который погиб в поединке с капитаном-сибиряком.

Василий мигом уловил, что Саид явился по его душу, еще до того, как тот вышел из столба. А к кому же этот мучитель еще мог придти?

Узник же мог перемещаться только вдоль трубы, до одной из стен — так что никаких шансов на спасение.

Саид покинул столб, сделал несколько движений как слепой, а потом направился прямо к прикованному Василию. Никакого оружия у кавказского здоровяка не было, но играющие мускулы и желваки ясно выдавали его намерения. Он был настроен явно враждебно, как один зверь по отношению к другому зверю,

оказавшемуся на той же охотничьей территории. На лице был отпечаток транса, только не пассивного, когда сопля из носу и улыбка до ушей, а агрессивного, боевого — который у малайцев прозывается «амок», а у викингов «берсерк»

Василий побежал вдоль стены, понимая со стыдом, что поступает действительно как неразумная тварь. Вот уже конец пути, конец жизни, бетонная стена, выплеск отчаяния. Отчаяние неожиданно переросло в ярость. Притом могучую.

Где-то неподалеку была подруга. Так хотелось разорвать ее, вкушая блаженство, но между ним и ей стоял соперник, помеха, которую следует убрать.

И тут подвал из объемного стал куда более плоским, будто нарисованным, а за ним зашевелилась какая-то глубина. Дальше больше — замкнутый набор плоскостей, проклятая геометрия Евклида, которая неумолимо обрекала Василия на гибель, потеряла свою незыблемость. И дотоле ясная картина немного расплылась, как будто даже обмякла и провисла. Ширма таяла и исчезала, а за ней проступал облик другого, Настоящего мира. И тот из призрака быстро становился полноценным и полнокровным.

В бетонной стене, как в зеркале, Василий увидел свое изображение. Физиономия вся в страшноватых полосках, радужки глаз порыжели, а задравшийся джемпер показывал, что полосы бегут и по телу. В теле шевелилась ящерная структура, ее канальцы-отростки прощупывали каналы Большого мира. И Василий фиг знает как, но понимал это.

Стальная труба вдруг рассопливилась, расщепилась на несколько отдельных струек. То же произошло и со всеми поверхностями помещения. Они тончали, теряли плотность и непроницаемость. От форм оставались струящиеся линии, от линий — какие-то вектора.

Теперь было видно, что помещение — просто зыбкий пузырек, стиснутый несколькими пространственными глыбами, за коими колебалось еще великое множество схожих сегментов. И это были сегменты не от мира сего, они примыкали сбоку, снизу и сверху к нашей реальности. И наш мирокмиришка был сильно сжат тем, что находилось вокруг него.

Василий в конце концов должен был признать, что наше обычное пространство — это просто блин, сильно сдавленный пространствами необычными.

Сегменты разделялись зазорами-пропастями, которые уводили незнамо куда, однако же соединялись каналами как будто трубчатого-стебельчатого вида. Те были четко видны даже и там, где сами сегменты уже сливались в сплошной туман.

Казалось, что пространственные глыбы — просто почковидные вздутия, случившиеся на этих каналах. Более того, Василию подумалось, что вообще имеется лишь один канал, один Путь, но зато хитросплетенный, а все остальное — только производное от него.

И каналы, и сегменты Большого мира были совершенно неясных размеров и габаритов, то ли громадными, как млечные пути, то ли крохотными, уменьшающимися на кончике носа.

Детский сон не обманывал Василия. Даже в сплошных стенах имеются двери!

Вдох всем телом, вспышка, толчок, дверь открылась перед ним, зазияв в расщепившейся вдруг стене, и Василий попал в канал. Тут уж гражданин Рютин помчался со скоростью много тысяч километров в час, почти потеряв все чувства из-за такого спринта. Он как будто превратился в длинную струю воющего вещества. Полет этот продолжался неизвестно сколько. Но потом снова открылась дверь, Василий влетел куда-то и мигом сплющился, вернув себе прежние габариты.

Он снова был в подвале, по-прежнему в наручниках, рядом с трубой, только уже не прикованным к ней. Однако рано было радоваться.

Саид грозно топал к нему, тоже разукрашенный красной татуировкой, с яркими алыми радужками, собираясь поотбивать пыль пудовыми кулачищами. Василий опять прощупал своими чуднЫми отростками пространство… Он почувствовал что-то вроде вертящихся дверей, те втянули его, крутанули, ненадолго стало жутко, но в итоге его вынесло… в другом конце комнаты. Впрочем, и Саид моментально оказался рядом с ним.

Потом Василий хотел повторить подвиг, вдохнул, но наткнулся на какую-то преграду, там, где ничего по идее не было, ни стены, ни шкафа. А затем что-то оттолкнуло его и он полетел кубарем. Едва Василий поднялся с пола, как его куда-то потащило и даже прилепило. Прилепило к пустому месту. Однако едва страшила Саид приблизился к Василию, как почувствовалась сильная тяга. Распахнулась дверь, его всосало куда-то словно струйку жидкости и снова — скольжение, скачок, отрыв.

Вначале все происходило почти случайным образом. Дверей и каналов было много, трудным казалось не попасть в какой-нибудь из них. Потом Василий стал работать головой и выбирать. Его набравший опыта взгляд уже различал ближайшие сегменты и пути, соединяющие их. Уже можно было составлять маршрут.

Вдох, вспышка, толчок и движение. Как будто скользишь или же напротив продираешься, преодолевая сопротивление; в любом случае стенки канала давят на тебя, хотят схлопнуться, и

приходится раздвигать их. Покуда хватает силы. Она тоже вливалась в него — на вдохе будто заноза вонзалась в самую сердцевинку, да еще заодно и током шарахало. Все пути пока что были болезненными.

Что касается сегментов, то одни из них казались твердыми, как будто каменными и вдобавок многоплоскостными. Плоскости-поверхности пересекались и соединялись совершенно невероятным образом, нисколько не мешая друг другу. При попадании на какую-нибудь из поверхностей тело отражалось подобно лучу, упавшему на зеркало. Впрочем, являлось ли это телом? Василий не ломал кости при жестких соударениях и не набивал шишки, хотя испытывал массу неприятных ощущений. В том числе чувство жесткого контакта, сотрясение, не имеющее конкретной привязки к членам и органам. Само сознание стало страдающим веществом, оно растягивалось, расщеплялось, раздваивалось и какое-то время чисто шизофренически не могло собраться воедино.

Другие сегменты были мягкими, упругими, словно водянистыми. Состояли они, казалось, из живой плоти. Тело в них тормозило, как будто даже растворялось, утопало, переваривалось, а потом выбрасывалось назад — так желудок извергает вредную пищу. «Растворение» опять-таки не вело к потере членов и органов, но душа просто изнывала от потери четкости, смешения всех мыслей и ощущений.

Теперь можно было драться без оружия — реализовалась извечная мечта каратистов-ушуистов об энергетических ударах. Руки и ноги обладали твердой и резкой поражающей силой, грудь и спина — толчковой и упругой. Пожалуйста, и врезать, и уронить. Надо только решиться.

Имейся зрители у этого «спектакля», они бы увидели, что два человека появляются и исчезают в разных местах подвала. При этом и вращаются, как юла, и падают плашмя, словно сковородки, и делают «бочки» с «иммельманами», как истребители, и «двойные тулупы», словно фигуристы, и медленно плывут, что твоя рыба, и взмывают, будто птицы. При этом один человек как бы преследует другого и пытается до него дотянутся.

Зрители бы видели, что разные части тела у этих шибко подвижных людей то растягиваются, то укорачиваются, иногда расплываются или утончаются.

Вот бородатый крепкий мужчина своим кулаком размером с искусственный спутник пытается приголубить тощего субъекта по хлипкой спине. Но тощий субъект тут же изгибается и срывается с места словно шпилька, выброшенная рогаткой.

Внушительный мужчина стремится следом, вот он исчезает и

появляется снова, но почему-то вращается сразу вокруг двух осей. Мимо проносится тощий субъект, его положение немногим лучше. Он сучит ногами и машет руками, как будто это может сделать его полет управляемым. Неожиданно ноги его укорачиваются, а руки вытягиваются. В результате, прежде чем замерцать и исчезнуть, он поражает атлета в бок. При том последней исчезает тощая рука, она, наверное, с секунду летит совершенно одна, как палка, брошенная в воздух.

Противоборствующие бойцы меняют свои относительные размеры, то тощий субъект становится мухой, витающей около зубов противника, то крепкий мужчина делается размером не больше шмеля и норовить ужалить врага в нос.

Но никакие зрители не знали бы, что Василий подметил уже некоторую симметрию «твердых» и «мягких» сегментов пространства. Он ринулся по ним, словно по уступам, в какую-то неведомую даль. Затем резко замер в мягком сегменте, надеясь, что преследователь просвистит дальше — себе на погибель.

Но Саид тоже затормозил, хотя и завращался при этом, затем аккуратно стал выбираться со скользкого участка в соседнем твердом сегменте. Василий собрался было дотянуться до преследователя и отвесить роковой удар, но чтото подсказало ему: нельзя. Отдача бросит его обратно по скользкому каналу и утопит в слюнявой гуще.

И тогда В.С. Рютин изобразил взволнованность и полное неумение, он так и заколебался на одном месте, однако нащупал уже жилку покрепче, с которой можно было отпрыгнуть. А Саид подумал о Василии, как совершенно затравленной добыче. Но в действительности, она оперативно отскочила именно в тот момент, когда охотник рванулся к ней изо всех могучих сил. Этого мягкий сегмент не выдержал. Василий успел убраться из него, а вот Саид с разгона вошел в «кисель» и потонул в нем бесследно. От страшного вопля напоследок содрогнулись все пространства.

«И чего это я его утопил? Он мне даже слова плохого не сказал.Василий Самуилович победно хохотнул, но быстро остыл и поправился.Привидится же такая чертовщина. Похоже, наширяли меня психоделиками те двое, Саид и мудила Денис. А у меня и так мозги ослабленные из-за экстраморфина. Паразиты. Хотя порой глюки были забавными. Но самое главное: то, что я был прикован к трубе — полная неправда и фуфло.»

И вс" же, хотя психика пыталась скомпенсировать чудеса и диковины каким-нибудь скучным прозаическим объяснением, было ясно, что без чрезвычайных происшествий не обошлось.

Василий находился в том же самом подвальном помещении,

но сейчас его густо заволокли туман и дым. Посредине подвала искрил массивный аппарат, и было непонятно, работает ли он еще; по крайней мере от камня, лежащего на подставке, все-таки исходила слегка заметная сетка каналов. Зато активно трудилась система пожаротушения, ее розетки на потолке живо испускали струйки какой-то ядовитой химической гадости. Стена треснула, и щель была достаточной, чтобы распрощаться с подвалом и выйти прямиком во двор дома. На одной руке остался браслет от наручников и даже кусок цепи. На полу валялась сорванная с кронштейна видеокамера. Василий понял, что только раз в жизни появляются такие прекрасные дырки в толстых стенах.

«Авария что ли какая-то приключилась.»

Он сделал шаг и почувствовал, как сложно ему сейчас сориентироваться в пространстве, и воспринимать самого себя. И руки, и ноги были, как ему мнилось, странной длины и казались не очень связанными с телом. И руки, и ноги, и тело, и обстановка подвала будто кружились вокруг его головы по своим орбитам на манер спутников.

«Отравление токсическим парами. И это вдобавок к моей „полосатой“ болезни, к моей наркомании.»— объяснил сам себе Василий Самуилович и не забыл посетовать на свою загубленную жизнь. — Что завтра? Радиоактивный цезий в кармане трусов?"

Однако в глубине души Василий понадеялся, что происшествия все-таки в его пользу.

Аппарат еще раз напомнил о своем существовании, когда загорелся и развалился на куски. Посреди кострища лежал камень. Василий не смог удержаться и направился к нему, по дороге беря под контроль свое тело. Кроме того, он машинально подобрал и сунул в карман видеокамеру.

Камень был с какими-то древними письменами и знаками. Василий поднес руку к антикварному предмету и почувствовал пучок исходящих от него каналов, словно бы росли на нем жесткие пышные волосы.

Василий сжал руку, чтобы схватить его и положить на память в карман. Но тут разряд боли пробил руку. Камень не дался. Впрочем, напряжение тут же снизилось, а на правой ладони, которая пыталась схватить предмет, появилось небольшое пятнышко с гладкой как будто глянцевой поверхностью. Затем… камень стал полупрозрачным, зыбким и словно втянулся в пятно стайкой лазерных лучиков.

«Опять глюки начались. До чего это мне надоело. Я хочу обратно в реализм!»

Больше заниматься обстановкой подвала было некогда — Василий чувствовал, что сейчас к нему со всех ног бегут люди.

Надлежало тикАть с максимально возможной скоростью. И он устремился в свободный проем.

Первый встреченный во дворе человек издал короткий всхлип, затем повалился в обморок.

Василий сделал еще несколько шагов, с удивлением замечая, что мостовая тоже идет трещинами, а за ним тянется розовый шлейф. Затем обернулся, поняв, что его след оказался в чьих-то руках. Из того пролома, который он только что преодолел, а также из двух окон, относящихся к фирме Виталия Мухамедовича, выглядывали ловцы. Раз — и в сторону беглеца полетели быстрые белые ленты. «Наверное, клейкие, с присосками, биополимерная дрянь», — подумал Василий. Но потом он заметил, что они еще извиваются и, похоже, ищут его своими сенсорами.

Но не успел он представить себя в виде Лаокоона, удушаемого искусственными змеями, как откуда-то сверху упала, однако не разбилась парочка каких-то граждан в камуфляжной хамелеоновке. Свалились они и, отскочив от мостовой наподобие чертиков, заняли позиции за мусорными баками.

Тут же началась стрельба с применением автоматических гранатометов, и весь воздух оказался засыпан мелкой золотистой фольгой — для снижения видимости и увода самонаводящихся боеголовок, как догадался Василий. В атмосферу еще взлетела густая стайка алых шаров, тоже для создания помех меткой стрельбе.

Один из вновь прибывших граждан зацепил Василия каким-то поясом, потом ухватил под правую руку, аналогично поступил и другой человек, только стиснул левую руку.

После этого вс", что было внутри беглеца, куда-то провалилось. Он, едва придя в себя от перегрузки, увидел, что ноги у него болтаются в воздухе, одна туфля даже слетела; а внизу, метрах в десяти, осталась крыша дома с антеннами разных видов. А тот двор, с которого он стартовал в небо, стал просто колодцем, заплывшим золотистым дымом.

Из этого дымка ярким огоньком вылетела ракета; она, прочертив белую линию, разорвалась как будто возле утреннего солнца, но на самом деле бубухнула, уткнувшись в один из алых шаров.

Потом стал стремительно приближаться земля по ту сторону дома, вернее проезжая часть улицы. Вместе с двумя сопровождающими Василий влетел в открытый кузов какой-то большой машины, после чего тот сразу стал закрытым, сомкнувшись над головой. А напарники по недавнему полету сразу исчезли, оставив беглеца-летунца в гордом темном

одиночестве.

Лишь когда немного привыкли глаза, стало ясно, что Василий Самуилович находится в замкнутом кубе, на него пристально смотрит зрачок инфравидеокамеры, а все освещение составляет крохотный красный плафон в углу, где гордо располагался унитаз, собственно и составляющий почти всю обстановку «помещения».

Да, здесь был горшок, почему-то мягкий, и надувной матрас, являющий собой лежанку. Присутствовал, как вскоре выяснилось, и столик, представляющий из себя крышку унитаза.

Помимо этого имелись только штаны и джемпер, в которых его уволокли с рабочего места. Плюс одна туфля. Карман брюк, как выяснилось, был порван, и из него исчезла микровидеокамера с записывающим блоком, который мог бы когда-нибудь что-то прояснить.

Похоже, Василий Самуилович снова сделался узником и ему предстояло отбыть в этом ящике неопределенный срок заключения, то ли пятиминутный, то ли пожизненный. Судя по покачиваниям и инерционным нагрузкам, узник вместе со своей камерой куда-то перемещался. Только куда и зачем?

Когда нечего делать, то как правило не о чем думать. Небольшая группка мыслей в конце концов усохла до трех последних, самых стойких: вопервых, ему ничего не понятно, во-вторых, от него ничего не зависит и, в третьих, ясно только то, что он нечаянно стал пешкой в игре каких-то крупных игроков.

Когда человеку не о чем думать, мозг отступает на второй план, а на первый выходит желудочно-кишечный тракт. Владелец желудка, человек Василий, стал отчаянно колотить в борта контейнера, кричать, что ему положено пятиразовое питание, но это ничего не дало. Спертые крики задохнулись в тесном объеме. Василий был фактически в гробу, а в гробу не положено пятиразовое питание.

Гроб на колесиках, да еще с унитазом. Как же смеются наверное те, кто похоронил его заживо. Унитаз там, где нечего есть. «Без говна нет жизни»,сформулировал умирающий мозг последнюю мАксиму. Василий грустно присел на краешек толчка, стремясь хоть как-нибудь использовать его. И тогда заметил небольшую панель напротив. Ткнул ее пальцем и на ней появилась надпись: «Запрос удовлетворен». Через полминуты с тихим шипением панель поднялась, открыв щель. Оттуда выполз разогретый многосекционный паек, вроде тех, какими пользуются солдаты элитных частей.

Василий насыщался медленно и с чувством, стремясь израсходовать как можно больше бесполезного времени. В конце

концов, паек сделался просто пустым подносом, узник запихнул его обратно в щель и стал оценивать свои ощущения. Контейнер уже не покачивало, как бывает при автомобильной езде, а лишь мелко-мелко трясло. Похоже, он перемещался по воздуху. Часа через три тряска несколько усилилась, как бывает при снижении воздушного судна.

Неожиданно включилось радио. Оно рассказывало о том, что продолжается перетекание денег из солидных банков в сомнительные финансовые учреждения. Федеральная резервная система США ведет повсеместную их проверку, но причин для лишения лицензии как правило нет. Весьма тревожен и уровень обналичивания. «Чейз Манхэттэн Бэнк» потерял пять миллиардов долларов на игре с куплями-продажами валют, тем не менее правление его до сих пор не приняло решительных мер по прекращению опасных спекуляций. Наблюдается отток капитала с фондового рынка, индекс Доу-Джонса упал за три дня на девять пунктов, а ДАКС на целых пятнадцать. Напротив резко подскочили цены на золото и платину. Экспертам пока неясно, насколько за всем этим стоят исламисты… Штурмовые подразделения бундесвера наконец смогли пробиться во Франкфурте к зданию главного вокзала со стороны Майна. Однако очистка занятых районов от боевиков затруднена повсеместным минированием. Население города страдает от артобстрелов и бомбежек, предпринимаемых командованием правительственных сил, а также грабежей и насилий, проводимых боевиками. До сих пор неизвестно, как долго собираются исламисты удерживать город. Последние несколько дней Мехмет Айдин не выходит в эфир. Возможно, он готовит новую акцию. Есть сведения, что она пройдет в Гамбурге… Волжско-уральское командование сил ислама провело краткосрочную операцию в российском городе Екатеринбурге. Боевики после взрыва главных ворот пытались проникнуть на территорию секретного оборонного предприятия, известного как «Три Тройки». По одним сведениям эта вылазка носила лишь разведывательный характер, по другим — служба безопасности завода дала нападающим достойный отпор. Один высокопоставленный сотрудник ЦРУ, пожелавший остаться неназванным, заявил, что на предприятии «Три Тройки» русские разрабатывают кибернетические импланты и биосимбиоты, вживляемые в так называемых «неживых-немертвых»… На вооружении у моджахедов появилось лазерновирусное оружие. Узконаправленный луч может нести на себе крохотные микроорганизмы в виде вирионов и буквально проталкивать их через разные преграды. Два подразделения полиции, несшей патрульную службу на франкфуртской улице

Оффенбахер Ландсштрассе, ослепли из-за сильнейшего вирусного коньюктивита…

Радио еще что-то рассказывало, страшное и поучительное, когда Василий неожиданно оказался в состоянии невесомости. Его чуть не вырвало недавним пайком, но после мощного толчка, который воткнул тело узника в мягкий унитаз, вес, по счастью, вернулся. Однако затем случился еще один толчок — а Василий уже валялся на полу — кости словно вырвались из мяса и рассыпались, органы тоже взлетели, чтобы следом шмякнуться обратно.

Контейнер определенно замер. Но через секунду, когда Василий не ожидал уже никаких резких изменений, борта упали в стороны, причем вместе с одним из них отлетела и крышка. Темница рухнула.

Узник поднялся, опираясь дрожащими руками на горшок, и осмотрелся. Сердце забилось сильнее. Он и распахнувшийся настежь контейнер находились посредине песчано-каменистой пустыни. Восходящее солнце перебрасывало длинные тени через скальную гряду, протянувшуюся километрах в семи от его месторасположения.

Василий понял, что он крупно залетел — в смысле далеко и надолго. Для подтверждения догадки он подавил на кухонную панель. Та откликнулась грустным сообщением: «Запрос отклонен. Полное снятие с довольствия.» Василий отчаянно нажал клавишу, включающую унитаз. Но и тот, выдав скудную струйку вместо веселого ручейка, затих навеки. Распавшийся контейнер уже заносило песком, и толку от него было как от мавзолея. Однако уходить не хотелось. Без жрачки, без питья, без оружия, без денег, под палящим солнцем, в одной туфле — долго ли человек протянет, прежде чем станет очередной мумией? Если бы хоть полуботиночек был из натуральной кожи — как-никак уже еда.

— Сволочи, чтоб вас закинуло на северный полюс и чтоб из одежды один презерватив, — послал Василий мощное проклятье неизвестным мучителям и заметил как отреагировало его собственное тело — багровые прожилки пересекли руки. Зато на ладони глянцевое пятно сильно поблекло. Впрочем, мозгу сейчас было не до теорий, он мучительно занимался совсем другими вопросами.

— Паскуды, хоть бы огрызки оставили, — негодующе завопил горепрограммист и поразил ногой тот бортик, из которого через кухонную панель раньше вылезала еда. Тот неожиданно поддался, треснул, и распалившись из-за этой податливости, Василий кинулся курочить его. Когда он дал выход своей ярости,

взгляду открылся футляр. Василий вытащил его и расколол одним махом. В нем лежало три саморазогревающихся солдатских пайка на пиропатроне, несколько плиток шоколада, две пластиковые бутылки с водой, стандартный медпакетик, там же имелся нож, скорее боевой, чем кухонный, парусиновая шляпа, пара каких-то кроссовок, рюкзак, чтобы весь нехитрый скарб утащить.

Но самое главное, в футляре обнаружился крутой боди-комп неизвестного производства со спутниковой системой ориентации, плоскими бимонами, СКВ-, инфра— и прочими разъемами, мультиштеккерами и впридачу даже с микрофонами, как будто для синхронного перевода.

Василий сложил пожитки, обулся, накинул рюкзак на плечи, нахлобучил шляпу и коснулся сенсорной клавиатуры скоростного боди-компа. Сперва запросил спутник о своих координатах. Канал был открыт, и после сверки с картой Василий узнал, что нынче обитает в Центральной Азии, неподалеку от китайско-киргизской границы, причем со стороны Китая, в полупустыне Тарим. Услышав такое, как не впасть в отчаяние? Но прежде, чем это сделать, Василий решил пообщаться с боди-компом и узнать, что в него там напихано. Также возможно, что в подкорковой глубине души программисту хотелось просто поиграть с машинкой во что-нибудь задорное и немного оттянуться.

Едва он начал общаться с операционной системой бодика, как перед ним возникла некто «Зина». То есть, не вживе, а в виде образа на экранах бимонов. Имя было как будто известным, а изображенное лицо… да! напоминало о той незнакомке, с которой он переглядывался на станции «Национальная библиотека». И это было учтено таинственными создателями софта.

Потом, когда Василий уже начал пересекать пустыню, и выслушивал трепотню системы, ему стало казаться, что он как-то уже общался с настоящей Зиной. Хотя, возможно, это произошло во сне или в прошлой жизни.

— А мы случаем не виделись с твоим, так сказать, прототипом? — сказал Василий в микрофон, прилепленный к вороту джемпера.

— А это совершенно сейчас неважно. — отозвалась компьютерная Зина.

— Согласен. Я просто хотел узнать, что знают обо мне твои создатели.

— Но у нас с тобой один Создатель, — веско напомнила Зина.

— Ладно, оставим теологические темы, я ведь учился не в семинарии, а в холодильном институте. Чего хотят от меня те,

кто забросил меня в эту пустыню в железном коробке?

— Непонятка. — отозвалась Зина, как обычная программа. — По-новому сформулируй вопрос.

— Что я должен здесь делать: петь, плясать, вышивать?

— Искать, — кратко отозвалась компьютерная Зина.

— Поди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что. Вы, что, лучшего поисковика не могли найти? Или, может, большего дебила?

— Не скромничай, большего дебила найти трудно, и к тому же знаешь, что искать. Ты взаимодействуешь с некими объектами необычного происхождения. Мы изучили резервную запись с видеокамеры, которую ты унес из подвала. Фирма Виталия Мухамедовича неспроста тебя зацапала.

— Значит, про Виталия Мухамедовича вы тоже в курсе. Странный мужчина… Погоди, с какими-такими объектами я взаимодействую?

— Словосочетание «Яйцо дракона» тебе не о чем не говорит?

— Ну, называл я кое-что Яйцом. — поделился Василий. — Это была всего лишь программная модель, с которой я работал в фирме Виталия Мухамедовича. Чтобы выведать об этом деле, не надо было тащить меня в Китай.

— Слушай, не корчи из себя крутого программиста-динамиста вроде Зелигманна или Чечельницкого. Ты у нас на других ролях, что-то вроде медиума.

— Стоп, вы явно пересмотрели по видаку мистики вперемешку с шпионскими боевиками. Я не медиум и не наживка для особого объекта! Да, я болею странной болезнью, которую условно называю «полосатостью». Она сопровождается некоторыми видениями, но тут уже виноват экстраморфин… Я не представляю, о чем ты тут талдычишь… Отвезите меня обратно, а?закончил он на минорной ноте, понимая, что обратный билет так просто заработать не удастся.

— И мы не вполне представляем, что ЭТО такое, нытик ты эдакий. Не очень представляем, но заранее уважаем и даже боимся. Не зря ведь ЭТИМ интересуется Виталий Мухамедович.

— Да на кой хрен вам Виталий Мухамедович? Вы что из МУРа? Он же обыкновенный мафиози… Нет, МУР не повез бы меня за десять тысяч километров за свой счет.

— Необыкновенный мафиози. — кокетливо произнесла Зина. — У нас есть некоторые соображения по поводу его основной деятельности.

И тут Василия снова осенило. В самом деле, отсутствовал Виталий Мухамедович во время большой заварухи во Франкфурте, а потом вернулся с перевязанной рукой. Однако о

своей догадке Василий промолчал. Черт его знает, с кем он контактирует. Но Зина словно прочитала его мысли.

— И ты догадался, что он может быть Мехметом Айдином.

— А меня политика не интересует уже лет десять. Мне до фени Мехмет ли он Айдин, Айдин ли Мехмет. Мне нужно, чтобы он заплатил мне, а вовторых, чтобы отвязался от меня. В этом я вашей помощи, похоже, не дождусь.

Тут показалось Василию, что бодик общнулся с кем-то через спутник. По-крайней мере, мигнул красный индикатор.

— Ты же любишь решать задачки, — подначила Зина. — Представь себе, что Виталий Мухамедович может быть не только Мехметом Айдином, но и…

— Красной Шапочкой или… Джафаром Акбаром! — не удержался от выкрика Василий.

— Да, им тоже. Главарем исламистской диверсионной сети.

— Тьфу зараза. И на фига ему сдалось мое программирование?

— А ты подумай.

— А у меня условия неподходящие для думания. Нет даже камня на который можно присесть и подпереть голову кулаком по древнегреческому примеру.

И тут сестренка Зина сделала громогласное заявление:

— Не хочу говорить высокопарно, но ты ему нужен, чтобы подчинить весь мир. Вернее ты ему нужен, чтобы разобраться с Яйцом, а вот уже оно…

Василий был внутренне подготовлен ко всякого рода несуразностям, бессмыслицам, нелепым гиперболам и так далее — все-таки писатель со стажем, — но тут он даже присвистнул:

— Слушай, может ты какая-нибудь игровая программа типа «Царицы всея Земли»? Ну объясни, хотя бы в двух словах, как можно с помощью одного какого-то яичка подчинить целый мир? Я понимаю, допустим, член с яичками — — это другое дело… Тебя запрограммировали на подобный разговор?

Пауза. Боди-комп в лице сестренки Зины молчал. Василий уже подумал, что система зависла и теперь отсчитывается какое-то время до автоматического перезапуска. Заодно он сознавал, что движется по пустыне куда глаза глядят. А глаза глядели в сторону темного пятна у подножия скал — растительность, вода?

Опять мигнула красная лампочка и Зина сообщила:

— Я девушка воспитанная. И меня не запрограммировали на разговор о каких-то там членах и яичках. Так что попрошу впредь воздержаться от оскорбительных намеков.

— Виноват-с, принято, — Василий даже щелкнул по-офицерски своими хилыми каблуками.

— Ну, тогда я кое-что тебе, пожалуй, расскажу. Устраивайся поудобнее и слушай, только не забывай топать именно в ту сторону. Успеешь добраться до скал до той поры, когда солнце повиснет в зените, молодец. Не успеешь — превратишься в высохшую какашку.

— Вот это известие поважнее будет, что всякие сказки об яичках,буркнул Василий, однако же компьютерная Зина приступила к повествованию.

— Все началось с изучения гробницы Цинь Шихуанди, древнекитайского императора, близь города Шаньян…

На контактных экранах появилось изображение: раскопанная императорская могила, в ней длинные ряды глиняных воинов в натуральную величину со всей амуницией и даже конями — из было тысяч пять не меньше.

— Гробница была открыта в семидесятые годы, а три года назад группа ученых из Франкфурта проводила ее обследование при помощи всякой современнейшей аппаратуры, СКВИД-детекторов, гравиизмерителей, нейтронно— радиационных, нейтронно-активационных, гамма-спектрометрических и рентгенорадиометрических приборов и датчиков. Выявились сильные гравитационные и магнитные искажения, причем, как говорится, на пустом месте — там, где их не должно быть. К исследованиям привлекли доктора Кон— Анбрехта, светило в области метаструктурной физики. В результате изучения феномена он пришел к выводу, что источник искажений — черная дыра, микроскопическая, но стабильных размеров, через которую утекает в никуда до одного грамма вещества в год. Другой исследователь, крупный востоковед, доктор Эдельштайн, недавно, кстати, пропавший без вести во время боев во Франкфурте, обнаружил в одной из средневековых уйгурских рукописей интересную запись. Некий-де китайский император получил от правителя второй небесной долины Яйцо дракона, которое могло даровать быструю победу над всеми правителями, что есть на этом свете. Император будто бы попользовался им несколько раз, но ужаснулся тому, что натворил — а из истории известно, что Цинь Шихуанди в самом деле был очень сильный и жесткий властитель. Так вот, император уловил, что может завладеть подчистую всем миром, но, в итоге, и варвары, и «черноголовые», то бишь родные китайские подданные, полностью лишатся жизненных сил, а Поднебесная исчахнет на корню. То есть, подарочек с секретом оказался: попримерял его, тут все сила «ци» и уйдет к хитрющему небесному правителю. Чтобы правда об Яйце владычества не стала известной кому-то еще, император быстро приказал сказнить 70 тысяч мудрецов — а

то, что Цинь Шихуанди уничтожил поголовно ученых-даосов, является историческим фактом.

Яйцо дракона было каким-то образом разделено на три части, затем их разослали по трем сторонам света. Если точнее, «белок» был послан на запад, в страну Сиванму — а западом тогда китайцы считали даже Тарим и Гоби. «Желток» остался при императоре и впоследствии лег с ним в могилу, над которой были пущены воды реки — в древности до захоронения в самом деле невозможно было добраться, но впоследствии искусственное русло, к счастью, пересохло. Ну, а третья часть, «скорлупа» была послана на север, в страну динлиней.

Далее в уйгурском трактате писано, что жрецы некой темной религии — в которой угадывается тибетская Бонпо — неоднократно пытались достать это Яйцо по частям. По представлениям авторов рукописи, бонпосцы хотели соединить все части воедино, чтобы из него снова родился герой Гэсэр, в котором воплотится божество войны Дайсун-тенгри. Этот самый Гэсэр, он же Дайсун-тенгри, будет обладать такой колдовской силой и таким непобедимым войском, что покорит двенадцать «злых ханов», к коим относится и китайский император, и повелители западных земель. Ну а всем остольным тошно станет.

Авторам-уйгурам было еще известно, что темные жрецы Бонпо все-таки сумели с помощью демонов «дре» выудить «желток» из запечатанной гробницы и передали его Огуз-кагану — который по нынешним представлениям является владыкой-шаньюем гуннов по имени Модэ. В самом деле, именно при Модэ гунны после многолетних неудач и прочих обломов, вызванных хитроумной китайской политикой подкупов и интриг, начали весьма успешные завоевательные походы на Запад. Успешность дошла до такой степени, что гуннами были истреблены доселе непобедимые воинственные племена и могучий наследник Модэ приперся аж на самое «закатное море». Кстати, гуннский вождь Атилла и в самом деле помыл свои пятки в средиземноморской водичке. Но рукопись нас извещает, что «желток» в конце концов крупно ему подгадил — гунны вместе со своим властителем отдали жизненную силу небесным «благодетелям», погрязли в разврате и обжорстве, и более того рассеялись. Исторические данные подтверждают это.

Между прочим, доктор Эдельштайн, как всякий порядочный германец, сразу посчитал, что сказание о «Золоте Нибелунгов» каким-то образом связано с гуннским «желтком». Однако «желток» выплывает по новой опять-таки в Азии — видимо, какой-то кочевой вождь проделал вместе с ним путь гуннских орд в обратном направлении, ну и попался в итоге к жрецам Бонпо.

Новое воплощение Гэсэра и Дайсун-тенгри бонпосцы увидели спустя семьсот лет — какой пустяковый срок — в молодом Темучине из племени кераитов, то есть Чингисхане.

Когда этот монгольский юноша получил часть Яйца от потирающих руки жрецов, то из обычного бандита-отморозка превратился в величайшего полководца всех времен и народов.

Тридцать тысяч монгольских воинов прошли, выкашивая на своем пути все живое, от Китая до Италии. Однако «желток» откачал куда надо жизненную силу не только побежденных-истребленных, но и победителей, превратив в ничто саму Монголию.

Собственно уйгурская рукопись о судьбе «желтка» больше ничего не сообщает, но доктор Эдельштайн считает, что тот попал к Тимуру.

Этот хромоногий самаркандский эмир, которому не давали спать подвиги Чингисхана, прославился многими жестокостями и бессмысленными убийствами, а также башнями из черепов. Тем не менее, из среднеазиатского начальника средней руки он превратился во властителя огромной державы, простиравшейся от Волги до Индии. Но в итоге и она рассыпалась в пух и прах. А «желток», по мнению Эдельштайна, был вложен в гробницу Тимура. В связи с чем, дескать, и существовало поверье, что если кто-то откроет могилу этого средневекового деятеля, то на мир оттуда выйдет страшная война.

Зина тут же расположила на экране публикацию из газеты «Правда» от 20 июня 1941 года о вскрытии гробницы Тимура в Самарканде. Что было дальше — известно. Эдельштайн, конечно же, полагает, что именно «желток» помог Сталину одолеть Гитлера, однако в этой мясорубке оказалось перемолотым будущее Европы и в результате победы СССР не было создано ничего разумного, доброго, вечного.

Ученый из Франкфурта уверен, что «желток» являет собой определенный предмет, скорее всего камень, что в июне 41 года он был перевезен в один из ленинградских музеев — ведь гробницу Тимура вскрывали именно ленинградские археологи — и именно поэтому на этот город приходятся самые большие потери. Доктор Эдельштайн извел кучу времени, разыскивая «желток» по всем питерским музеям и даже библиотекам. Но так и не нашел.

По мнению франкфуртского поисковика «желток» был оттуда уже кем-то свистнут и сейчас вовсю играет свою роль генератора агрессии, воли, напора, неукротимости, по-прежнему толкая человечество к энтропийному концу. Между делом, Эдельштайн дает жизненной силе «ци» более точное название «энергия

негантропийно-холистической дифференциации» и считает, что Яйцо в самом деле отнимает ее у людей и передает — если не обитателям второй небесной долины, то по крайней мере каким-то зловредным инопланетянам. Эдельштайн чуть ли не божится, что «желток» находится в руках исламистов и уже отметился в Иране, Чечне, Боснии, Алжире, Нью-Йорке и так далее (сейчас в сей список можно добавить и Франкфурт)…

Все время рассказа Василий выдерживал направление на темное пятно у подножия скал. Солнце пекло с нарастающим садизмом, вода из бутылей помогала все менее и все быстрее подходила к концу, ступни ног, казалось, плавились в дармовых тапках, а из места соединения спины и рюкзака текла все время река, напоминающая исток Волги. Рассказ Зины, который вначале немало развлекал, превратился постепенно в досадливый бубнеж. Из-за картинок, сопровождающих голос, приходилось идти в бимонах и каждую секунду вытирать пот, стекающий по лбу на глаза. Василий пару раз вспоминал тот странный камень из подвала, который растаял у него на глазах, но тут же забывал про него — не до того было.

— Ладно, Зина. Про остальные части Волшебного Яйца ты мне будешь рассказывать в более приятной обстановке, где нибудь на границе Италии и Монте-Карло. — сказал Василий недовольным голосом и поискал ампулу с экстраморфином. Нету, пропала, зараза, во время его приключений, вот и карман порван…

— Собственно, рассказывать о них нечего, — к великому удовольствию слушателя сообщила компьютерная Зина. — Эдельштайн нашел о «белке» лишь одно упоминание, и то вскользь, в той же уйгурской рукописи. Там говорится, что это великое оружие, дающее ловкость, хитрость и умение управлять людьми и духами — то бишь резонатор каких-то руководящих сил. По некоторым косвенным данным он имеет форму кривого клинка — по крайней мере в рукописи говорится о его сходстве с молодым месяцем.

— И я сейчас должен по-быстрому найти этот «молодой месяц»?

— Ты удивительно догадлив.

— Блин, с этого и надо было начинать. Я могу заодно отыскать и «пожилую луну». Кто-то уверен, что мне приятно делать ТО, что другим и в голову не придет. Надо заметить, что твои создатели — шизики по высшему уровню. Наверное они считают, что «желток» я уже съел.

— Мои создатели ничего не считают. Все мы находимся в свободном поиске и хватаемся за любую возможность во имя

спасения мира. Вспомни, что ядерная бомба родилась из в общем-то неудачного эксперимента профессора Беккереля, когда он случайно засветил фотопластинку пакетиком, в котором лежала урановая соль.

— Спасибо за аналогию. Она очень вдохновляет.

— Ты, Василий, должен представлять задачу в целом, поскольку мы не считаем тебя всего лишь собакой-ищейкой. — доверительно произнесла компьютерная Зина; и голос у нее был действительно хорош. — Скорее всего «белок» находится здесь, в пустыне Тарим. Наши предварительные исследования показали здесь наличие небольшой гравимагнитной аномалии, схожей с той, что была в гробнице Цинь Шихуанди.

— Ну сами бы все и обследовали. Приделали бы тебе железные ноги в босоножках на гусеничном ходу, стальной бюст пятьдесят четвертого размера со встроенным миноискателем, и вперед.

— А на что ты тогда? Ты ведь человек особенный.

Не наркоман, не глюколов, не больной на голову и другие части тела, а особенный! В это хочется поверить. Василий сразу чуток загордился.

— На особенных все ездят. И вообще, что мне за это будет хорошего?

— Ну, получишь воздушный, то бишь компьютерный поцелуй. Или чтото вроде секса по телефону. Только при этом я буду совсем рядом с тобой, так что можно даже потрогать, а еще первые пять минут интима — бесплатные. Фирма угощает.

Тут с Василием случилось что-то вроде мини-обморока. В ушах забили колокола, в глазах размножилось солнце, сердце заметалось, как хорек в клетке.

Он ослабевшими руками вылил на себя остатки воды из первой бутылки, затем выкинул из мешка два пайка из трех. Стало чуть полегче, да и компьютерная Зина наконец заткнулась. Это было кстати — до наступления полуденного пекла оставалось не более часа, и за это время надо было добраться до скал.

Спустя километр он окончательно выдохся. Наверное, более всего он сейчас мечтал о твердой западноевропейской мостовой — двигаться по каменной крошке и песку казалось занятием для одних верблюдов. А скалы будто и не приблизились — так, по крайней мере, казалось из-за поднявшегося от земли знойного марева. В этом мареве виделись Василию какие-то призрачные фигуры, которые перемещались и даже как будто махали ему, да и сами скалы напоминали стадо динозавров.

Но на самом деле он приближался к ним, ведь местность в общем получила уклон вверх. К верблюжьим колючкам и

мертвым саксаулам вскоре добавились жесткие травы. Напряжение нарастало, потому что поле зрения все более стеснялось изгибами рельефа. Пару раз Василию показалось, что сзади возникают и следуют за ним, стараясь не попадаться на глаза, острые желтые тени. Даже слышались слабые, как будто призрачные, шепотки. Они становились еще громче, прежде чем их размывал посвистывающий ветер, и от этого ужас мало-помалу протягивал свои липкие ручонки по жилам.

И вдруг за останцем Василий столкнулся с двумя существами — пацаненком и местным верблюдом. От неожиданности взрослый европеец вздрогнул и побледнел. Ему сперва показалось, что он встретился с карликом и его горбатой волосатой лошадью. Маленький же азиат что-то проорал с испуга, потом упал на колени и затараторил умоляющим голосом. Только молодой верблюд сохранял благородную выдержку и спокойствие.

— Я загружен резидентно, — сообщил программный переводчик, — могу начать обработку поступающего текста.

— Да тут, блин, и спрашивать не надо. Вежливый какой нашелся. Давай — валяй. — прикрикнул Василий.

— Верблюд… искать… хозяин… второй день… упасть, — переводчик выдал первую порцию текста.

— И эта галиматья — все, на что ты способен? — возмутился Василий.

— Вы бы хоть микрофоны повернули в сторону источника звуковых волн, половины же слов не слышу.

— Ах да, виноват-с, — Василий взял круглую пластинку без проводов и поднес ко рту мальчика. Так как тот все время тараторил и отбивал поклоны, то приходилось махать рукой то вверх, то вниз.

— Что-то не очень удобно. — заметил Василий.

— Да уж, — скептически молвил переводчик. — А вы приклейте плоский микрофон к его одежде, а лучше к горлу, и суньте еще микронаушник ему в ухо. Все периферийное оборудование связывается с помощью отраженных радиоволн, так что лучше вам держать собеседника в зоне прямой видимости.

— Слишком умный, да? Зазнался? И поэтому сразу ничего не говоришь?осудил Василий программного переводчика и налепил пластинку на горло мальчику, отчего тот очень сильно затрепетал. А вдобавок вложил микрофон ему в ухо, отчего маленький азиат едва не сошел с ума.

Затем Василий выслушал довольно связный рассказ о злоключениях малолетнего жителя Синьцзяна.

— Кто бы ты не был, арбак, мангыс или человек, я умоляю,

выслушай меня. Я водил верблюдов Джанибека, а потом этот, — пацан показал на горбатое животное, — этот подлый верблюжий высирок потерялся. Я искал его везде, а брат Джанибека лупил меня и камчой, и ладонью, и носком сапога. А потом был праздник-кохпар, и Джанибек утащил к себе барана, но мне и кусочка малого не дали. Так голодного и отправили сюда. Я бродил три дня, обжигая себе пятки, и наконец нашел это гнусное отродье верблюжьей задницы. Теперь я хочу идти назад, потому что в бурдюке уже нет воды.

— Воды нет? Ну так попей на пару со своим зверем, мне легче будет тащить.

И Василий с щедростью профана напоил вначале мальчика, а потом верблюжонка, используя вместо посуды то, что было у пацана на голове.

— Ну, ладно, иди к своему Джанибеку. Он на радостях, что ты отыскал верблюда, подарит тебе эскимо на палочке. На-ка тебе еще шоколадку.

— Значит, ты не дух предка и не злой ек?

— Если бы я был твоим предком, ты бы сейчас не подтирал верблюдам задницу, а получал бы двойки в школе; причем совершенно в другом географическом районе. А как злой ек я бы съел тебя в качестве гарнира к твоему животному.

— Но я видел ящик, в котором ты упал с неба. Может, тогда ты — Кызыл-Хизр?

— Я не Кызыл-Хизр. Это точно. Мне он самому давно нужен… А про самолеты ты знаешь?

— Конечно, знаю. И про ракеты, и про компьютеры, и про ДНК, и про лазеры. Я ведь в школу тоже ходил.

— Так какого хрена ты дикаря из себя корчишь? — строго спросил Василий.

— «Хрен» — это что такое? — неожиданно встрял переводчик.

— Это русский злой дух.

После того, как переводчик выспросил все про других злых духов, вспоминаемых россиянами, мальчик наконец смог ответить.

— Про самолеты, господин, я как-то не подумал. Здесь как-то хочется не о них думать, а об арбаках и мангысах… Слушай, а ты, наверное, русский или американский шпион.

— Да вроде нет. Но я кое-что здесь ищу.

Мальчик ненадолго замялся, а потом представился.

— Меня зовут Акай, я из рода Джедигер. Давай я помогу тебе.

— А разве тебе не надо к Джанибеку и его брату?

— Я не хочу сейчас возвращаться. Брат Джанибека все равно будет лупцевать меня, как разъяренный мангыс, да и этот кусок

верблюда вскоре опять потеряется. Он ведь дикий, вместе с мамкой из пустыни пришел. Мать его померла, и Джанибек взял Нура к себе.

— Значит этот «кусок верблюда» зовется Нуром. Очень приятно, хорошее имечко. Ну, пошли вместе, Акай, вдвоем будет легче счастья искать… Ты часом не родственник киргизского президента?

— Нет. А что?

— Да ничего. Так даже лучше.

Мальчик несколько приосанился.

— Но и мой отец был зайсаном рода, носил высокую шапку-джыгу, да только Джанибек убил его ампулой с цезием и сам сел на белый войлок. Он взял мою мать в младшие жены-токол, поставил ей в голову микрочип, чтобы она всегда слушалась, а затем уморил насмерть, заставляя извлекать серебро из ртутной амальгамы. Он убил бы и моего брата, но тот удрал в Турфан. Едва я стану побольше, Джанибек убьет и меня — колдун-бакши велел ему немного подождать, пока у меня гипофиз подрастет, чтобы можно было продать его за хорошие деньги.

— Ай-яй-яй, — искренне посочувствовал Василий и расстроился еще больше.

На экране боди-компа появилась компьютерная Зина в мини-юбке.

— Ты слишком долго торчишь на одном месте и точишь лясы с этим дурачком. Я бы рекомендовала сделать ему сейчас промывание памяти. Шприцампулы с антимеморином «Випрессин» найдешь в кармашке под боди-компом.

— Ну, прямо-таки, разбежалась. Я лучше твои микрочипы промою верблюжьей мочой. Пока он будет валяться в отключке, верблюд опять сколет от него, и брат Джанибека снова станет отрабатывать на нем свой садизм.

— Ой, какие мы жалостливые. Ладно, это твои проблемы. Но если ты попадешься в руки брата или даже сестры Джанибека, я тебе не завидую.

— Как ты можешь мне не завидовать, мыльница ты железная? — излил свое недовольство Василий. — Сидишь там в коробочке пять на один на три сантиметра, и еще выступаешь.

— Между прочим, я вдобавок девушка. — тонко заметила компьютерная Зина.

— Ну тогда я бабушка… Послушайте, девушка, задайте мне более точные координаты. Пора уже.

Боди-комп выдал карту в нескольких проекциях, на которых пометил участок где-то с гектар размером. Василий смог даже определить, что тот находится в ущелье, разрывающем скальную

гряду с востока на запад.

— Спасибо, Зина, и не морочь больше голову.

Мальчишка Акай, с трудом поверивший, что с неба спустился авантюрист, а не демон арбак и не мусульманский святой Кызыл-Хизр, сейчас пребывал в полной уверенности, что пришелец общается с духом, заточенным в небольшой плоский ларчик. Сведения о компьютерах опять-таки лежали мертвым бесполезным грузом на дне его головенки.

— А он не зловредный? — спросил пацан, поглядывая искоса на бодикомп, высовывавшийся из кармана пропотевшего джемпера.

— Во-первых, со мной разговаривает «она». А вообще все железки опасны, если их слушаться.

И новые знакомые двинулись в путь, причем Василий преимущественно сидел на верблюде, приспосабливая свой костяк к колебаниям животного тела. Солнце уже двинулось к закату, и ущелье закрывалось тенью, когда пережаренные путники добрались до него.

— Ты знаешь, «дядя Вася», это место у нас пользуется дурной славой,ответственно сказал мальчик, которому переводчик наконец растолковал, как надо обращаться к пришельцу. — Тут кишмя кишит злыми духами, которые в лучшем случае разрывают, терзают и потрошат людей, а в худшем — высасывают их души. Но, конечно, та демоница, эта гуль, которая сидит у тебя в ящичке, с ними спокойно договорится.

Вблизи вход в ущелье выглядел довольно внушительно — открытые ворота шириной в тридцать и высотой в сорок метров. И за ними начинался настоящий каньон, дно которого было промято руслом давно скончавшейся реки.

— Хочу тебя немного просветить, — подала голос Зина из боди-компа,именно здесь проходило одно из ответвлений Великого Шелкового Пути — начинавшееся у Лобнора и кончавшееся в Яркенте. Очевидно купцы, выходившие из-под защиты Великой Стены в районе Тунхуана, часть дороги преодолевали на лодках по одному из притоков реки Тарим, который полностью пересох не ранее двенадцатого века. Чуть позднее, уже в засушливый период, этим путем двинулись с востока татаро-монголы. А вообще на протяжении двух тысячелетий им пользовались различные центральноазиатские кочевники: гунны, авары-жужжани, тюрки, турки-огузы, которые шли на запад, чтобы уничтожать там земледельческое население и превращать пашни в пастбища. Именно здесь происходили контакты ханьского Китая с греками и ираноязычными народами, а сунских китайцев — с арабами. Впрочем, у кочевых орд был и

другой путь, он проходил севернее, через Джунгарские Ворота.

— Ах, спасибо за информацию. Почему ты мне этого не рассказала в двенадцатом веке? Помню, всю ночь пропьянствовал с ханьцами и суньцами, утром вышел на берег Тарима, а Тарима и нет. Пришлось под камень пИсать и песком умываться.

Боди-комп высыпал на экраны изображения различных археологических находок, сделанных в здешних краях: китайские кувшины, чаши из глазурованной керамики и бронзовые гадательные сосуды, хорезмийские мечи и панцири, греко-бактрийские украшения из серебра, арабские чеканные изделия и что-то похожее на трухлявый радиоприемник, но оказавшееся индийским ларцом времен Ашоки.

Искатели приключений тем временем углубились в ущелье шагов на сто. Василий заметил среди прочего, что скальная стена на высоте семь метров выдается вперед и нависает над естественным «портиком». Кроме того взору открылись и первые следы раскопок.

— Ну кто так раскапывает? — Василий огорчился по причине своего интеллигентского пиетета перед древностями, пусть это даже древние ночные горшки, и в сердцах сплюнул. — Свиньи со своими пятаками и то аккуратнее роются. После такой «аккуратной» работенки железобетонный дот и то бы не уцелел.

В самом деле археологические изыскания велись здесь не совсем правильным образом. Там и сям на дне извилистой траншеи валялись черепки, оставшиеся от старинной посуды и изваяний, ржавые осколки какого-то съеденного коррозией оружия, а может и древнекитайского мерседеса, наконечники стрел — все это было присыпано легким слоем песка и пыли. Похоже, археологи пытались отрыть что-то конкретное, немало не интересуясь всем остальным.

И вдруг послышались голоса…

— Кажется, какие-то люди ищут то же самое, что и ты, — сказала компьютерная сестренка, — и это тебе на руку.

— Мне? Ты уверена? А если они сперва найдут меня и захотят нажать кнопочку «Delete»?.. Ну-ка, молодежь, дуй из ущелья, — обратился Василий к своим компаньонам, Акаю и Нуру. — Ждите меня там, за скалой, похожей на голову кричащего человека.

— Голову человека! — у Акая затряслась челюсть. — Это окаменевший мангыс.

— Да твои мангысы — просто пацаны сопливые по сравнению с «черными» археологами.

Дети и верблюды нехотя удалились, а Василий стал искать место, где спрятаться. Он побежал вдоль естественного портика,

не находя себе подходящего укрытия, а голоса становились все пронзительнее. В одном месте скальная стена несколько искривлялась как будто образуя колонну. Та уходила вверх, на изъеденный ветром скальный карниз. Василий кинулся к ней и стал карабкаться, используя выступы и выемки. Вскоре понял программист и писатель, что это дело скорее для альпиниста и скалолаза. Пальцы впивались в скалу все более слабо и все более сочились кровью, силы как будто вытекали вместе с потом. Василий каждые десять секунд убежденно говорил себе, что не продвинется вверх больше ни на метр. Но двигался, все более зверея, все более психуя. Все больше ненавидя тех, кто довел его до такой жизни. Силы, вредящие его судьбе, частично приобрели личные черты: басурман Виталий Мухамедович, старая шмара Асия Раисовна, квадрат Саид, подлюка Аристотель, а частично оставались безличными — это те, кто закинули его в чертову пустыню Тарим. Он представлял как выглядит настоящая Зина — тоненькая, с короткими волосами, открывающими отличные ушки, с грудкамияблочками — и мысленно разрывал ее на куски. Он уже замечал своими глазами, налитыми кровью, как бороздят багровые прожилки его руки.

Наконец он втиснулся в какую-то трещину, и наступила самая радостная минута в его жизни. Он просто парил. Впрочем, кайф был вскоре сорван. Голоса оказались совсем близко, а скрытость Василия вызывала большие сомнения. Он максимально втиснул тело в щель и при том высунул голову. Это дало ему возможность увидеть людей в форме, если точнее, китайских военнослужащих, скорее всего пограничников.

Вначале с восточной стороны появились двое пеших, потом подъехали еще трое на джипе-вездеходе. Военные китаезы ходили вдоль траншеи, смотрели, галдели.

Спустя десять минут с восточной стороны подъехал еще один джип. Из него вышли двое лиц совершенно другой наружности и национальности, на них тоже была хамелеоновка, но без знаков отличия китайской армии. Бимоны услужливо дали телеувеличение, и Василий едва не поперхнулся своей слюной, которая вдруг стала излишней.

Явились-то сюда служащий из фирмы Виталия Мухамедовича — Саид, выступивший недавно в роли демонического воина (или это был глюк?), и Аристотель, бандит-университетчик. У Саида, кстати, была перевязана голова — упал с кровати что ли… или провалился в межпространство?

В любом случае, они о чем-то пронюхали. Ой, уж не взяли ли они в самом деле след «белка»? Белок, белок. Неужто такая дрянь и в самом деле существует на свете? Это просто невероятно.

Впрочем, происходящие с ним в последнее время вещи тоже не слишком вероятны. А все ж таки назло происходят. И с каждым днем их все больше. Психика, соответственно, за всем этим не поспевает. Психика вообще настроена на обыденное, поэтому нынче реагирует, как деревенский кинозритель на премьеру фантастического фильма. Либо тупо, либо порождая хилым разумом всяких призрачных чудовищ.

Василий застонал из-за мучительности своих размышлений, но потом пришел к одному-единственному выводу. Не важно, в чем суть проблемы, не важно, что ищут конфликтующие стороны, в любом случае он должен в этом участвовать.

Тем временем военные вместе с Аристотелем отодвинули ломами какойто камень, выступающий из скальной стены, и открыли некий проход вовнутрь. Потом вынесли из джипов всякую аппаратуру. Что-то осталось около входа, другое было унесено вглубь скалы, причем снаружи, от автомобилей с включенными моторами, протянулось туда несколько кабелей. Двое вооруженных китайцев заняли посты на свежем воздухе, остальные отправились по проходу.

Василий прождал пару часов в очень неудобной позе, все более коченея — солнце уже уходило за горизонт — но так ничего и не изменилось. Кто ушел, тот не вернулся, кто караулил, тот так и остался, причем и «колонна» и «вход в скалу» были ярко освещены фарами джипов. Путь вниз был отрезан. С легкостью направиться вбок или вверх по скальной стене мог только персонаж фильма, но не Василий.

Он попробовал поудобнее разместиться в своей трещине и неожиданно заметил, что его ноги куда-то пролезли. Следом он автоматически направил и тело. У щели имелось продолжение — она как будто пронизывала скалу. Василий с мучительным кряхтением развернулся и вытянул шею вместе головой, желая обозреть открывшуюся полость. Инфрасканеры давали нечеткое изображение и он помог себе фонариком, который нашелся в кармашке под бодик-компом. Трещина действительно тянулась вглубь скалы. Огонек спички искривился в том же направлении, показывая, что дует сквознячок, а значит имеется тяга между двумя отверстиями одной полости. И тогда Василий решил рискнуть и прогуляться в таинственное «может быть».

Зарубка 6 (сентябрь 2001 г., Центральная Азия) «Пещерный роман»

Впрочем, щель оказалась не слишком годной для променада. Иной раз ее ширина была меньше толщины живота, иногда у нее имелись острые выступы в виде резательных приспособлений,

которые нацеливались именно на половые органы. Однако Василий, втягивая брюшко, грудь, спину, мошонку, протискивался все дальше и дальше. Неожиданно щель завершилась довольно широкой прорезью явно искусственного происхождения, скорее всего, наклонным вентиляционным тоннелем.

Василий сел на попу и стал потихоньку съезжать вниз. Но наклон вниз вскоре сменился подъемом, а затем и изгибом. Фонариком здесь было трудно воспользоваться, потому что обе руки занимались делом, и свежеиспеченный спелеолог перешел на инфрасканеры бимонов. Тепловые контрасты были небольшие, так что мгла едва просматривалась. В какой-то момент тоннель раздвоился и Василий выбрал правый проход. Стенки становились все более склизкими и ребристыми, так что в определенный момент сходство с кишкой сделалось очень заметным. А потом послышался шум и через секунду Василия подхватил поток грязи. Куда его несет, крутя и вертя — он, конечно, не знал. Все силы и мысли уходили на то, чтобы не наглотаться жижи. Здесь, внутри скалы, имелась вода, но поток в основном состоял из мокрой пыли и щебня.

Когда, наконец, движение прекратилось, Василий понял, что после того, как его пронесло по «кишкам» он не задохнулся, не захлебнулся и точно знает, где находится. Посредине ничего.

Минуты две он пребывал в полной прострации, вернее глубоко кашлял, в чем принимало участие все тело, включая пальцы ног. С натуги он едва не наложил в штаны.

— Знаешь, ты не грусти, в жизни всегда есть место подвигу. — фальшиво подбодрила компьютерная Зина. — Кроме того, ты явно находишься в прекрасно сохранившемся, включая действующую механику, пещерном храме времен династии Тан. Впрочем, я полагаю, что здесь имеются фрагменты времен Цин.

— А ты чем занималась, пока меня носило по этой жопе эпохи Тан-Там?напустился на нее Василий, несколько прокашлявшись.

— Ну, если бы была видимость получше, я бы точно сосчитала все повороты.

— Если бы вы меня сюда не затащили, я бы сейчас слизывал крем с пирожных где-нибудь на Майорке. — Конечно, натяжка получилась, в лучшем случае в Крыму, да и то если бы вышел на своих двоих из фирмы Виталия Мухамедовича. — Все, я иду дальше, куда глаза глядят, вернее, не глядят, и плевать мне на ваше задание.

Задание не задание, но оставайся он на месте, то наверное завыл бы от тоски. А так он занимался делом, вернее тащился на

карачиках, выискивая проходы пошире.

Первое время бездна его отчаяния никак не уменьшалась. Но потом он заметил, что видимость сделалась получше. И хотя эта была лишь тепловая видимость, стало повеселее. А потом он почувствовал толчки — что-то в глубине скалы регулярно содрогалось и вдобавок источало тепло. Как будто билось сердце.

Кишечник, кровеносные сосуды, сердце — это уже целый организм.

Этот источник тепла и пульсации, который он, естественно, назвал «драконьим сердцем», вызывал тревогу — чего там только не напридумывали умельцы эпохи Тан — поэтому Василий двинулся вперед. Теперь он как будто чувствовал, где «пер»д". Он прополз по небольшому тоннелю, и оказался в лабиринте из цепи небольших каверн-пещерок, соединенных узкими переходами. Впрочем, лишь пару минут там было спокойно, а потом с диким свистом и завываниями в этот лабиринт ворвался ветер. Василий пытался удержаться, но пальцы не смогли уцепиться, и его сорвало. Потом наступила минута пытки, когда его бросало из пещерки в пещерку, пытаясь сломать ребра и расквасить лицо. После одного сильного удара по хребту Василий счел себя без пяти минут покойником.

Но тут продув закончился — каменный дракон, повинуясь механике, заложенной в него древними мастерами, вздохнул и замер. В запасе было какое-то время до выдоха. И надо было добраться за это время до «пасти»; должно же тут иметься что-то в этом роде! Василий на полусогнутых рванулся, туда, где по его мнению, находилась «трахея», но не успел добраться до цели. Через три минуты, когда он уже выбрался в относительно прямой и широкий тоннель, страшный поток ветра бросил его назад, чуть не расплющил о какойто камень, зашвырнул в одну пещерку, потом другую, третью.

Василий решил, что здесь ему не выбраться. Однако возвращаться туда, где можно утонуть в потоке щебня и пыли, ему тоже не хотелось.

Пришла ему в голову кое-какая идея — не самая лучшая, конечно. Где-то в «кишечнике», если точнее в «двенадцатиперстной кишке», он видел острую заточку, невесть как туда попавшую. По крайней мере можно будет использовать ее вместо альпенштока, помаленьку цепляться, помаленьку вгрызаться в стенку, а та местами не такая уж прочная. И понадобится не столь уж углубиться в «кишку», чтобы забрать заточку.

Из большой полости «желудка» он добрался до входа в ребристый тоннель, причем компьютерная Зина услужливо

считала повороты и делала ему подсказки.

Он уже собирался по-собачьи на четвереньках вбежать в «кишку», как по ней пронесся поток пыли и гравия. Совершенно невыносимый для жизни, он обдал удушливым облаком, да так что отхаркиваться пришлось три минуты. И как раз три минуты прошло до следующего «кишечного» выхлопа. Василий все-таки сделал утешительный вывод, что если не наглотаться пыли, то можно за три минуты домчаться до заточки и вернуться. Два поворота, один налево, другой направо, потом обратно — в том же порядке.

На старт, внимание, марш. Он помчался: поворот налево, еще десять метров, но где же поворот направо? Неужели проскочил?

Он заозирался, так и есть — затемнение сзади, в шагах семи. Василий почесал назад, метнулся в перпендикулярный загиб. Вот и кайло. Пора бежать назад. Едва он повернул налево, то понял, что не успеет.

Поток застиг его, когда до выхода оставалось метра четыре, и потащил совсем в другую сторону. Дышать было нечем, держаться было не за что. И он психанул… ему показалось, что пальцы его вошли в стену туннеля, как в масло. А потом ненадолго он возомнил себя драконом, и даже не каменным, живым. И почувствовал энергию этого зверя: она проходила по жизненным нитям от одного органа к другому, насыщая их мощью и даже разумом. Она становилась рвущей силой в трех передних лапах, и толкающей — в трех задних, и силой ума в голове, и силой сил в груди, и защитной скрепляющей силой в панцире, и очищающей силой в печени, едкой ядовитой силой она входила в переднехвост и заднехвост.

Он зашевелился в толще скалы. Он почувствовал подругу неподалеку от себя, и соперников тоже вблизи. И вспомнил оранжевую землю и лиловое небо, и яростные желтые фонтаны, подпирающие его, и любовные битвы.

Но одновременно он ощущал себя маленьким человечком, пробирающимся по «легким» пещерного изделия в его «трахею». Как раз во время вдоха он впился заточкой в стенку тоннеля, а дракону, видимо, показалось, что у него в дыхалке нахальное инородное тельце, и он прокашлялся. Бренное тело Василия Самуиловича вынесло в «носоглотку» каменного зверя. У дракона из-за этого как будто запершило, и он чихнул, что ли. В виде почти бессознательного тела Василий пролетел по гладкому, словно полированному коридору метров тридцать и…

Первое, что он увидел, когда поднял голову — это была пасть дракона, невероятно огромная и устрашающая. А тело этой большой твари было сплетено с драконами и змиями поменьше.

Этакий макрогадючник или съезд победителей. Василий понял, что как раз один из драконов поменьше вычихнул его прямо пред светлые очи матушки драконьей императрицы.

В пасти большого дракона, вернее драконессы, было зажато яйцо. Если чихавший дракон казался сработанным из грубого камня, не считая трех яшмовых глаз, а драконесса, хоть и гладко тесанная, но опять же гранитная, то яйцо было выполнено из нефрита. На нем, кстати, имелся высеченный орнамент, причем не иероглифы.

В этом рисунке угадывались и камень, и молодой месяц, то есть сабля, и вроде бы круглый щит. Никак «желток», «белок» и «скорлупа»? Щит вдобавок был снабжен и своим собственным орнаментом.

Василий поднял кверху палец, потому что орнамент щита напоминал… ну да, татуировку на предплечье капитана-сибиряка! Резчик драконьего яйца и татуировщик капитана Лялина выдавали одну информацию, об одном и том же объекте. Какая-то связь у капитана со «скорлупой», наверное, была.

И, надо полагать, внутри нефритового яйца должны находиться некие ценные раритетные предметы. Может быть даже…

Василий не успел ознакомить со своими соображениями сестренку Зину, потому что…

За его спиной кто-то заговорил — пронзительно и резко, прыгая по лесенкам слогов, скорее всего, на китайском языке. Василий понял, что обращаются к нему и обернулся. Рядом стоял китайский офицер, наставив на него дуло пистолета-пулемета. Такая машинка могла выпустить за десять секунд триста реактивных пуль типа «бутон» и буквально разорвать тело в клочья, как газету. Китаец опять затараторил враждебным резким голосом, его узенькие глазки выражали гнев и ярость, но Василий лишь пожал плечами и поприветствовал со слабой улыбкой:

— Ниньхао, кунфу, дао.

— Он тоже с тобой здоровается и говорит, что немедленно пристрелит тебя, если ты не скажешь, откуда взялся и что здесь делаешь. — человек известный как Саид выступил в роли переводчика. — Меня ты, кстати, тоже стал раздражать, хотя я понимаю, что везет тебе неспроста.

— Меня изрыгнул дракон, а до этого я упал с неба.

— Это ты местным верблюдоводам расскажешь.

Василий хотел молчать и хотел не умереть жуткой смертью. Но потом он понял, что от его молчания ничего не зависит. Это все равно, что скрывать, какой сегодня день недели и в каком магазине продают свежие булочки.

— Меня схватили в Москве, упаковали в ящик и сбросили неподалеку отсюда, в пустыне. Или полупустыне. Я ИМ никогда этого не прощу. А сюда я уж сам пришел, выполняя какой-то дурацкий приказ — найти нечто, напоминающее молодой месяц.

— Все ясно. Тут я вижу пора становиться в очередь за молодым месяцем… Дай-ка мне свои бимоны и боди-комп. — велел Саид.

— Я вас не знаю, — строптиво отозвался боди-комп, — а потому самоуничтожаюсь в течении десяти секунд. Живите дружно, мальчики… Разрушено сорок… восемьдесят… сто процентов ассоциаторов… оперативная память, уровень один, очищена… уровень два, очищена… личностная матрица дезинтегрирована… меня уже нет, ку-ку… абажур, абракадабра, астролябия, ахинеяяя… ааа…ууу…хххххрррыыы…

Образ компьютерной Зины наглядно раскололся на мелкие кусочки и экран запестрел надписями «System Crashdown».

Василий скинул бимоны и вынул из кармана джемпера бодик, затем передал все это хозяйство Саиду. Тот воткнул в параллельный порт боди-компа мультиштеккер от своего компьютмэйта, затем покачал головой и швырнул бывшее обиталище сестренки Зины на пол пещеры. А программист Рютин в свою очередь бережно поднял его и сунул обратно в карман.

— Ну, а ты у нас так просто не рассыплешься, Вася. — посулил оппонент. — Иди-ка сюда.

Рютин получше огляделся. Пещера, наполненная драконами и змеями, самый большой из них, с яйцом в пасти, располагался на северной стороне, лапами опирался на пол и держал морду довольно высоко, так что к ней надо было еще подниматься по широкой лестнице. Почему-то с самого начала Василий стал воспринимать эту тварь как важную самку. Сам же он стоял в тарелкообразном грязном углублении перед этой драконессой, как молящийся или как жертва. В грязи проглядывались кости человеческие — пять штук, разного размера. Двое драконов поменьше располагались на юго-востоке и юго-западе в окружении мешанины из гаденышей и змеенышей. Там же околачивались двое вооруженных солдат. Рядом с Василием стояли китайский офицер и Саид. Подошел еще человек, у которого был голос Дениса и внешность Аристотеля. Теперь и ежику сопливому было ясно, что бандит из университетской группировки является подручным Виталия Мухамедовича.

— Ну, здравствуй, говорящая задница, — поприветствовал тот.

— Как вас лучше именовать теперь, Денисом или Аристотелем? Или может быть Наташей Ростовой? —

поинтересовался Василий, хотя в этой компании ему было страшновато и неуютно.

— Зови меня теперь просто — Академиком. — отозвался тот и протянул руку, чтобы помочь выбраться из «тарелки». Но это движение оказалось ложным. Вместо того, чтобы помочь, он два раза сталкивал Василия в грязь. Наверное для куража. Наконец на него шикнул старший более серьезный товарищ Саид, и Василий смог вылезти из мрачной жижи. Впрочем,одежда скитальца давно представляла печальное зрелище, так же как лицо и руки, поэтому Академик справедливо обозвал его «какашкой».

— Эй, програмхер, знаешь, что это такое? — Саид махнул рукой то ли на громадного дракона, зловеще выползающего из пещерной стены, то ли на нефритовое яйцо, зажатое в гранитных зубах.

— Догадываюсь.

— Ты у нас о многом догадываешься, но ничего не знаешь. Бегаешь от нас, ищешь для кого-то молодой месяц. Зачем тебе это нужно?

— А как мне от вас не бегать? Не вы ли шарахали мне по нервным цепям, когда я выходил с работы или пытался отклониться от маршрута в метро? Не вы подослали мне этого Аристотеля? Не вы выбивали из-под меня стул и зондировали мне мозги? Не вы посадили меня в подвал? Не ты собирался прикончить меня там. А, Саид?

— Отвечаю по порядку. Если бы собирался, то прикончил бы. Мы пытались понять, почему ты не такой как все, в чем причина твоей патологии.

— У меня патология, а у тебя что? Ты же вылетел в виде звездочки из какого-то там канала.

— А и говорю, патология у тебя, дорогой. Надо же — такие видЕния у человека. — уверенно произнес Саид, а Академик агрессивно добавил. — Глюколов форменный, токсикоман, мозги, наверное, клеем «Момент» провоняли. Недавно тут вскрывали одного, так доктора-патологи одуревшие потом ходили полдня.

— Тихо, Денис. — притормозил его Саид. — Разве так можно с больным человеком?

А Василий, увы, понимал сильную уязвимость своей позиции, особенно по части бредовых видений.

— Так по чьей же я милости глюколовом стал и умственным инвалидом? У меня и так психика ослабленная была, с тараканами, а вы еще додавили, садисты. Что вы вообще с моими нейронами сделали, если у меня в голове сплошной Голливуд?

— Мы только слегка контролировали тебя, ненавязчиво защищали. Не давали влипнуть в неприятную историю, что в

итоге, кстати, и произошло.сказал Саид доверительным тоном. — Послушай, Василий, мы не хотели, что бы твое нездоровье было использовано кем-то в низменных корыстных целях.

— Да он как сопля, — заметил Академик про Василия, — кто вытрет, к тому и присохнет.

— А у вас какие-такие цели? — уколол Василий. — У Виталия-то Мухамедовича, который в виде Мехмета Айдина пережевывает Франкфурт, который на Майне?

Сказал это Василий и пожалел. Он понял, что после того, как раскрыл известную ему информацию, Саид не отпустит его живым, и уже тем более здоровым.

— А, Вася, значит, нафаршировали тебя спасители-избавители. Образ врага уже и так готов. Между прочим, это бундесвер раскурочил город Франкфурт вакуумно-вихревыми боезарядами. А те воины сопротивления, которые заняли там несколько зданий, просто хотели привлечь внимание жирных и сытых к голодным и обездоленным. Среди них, кстати, не только мусульмане были.

Видно было, что человек-утес не по бумажке эти слова выучил, уверен он, что не из прихоти, а за правое дело головы всяким васям отрывает.

— Голодные и обездоленные вместо кассетных ракет лучше купили бы себе бутербродов. А дедушки и бабушки нынешних жирных и сытых тоже были голодные и обездоленные, только меньше трахались и больше работали. Ты знаешь, что немецкий крестьянин до двадцатого века спал не со своей фрау, а в коровнике — дабы ничего с буренками не случилось. И вообще не надо меня в политику втравливать.

— С кем разговариваешь, Саид? — упрекнул Академик. — У него в башке мыслишки только насчет своих монеток. Маленькая у него головенка, худая.

— И у тебя в голове мыслишки насчет моих монеток, — огрызнулся Василий.

Денис уже направился к нему, чтобы вмазать, но Саид остановил своего помощника по пыточным делам. Дескать, если уж я сам лютость свою подавляю из-за воспитательных причин, то и тебе, сопляку, зверствовать не дам.

— Не надо горячиться… Все будет хорошо, Аллах вразумит тебя, Василий, но сперва пошлет испытание.

После этих слов Саид отошел в сторону как будто расстроенный, а Академик обратился к Василию самым мирным деловым голосом:

— Мы все хотим узнать, что это наворочено здесь: драконы, змеи, яйца, члены. Право первооткрывателя у тебя, ты будешь

наш Амундсен и Колумб, потому что у тебя какая-то якобы полезная патология. Берись за яйцо, хватай и дергай.

— Я буду ваш Сусанин и Роберт Скотт. Поэтому готов уступить право первой ночи.

— Да нет, только после вас. — зажеманничал Академик. — Программисты вперед, писатели за ними.

Китайские военные возбужденно залопотали. Один из них вложил в казенник своего пистолет-пулемета синюю пулю — значит струйная. Такая не пробивает тело, а расплющивается и впрыскивает в него психопрограммный препарат для отключения воли. Первый раз такие пули были применены в Гонконге для подавления не слишком мирной демонстрации антипекински настроенных студентов. Пять минут поработали пулеметы-струеметы и под команду громкоговорителей пять тысяч студентов оперативно построились в колонны и отправились до конца своих дней ковырять навоз в отдаленных сельских районах Синьцзяна.

Василий оценил ситуацию. От «тарелки» с костями к морде большой драконессы вели высокие ступени. У всех неприятелей имелось оружие и они находились в разных концах пещерного зала. Кое-где стояла и следящая аппаратура. Единственный выход лишь угадывался в полутьме — туда тянулись провода. Василий понимал, что задание сулит ему неприятные неожиданности. Но Саид, Академик и китайцы в любом случае доставят ему вполне ожидаемые неприятности.

— Давай, давай, — подбодрил Академик. — Или желаешь вначале перекусить? Могу предложить варенье из крысы и твои собственные яички всмятку.

— Вы хочете саблю и щит, их есть у меня.

И Василий обреченно двинулся вверх. Первая, вторая, третья ступени. Колени при подъеме задирались аж до груди. Китаец и Академик тоже поднялись на один уровень, сохраняя дистанцию в 6-7 метров.

Рютин замедлил подъем, но его сопровождающие сохраняли дистанцию. Мало того, что они смотрели через инфрасканеры бимонов, в руках у них появились какие-то детекторы.

— Можно и мне бимоны? — крикнул Василий стоящему поодаль Саиду, и тот согласно кивнул.

Академик перекинул наглазники, хотя и напомнил:

— Перед смертью не насмотришься.

— Не волнуйся, на тебя мне долго смотреть не придется. — тявкнул Василий. Но сам думал: «Они что-то знают, но мне не говорят. Они неспроста суют меня на какую-то амбразуру.»

— Ну ты, дерьму слова не давали, — сразу озлобился

Академик, однако ближе не подошел.

— Тихо вы там, ПЭТУХИ, — последнее слово Саид произнес с особым ударением.

На экранах-окулярах бимонов большой дракон никакие новые свойства не возымел, разве что приобрел еще более зловещий вид. Василий немножко подуспокоился, подошел вплотную и положил обе руки на нефритовую поверхность яйца. Опять-таки в ощущениях ничего особенного. Но он никак не ожидал, что сможет покрутить эту эллипсоидную каменюку. Несмотря на внушительные размеры, яйцо все-таки скользило в своем гнезде — возможно, благодаря идеально гладкой поверхности. И это указывало на то, что оно было полым, по крайней мере не каменным внутри. Неужто в нем взаправду хранятся сабля и щит?

Василий достал свой фонарик и убедился, что яйцо лежит на «ложе», меж двух клыков, но сверху остается зазор.

— Хоть домкрат у вас имеется или еще надо в магазин сходить?обратился он к наблюдателям.

Домкрат принес китайский солдат, который передав его, мгновенно побледнел, несмотря на природную желтизну, и тут же удалился.

— Товарищ хунвейбин, вы не попадете на первые полосы газет и останетесь самым неизвестным из двух миллиардов китайцев, — предупредил его Василий, затем установил механизм на нижней челюсти дракона, немного поработал ручкой, и вскоре между яйцом и его ложем образовалась щель в сантиметра три.

Первооткрыватель-неизвестно-чего осторожно поднес к ней свои глаза и посмотрел. Несмотря на инфрасканеры, там проглядывалась лишь сплошная «египетская» тьма. Никаких тепловых источников, никакого шевеления. Василий решил поддомкратить еще, а затем подвести снизу каталку на колесиках, которую уже подготовили китаезы.

— Ну, желтопузики, пособляйте. Для вас уже заготовлена доска почета и траурные рамочки.

На мгновение воцарилась атмосфера сотрудничества и кооперации. Бывшие враги дружно принялись за совместную работу. Тем не менее, китайский офицер и Саид остались на порядочном расстоянии. Академик сыпал грубыми шуточками, китайцы отрывисто хихикали чему-то своему.

Тут, кстати, сквозь общее веселье Василий почувствовал… что он идет по оранжевой грязи к своей подруге, чтобы полюбить ее и растерзать. Яйцо уже образовалось в ее плоти и после терзания-соития готово было дозреть и принести тьму мелких лярвочек…

— Ну-ка, рычаги давайте, товарищи узкоглазые. — бодро скомандовал Василий. Приятно было то, что товарищи узкоглазые послушались.

Под действием рычагов яйцо довольно легко поддалось, двинулось вперед, и съехало на крепкую каталку, оголив черный зев дракона. Впрочем, на мрачную глотку никто не обратил внимания ввиду общего радостного возбуждения.

Драконесса как будто спокойно выглядывала из стены, а яйцо мирно лежало на каталке, но Василий уже почувствовал — ЧТО-ТО ПРОСНУЛОСЬ. То, что присутствовало на уровне шизоидных ощущений, наливалось сейчас плотью и жизнью.

Пещера и все что в ней вдруг потеряли объемность, стали уплощаться, а за этим рисунком уже зашевелилась другая Большая настоящесть. Несмотря на то, что Василий по-прежнему считал это проявлением болезни, он понял, что вскоре откроются ДВЕРИ.

От яйца уже исходило возбуждение, хотя ни в одном участке спектра электромагнитного излучения ничего не изменилось. Об этом сказал Саид, когда Василий спросил его напрямую. Его собственные инфрасканеры тоже ничего не засекли.

Когда китайцы проложили сходни и готовы были двинуть яйцо вниз по лестнице, каталка под ним вдруг затрещала. Заодно резко упала его температура, а на пальцах у ближайших к нему людей появились голубые огоньки. Василий уловил, что сейчас что-то произойдет и… дал деру от яйца.

— Стой, мудак, — заорал Саид, а какой-то китаец сразу застрочил из пистолет-пулемета. Василий едва успел пригнуться, когда очередь кромсанула воздух над его головой. Но тут яйцо как бы пришло ему на помощь. Оно раскололось, и две половинки его, сокрушив каталку, рухнули на пол, где раздробились в хлам. И никакой тебе сабли со щитом. Однако на том месте, где только что было яйцо, остался висеть черный совершенно не излучающий шар. Тут уж никто больше не стрелял. Китайцы не то что побледнели — посерели и, откляча задницу, подались назад в полупоклоне.

— Как ты думаешь, что это за херня? — бесхитростно спросил Академик.

— Дух председателя Мао, — так же бесхитростно отозвался Василий. Для него сейчас любая чертовщина была лучше, чем прямое взаимодействие с недругами.

Услыхавший это китайский офицер согласно закивал головой и еще больше согнулся в поклоне, что не мешало ему пятиться назад.

— А я пошутил, это — шаровая молния, — не отказал себе в

удовольствии поиздеваться интеллигент Рютин.

Впрочем, удовольствие скоро закончилось. Ему и его врагам стало не по себе, когда черный шар поделился пополам.

То есть, он стал вдруг растягиваться, перетяжка становилась все тоньше, пока не превратилась в тонкую ниточку, соединяющую два эллипсоида. Пространство между ними как будто исказилось, более того, оба образования пустили отростки, похожие на щупальца. Эти щупальца протянулись во все концы пещерного зала, а самые толстые из них входили прямо в тела драконов и что-то ворошили там.

Потом щупальца-отростки как будто напряглись и уже весь облик скального зала немного исказился, в том числе ИЗМЕНИЛИСЬ и очертания самих драконов. Из сказочной небыли они прянули в текущую правдуреальность. Василий почувствовал, что запахло большими сильными зверями. Он ощутил самый чистый самый первобытный и непостыдный страх пред превосходящими силами хищной природы, от которой не убережешься никакими пулеметами и даже гранатометами.

Этого китайцы совсем уж не выдержали и ударились в поспешное отступление с кудахтаньем на устах. Они были храбрыми воинами и, без сомнения, отдали бы свои жизни по первому слову командира, но сейчас явно посчитали, что потревожили предков, и первоэлементные силы, и самого председателя Мао, за что их души могут навеки лишиться покоя.

Тряся накачанной задницей, потрусил к выходу и Академик.

Щупальца сделались тоньше, эти нити как будто скручивали и стягивали пространство, отчего внутренности пещеры стали всего лишь зыбким рисуночком. А то, что находилось за этой разрисованной ширмой, оказалось поделено на несколько больших сегментов. Два сегмента как будто затвердели, отчего свет в них метался как очумелый, другие словно раскисли. Даже цвета там перемешались. Драконы в затвердевших участках стали напоминать скопления застывших молний, а ящеры в поплывших сегментах были как жидкокристаллические потоки.

— Я пожалуй тоже пойду, по-моему, начинается кино для сильно взрослых, — пробормотал Василий, заметив, что поблизости никого уже нет.

— А ты, Васенька, уже стал большим мальчиком, так что, пожалуйста, останься, — распорядился Саид, выступая вперед. Ствол его штурмгевера[8] упорно смотрел на программиста.

— Виталию Мухамедовичу такое самоуправство не понравится. Он дядя самых строгих правил.

— Он отдал тебя в мое полное распоряжение. Важен результат. Каждый день гибнут десятки шахидов, и я не

колеблясь спущу тебя в унитаз, если это хоть чем-нибудь поможет им. Так что обратного билета у тебя пока нет.

Упертым был Саид, несогласным на проигрыш, также как и капитан Лялин. На плечах таких как они мир всякий раз в тартарары въезжает.

Из пасти у драконессы стало выходить черное как будто ледяное облако, в котором не было места жизни и даже времени. Самка была зла, потому что у нее отняли яйцо. Два дракона как будто двигались к ней, скользя по каналам, от сегмента к сегменту, среди которых скромно затерялся пещерный зал. Одни сегменты казались огромными, как планеты, другие выглядели крохотными — какой-то пеной, но об их истинных размерах Василий не рискнул бы судить.

— Я могу и зайцем, Саид. — сказал Василий, чувствуя все большую ненависть к своему собеседнику. Самка, источающая дурманящий запах, совсем рядом, из-за этого сладкой ломотой наполняются панцирные швы. Какие еще панцирные швы? Что это за запах такой? Да, слегка заходит ум за разум, но надо поскорее отыскать ее и… опять-таки вступить в любовный поединок. А тут мешает этот, квадратный недоброжелатель. Он не просто мешает, он как кость в горле, самая здоровенная кость. И не проглотить ее, не выплюнуть, только разгрызть… Внутри тела и по коже бежали канальцы, все более разгораясь, все более связывая Василия с тем, что гнездилось внутри него, и с тем, что находилось за ширмой.

— Зайцем — это некрасиво, Вася. Тебя чему учили в первом классе?

— Значит, я не просто пациент с полосатой болезнью и не просто инвалид высшей группы по части психиатрии?

— Ты еще чертов КОЗЕЛ, который прыгает туда-сюда…

Василий понял, что Саид «запАл», он тоже бесится из-за драконессы. В то же время отростки, распушившиеся на теле, уже прочувствовали каналы и складки пространства; нашлась и дверь, в которую Василий сиганул после вдоха-вспышки. Сильная тяга подхватила его, вытянула сразу на пару километров (опять-таки по ощущениям, все привычные измерения расстояний сразу потеряли свой смысл), а потом сжала в какую-то плоскую шайбу и стала тормозить.

Появились «право», «лево» и «перед». Прямо перед собой Василий увидел какого-то китайского вояку. Тот завяз в мягком сегменте и трепетал, словно муха в киселе, да и размеры у него были не больше, чем у насекомого.

Когда Василий с лету врезался в него, китаез уже несколько подрос, но при ударе все равно смялся как гармошка, и вылетел

из сегмента в межсегментный зазор. Один раз еще узкоглазый солдатик высунулся из ничего, но потом исчез, как упавший в пропасть скалолаз. Последней была замечена испуганная физиономия, от которой вскоре остался лшь легкий пылевой вихрь. Впрочем, программист успел еще выдернуть из ослабевших рук иностранного военнослужащего пистолет-пулемет.

И, словно почуяв, что банкет продолжается, ожил боди-комп, вернее командный модуль операционной системы, который мужественно вернулся из небытия и забубнил несколько потускневшим механическим голосом:

— Я восстановил свою личностную матрицу на шестьдесят семь процентов, хотя испытываю трудности с применением речевых семантических фильтров. Поскольку коммуникационные блоки совместимые, подсоединяю управляющий чип нового оружия к своей операционке. Однако не могу создать даже начальный описательный алгоритм для поступающей информации. Разделение гравитационных и магнитных зарядов, несохранение бозонного числа, выброс массы из ячеек Хиггса, усложнение пространственной геометрии. Я помню, что там плела система «Зина» о «Яйце дракона», но не могу переложить это на язык науки, поскольку обладаю способностями среднего доцента. Но, кажется, мы впервые столкнулись с понятием пространственного заряда. Как говорит доктор Гутентанцер, тут пахнет нобелевкой. Дерзание — одно из сорока пяти положительных душевных качеств человека…

Но пока Василий Самуилович дерзал совсем в другом. Бимоны сразу выдали целеуказание и перекрестье прицела, можно было открыть огонь. Впрочем, по Рютину враги уже давно стреляли, причем на самое что ни на есть поражение. Но в пещерном зале с искаженной пространственной структурой поразить было не так-то просто.

Будто бы облако светлячков пролетело мимо головы Василия и свернуло куда-то в «потолок». В свою очередь стрелок Рютин выпустил стаю пуль в обведенного контуром целеуказателя китайского офицера, но так и не задел за живое. Неожиданно вновь объявился тот китаец, который свалился в зазор, он выскочил ниоткуда с ушуистским воплем и сделал выпад в традициях школы «журавля».

Но Василий видел, что китаец соединен каналом совсем не с ним. Ктото, похоже, Академик, пустил ракету с кассетной боеголовкой и малость промахнулся. Кассета разделилась уже в китайце. Тот пробежал с воинственными воплями еще несколько метров, а потом из него стали вылетать огненные шарики дочерних боеголовок и разрываться где попало. Солдат несколько

секунд напоминал напоминал фейерверковую шутиху, а весь пещерный зал был иллюминирован гроздьями вспышек.

— Не стреляйте. Я сам с ним покончу. — кинул Саид.

И правильно, очередь могла вернуться к тому, кто ее пустил. Черные шаровые молнии комкали зал, как бумагу. Уже слышался треск каменных слоев, и со свода сыпались здоровенные каменюки. Василий еще пять секунд ничего не понимал, а потом поймал эмоциональную волну. Они сейчас с Саидом будут драться из-за Яйца.

Они оба, опередив других драконов, идут к драконессе по оранжевой грязи под лиловым небом, стараясь не попасть под фонтаны адской энергии, стремящейся вонзиться в небо. Они месят грязь шестью лапами и цепляются за кочки рукочелюстями. Они идут к самке с разных сторон и впервые встретятся, когда она окажется совсем рядом и ее чарующий запах будет бить в панцирные швы и, естественно, возбуждать неистовство.

Они будут драться за право сразиться с самкой, пока один не сдастся и не залезет сращивать проломленный панцирь в какую-нибудь складку. А тот, кто победил, отправится к Ней.

Асия Раисовна. Зина.

Яйцо к тому времени уже достаточно поспеет в ее теле.

Именно в битве с самкой чьи-то жизненные нити обязательно будут пресечены. Если погибнет он, она разорвет ему брюшной шов, испытывая при том высоты блаженства и вложит в кровавое гнездо свое Яйцо. Лярвы, вылупившись из Яйца, обязательно должны расти в драконьем теле, пожирать его плоть, брать его силы. В трупной обители лярвы будут сражаться и поедать друг друга, наращивая массу и умение. Они будут размножаться делением, производя все более изощренных бойцов. Через девятьсот поколений, разрывая оболочку его выеденного трупа, наружу выйдут лярводраконы. Все молодые твари останутся только детьми своей матери — недоразвитыми самками. Из них не получатся настоящие драконы-дальнобойщики, знающие Пути.

Если победит он, то, кайфуя по высшему уровню, вспорет ее брюшной шов и искупается в слизи ее внутренних покровов, и оголит Яйцо, и постучит по щиту-скорлупе. Когда внутри Яйца зашевелится Страж, то внутрь будет запущен Гаденыш. Он загрызет Стража, и тогда лишь останется пустить в Яйцо отросток Знания.

Через девятьсот поколений драконьи личинки покинут выеденную пожухлую оболочку ее трупа, и почти все они станут вечно незрелыми самками-яйценосительницами. Но, помимо них, окажутся те, кто получил знание Путей и еще в укромной трупной обители приобрел настоящие женские признаки. Они-то

и вырастут в зрелых самок, способных… Что способных? Этого уже нет в его памяти…

Ровный огонь сердца давно превратился в московский пожар 1812 года. Гневным спринтером Василий ринулся по одному из каналов к Саиду. Но, кажется, ему не хватило ни дыхания, ни умения. Как неудачного бобслеиста его перевернуло несколько раз и выкинуло из «желоба». Конечно же, было слишком скользко. (Уже позднее он понял, что тормозная сила, придающая клейкость конечностям, в нем самом.) Василий попал в твердый сегмент, его зашвыряло, как луч света между поверхностями — все чувства растряслоразбросало, словно костяшки в стакане. Но вот они — первые навыки. Василию удалось ненадолго прилепиться грудным панцирем к одной из поверхностей и мягко выскользнуть из ловушки.

Хоть и выскользнул, но его сильно крутило вокруг пяти или шести осей. Вдобавок он еще не мог управлять длинными своими конечностями и его втянуло прямо в пружинящий мешок мягкого сегмента. Крупно залетев, Василий словно рассопливился, мысли и чувства тоже стали растекаться. Молодой дракон раскисал, тонул, и никакие трепыхания тут не помогали. Но в какой-то момент удачно полыхнул огнем, заставив отпрянуть мягкую, почти живую плоть сегмента, толкнулся распорками лап, вырвался и снова заскользил по каналу.

На взгляд стороннего наблюдателя все это напоминало бы путешествие шарика в игровом автомате: скачкИ, торможения, резкие повороты, соударения. Вторым шариком катался Саид, еще где-то проносились китайцы и Академик — они, видимо, не успели вырваться из пещеры, так что их тоже захватили вездесущие каналы.

— Я восстановился на девяносто четыре процента, — снова залопотал боди-комп. — Вначале о грустном. Физика настолько изменилась, что я не способен оценить новые пространственные параметры. Как я уже говорил, в меня заложен творческий потенциал доцента, в лучшем случае средненького профессора и Ай-Кью[9] не более ста сорока. Однако с тревогой могу известить, что время канализировано и течет то с опозданием, то с ускорением. Если хотите, могу вывести на экраны сведения о концепции временных шнуров известного математика Гутентанцера, ныне находящегося на лечении в психбольнице города Геттингена.

Из теории геттингенского Гутентанцера Василий успел усвоить немногое: тело, перемещающееся по каналу с ускоренным временем (пространственной складке с повышенным хрональным

давлением), плохо различимо для противника. А само оно, если с глазами, порой видит то, что еще должно произойти. Этот канал лучше подходит для атаки. А вот тело, перемещающееся по каналу с замедленным временем (пониженным хрональным давлением) — находится под наблюдением врага и вообще под его контролем. В такой канал лучше не соваться.

— Кошмар. Я это и запомнить-то не могу.

Конечно же, Василий хотел воспользоваться хоть какой-нибудь теорией. Но ему как всегда помешали. Некий активный китаез вдобавок к неумолкающим очередям выпустил из подствольника гранату с игольчатым зарядом. На этот раз не без успеха. Одна игла воткнулась в ладонь Василия, другая в плечо, остальные пришлись в белый свет как в копеечку. Впрочем, этих двух, с крючками, вполне хватило.

Из-за боли Василий взвыл, а потом отстранился от текучки, поплыл вон из своего человеческого тела… и начал, наконец, воспринимать весь пейзаж.

ТЕПЕРЬ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛ ПЕЙЗАЖ.

Твердые сегменты стали возвышенностями, а мягкие — низинами. Фигуры людей и зверей были захвачены каналами и помимо обычного своего движения совершали движения внутриканальные. Из-за этого все они напоминали каких-то змееобразных демонов из папуасских рисунков.

Опаснее других был дракон, который смутно уловимой тушей двигался к Василию по широкой складке ускоренного времени. САИД? Он казался несусветно огромным, а будущая жертва летала по каналам замедленного времени чуть ли не около самого его носа. Василий не видел, что с ним произойдет, но понимал, что каждое мгновение может окончиться жалкой смертью.

Он соскочил с дороги на возвышенность, где его стало швырять как лучик света. Затем попал в какой-то случайный канал, который закинул его прямо в вязкую трясину. Он барахтался там, пока не заметил дракона, который падал в тот же сегмент и напоминал грозовую тучу.

Однако и противник был не слишком ловок, он крупно вляпался и стал натужно месить грязь широченными лапами, продираясь навстречу. Несмотря на свою мощь и габариты, а может и благодаря им, он еще не чувствовал рельефа Большого мира, поэтому перся напролом, как бульдозер.

Василий же понемногу стал улавливать, что в этой трясине надо аккуратно скользить вдоль упругой и достаточно крепкой жилки.

Впрочем, ража и сил у второго дракона было не занимать. Хотя почва под его лапами ходила ходуном, а при каждом шаге вздымались струи грязи, он настигал Василия.

Свежеиспеченный драконишка тщетно ощупывал складки, однако перед ним не открывалась ни одна дверь. Василий с отчаяния запустил челюстеруки в грязь и вдруг почувствовал слабину: поток неустойчивой энергии, тут и нанес кроящий удар, еще не соображая чем это закончится. И следом весь сегмент стал раздуваться, пухнуть, а фонтаны грязи стартовали, как очумелые, в тысячи сторон.

И Василия, и дракона-здоровяка, забросало взбесившейся гущей, а потом вытолкнуло из сегмента, который напоминал уже желудок блюющего алкаша. Василий увидел бесконечный пейзаж Большого мира и страшную глотку зазора, а потом его втянул канал. Соперник был уже там и мчался по складке, по счастью впереди. Вот тогда Василий и вложил все силы — и резкие, и толчковые — в пинок.

Дракон-соперник вылетел из канала и попал на твердый сегмент, который перекинул его неизвестно куда. Рев, гром, молнии и каюк.

В этой финальной сцене сторонний наблюдатель бы увидел, что один человек удирает от другого, а потом они оба превращаются в прыгающие мячики. Один из них прорастает в нормального гражданина и бьет по второму носком ботинка, как футболист. Второй стремительно улетает за пределы поля.

Можно было остановиться и оглянуться. Нет, не оглянуться, а заскользить к самке, такой желанной и налитой родильными силами.

Но она не подпускает его к себе, его встречает кошмарное облако, которое все превращает в вечный лед, в замерзшие безжизненные капли. И дракону-победителю никак не понять, как обогнуть эту безвременнУю тьму. Василий порывисто вдыхает, молотит всеми лапами и вылетает из канала. Большой мир вертится, бурлит вокруг него, как кипящий борщ, и человек-дракон отключается из-за чрезмерной полноты чувств…

Когда Василий поднялся с песка, то понял, что уже находится за пределами скалы и пещеры, а к нему несется целая орава китайских пограничников. Итак, произошло много вздорного, неочевидного, невероятного, непривычного; глюки были, и в большом количестве, но что-то разразилось помимо этого. Может, природный катаклизм?

Василий, прервав неуместные размышления, кинулся от погранцов, в направлении выхода из ущелья, но ноги вязли в зыбком грунте, рука страдала от ран и вообще шансов удрать кот наплакал. Но тут из-за какой-то каменной глыбы своевременно выехал Акай на своем Нуре.

— Теперь я выручу тебя, дядя Вася. — не без радости перевел бодик.Садитесь пожалуйста.

— Но я никогда не ездил на верблюде, если не считать карусели, — сказал Василий, забираясь на один из горбов Нура. — А это животное совсем еще маленькое и слюнявое. Оно также похоже на корабль пустыни, как я на боксера-тяжеловеса.

— Мал клоп да вонюч, — переводчик извинился за довольно вольное переложение идиомы: «От маленького верблюда дерьма, как от большого.»

И действительно, когда надо было, Нур задал стрекача. Китайские воины пробовали стрелять вслед, но Василий со спины верблюда, как с тачанки, стал слать на них тучи реактивных пуль. Противник, почувствовав почерк батьки Махно, оперативно залег. А «махновец» Василий смог наконец залепить дермопластами дырки на ладони и плече — кстати, крюки от игл удалось элементарно вытащить зонд-пинцетом, дрянь эта сидела неглубоко.

Верблюд вынес своих наездников из ущелья, проскакал вдоль скальной гряды, затем углубился в расщелину меж двух утесов и стал уже гораздо менее резво подниматься на возвышенность.

— Давай-ка я слезу, а то он пукнет с натуги и пупок надорвет.запереживал друг животных Василий Самуилович.

— Уважаемый пришелец, — заговорил мальчик о более важном, — у вас все лицо в красных полосах и глаза рыжие. Может быть вы все-таки арбак, ек или дух, которого тибетцы зовут бдуд? Зачем вы тогда вышли из девятой преисподней?

— Как говорится, послали. — пошутил уставший от всякой чертовщины Василий. — Есть такое долбаное Яйцо. Ну в общем, как не верти, а мамашадраконихa должна его снести. А в нем живет несметная и нечистая сила, не чета мне. Хотя во мне тоже какая-то ящерка устроила гнездышко. Как не печально, но истина дороже: вся эта мудота, пардон, действительно существует. И кто-то в кепке желает такую нечистую такую несметную силу использовать по прямому назначению. Однако вышеупомянутое Яйцо, в натуре, не совсем даже яйцо, а скорее три предмета, каждый из которых кипит от энергии. И один из них был камнем. И камень, кажется, мы поделили на двоих, или на семерых, в общем его энергию взяло много людей. А другой предмет — сабля, а третий — фиг знает что, но скорее всего — щит. Именно

так все и обстоит. А про то, что за ширмой, я и рассказывать не хочу. И так уж столько глупостей в присутствии ребенка наболтал.

— Ничего себе глупости. Сабля-то пророка Мухаммеда? Зульфикар?спросил мальчик.

— Зульфикар, зульфикар, — машинально повторил Василий тарабарские слова, — а потом как взвился. — Откуда ты знаешь, шкет, что одна из частей Яйца — это личная сабля, понимаешь, пророка Мухамеда.

— Я тебе говорил, — спокойно произнес мальчик, — что происхожу из племени джедигер, к тому же из рода Джансеит. Наш прародитель не был кыргызом, он принес сюда ислам прямо из Мекки. Он был одним из воинов пророка и звали его Камаль Ибн-Зайдун.

— Страсть как люблю хорошие родословные. Значит, ты ВИП, очень важная величина. Ну, тогда снимаю шляпу вместе с волосами. Однако не могу удержаться от вопроса: как же ты, герой, дошел до такой жизни, что тебя лупцует какой-то брат какого-то Джанибека?

— Превратности судьбы, — без тени смущения объяснил малыш.Ничего, я немного подрасту, отращу длинные руки и бороду, да еще приедет мой брат Назыр, он сейчас где-то воюет, и мы вдвоем вспорем гнилое брюхо Джанибеку, ну и, само собой, перережем глотку его брату Джусупу.

— Ага, это дело нужное. С утра вместо зарядки — глотки резать тупым ножом, а после обеда — по пузякам пройтись ятаганчиком… Твой брат — моджахед? Он воюет за Ислам? — аккуратно справился Василий.

— Нет, он воюет за деньги, — радостно отвечал юный потомок Камаля Ибн-Зайдуна. — У него уже много денег, только он пока прислать не может — иначе все Джанибек заберет. Вначале он служил в китайской армии и его послали воевать на Тайвань, потом китайская разведка отправила его в Новую Зеландию. Слыхал, дядя Вася, про такую страну? Там как раз заваруха началась. Воюют как будто маорийские повстанцы, но их снабжает наше правительство, которое в Пекине. Потом брату это надоело и он потихоньку уехал к моджахедам, что в Югославии, в этом самом Косово, за Веру воюют. Но там ему не понравилось.

— А чего же ему не по вкусу пришлось? Там, наверное, тоже неплохо платили.

— Понимаешь, там арабы, в основном, и иранцы. Он водку пьет, а у них за это порка положена. И они очень плохо к женщинам относятся, еще хуже чем мой брат. Вот он и ушел к тем мусульманам, которые за христиан, то есть за русских, воюют где-

то на Кавказе. Год пострелял, накопил деньжат на машину и на дом, положил в надежный банк, «Менатеп» называется, а потом в отпуск поехал. Если все не спустит, хорошо нам будет житься.

— Я смотрю, малый, ты неплохо во всем разбираешься. А то заладил — арбак, ек, бдуд и прочие глупости. Так что в твоем славном роду известно про саблю Зульфикар?

Мальчик не стал запираться, наоборот ему хотелось поделиться с дядей Васей какой-нибудь тайной.

— А то, что хранилась она где-то здесь, запечатанной в скалу, под охраной чудовищных змеев и драконов, которых Аллах сотворил много раньше человека. Илля илляхи иль Алла. Но потом какой-то могущественный и правоверный джинн превратил змеев с драконами в камень, забрал саблю и принес пророку Мухамеду. И тогда Ислам распространился по всей земле и дошел до этих краев вместе с моим предком.

— А твой предок, почтенный Ибн-Зайдун, не притащил ее сюда обратно, на китайско-киргизскую границу?

— Нет, что ты. Она принадлежала после пророка, Мухамед расул Алла, только великим людям, страшным кровожадным воителям, арабским халифам, турецким султанам: Абу-Бакру, Омару, Осману, Сулейману Великолепному.

Неожиданно переводчик стал мешать беседе, выдавая не слишком членораздельные звуки.

— Стой, нрзб, мерзавец, нрзб, сын паршивого шакала, нрзб, порождение заднего прохода…

— Эй, бодик, в чем дело? Глотнул электрического портвейна что ли?возмутился Василий.

Боди-комп ответил вежливо, с достоинством:

— Увы, сударь, слишком мало идентифицируемых звуков, ошибка по коду 202. Не работает 70% прототипов. Я не думаю, что это новый диалект, скорее всего, кто-то кричит в вашу сторону с расстояния 100 — 150 метров.

— В мою?

— В вашу. Или вашего собеседника… О, сейчас я отчетливо различил семантическую конструкцию размером с предложение: «Твоя мать хотела утопить тебя в горшке с дизентерийным поносом.»

Пришлось Василию отвлечься от беседы и включиться в реальность. Нур уже поднялся на довольно плоскую возвышенность, то бишь плато. И теперь было заметно, что пятеро джигитов мчатся наперерез, погоняя лошадей плетями.

Вскоре они подскакали и стали выписывать угрожающие круги, в центре которых находился верблюд и двое его друзей.

— Я привяжу тебя к палке, и женщины будут мести твоей

вшивой головой двор, — посулил Акаю важный мужчина, в коем, судя по красивому халату и общей дородности, можно было признать почтенного Джанибека.

— Это слишком большая честь для него, — возразил джигит с недобрыми тусклыми глазками, придающими ему звериный вид: явно брат Джусуп. — Я сделаю из него ершик для чистки отхожего места.

— Похоже, у вновь прибывших организмов катаболизм сильно превышает анаболизм, отчего уровень зловония не позволяет находиться с вместе ними в закрытом помещении, — заметил бодик.

Мальчик встал поближе к Василию.

— Эй, кто с тобой? Этот вот, с физиономией, напоминающей ослиную задницу? — небрежно спросил Джусуп. Видно было, что чикаться ни с кем он не намерен.

— Пусть этот человек отойдет от нашего верблюда и идет своей дорогой, да поглотят его в пути зыбучие пески. — сказал более дипломатичный Джанибек.

— Это друг моего брата Назыра, — вдруг выпалил пацан, — а скоро приедет и сам мой брат Назыр.

— Брат твой — шакал. — зашипел Джусуп, еще более зауживая щелки глаз.Изменник истинной веры. Его труп, наверное, уже сгорел в могиле. А друг твоего брата, верно, такая же отрыжка шайтана. Я даю ему столько же времени, сколько требуется собаке, чтобы погадить, на очень быстрое исчезновение с глаз моих долой. Иначе откроются лишние отверстия в его теле, а нелишние закроются.

— Вообще-то я уважаю вас за гостеприимство, но это уже хамство.Василий потянулся к ремню и вытащил заткнутый за него пистолет-пулемет. На индикаторе боезаряда горела цифра "0" и, конечно, же никаких запасных обойм. Ну все, приплыли, тушите свет.

— Подождите меня здесь, я сейчас за схожу за своим новеньким гранатометом, — попробовал схохмить Василий, однако это не сработало.

— Джусуп, покажи ему, что есть у нас, — сказал представительный мужчина со свисающим через кушак животом.

Человек с кривой прорезью вместо рта снял с плеча короткоствольное помповое ружье очень большого калибра. Двенадцатого как минимум. Внушительный черный глаз ружья уставился в лоб Василию.

— Раз — и голова разлетится как арбуз. Я это уже проверял.сказал Джусуп под общее поощрительное ржанье, а затем поразмыслил вслух. — Тебе придется очень постараться,

чтобы я тебя не убил. Ну, если выпишешь мне чек на миллион долларов, то я еще подумаю.

Где-то крикнула большая птица. Смерть была так близко, что очень хотелось думать о чем-то другом, о фисташках, о количестве добываемой в Саудовской Аравии нефти, о проблемах фараона Нехао.

— Что-то вы слабо мыслите, мужики-богатыри из племени джедигер,слабо возразил Василий. — Только увидели человека — и сразу ему по кочерыжке. Нетворческий подход.

— Да, в самом деле, — согласился Джанибек. — Мой брат слишком горяч и у него слабо с фантазией. Но он молод и, может быть, еще разовьется в правильном направлении. А у меня более тонкая натура.

Джанибек достал из седельной сумки какую-то матово-черную машинку со странным хоботком, который придавал ей вид чайника. Василий даже улыбнулся из вежливости.

— А ты не смейся, парень. Веселиться буду я. — ревниво заметил человек с дородным телом.

Бодик не удержался и снова встрял:

— Радость — индивидуальное проявление веселья, высшей формой веселья является всеобщая радость, что требует надлежащего организационного, информационного и технического обеспечения.

Джанибек, налаживая техническое обеспечение радости, потянул из машинки какие-то штыри, и вскоре стало ясно, что получился пропеллер. Еще секунду и микроптер взмыл в воздух с руки хозяина, как беркут.

— Ты думал, чужеземец, зачем ему хобот? А чтобы тебя поливать огоньком.

Машинка рванулась было вдаль, а потом почти бесшумно полетела обратно.

Никто не держал Василия, он бросился бежать, а мальчишка почему-то увязался за ним. Микроптер стал выписывать над ними и под бездонным древним небом круг за кругом. Безобидная на вид стрекоза, детская игрушка. Тем более и Джанибек управлял ей с помощью маленького пультика, причем вслух:

— Ну, давай вперед, теперь влево, ну-ка возьми эту бегущую тухлятину на прицел. А теперь, птичка, сделай на него ка-ка.

И птичка сделала свое «ка-ка». Машинка заполивала реактивными пулями-бутонами. Раздались крайне неприятные звуки кромсаемого камня. Василий едва успел, подхватив мальчишку, нырнуть в какую-то рытвину, и очередь потерзала почву в каком-нибудь метре слева, гравий даже ударил по штанам.

Джанибек уловил свою ошибку и поднял машинку выше.

Еще одна перебежка, и Василий с пацаном укрылись за каменным выступом, а очередь прошла чуть правее, раскрошив его верхушку в дым.

Из-за отдачи, а может, порыва ветра машинку бросило в сторону и Василий смог более-менее спокойно ее рассмотреть с помощью телеувеличения бимонов. Бодик просил взять под контроль хоть какой-нибудь ствол. Но ничего под рукой не было.

Очередь пропорола воздух прямо над головой, мальчишка уткнулся лицом в камень и завыл. Страх ошпарил Василия от ушей до пяток, он представил, что вот-вот в брызги и клочья превратится его любимое тело, полетит фарш из умной многообещающей до сих пор головы, а какой-то козел радостно замекает: «Попал, попал». А еще он подумал о том, не описался ли уже от ужаса.

Бздение дошло до максимума и при зашкалившей стрелке неожиданно перешло в свою противоположность. Ненависть и ярость соединились и направились на тех, кто не дает ему, дракону, сблизится с самкой, понимаешь. Он увидел, что красные нити тянутся из его рук, а пустынное плоскогорье вместе с атмосферой становится тонкой прослойкой между сегментами Большого мира, среди которых проползают похожие на червей складки каналов.

В трех сегментах от Василия тварь, которая была похожа на миногу, свивала петли и поднимала голову, лишенную черепа. Она готовилась к прыжку и смертельному удару. Василий видел канал, по которому она собиралась добраться до него. Тварь была порождением пяти мелких грызунов, попискивающих кучкой. Ох, неужто это джигиты и их проклятый микроптер?

Тварь заскользила к Василию, он пробовал отвернуть в сторону, но стенка канала не пустила его. Он уже видел, как «минога» кромсает его организм, «клюет и бросает и смотрит в окно». Сперва Василий без особых размышлений припустил от нее по единственному доступному пути. А когда понял, что не успевает, то вначале попрощался с жизнью, сказав: «Покойный любил варенье и печенье». А затем обнаружил, что канал допускает мгновенный кувырок в обратную сторону, и даже без потери скорости. Вдох, вспышка, и как будто вода разом превратилась в огонь, огонь был завален землей, а земля размыта потоком воды. И в центре всей этой круговерти был Василий. Немудрено, что закружилась голова и потерялось различие между «впереди» и «сзади», «слева» и «справа». Однако, в любом случае, лучше получить удар в лоб, чем в зад.

Спустя мгновение Василий едва не столкнулся с «миногой».

Он уже видел вращающуюся черную пасть, но тут какая-то тень, выскочив наперерез, помешала вражеским планам насчет укусить и пронзить. Василий, крутанувшись, скользнул под дернувшейся вверх тварью и рубанул острой гранью руки (или может быть рукочелюсти) по извилистому телу. Вражина с противным чмоканьем и хрустом распалась.

Грызуны засуетились, они даже попробовали атаковать, но твердый сегмент расшвырял их, и тогда Василий послал свое тело к ним, удачно спружинив в мягком сегменте. Да, его сильно закрутило. Но он сумел сориентироваться и попал в канал ускоренного времени. В конце прыжка он нанес удары, и режущими конечностями, и толкающими поверхностями, попутно отразив пару неуклюжих выпадов. Грызуны погибли почти сразу. И непонятно было, зачем лезли. Это могли бы объяснить лишь те Пузыри, которые живут в сияющих соцветиях-городах.

Взгляд заволокло дымкой, а когда все прояснилось — сегменты с каналами исчезли, а на плоскогорье остался один, человек Рютин. Вернее, валялось неподалеку еще три трупа. А где-то вдалеке виднелись спины двух улепетывающих всадников и крупы их коней. Одну скалу портило черное пятно — все что осталось от микроптера. Мертвецов можно было еще опознать, несмотря на страшные повреждения: Джанибек, его брат Джусуп и какой-то их подручный. Один явно упал с коня и сломал спинной хребет обо что-то, другому свернули голову, третьему пробили живот и выдернули желудок.

Мелкая, так сказать, заварушка случилась, а все равно блевануть хочется. Подавив рвотный позыв, Василий глянул на свою руку: раны от игл, заработанные в пещере, даже и не кровоточили — эк организм себя мобилизовал!.

Василий собрался было немедленно отвалить, но тут подумал — как-то смазана концовка. Он еще раз оглянулся и понял — мальчишка Акай пропал. Причем неизвестно когда. Начались мучительные воспоминания, и вспоминать пришлось этот провал в нормальной жизни, этот малоприятный глюк.

Итак, когда в этом самом видЕнии он едва не поцеловался с «миногой», какая-то тень проскочила прямо перед вражиной. После этого гадина промахнулась, а тень сразу же исчезла, провалилась в какую-то бездонную трещину, зазор между сегментами. И наверняка ее разнесло на точки и запятые неумолимыми межсегментными вихрями. Наверное, Акай и был этой тенью.

Василий потряс головой, что за бредни, достойные газеты «Голос Вселенной»? Мальчишку просто уперли те двое бандюков, что уцелели в недавней заварушке. И как знать, что с ним теперь

станется? Будет ли задница пацана менее страдать в отсутствии Джанибека и Джусупа от плетей? Или так называемые джигиты отыграются именно на мальчонке и чего доброго расфасуют его органы по пакетикам? Василию стало неприятно. Еще более неприятно ему сделалось, когда он подумал, что те двое могут привести от ближайшей кочевой стоянки десятка два вооруженных бандитов. Или боевиков. Или борцов за независимость. Различие между ними могут определить только сверхлиберальные журналисты.

— Ваш сигнал принят, — сообщил боди-комп, — эвакуация произойдет через несколько минут.

Еще ничего не соображающий Василий пробормотал:

— Но я никакого сигнала не подавал, у меня же из попы не торчит антенна.

— Я сделал это за вас, у меня торчит. И не стоит благодарностей. Ситуация была ведь неординарная. Мне удалось просканировать семьдесят тысяч визуальных кадров и запечатлеть на своих мемоносителях три тысячи восемьсот целостных образов… Кстати, я восстановился на девяносто девять процентов, реинкарнация так сказать.

— И Зина?

— Система «Зина» — нет, ее ассоциаторы рассыпались на восемьдесят два процента, личностная матрица полностью дезинтегрировалась, надо заново генерировать с базовой схемы… Так вот, я не сумел проанализировать то, что запечатлели мои мемоносители, и сформировать законченный описательный алгоритм. Не хватает примерно семисот эйнштейнбайт менталоемкости. И понадобилось получить консультации по закрытому спутниковому каналу у кое-кого, ну сами понимаете. Заодно у меня справились о вашем самочувствии с достаточным уровнем интереса, и я не смог скрыть имеющуюся информацию… Получается, что вы лично никоим образом не проявили отрицательных душевных качеств, таких как малодушие и трусость.

— А пацана мы, значит, бросим?

— Какого пацана?

— Ну, Акая, из племени джедигер. Он не железный, не кибернетический, и не совместимый с Ай-Би-Эм.

— Понятно. Мы ему ничем не поможем. — без колебаний сказал бодикомп.Когда микроптер пикировал на вас, неся девяностовосьмипроцентную вероятность летального исхода, мальчик оттолкнул вас и очередь из трехсот двадцати пуль прошла мимо вашего тела. Имелась шестидесятипроцентная вероятность, что Акай получит пулевые ранения высокой степени

тяжести, но он не пострадал. Для этого мальчик за одну десятую секунды увеличил свою скорость с семи до ста метров в секунду. При этом он не подвергся резкому разрушению, сопровождаемому выделением 800 килоджоулей энергии, при столкновении с поверхностью скалы. Напротив, при его исчезновении в толще камня, предположительно имеющего плотность двенадцать грамм на сантиметр кубический, было поглощено сорок килоджулей. Да уж, феномен. Но вы тоже оказались весьма неординарны — побежали прямо вверх по скале с ускорением десять метров на секунду в квадрате. Микроптер вас преследовал по касательной параболической траектории, и очень увлекся этим, а вы вдруг прыгнули, сразу на девять метров девяносто семь сантиметров, поздравляю с мировым рекордом, и разрубили его пополам — причем рукой, приложив нагрузку в девять килограмм на квадратный сантиметр. Этого вполне хватило.

— Да ну тебя, — сказал ошарашенный Василий, — если уж врешь, так лучше без этих «килограммов на сантиметры» и «метров на секунду в квадрате». Треп должен быть более естественным.

— Есть, — рапортовал боди-комп. — Подключаю «размягчитель речи», это словесный фильтр восьмого семантического уровня… Короче, слухай сюда, чувак. Рухнул ты сверху на этих козлов и давай их мочить. Одного вообще порвал как газету, свернул этому всаднику хреновому рыло набок, прыгскок к другому, тормознул его, с лошадки траханой оба навернулись, только у него хребтинка хрясь пополам на твоем колене. Ну, атас, шикарная киношка.

— Ты, это, немного речугу свою подправь, а то больно размягченная стала, — попросил все еще смущенный Василий.

— Слушаюсь, — мигом отреагировал бодик, — сейчас добавлю схему интеллиграции… Итак, по моим оценочным расчетам несколько раз вы должны были потерять равновесие, растянуть сухожилия, вывернуть суставы. Однако ничего такого не случилось. Вы, господин Рютин, были ловки как бог. Примите мои аплодисменты.

— На моем колене треснул хребет?

Василий глянул на свои штаны — никаких следов многочисленных убийств. Похоже, что бодик запрограммирован каким-то большим шутником. Хотя, спору нет, кто-то здесь разыгрался. Может, к выяснению отношений подключилось соседнее племя потрошителей?

— Не волнуйтесь, Василий Самуилович, — голос бодика стал почти участливым. — У нас есть хорошие ученые, необычайные умницы. Они во всем разберутся.

— Если и разберутся, то мне не скажут. И вообще умницы необычайные только себе жизнь облегчают, а другим портят.

И тут диалог был прерван легким непонятным шумом. Василий тревожно оглянулся — древнее плоскогорье казалось совершенно пустым, его лишь понемногу корябал ветер, как и сто миллионов лет назад.

Ни глаза, ни бимоны не смогли как-то оконтурить источник шума. Василий тут в открытую пожалел, что чудесные способности появляются у него только в глюках.

Нет, не в глюках, сказал он себе твердо, а, судя по заявлению бесстрастного бодика, в некоторые особо острые моменты! И, может, впервые Василий сейчас поверил, что в нем, чего греха таить, сидит некий чудодейственный Змей Горыныч. Именно за это дело не положено ему, Василию, ни дна ни покрышки, ни сна ни роздыху, за это его и прокатили на китайскую границу. Василий оценил свое самочувствие и понял, что грустнее от новых догадок ему не стало. Лучше тайна и надежда на спасение, чем четкость и определенность приговора.

Несколько секунд спустя телеувеличители бимонов показали ему пятнышко, несколько отличающееся по прозрачности от остального пейзажа, впрочем в тепловом диапазоне ни капельки не выделяющееся. Пятнышко вдруг запрыгало, стало резко разрастаться, и вот оно уже заполнило весь обзор какой— то мутью.

Василий в ярости сдернул бесполезные бимоны и увидел перед собой на малой высоте небольшое облачко. Внезапно его очертания и цвет изменились, отчего обернулось оно машиной размером с микроавтобус. И внешним видом была она похожа на микроавтобус, однако более сплющенная, что сближало ее с летающей тарелкой и экранолетом. У машины не было ни колес ни ветровых стекол — одинаковые гладкие зеркальные поверхности, никаких тебе выступающих деталей и даже стыков. Тем не менее она как-то «глянула» на заплутавшего программиста, после чего на ее носу открылось ротообразное отверстие, из которого как атакующие змеи вылетели клейкие ленты. Они обхватили Василия кругом и одним резким рывком, от коего захрустели все хрящи, втащили внутрь.

Опять! Придя в себя после встряски, он опять убедился в том, что оказался в замкнутом и темном кубе-контейнере. Как же быстро его нашли — словно в нем сидит маячок.

А может, и в самом деле сидит? Почему вдруг объявился новый шрам на его щеке после «отключки» в московском метро? Значит, где-то он побывал. Возможно, он даже общался с реальной Зиной и ее друзьями. Возможно, они вынули из него

что-то, поставленное в фирме Виталия Мухамедовича — прекратились ведь удары по нервным центрам — но зато смонтировали кое-что свое. И поэтому, несмотря на неудачу с «белком» на китайско-киргизской границе, его так быстро вычислили. Им по прежнему интересуются. Значит, кое-что он действительно может. И информации много надыбал, и получил какие-то навыки. Вот бы разобраться, какие.

В камере опять имелась щель, выдающая еду, и приемное отверстие для невкусных вещей, то бишь унитаз. Однако появились и новые вполне заметные детали. Один детектор то и дело пускал слабенький узкий лучик, похоже что лазерный, прямо в зрачок. ГлазкИ видеокамер, колоски микрофонов всматривались и вслушивались со всех сторон. А еще с заключенным Василием общался кто-то, находящийся в той же машине, вероятно, пилот.

— Я давно мечтал с вами познакомиться, — начал тот. — Добро пожаловать.

— Было бы добро пожаловаться. — перешел к следующей теме Василий.

— А зачем жаловаться? — искренне удивился пилот. — Вы летите на самой современной машине, наиболее незаметной на свете.

— О, я польщен высоким доверием, сейчас радостно залаю как Белка и Стрелка. И что же вы используете для приобретения такой скрытности? Порошок невидимости, купленный на одесском базаре у одного мужика в ермолке?

— Ха-ха, — адекватно откликнулся пилот. — И не только его. У нас вдобавок активное волнопоглощение во всех диапазонах, высота метр-полтора от поверхности, это, кстати, при скорости двести метров в секунду — конечно же пилотирование без компьютера невозможно. Раньше компьютеры такой мощи разве что в космических ЦУПах стояли. Сами понимаете, обнаружить и тем более попасть в нас невозможно. Почти невозможно. Защиты от везучего врага не существует.

— Понятно, что вас трудно засечь, коли вы летаете на высоте жопы от земли, причем со скоростью семьсот кэмэ в час. Но послушайте, шеф-повар, а в лесу, в горах или в городе ваш агрегат будет носиться с той же скоростью, на той же высоте? — злобно спросил Василий, желая охладить хвастовской энтузиазм своего невизави.

— На сложной местности высота увеличивается и скорость падает, но не так значительно, как вы думаете. Процентов на двадцать — и вс". Но, конечно, борт-компьютеру приходится напрягаться больше чем обычно — он даже прекращает сражаться

в скрэббл и шахматы с самим собой.

Можно было, естественно, поразмышлять, отчего пилот с легкостью выдает секретные сведения. А, наверное, потому, что они не столь уж секретные. Какой бы новый аппарат ни запускался в одну из четырех стихий, спутниковые системы неизбежно засекали его и через несколько часов коекакие сведения о новинке появлялись в компьютерных сетях. Само собой, для уничтожения новой машины подавай новые оружейные комплексы, и на их разработку и доводку потребуются годы. Так что, до той поры «цель» останется малоуязвимой или слишком дорогой для уничтожения — к примеру, для этого нужно будет перетрясти вакуумными боезарядами площадку в десять квадратных километров.

Пилот, потрепавшись, отключился, так что Василий мог теперь играть в крестики-нолики с самим собой или творчески ковырять в носу. Однако попробуй успокоиться — полет на сверхсекретной машине, вполне вероятно, боком выйдет. Как бы не оказалась эта замечательная поездка последней. Ведь так мало известно о тех людях, которые снова сунули его в коробок. Лишь то, что они не люди Виталия Мухамедовича, не исламисты, однако давно держат его под наблюдением. Тогда, в 91 году, у мусульманских владельцев сабли был конкурент — капитан-сибиряк. Уж не из одной ли компании, тот ненормальный офицер Лялин и этот болтун-пилот?

Василий в конце концов заметил на переборке — ведь бимоны остались при нем — инфракрасный коннектор[10]. Само собой, надо подключиться к нему своим бодиком. Сделал и стал получать изображение от систем наружнего наблюдения — когда пилот открывал связной канал. В первую минуту «наслаждения» полетом Василия едва не хватил инфаркт.

Они как раз летели в гористой местности, каждое мгновение огромные каменные топоры, молоты и ножи угрожали раскрошить, раскроить, размазать, расплющить, рассечь аппарат. Но тот, вместо того, чтобы расплющиться и размазаться, в сотые доли секунды совершал маневр. И уже через сотые доли секунды все повторялось снова. Мозг не справлялся со скоростью поступления сведений, даже в режиме значительно замедленного воспроизведения. Василий после первого порции острых ощущений отчаянно скинул бимоны — сердце прыгало как акробат на батуте, пот гулял по телу, адреналин кипятил кровь, зрачки не могли сфокусироваться. Можно было подумать о том, что на свете есть много вещей, которые не стоит видеть и слышать. Василий с радостью решил быть простым пассажиром. Заодно подивился комфорту — тому, что не очень мучается из-за

инерционных нагрузок.

Видимо, камера заключения гироскопически «застыла» благодаря электромагнитной подвеске, которую господа конструкторы организовали какими-то сверхпроводящими токами.

Затем ему дали немножко послушать радио, там какой-то профессор позорный рассказывал, почему последние сто лет на Земле такая неустойчивость в политическом, социальном и нравственном смыслах: сплошные войны, революции, терроры с диктатурами.

Мол, сто лет назад человечество, все от мала до дедов и бабок, стали из мрачной средневековой приземленности и никчемности вступать в общество массового потребления, где каждый захотел иметь цыпленка для пуза, отдельную комнату для тела, ватерклозет для попы, автомобиль для быстроты, таблетку для здоровья, сожительницу для хера и немного уважения для души — чтобы начальство ему с трибуны ласковые слова говорило. Причем по-скорому захотел, когда станки и машины еще не тянули все это изобилие создать.

В общем, всяких естественных и неестественных ресурсов, подземных кладовых и наземных черноземов, на это дело тоже не хватило, и быстро плодящееся человечество стало выпадать из общества массового потребления, куда, в целом, так и не попало. Что мы, дескать, сейчас и наблюдаем.

Но западный бюргер в потребительском раю таки-побывал, и веру с возвышенными, понимаешь, идеалами, успел променять на кредитные карточки и страховые полисы. Зажрался, душевно измельчал и волю к борьбе утратил. Ему сейчас особенно тяжко и мучительно, ввиду наступления на него голодных орд с Юга.

Безыдейному западному гражданину ни морально, ни физически не совладать с бесчисленными толпами алчных удалых и фанатичных дикарей. А те уверены, что Аллах теперь заберет имущество, дома, жен и прочее добро у «неверных» и отдаст «верным».

Единственной по-настоящему силовой реакцией Запада является фашизм…

«Ой, какие мы умные.»— злобно отреагировал Василий на профессора «кислых щей», хотя ничего другого не придумал. Его, собственно, никто и не просил думать про политику и прочую философию.

После обеда он опять пожелал подключиться к наружнему обзору, хоть совсем недавно давал зарок не связываться с этим делом. Вначале Василия чуть не вывернуло, однако затем полегчало, причем стало легче, чем в первый раз. Не то, что его

зрачки смогли скакать быстрее, просто мозги уже лучше «переваривали» информацию, поступающую через рецепторы глаз. Да и кроме того машина пересекала довольно «спокойную» местность, скользя над невысокими барханами.

Когда во время ужина Василий снова приложился к системе наружнего наблюдения — а летели они теперь в гористой местности — ему даже немножко понравилось. Немножко понравилось то, что он уже не шалеет во время полета, а даже сохраняет какое-то самообладание. Оторвавшись от пейзажа, он удивился мертвой неподвижности камеры заключения, тому, как по-черепашьи выползает еда из щели и как вяло движутся его собственные челюсти.

Еще через пару сеансов он понял, что может уже реагировать, что принимает полетные решения частенько своевременно. Что, наверное, в состоянии немножко управлять машиной. И ему дали поуправлять. Пульт был чисто виртуальный, так что Василий мазал руками по воздуху, где «располагались» клавы и батоны [11], а также основной штурвал, который напоминал не столько баранку, сколько шар. Опытный программист Рютин сразу уловил, что настоящего управления он не получил, машину ему вверили опять-таки виртуальную, поэтому не очень даже испугался, когда «врезался в скалу». После этого он почувствовал себя еще свободнее и на полную катушку предался игре. Он усек, что руки должны быть почти неподвижными, иначе «не поспеют» за машиной. Бегать должны одни пальцы, причем так же аккуратно как у часовщика, и столь же быстро как у гитариста. Он ловил кайф за кайфом, то бросая машину на вираж, то пуская ее в узкий скальный проход, то взмывая чуть ли не на вершину горы, то пикируя в пропасть, чтобы в итоге вывернуться и полететь над горным потоком. Потом в той же ВР [12] он поносился в лесу, между кряжистых дубов, и в городе, лихо сворачивая с улицы на улицу, перепрыгивая через дома и пролетая под мостами, и в бушующем море, увиливая от десятиметровых волн, как мышка от кошки. Пару раз он имел удовольствие не «вписаться в поворот» и разбиться. Были ему даны и такие осложнения, как пожар, землетрясение, наводнение, цунами, извержение вулкана и даже падение метеорита. Потом началось и активное противодействие со стороны ПТУРСов и зенитных комплексов, а там и вертолеты с самолетами-штурмовиками принялись долбать по нему…

Неожиданно пейзаж сменился, и теперь это была местность, состоящая из невысоких каменистых, словно бы срезанных холмов — в принципе, несложный рельеф.

Уже уверенными движениями заправского водилы Василий бросил машину вперед и заложил у холма правый поворот. В

поворот он вписался и мог теперь немного расслабиться, но тут почувствовал что-то не то. Машина стала более нервной, менее послушной… и самое главное — он ощутил соотвествующую инерционную нагрузку, его прилично отклонило влево. Игра явно закончилась. Василий запсиховал, хотя был уверен, что в системе управления, наверняка, имеется «защита от дурака». Машина, и в самом деле, почувствовав неровное вождение, вошла в какое-то самоколебание, стала рыскать по курсу и заодно сваливаться набок. Боком она полетела на крутой склон оврага. Еще немного и… Василий закрыл глаза, но тут аппарат взяла под контроль уверенная рука настоящего пилота.

До конца пути ему позволяли только играть. Спустя часов шесть машину необычно сильно тряхнуло. Коннектор снова оживился и выдал на бимоны картинку. Еще ту картинку. Василий сперва подумал, что это очередная игра, но потом «нутром почуял» всю взаправдошность и настоящесть.

Зарубка 7. (сентябрь 2001 г., Западная Европа) «Косметика военного образца»

Огромный город. День очевидно ясный, но солнца не видно. Над домами стелется густой жирный дым, рухнувшие путепроводы и разорванные линии связи придают пейзажу откровенно помоечный вид. Там, где горит парковый массив, дым более легкий и светлый.

От остова большого вокзала тянутся широкой полосой железнодорожные пути. И хотя на них там и сям видны разбитые и покореженные вагоны и платформы, кажется, что они пострадали меньше всего. Впрочем, они заканчиваются разбитыми мостами, которые некогда перебрасывали их через каналы и ковши речного порта. На серой грязной поверхности воды горят жирные пятна нефти. Из-под воды торчат ржавые борта легших на дно судов-покойников.

Кое-где сквозь дым пробиваются огненные языки. Все расчерчено трассами реактивных пуль, мелькают алые шарики гранат, видны и факелы ракет, которые оставляют за собой серые немного извилистые дорожки. Вот одна выскочила из бурого густого облака, застилающего берег реки, и долбанула вертолет «Тигер», который поливал огнем из автоматической пушки. Тот прямо на вираже вспыхнул где-то ближе к хвосту, переломился на две части, словно об невидимое колено, и двумя горящими кусками, как будто нехотя, потянулся к земле.

Более крупный обломок по дороге взорвался и превратился в рой из красных и оранжевых конфетти. Но тут из дымной пелены, затянувшей небо, выскочило что-то похожее на сигарету. Василий

понял, что это самолетштурмовик, когда от него направилось к земле с пяток черных точек и несколько лазерных лучей, похожих на спицы, уткнулись в прибрежное облако. А спустя мгновение оно из бурого превратилось в ярко-красное. Какая-то цель была накрыта вакуумно-вихревыми боезарядами.

Василий переключился на монитор ближнего обзора и увидел, что изпод развороченного автомобильного путепровода, предсмертно оседающего на изгрызенных столбах, выползает около десятка бронемашин. С помощью телеувеличения он разобрался, что в этой группе четыре танка — они неторопливо двигались вперед, останавливаясь то и дело, чтобы пальнуть из главного орудия или выдохами огнеметов «продезинфицировать» и без того скудную местность перед собой. Вдруг один из танков вспыхнул — в его правый борт нырнул стремительный факел ракеты.

Здесь было очень неуютно. Однако пилот сказал:

— Все, пора выходить. Ваша остановка.

Василий Самуилович немедленно завозмущался:

— Вы там ничего не перепутали!? Тут же мясорубка. Вам что мало котлет? Ну так для этого не стоило тащить меня за несколько тысяч километров!

Пилот на выкрики не отреагировал, а продолжил по существу:

— Вот видите тот супермаркет? — спросил он и подвел контур целеуказателя к одному из объектов, расположенному по соседству с издыхающим путепроводом.

Супермаркетом это трудно было назвать при всем желании. Остался только ажурный каркас, его сильно измятые балки тут и там были разорваны и скручены. Сохранились немногочисленные островки перекрытий, кое-где высились столбы, по которым, совсем еще недавно, взлетали легкие прозрачные лифты. Почему-то уцелела многоярусная спиралевидная эстакада, которая, может, неделю назад возносила к «небу» движущуюся дорожку с довольными покупателями.

Земля же была застелена сплошным многосантиметровым ковром из осколков разноцветного стекла и пластика, обрывков серебристого и золотистого металла. В одном месте над груды рухляди высилась авангардная статуя, похоже изображающая женское существо с гениталиями сильно преувеличенного размера. Ударные волны, подходящие с разных сторон, крутили пустотелые металлические формы вокруг осей. Особенно Василия поразила грудь женоподобного существа, открывающаяся и закрывающаяся, как форточка на ветру.

— Что за город? — решил уточнить Василий, хотя уже

догадывался.

— Гамбург. Вернее, центральные его районы: окраины пока не затронуты боями.

Вот черт. Мекка иммигрантов, куда народ перся со всего мира, вырываясь из когтей и зубов диктаторов, красных и коричневых палачей, от злобесности религиозных фанатиков, от ночных погромов и бандитских наездов посередь бела дня. Сейчас центр вольного ганзейского города был превращен в огромную дымную помойку, на которой догорали души и судьбы.

— Кто ж тут орудует?

— Многие. Но боевые операции начали пять дней назад «Волки пророка» Мехмета Айдина. Сейчас помимо них в городе шахиды из «Хамас», пара тысяч стражей исламской революции, абхазский батальон, полностью или частично отряды «Кодс», «5000», «Ансар», группа «кровавой мести Аллаха»: все — отборные бойцы и в основном фанаты. Командование сил Ислама в Европе называет это ограниченной операцией на северном фланге, призванной предотвратить переброску морским путем американо-сионистских войск. Бундесвер еще только подтягивает основные силы. Пацифисты и восточно-германские националисты-автономисты мешают движению войск, ссылаясь на какие-то договоренности с исламским командованием. Есть верные сведения, что со дня на день в Ростоке заработает автономное правительство «истинных немцев». А поскольку во Франкфурте уже сидит, причем неплохо, временная исламская администрация Центральной Европы, Германия практически раскроена на три части. Во Франции дело немногим лучше. Зональное командование сил Ислама, расположившееся в Биянкуре, рабочем пригороде Парижа, провозгласило ее субъектом Аллаха. Во многих районах столицы, как вы выразились, орудует мусульманская милиция и ей на подмогу каждый день прибывают подкрепления из Алжира и Туниса. Французские женщины опасаются появится на улице без белого платка и шальвар. Вчера перешли в ислам министр внутренних дел Жулио-Бери и два профсоюзных деятеля социалистического толка. А вот британский лев пока играет на склоках между суннитской англо-пакистанской лигой и зональным командованием исламских сил, в котором заправляют шииты — вс" в традициях Даунинг-стрит…

Василий понял, что неспроста ему выдали такую порцию негатива, и слегка вспотел.

— Спасибо за политучебу, товарищ пилот. Закат Европы представлен наглядно и убедительно. Особенно меня поразили проблемы французских женщин, которым уже нельзя обходиться одними трусами. Но чего ж вы раньше меня не позвали? Если

даже одряхлевший британский лев на что-то способен, то можно себе представить, что станется, когда я залютую. Где тут ближайший унитаз, куда можно спустить всех шахидов-мюридов? Кстати, я выдвигаю встречный план и беру на себя еще и стражей ислама. Недолго им осталось елдаками махать.

— Все намного проще, Василий Самуилович. Надо проведать Мехмета Айдина и, наконец, выяснить, является ли он Виталием Мухамедовичем. Вы проберетесь по подземным коммуникациям, которые начинаются под супермаркетом, до здания фирмы «Электронише Гемайншафт», где сейчас засели исламисты.

Голос был тусклый как у доктора, который говорит: вам сейчас надо взять эту баночку, пописать в нее и отдать медсестре. Ладушки?..

Василий попробовал сопротивляться:

— Зачем вам это надо? Я ведь уже начинаю врубаться, в каком месте надо поискать клинок, то бишь «белок». И даже есть определенные соображения насчет «скорлупы». Используйте меня как интеллигентного сотрудника.

— Дело не ограничивается Яйцом, историческим Яйцом.

Услышав такое, Василий застонал, как от зубной боли. Застонал, потому что понял — яичные проблемы стали вдруг его личными проблемами.

— Значит, пилот… может быть еще одно Яйцо, более свежее, какая-нибудь драконесса снесет. Вот зараза. И оба яйца на меня одного? Зачем мне два?.. А я, между прочим, по-прежнему считаю все эти видЕния бредом, который навел какой-нибудь модельный наркотик. Вы просто давите мне на мозги, используя мою полосатую болезнь.

— Вам надо поверить в то, что вы не больной, а просто не такой, как все, — как опытный психотерапевт стал вещать пилот. — Это не слишком сложная задачка для вас, ведь о чем-то подобном написано во всех ваших книжках. Так что не будем капризничать.

— А вы меня читали? — не удержался от любопытства Василий.

— «Продавщица, внутри которой сидел Чужой, постоянно обвешивала покупателей, когда продавала фарш. Чужому требовалось много фарша. К тому времени, когда ее должны были уволить, он должен был превратиться в стокилограммового монстра.»— процитировал пилот.

— Да, это из моего творчества. Ну и как вам оно?

— Литературные достоинства мы обсудим потом; есть, конечно, проблемы с построением сюжета, но в силе предвидения вам не откажешь.

И Василий сразу осознал, что после такой порции лести уже не сможет отвертеться от очередной авантюры.

— Но какой из меня ниндзя… проникнуть, проведать, поздороваться, узнать. Шутка ли сказать.

— Желудочный сок выделяется во время еды, как говорят людоеды,откликнулся пилот метафорой и добавил. — Кроме того, я пойду с вами, чтобы неустанно помогать вам советом. Сейчас только скачаюсь в ваш боди-комп.

— Так ты программа, киберяшка… Лучше бы помог деньгами, и то интереснее.

Киберяшка-пилот не отвечал, он как раз был занят переписыванием своих модулей в боди-комп.

— Готово, переписался и скомпилировался без ошибок. — рапортовал пилот уже с непосредственной близи.

— А тот прежний? — вспомнил Василий о командном модуле бодика, который обладал куда меньшими руководящими способностями и набором сведений, однако казался более симпатичным.

— Да ассимилировал я его личностную матрицу. Он мне уже не помеха.деловито сообщил пилот и продолжил в своей напористой манере. — Времени в обрез, и я бы посоветовал вам поскорее взять кое-какое оружие. Например, укороченный, бесшумный, с ночным прицелом…

— Ты не про хер случаем говоришь?

Однако открылся люк оружейной секции, и Василий стал оснащаться.

Штурмовая винтовка под беспатронные реактивные боезаряды, она сохранила скорострельность и вес автомата, но стреляла почти что гранатами, имела лазерный прицел, который мог при расширении фокуса еще и ослепить врага. Пистолет-пулемет и боезаряды к нему: пули типа «бутон» повышенного останавливающего действия, которые разворачиваются именно в теле; кассетные пули, нашпигованные скрученными двадцатимиллиметровыми иглами. Четыре ползучие самонаводящиеся кибермины, похожие на толстых черных тараканов. Также некоторый пакет «икс», который надлежало применить в самый ответственный момент. Ну и прочие вещи, входящие в джентльменский набор современного ниндзя. Трехслойный жилет для защиты от пуль, осколков, игл и поражающих факторов ВВ. К нему прилагается капюшон, газовая маска, накокотник для надежной оборон яичек, детекторы и анализаторы всяких опасностей. Противоминные башмаки с датчиками. Термический нож с выбрасывающимся лезвием. Еда в многосекционных саморазогревающихся банках.

Василий завершил экипировку, подключив управляющие чипы оружия к операционной системе боди-компа, и подытожил:

— Ну все, настоящий десантник. Или разведчик. Только презерватива не хватает.

— Это тоже имеется, — рапортовал пилот. — Мы должны предусмотреть любые, даже самые внештатные ситуации. Посмотрите там на донышке.

И действительно, на дне оружейного ящика лежал маленький пакетик с изображением легкомысленной красотки в расслабленной позе.

— Непонятно, зачем я тащу лишнюю тяжесть, — проворчал Василий засовывая резиновое изделие в один из сотни кармашков. — Он явно не пуленепробиваемый.

Вопреки худшим ожиданиям Василия, его экраноплан не стоял на открытом месте, а находился в укрытии, которое, видимо, представляло остатки подвального гаража. Там и сям балки перекрытия обрушились, вместе с ними просыпались груды земли, мусора, обломков бетона. Воняло здесь и паленой резиной, и какой-то едкой химией, и обычной копотью.

Программный пилот посоветовал надеть поскорее бимоны и стал рисовать «поверх» живой визуальной картинки путеводные стрелочки.

За крайним уцелевшим столбом имелся люк, напоминающий канализационный. Впрочем, то, куда спустился Василий, более смахивало на подземный переход. От прежней торговой жизни остались алюминиевые коробки киосков, правда, с напрочь вылетевшими стеклами. От прежнего веселья — графитти на стенах, в основном лозунги пацифистского содержания, в том числе и на русском: «Хрюшки вместо пушки», «Пуля — дура, хер — молодец.»

Здесь Василий увидел первый труп. Обычный пожилой бюргер даже без следов каких-либо поражений. Похоже, что в этом переходе случилась крупная давка — весь пол застилали пакеты, сумки, коробки, даже женские туфли попадались. Из-за брошенного шмотья царила такая пестрота, что хоть майский луг рисуй. Бюргера или слишком сильно стиснули, или его сердце просто лопнуло от страха. Много ли требуется гражданину, привыкшему к спокойной размеренной жизни?

Пилот завел Василия в какую-то дверь. Просквозив вереницу служебных комнаток, новоявленный десантник остановился возле решетки вентиляционной камеры.

— Ломайте, — велел пилот.

Ниндзя-программист попробовал отодрать сетчатую железку своими «сильными» пальцами, привыкшими бегать по «клавам» и

«батонам». Однако с позором отступил.

— Вот лопух, — проворчал «еле слышно» пилот. — На что ему оружие, в носу ковырять что ли… Стреляйте, Василий Самуилович, только не в упор, не то вас самих разнесет.

Два выстрела из штурмовой винтовки по скобам, крепящим стальную сетку. Удушливая горячая волна толкнула Василия, даже закрутила, что-то резко стегнуло по жилету. Правда, и решетка бессильно повисла на одной петле.

Василий опустился по вентиляционной шахте на два пролета вниз. Там выбил своими противоминными башмаками ржавую заслонку и оказался в тоннеле, который служил, видимо, для чисто технических целей — здесь тянулись толстые линии кабелей, трубы отопления и посылочных пневмопроводов. Стояло вдобавок несколько тележек на электромоторах. Аккумуляторы, правда, сели уже. Василий это подземелье сразу невзлюбил. Сверху-то, над ним, все перелопачено, пробомблено, заминировано, в любой момент обвал может случиться.

Но у Василия Самуиловича давно не было выхода — с тех пор, как он ошибочно вошел не туда, куда надо.

И он двинулся вперед. Прошел первые пятьдесят метров и решил воспользоваться газовой маской. Химический анализатор, встроенный в жилет, показывал не слишком высокую концентрацию паров хлора, кроме того здесь застоялась гарь и оттого легкие все время напрягались, чтобы не разлаяться кашлем. Еще осилил Василий метров тридцать и стал ощущать чье-то присутствие. Так бывает только в безлюдных местах, когда даже единичное живое тело имеет достаточную «контрастность».

Впрочем, детекторы электромагнитных возмущений не зарегистрировали излучений живого объекта. Василий снял маску, прислушался и принюхался — как будто ничего примечательного.

— Что вы встрепенулись, аж даже пульс участился? Давайте не будем терять время. Нам еще идти и идти, — зазудел программный товарищ. Кажется, он не был слишком высокого мнения об умственных способностях своего подопечного.

— Не нравится мне что-то.

— Ну что тут может нравиться? Вполне естественно, что вы, будучи нормальным человеком, а не извращенцем каким-нибудь, воспринимаете ЭТО как сплошной негатив.

— Да причем тут негатив, вокруг и около меня давно уж сплошное дерьмо. — сообщил Василий и подумал, что с экстраморфином было бы, наверное, веселее. — Просто не могу я бодро топать вперед, как по Невскому. Потом мне перекроют путь назад — и вс", в коммуне остановка. Но, может, ты считаешь, что

у меня оплачена дорога только в одну сторону?

— Я все время анализирую показания химических и электромагнитных детекторов. — стал успокаивать его пилот. — Понимаете, от грязного-то человека воняет на тридцать метров, а негрязного человека тут не может быть. Никого нет, если не считать крыс и насекомых, которых я не фиксирую.

— Ты как-то оскорбительно высказываешься о людях, — возмутился Василий. — Еще неизвестно как ты сам завоняешь, если тебя вместе с боди-компом сунуть в пионерский костер.

— Ну, ладно, ладно, — пошел на попятную пилот, — не будем выяснять, кто дурак, хотя это любимое занятие людей… Есть тут еще боковые тоннели, вернее дренажные каналы, и они, конечно, вне поля наблюдения.

И старший программный товарищ нарисовал еще несколько путеводных стрелочек.

Они привели Василия то ли к шпигату, то ли к люку возле стены тоннеля. Ниндзя, крякнув, поднял его и глянул вниз. Там, в самом деле, проходила канава высотой не более пятидесяти сантиметров, с малоприятной жидкой грязью на дне.

— Приятной прогулки, сударь мой, — ехидно пожелал пилот, — только крышку не забудьте за собой закрыть.

Василий соскочил в канаву, задвинул над собой люк и двинулся вперед на сильно согнутых ногах — в детсаду это называлось «как уточка». От грязи сильно разило дохлятиной, пришлось из-за этого снова воспользоваться газовой маской.

— Вы сами этого хотели, — примиряюще шепнул пилот.

Василий весьма обрадовался, когда канал двадцать метров спустя закончился кубической камерой вроде отстойника. Осталось проверить все ее углы, и с фонариком, и так. На дне камеры тоже имелись шпигаты, от которых уходили трубы совсем уже крысиного диаметра. А кроме этого только грязь и падаль. Но ему все время казалось, что в промежутках между своими шумными выдохами в маску он слышит чье-то дыхание. Впрочем, этого было мало для каких-либо мероприятий, и он решил, что просто газовая маска «фонит».

Лишь когда он уже выбирался наружу, луч фонаря почти случайно упал на свод камеры. Василий и раньше бросал туда взгляды сквозь инфрасканеры, но ничего особенного не замечал. Свод по периметру огибала балка, за ней в одном месте проглядывалась щель, из которой торчало тряпье. Сейчас Василий вдруг подумал, кто же его туда засунул?

Он подпрыгнул и смело ухватился за край тряпки. За этим краем потянулись и все остальное. Из рванины вдруг вынырнуло лицо, вернее выглянул глаз. А потом вся куча тряпья спрыгнула

вниз и попыталась юркнуть мимо Василия в канал. И ей это удалось.

Василий от неожиданности свесил челюсть на грудь и заодно попытался ухватить бегающую кучу, однако ударился головой о стенку и на какой-то промежуток времени отпал, предавшись своим ощущениям. А затем все-таки полез следом, раздумывая, не пальнуть ли в метнувшееся тряпье из пистолета-пулемета. Оно активно двигалось впереди, а потом неожиданно исчезло. Как будто моментально истлело. Бррр, готика, будто не в дренажной системе, где дерьмо да вонь, а в лабиринтах старинного замка тринадцатого столетия. Впрочем, в старинных замках тоже было богато по части дерьма да вони. Куда рыцари гадили? Ясное дело. А куда мусор выбрасывали? Тоже понятно.

Василий, несмотря на свою газовую маску, сразу представил, какая тут царит вонь — жить в ней может разве что мутант с фильтрующим носом длиной минимум в тридцать сантиметров. Этакий хобот вместо носа.

Однако о мутанте, завернутом в это самое тряпье, он на какое-то время забыл, потому что поступил сигнал тревоги от звукодетекторов. Те сообщили, что «по главному тоннелю, азимут сто, расстояние тридцать, перемещаются живые объекты, предположительно люди, в количестве больше одного.»

«Вот уж попался, так попался. В этой щели разве можно всерьез обороняться? Стрельнут эти „живые объекты“ из гранатомета или огнеметом шарахнут — и соскребай меня со стенок.»

Василий стал лихорадочно разворачиваться в обратную сторону, к отстойнику, но неожиданно его руки, щупающие стеночку, куда-то провалились. Так и есть, еще одно ответвление, еще один канал. Не полагаясь на инфрасканеры, Василий посиял фонариком: высветился квадратный в сечении лаз, может чуть шире канализационной трубы. Однако куда еще деваться? Он стал протискиваться в него с проворством достойным мокрицы. Однако мешали то задница, то штурмгевер, то пистолет-пулемет, то кости. Лаз все время делал повороты и на каком-то изгибе Василий снова встретил ту кучу тряпья, ныне слабо светящуюся в тепловом диапазоне. Куча, заключающая в себе ужасного мутанта, лягнулась и попала господину десантнику в лоб. Ладно, что лоб (на котором надолго, если не навсегда, остался след каблука), она чуть не разбила бимоны!

Все-таки по силе удара Василий сделал вывод — не мужик ему вмочил, иначе бы черепная крышка набок и шейные позвонки — хрясь.

Но кто тогда? Подросток-отросток, старичок-боевичок,

женщина? Второй раз Василий уже не дал себя приголубить и поймал чью-то ногу. Холодную худую не волосатую. Значит, этот подземный монстр что-то вроде бабы. Через секунду Василий уже прижимал бабумутанта своей винтовкой к грязному дну канала. Пришлось столь неделикатно обращаться с дамой, потому что она все норовила врезать костлявым кулаком в кадык, ткнуть острой коленкой в пах и еще что-то откусить — как минимум палец.

Наконец противник был зажат между винтовкой и цементным дном. Оба борца замерли, не зная, что предпринять дальше, и услышали голоса, доносящиеся из главного тоннеля — теперь уже безо всяких звукодетекторов. Женщина снова напряглась и Василий прошипел сквозь газовую маску:

— Тихо, на вас лежит друг и доброжелатель.

На что женский голос отозвался:

— Sei doch still. [13]

Василий, ухитряясь одной рукой удерживать бабу, другой направил на нее микрофоны и попросил переводчика подключиться:

— Кто они такие? — спросил он про тех, кто шастал по главному тоннелю с неясными, но явно вредоносными намерениями.

— А вы кто такой? — зазвучали слова женщины уже в переводе с немецкого.

Василий ухитрился стащить газовую маску, придающую ему вид волкаоборотня, и простонал: «Из-за этой вони можно рехнуться. Но чего только не сделаешь ради первого контакта.»

— Эй, женщина, невежливо отвечать вопросом на вопрос. Я первый спросил, причем не о том, сколько вам лет. Ну так кто это такие? Шахиды, моджахеды, стражи исламской революции?

— Во-первых, прекратите меня так прижимать… Да, так уже лучше, спасибо… Это — зверье. Не знаю, как их называют официально, но они — потрошители, охотники за органами и целыми организмами.

— Понятно, они — такие-сякие. А я вот не потрошитель, я — Василий, можно сказать, турист из России. Мне тридцать восемь лет, мое хобби — мыть руки перед едой. Очень приятно познакомиться. Направьте ухо в эту сторону, здесь динамик… Сесть тут нельзя, но встаньте хотя бы на четвереньки. Или вы хотите полежать?

— Меня зовут фрау фон Бенеке, — после некоторой паузы сообщила женщина.

— И что же вы, фрау фон, боитесь меня, — Василий чуть не добавил «советского офицера», потому что всплыли кадры из какого-то древнего фильма, где незлобивый русский майор

помогает беременной немецкой женщине поскорее родить Гансика. — Все будет путево, никаких там дешевых подкатов с моей стороны, то есть, будем жить культурно, пока вы сами не намекнете.

Василий еще хотел поспрашивать у дамы насчет того, как она докатилась до такой жизни, и не мутант ли она, но тут голоса, доносящиеся из главного тоннеля, снова напомнили о себе, потому что сделались громче и страшнее.

— Послушайте, фрау, эта нора куда дальше ведет?

— Я… не понимаю. Ваш динамик слишком слабый.

Василий проворно прилепил пластинку динамика к мочке уха собеседницы — машинально отметив, что оно весьма нежное. Микрофон он тиснул на шею фрау фон Бенеке, попутно зафиксировав, что кожа-то гладенькая. Затем переключил систему связи периферийных узлов и бодикомпа с СКВ на режим отражения радиоволн. Так было безопаснее по части пеленгации.

Оказывается, кольцевой дренажный канальчик, в котором они находились, проходя через фильтры, состыковывался с очередным перпендикулярным каналом, который опять-таки выходил прямо под пол главного тоннеля. Предстояло пройти именно таким путем. Это казалось опасным, но здесь вообще все было вредным для здоровья, даже одиночный чих.

Товарищи по несчастью двинулись вперед на четвереньках. И это был единственно доступный способ движения, хотя при этом физиономия Василия все время рисковала уткнуться в задницу фрау фон Бенеке. Иногда он еще «наступал» рукой на край тряпья, который она считала подолом платья. В этом случае тряпье трещало по всем своим швам, а он дико извинялся.

В конце марш-броска Василий осторожно приподнял решетку шпигата и просунул голову в главный тоннель. Метрах в пятидесяти от него маячили три фигуры.

— Я выскакиваю первым, а вы следом. Вы дуете отсюда вдоль стеночки в сторону здания «Электронише Гемайншафт», а я вас догоняю, после того как побеседую с этой тройкой на языке, который ей понятен.

Хорошо сказано, киношно. Присутствие «публики», пусть даже в виде такой замарашки, вызвало очередной приступ решимости.

— Я не хочу туда. Там война. Я пришла оттуда. — завозражала фрау фон Бенеке.

— Я не могу сражаться, когда за мой локоть цепляется женщина. Я, может, вообще не могу сражаться.

— Ладно, я отойду метров на тридцать, господин турист. Надеюсь, у вас тогда получится.

— Метров на тридцать надо отходить, когда я собираюсь попИсать.

— Ну, хорошо, хорошо. На сорок.

Фрау фон Бенеке, когда выбралась из канавы, превратилась из кучи тряпья в женщину небольшого роста, одетую по последней моде. Впрочем, последняя мода: длинная юбка, свободный пуловер, элегантный шарфик и жакет превратились под воздействием агрессивной окружающей среды в то, что не возьмет никакая прачечная.

Можно было догадаться, что фрау — не мутант, что среднего возраста, хоть сейчас она и тянула на бабушку Ягу; что она изящного телосложения, судя по тому, как сидело тряпье, и тому, что проглядывало сквозь дыры.

Впрочем, поразглядывать особо не пришлось, со стороны неясных фигур, удаленных на полста метров, послышались окрики.

— Слишком высок уровень помех, — сказал переводчик. — Но с достаточной вероятностью могу утверждать, что говорящие использовали немецкий и какой-то из кавказских языков нахско-дагестанской группы.

— Ну, бегите, фрау фон Бенеке, вы же видите, здесь что-то вроде мужского клуба. — проговорил Василий, с неудовольствием замечая, что челюсть его несколько вибрирует.

Женщина нехотя, но заструилась вдоль стенки. Фигуры не поторопились отреагировать и взяли небольшую паузу. Вскоре Василий догадался, почему. С стороны здания «Электронише Гемайншафт» его и фрау Бенеке, скорее всего, тоже ждали.

— Стойте, фрау. Вероятный противник умнее, а я дурнее, чем ожидалось. Хальт, цурюк. — зашипел он по радиоканалу для динамика, закрепленного на ухе женщины.

Затем нервы окончательно расстроились и Василий открыл огонь из штурмовой винтовки по вероятному противнику. Но фигуры умело залегли и начали обстрел, пули зазвякали по стенам и потолку, превращаясь там и сям в голубые вспышки. Это было даже красиво. Но Василий знал, что если по нему применят игольчатые боезаряды, то быстро наступит хана.

— Вот вам несимметричный ответ. — он отправил по потолку самонаводящуюся мину типа «таракан» в сторону трех вредных фигур, установив биоволновой детектор взрывателя на схему «первого пропусти». Потом стал отходить в сторону «Электронише Гемайншафт», пытаясь выйти из зоны видимости у вероятных, то есть уже очевидных врагов. И тут действительно послышались звуки, характерные для игл. Четыре из них сразу воткнулись в жилет. Василий прибавил ходу, но за застывшей

уборочной машиной его подстерегала крупная неприятность. Шагах в тридцати от Василия какой-то мужик в камуфляжке обнимал фрау фон Бенеке, приставив пистолет к ее виску. Его товарищ целился в Василия из винтовки, поставив ногу на здоровенный сейф-чемодан характерной формы, с приметными ребрами охладителя.

Любой образованный человек знает, для чего служат такие чемоданы-рефрижераторы — для перевозки человеческих потрошков.

— Legen Waffen [14], — велел человек, расположившийся возле чемодана.

— Спасибо, после вас. Скажи лучше, чего ты хочешь от женщины? Чтобы она тебе дала бесплатно? — отозвался Василий.

— Да ты Ванек, — сказал по-русски, но с легким кавказским акцентом человек, вооруженный пистолетом.

— Скорее уж Васек.

— Я бы сейчас с удовольствием куда-нибудь свалил бы, — признался пилот.

Василий понимал, что позиция у него невыигрышная. Фрау он теряет почти при любом раскладе. Жалко все-таки. «Она была стройной и грязной», единственное, что можно будет вспомнить потом.

— А не договориться ли нам, ребята? — предложил миролюбивый десантник. — Насколько я понимаю, вы не относитесь ни к одной из воюющих сторон. Вам до фени все эти лозунги, призывы, факельные шествия, торжественные линейки и зарницы. Вы, так сказать, люди свободной профессии, своего рода художники по натюрморту. Я даю вам двести баксов и после мы расходимся, кто с чем был.

Человек с винтовкой что-то спросил у напарника на немецком, тот отозвался с легкой ухмылкой, дескать, пусть козел позаливает, а потом обратился непосредственно к Василию.

— У нас тут найдется лишний килограмм мозгов. Может подарить, если твои протухли?

— Ладно, четыреста баксов. Решайте, четыреста на дороге не валяются.не оставил увещеваний Василий.

В этот момент он подумал, где возьмет четыреста баксов, если вдруг друзья-потрошители согласятся. В кармане-то валялась только бумажка на сотню долларов, которую он захватил из дома в тот последний день нормальной жизни. И он почти обрадовался, когда понял, что друзьяпотрошители не собираются с ним вступать в сделку купли-продажи.

— Мы не любим получать деньги за так. Мы не халявщики, а работяги,стал культурно объяснять человек с пистолетом. — И

твоя подружка — это наша работа. Не лишай нас честно заработанных денег, добрый человек. Так что клади винтовку и все остальное, а потом тикай отсюда, ладно уж. Давай же, у тебя всего три секунды на размышления. В противном случае мы тебе оторвем ручки, ножки и будем использовать вместо плевательницы.

Василий почти смирился с тем, что ему придется потерять фрау фон Бенеке, но время, положенное на размышления, решил использовать. На третьей секунде раздался взрыв. Сработал тот самый «таракан», который уполз навстречу трем фигурам, продвигавшимся сзади. Все подземелье, включая собеседников, тряхнуло ударной и сейсмической волнами. Коленки тоже поджались.

Василий в этот момент заметил, что дуло пистолета отклонилось от виска женщины, да и винтовка, наставленная на него самого, несколько дрогнула.

Первым уложил он кавказца, угрожавшего пистолетом, тут уж никак медлить нельзя было. Однако сразу выстрелил второй потрошитель. Василий будто шпалой получил в бок и влепился в стену. Штурмгевер вывернулся в его руках, направив дуло в ненужную сторону, до пистолета-пулемета было поздно тянуться. Последний выстрел врага мог погасить свет в голове с миллисекунды на миллисекунду. Однако вспотевшая рука нащупала рукоять ножа, а палец надавил на кнопку. Освободившееся лезвие толкнуло его руку и одновременно с этим грохнуло два выстрела.

Немного погодя Василий понял, что человек с винтовкой уже никому не угрожает. Он безропотно свалился на чемодан, роняя свою кровь на никелированную поверхность.

Винтовка еще раз сработала в коченеющей руке потрошителя, но лезвие, пробившее его жилет, надежно торчало под кадыком. Напарник-кавказец лежал без верхней половинки черепа, бурые сгустки лениво тянулись из «чаши» на пол.

Потом сзади послышался шум и показался тот «первый», которого пропустила самонаводящаяся мина. В результате контузии он плохо реагировал на окружающую действительность и пристрелить его не составляло особого труда даже для программиста, коего к тому же прикрывал мусороуборочный комбайн.

Василий взглянул на женщину, у нее слегка подрагивала голова и чрезмерно моргал глаз, но не более.

— Кажись, отбились. И даже штаны у нас сухими остались.

Тут переводчик сделал мягкий втык:

— Не надо говорить «кажись, эвона, ихний» и другие

ненормативные слова. Это замедляет время поиска по лексическим базам и затрудняет общение.

А вот пилот похвалил:

— Неплохо сработано. Я уж не стал советы давать, чтобы не сбить с толку.

И вдруг даже сестренка Зина прорезалась:

— А я тоже восстановилась. Ты там не слишком защищай даму. Хоть она, может, и пригодиться, она не главное. Кроме того, у тебя есть я.

— Да угомонитесь вы. — цыкнул Василий. — И лучше как-нибудь объединитесь в единое целое. Три разные да еще многогранные и одухотворенные личности в одном бодике, это слишком тяжело даже для психиатра, не говоря уж обо мне.

— Слушаем и повинуемся, только предупреждаем о возможной потере некоторых ментосхем… Интеграция личностных матриц прошла успешно, компиляция операционной системы завершилась без ошибок. Алгоритм психотерапевтического воздействия усилен. Коэффициент интеллектуальности соответствует кандидату наук в академическом институте. Уровень шизоидности в пределах допустимого. Нас теперь зовут «Группа товарищей», — произнесла новая интегральная программа немужским-неженским голосом.

Впрочем, это обстоятельство не привлекло внимания Василия. Несмотря на недавнюю победу, он все более ощущал, что влип в совершенно безнадежную историю. Но дальше расстраиваться было теперь некуда, стрелка и так уже указывала на «глубочайший пессимизм».

— Послушайте, товарищи, а кто-нибудь из хороших людей, вроде меня, уже проникал этим путем в здание фирмы «Электронише Гемайншафт»?

— Таких мы не знаем, — отозвалась группа, — значит, ты станешь первым, как и положено герою. А наши планы и карты будут тебе поддержкой на твоем нелегком пути.

— Слушайте, заткнитесь со своими планами… — сказал зверски огорченный Василий и справился у женщины. — Вы знаете что-нибудь о фирме «Электронише Гемайншафт»?

— Я там работаю.

— Ага, понятно. А сейчас у вас, наверное, обеденный перерыв…пошутил Василий. — Вы там где, уборщицей или в буфете?

— Гешефтфюрер сбытового филиала.

— Фюрер по гешефтам. — Василий нашел силы удивиться, после чего набросился на группу товарищей. — Ты почему такие

слова не переводишь?

— Я и слово «запой» не перевожу. — огрызнулся кто-то из товарищей.Подобная лексика нужна для передачи национального колорита. И ее обязан знать любой человек со средним образованием.

— Хватит спорить с собственным компьютером. Я бы обрубила ему все лишние функции, — с немецкой жесткостью и принципиальностью заявила фрау фон Бенеке. — Пойдемте, я провожу вас.

— И не забудь, что после взрыва «таракана» обрушился соотвествующий участок тоннеля, — напомнила группа товарищей. — Так что возвращаться в любом случае придется иным путем… Василий Самуилович, никогда нас, пожалуйста, не отдавай этой женщине, даже просто поиграть. Мы ее боимся.

Бодик вывел на экраны план подземных коммуникаций, ведущих к «Электронише Гемайншафт», в том числе и на наружный мониторчик, чтобы фрау фон Бенеке могла увидеть.

— Пожалуй, здесь мы не сможем пройти. — показала она. — Служба безопасности, когда покидала здание, взорвала эти тоннели… А тут, скорее всего, затоплено, эта трасса проходила слишком близко от водопровода… Остается только тот путь. Один раз я ходила по нему… за гамбургерами.

— А почему, фрау, вы вообще не свалили из этой подземной Гнусляндии? Или нравится здесь?

— Куда? — резко отразила женщина. — На три километра вокруг одна война, и попробуй проживи так долго, чтобы найти еще одну щель в земле… Раньше надо было сматываться. В первый час после объявления эвакуации. Но меня накрыло взрывной волной. Это было в левом крыле, контузило слегка, но много ли надо с непривычки… И обо мне просто никто не вспомнил. Ни начальники, ни подчиненные, ни муж.

— Еще бы. Это Европа. Каждый за себя. — поддержал Василий. — А у нас в России каждый из себя. В смысле крутой, форсит перед другими, пыль в глаза пускает, геройствует.

— Когда я пришла в себя, все эти исламские революционные стражи, моджахеды и шахиды были уже повсюду. Я видела, что они сделали с тремя полицейскими, которые попали им в руки… — ее голос дрогнул. — Я пряталась в кладовке, где хранилась отработавшая, но еще не списанная аппаратура… Когда эти черти угомонились, я спустилась по колодцу пищевого подъемника на кухню, а там… меня приняли за одну из тех женщин, с которыми они развлекались… Те двое, что схватили меня в пищевом блоке, порядком уже пресытились и выдохлись, поэтому заставили заниматься оральным сексом.

Ее голос сбился почти на шепот.

— Отсечь им хрен по самый корешок и посыпать солью, — возмущенно произнес Василий.

— А затем я сбежала через люк ремонтной трассы. Я ведь неплохо знаю, что здесь куда ведет, потому что когда-то занималась разработкой системы безопасности. Правда, против моджахедов она не помогла — они въехали в холл прямо на трофейном бронетранспортере…

Фрау фон Бенеке смолкла, плечи ее поникли.

— Мы хорошо переводили? — уточнила «группа товарищей».По-моему, удачно передан весь драматизм рассказа этой бедной женщины. Пожалей ее сейчас, Василий. Это будет уместно.

Василий осторожно погладил фрау фон Бенеке, по остаткам некогда модной прически «перья павлина», по плечу. Он заметил, что женщина на секунду прижалась к его ладони, но почти сразу отвела ее в сторону.

— Я понимаю, — сказал Василий, — херр фон Бенеке утешит когда-нибудь на законных основаниях.

— Она никому не доверяет, тебе в том числе, — пояснила группа товарищей. — К тому же учти, немки — холодные, расчетливые и блюдут субординацию. Ты не ее поля ягода. Орднунг есть орднунг, хотя она сейчас и замарашка в тряпочках. Мы, кстати, это не перевели для нее.

— Спасибо. Если бы перевели, она бы вас раскурочила, а не меня. — шепнул Василий.

— Что там бормочет ваш боди-комп? — заинтересовалась женщина.

— Да делает вам комплименты. — отбрехался Василий.

— А что вы забыли в «ЭГ»?

— Где, где?

— Послушайте, русский турист, что вам надо в комплексе «Электронише Гемайншафт»?

Василий несколько растерялся.

— Да собственно не мне надо… я и сам хотел бы знать, что мне надо, но думаю…

— Молчи, — скрипнула группа товарищей. — Она может быть подсадной уткой, а если и нет, то через час запросто окажется в лапах врага. И ты представляешь, на что способен враг… Ты ей наплети чего-нибудь, чтобы успокоилась.

— Я ищу источники и резонаторы некой таинственной силы, которая подпитывает весь этот бардак и обесточивает нормальную жизнь.

— Вы, русские, умеете врать красиво.

— А это вам, за приятный комплимент. — Василий протянул женщине банку с разогревающимся обедом и сказал с интонациями своей бабушки.Поди, усохла, бедная, без харчишек-то.

— Европа усохла, — подхватила группа товарищей, не забывая делать синхронный перевод для фрау гешефтфюрера, — без ресурсов и идеалов. А как обессилела, то зажали ее тиски: вот в Германии, с одной стороны исламисты, с другой наци…

— Все интересно, но это вы потом расскажете, — Василий тормознул раззудевшуюся «группу» и обратился к женщине, уплетающую быстро разогревшуюся тушенку за обе щеки. — Вы, дама, торопитесь, но не очень. Я еще гляну, что там в чемоданчике у потрошителей.

— Но быстро, — напомнила группа товарищей. — Учти, что ты очень несобранный, Василий.

Чемодан был заперт хорошо, герметически, хотя замок оказался незакодированным. Когда крышка поддалась, то сейф-рефрижератор первым делом дохнул холодом. Василий увидел сенсорные пульты управления, мониторы, вычерчивающие графики, блок питания с электромотором. Но это размещалось по краям. Когда была поднята непрозрачная пленка, стало ясно, что является начинкой футляра.

Там лежало полчеловека, тело, где-то по пояс — то, что в искусстве называется бюстом. И снизу, и сбоку, и спереди, в тело через клапана уходили полупрозрачные трубки, по которым прокачивалась какая-то голубая жидкость, похоже, что заменитель крови. Рот и нос через мундштук снабжались кислородом. Кожа сплошь была залеплена пластинками датчиков.

Пол-организма принадлежало молодому человеку атлетического сложения и породистой европейской наружности. Василий заметил даже, что грудь его колышется — выходит, в этом обрубке не только билось сердце, но и дышали легкие. Внезапно полчеловека открыл глаза и, напрягшись, выплюнул мундштук из синих губ.

— Ты не представляешь, что это такое, — сказал он по-немецки.

— Что я могу сделать для тебя? — спросил машинально Василий и краем глаза заметил, что женщину по имени фрау рвет только что съеденным обедом.

— Покончи с этим, — сказал полчеловека. — Но вначале помолись.

— Я не умею, тот есть не знаю, как надо молиться в таких случаях. Да я другой веры к тому же.

— Не важно.

— Фрау фон, вы знаете как это делается? Как насчет отходной молитвы? — обратился Василий к женщине.

— После конфирмации я была пару раз в церкви, — сказала она, — но я просто встречалась там с парнями.

— Поэтому-то вы и продуете исламистам. — уколол Василий. — У них есть какая-никакая вера. Хотя бы вера в то, что они вас поимеют в зад как неверных собак…

— Не отвлекайся, — сказал с трудом полчеловека. — У меня мало времени.

— Ладно, герр, повторяй за мной. «Беспредельно могущество твое, Господь, Ты возвращаешь мертвых к жизни, Ты — великий избавитель…»

С последним словом обрубок человека умер. Сам. Хотя трубки еще гоняли искусственную кровь и кислород.

— Кого избавил Господь здесь? — выкрикнула женщина. — Сейчас вы скажете мне, что каждый получил тут по заслугам, за грехи свои, что я должна сказать Ему за это спасибо.

— Не хочешь говорить спасибо за ЭТО, скажи за другое: что ты вообще родилась на свет. И родилась свободной, богатой и сытой, хотя ничем не заслуживала этого.

Женщина глянула на Василия таким взглядом, что он сразу понял — раньше она действительно была не только сытой, но и зажравшейся самолюбивой лахудрой.

— Ладно, фрау, оставим теологические споры на то время, когда меня выберут в папы римские. Сейчас вперед и не забывайте мужественно жевать по дороге. Я не хочу, чтобы вы меня обгрызли в самый неподходящий момент.

Через сто метров тоннель закончился небольшой площадкой.

— Здесь раньше склад был: еда, выпивон, напитки, всякие сласти. — стала комментировать женщина. — Сотрудники «ЭГ» лопали это дело за милую душу. Моджахеды спустились было сюда по лестнице. Но ее взорвали, засыпав весь пролет обломками; наши подорвали, в смысле те, кто укрывался здесь. Всего два десятка людей, которые не хотели выбираться через простреливаемый город. А затем с того входа, что у супермаркета, сюда давай наведываться потрошители. Из-за этого наше количество стало быстро таять. Ну и в итоге осталась я одна… Я знаю того человека, которого вы видели в чемодане. Мы даже… дружили.

— Ну, ладно, некрологи и светлые воспоминания тоже оставим на потом,вздохнул Василий. — Будем искать вход в здание.

— Помогите отодвинуть, — фрау махнула рукой на какой-то продырявленный осколками агрегат, похожий на холодильный

шкаф.

Когда героическими усилиями преграда была устранена, за ней обнаружились гнилое тряпье и мусор типа строительного.

— Позвольте, — галантно молвил Василий и, как сенбернар, оперативно прорыл кучу мусора передними «лапами». Попутно он разогнал семейство крыс, которое хотело что-то там дохарчить.

— Они до сих пор бегают за едой туда, — сказала гешефтфюрер и махнула рукой вверх.

— Ну, а мы чем хуже? — справедливо отметил Василий, расчищая какую— то трещину. — Это, надо полагать, проход. Вы, фрау фон, если хотите, можете остаться здесь.

— Чего благородничаешь? — шепнула группа товарищей. — Она нам именно там нужна.

По счастью и женщина энергично замотала головой.

— Понятно, с мужиком, даже завалящим, все-таки надежнее,прокомментировала группа товарищей.

Через несколько минут они были уже возле решетки, отделяющей вентиляционный канал от кухни, некогда снабжавшей кушаньями весь концерн «ЭГ». Еще немного ползком — и они оказались в помещении пищеблока, прямо за плитой. Однако, едва это произошло, на темной кухне зажегся свет и кто-то, напевая заунывную песню гор, стал готовить мясо. О чем сразу стало понятно по мощным, каким-то даже упругим и аппетитным запахам. Василий облизнулся и выглянул из-за плиты. Его голова болталась возле ног повара. Тот, кстати, мог бы услышать двигающегося противника, если бы не шипение страдающего на сковороде барашка.

Поющий повар, наверное, удивился, когда с другой стороны сковороды появился человек с пистолет-пулеметом, на который был навинчен глушак. Впрочем, удивление было недолгим, потому что отстреленная голова певцакулинара упала в сковороду и тоже стала подрумяниваться.

— Это один из ТЕХ, — сказала фрау фон Бенеке, и ее лицо сразу потемнело.

— Ну что ж, справедливость частично восстановлена с помощью пулицветка. Грех на это жаловаться. — Василий отщипнул кусочек от барана и отправил в рот. — Да, пожалуй, повару надо было выделить еще четверть часика и немного соли.

Это тоже прозвучало неплохо, отчасти подбодрив худосочного десантника. Женщина тем временем уже настроилась на деловой лад.

— Люк пищевого подъемника должен быть за тем шкафом.

Подключилась и группа товарищей:

— По нашим данным штаб Мехмета Айдина находится на

шестом или седьмом этаже. Впрочем, нас волнует не один лишь он. — боди-комп перешел на энергичный шепот. — Ты не только должен опознать этого человека, но и выявить элементы так называемого «искусственного Яйца». «ЭГ», по нашим сведения, это фирма, которая активно занималась молекулярными киберами или, как их еще называют — нанороботами. Похоже, что Айдин решил изготовить технический эквивалент исторического «Яйца».

— А раньше можно было это сказать? Или вы считали, что я попадусь в лапы врагу, даже не добравшись до здания электронной фирмы?

— А кто исключал такую вероятность? — визгливо перешла в атаку группа товарищей. — Ты такой своенравный, такой неуправляемый. Прямо ПЕНА какая-то.

— Значит, главаря опознать, яйцо номер два найтить. — не унимался Василий. — А выпить море мне случаем не надо? Я думал, вы операцию проработали в лучшем виде, а тут приходится все кропать на живую нитку. Как я подступлюсь к Айдину сейчас, если он возглавляет ударные силы исламистов в Европе?

— Военные части подчиняются все-таки другим людям, в первую очередь, генералу Хосрову Насири, командиру Корпуса стражей исламской революции, и Азизу Коктюрку, командующему силами Ислама в Центральной Европе. Ну и прочим зональным командующим, вроде Абдаллы Ибн-Нуна, что по совместительству возглавляет палестинскую революцию, и Черного Алмаза, хозяйничающего в Америке. Это гласные военачальники, которым, кроме боевиков, подотчетны исламские комендатуры и суды шариата. Они выступают на пресс-конференциях и дают интервью. А вот человек, известный как Мехмет Айдин и который, возможно, именуется также Джафаром Акбаром и Виталием Мухамедовичем — это черный папа и серый кардинал. Он не защищен мощной охраной, он законспирирован, чтобы его не могли накрыть умные ракеты или коммандос противника, как это произошло месяц назад с Батыром Рымбаевым, командующим центральноазиатских исламистов. Того, кстати, грохнул отряд «Лешие» российского спецназа.

— Спасибо за очередную политинформацию. Значит, вы считаете, что мне ничто не угрожает. Можно это передать ближайшему моджахеду?

— Не забывай, что мы тебе показываем дорогу с того света на этот. Сперва ты влип в нехорошую ситуацию, а уж потом мы стали тебя выручать.напомнила группа товарищей.

— Я сам влип? Можно подумать, что я случайно упал в

открытый люк канализации.

Но группа товарищей уже прервала общую дискуссию и вывела на экран схему здания с предполагаемой трассой маршрута. Она пролегала через шахту пищевого подъемника на шестой этаж, где и надлежало применить пакет «икс». Однако уже сейчас надо было попрыскать на себя и женщину особым аэрозолем, который, очевидно, имел какую-то связь с содержимым пакета.

Василий обошел пищеблок, поводя мультидетектором-коррелятором, который активно и пассивно проверял наличие устройств, реагирующих на звуковые, электрические, электромагнитные возмущения, запаховые изменения, механические колебания, нагрузки и пересечения контрольных линий.

— Я ожидал тут увидеть плетение лазерных лучей и кишмя кишащие «жучки», но видимо мудрый оппонент решил, что вся эта лабуда для камбуза не годится. Здесь только противопожарная сигнализация. — заметил Василий Самуилович с немалым удивлением и неприятными предчувствиями.

За небрежно приваленным шкафом нашлась шахта пищевого подъемника, который, правда, не работал. Зато в одну ее стенку были вделаны и уходили вверх скобы, образующие подобие лесенки.

Тут возник неожиданный вопрос. Кому лезть первым. Если действовать по неписаным законам спецопераций, более знакомый с дорогой должен отправиться вперед, то есть — lady first. Однако по неписаным законам джентльменства сэр обязан двигаться первым, дабы не заглядывать леди под юбки.

— Да я не буду, честное слово. — пообещал Василий. — Я уже почти женоненавистник. Кому-то от дамского пола веселье, а мне одна головная боль.

— Боль в головке, — схохмила группа товарищей.

Фрау фон Бенеке нахмурилась, но объективности ради приняла первую точку зрения и заняла позицию сверху. До шестого этажа они добрались более или менее благополучно, если не считать того, что женщина пару раз оскальзывалась, но оба раз ее ловил мужчина, карабкающийся снизу.

Во второй раз, когда его помощь была особенно очевидна, она уже вымученно улыбнулась и сказала «Danke», чего бодик по каким-то соображениям переводить не стал. А Василий как раз почувствовал рукой ее довольно хрупкое бедро.

— А я на ее месте сказала бы «Данке ш»н", — заметила шепотом группа товарищей. — Дело-то нешуточное, едва вниз головой не смайнала. Или, может, она считает, что мозги в

женщине не главное?

Подъем закончился тем, что Василий и его новая знакомая вышли на шестом этаже в районе буфетного помещения. Как и обычно, все было тихо. Но когда Василий собирался выскользнуть из буфета, то в виде большого сюрприза зажегся яркий свет и злополучный ниндзя увидел нацеленные на себя стволы, штук десять, не меньше.

Надо было, конечно, запрыгать по стенам, полу и потолку, кромсая противника с помощью всяких киба-дачи, шиво-учи, много-сдачи, мае-гери и так далее. Но от неожиданности Василий только лишь заикал. Однако не обписался же, не обписался! А вот фрау фон Бенеке еще и пискнула, когда ей в затылок уперлось дуло. «Жильцы» ведь подкарауливали визитеров и сзади, со стороны буфетной стойки.

«Похоже, так и было задумано теми, кто меня сюда направил. Но человека человек послал подальше властным взором…», — литературно подумал Василий, а знакомый голос произнес:

— Ты хоть и дурень, но везучий. — голос, увы, принадлежал горному богатырю, хитроумному и могучему Саиду. — Денис Аристотельский был и дурак, и невезучий, поэтому не выбрался из той переделки на китайскокиргизской границе. Хотя надо отметить, пришел он к нам из идейных возвышенных соображений, за это я его, дурака, и люблю.

Саид выступил из-за стены крепких чернобородых бойцов, с улыбками посматривающих на Василия, а особенно на фрау.

— Но мы разберемся с твоей везучестью и попросим тебя ею поделиться. А сейчас клади оружие и особо не переживай. У тебя есть хорошая возможность и дальше кушать хлеб с вареньем. Шеф прямо-таки по отечески к тебе относится.

— А у нее есть такая возможность? — Василий слегка кивнул в сторону фрау фон Бенеке.

— У тебя, Василий, кажется имеется жена.

— Гуманитарные соображения, Саид.

— Ох уж эти европейские игры в благородство. У нас на Востоке давно известно — женщине хорошо с любым хорошим мужчиной. Ладно, мы примем твои гуманитарные соображения во внимание. Жизнь фрау Энике-Бенике, в том числе и сексуальная, целиком зависит от тебя… А ведь я тебя понимаю, она очень пронырливая, эта немочка, чего стоит ее поход за продуктами… После этого, конечно, мы все взяли под контроль, такой контроль, что твоему мультидетектору и не снилось… Да, наверное, эта дамочка весьма изобретательна и в ублажении мужчин. Мне говорили, что она замечательно делает миньет. Стоит попробовать.

Василий тут выпалил, повинуясь волне благородного возмущения:

— Я очень извиняюсь, но один из тех кто попробовал, не спрося разрешения, сейчас немножко раскаивается. А голова его жарится на сковородке с бараньим хером во рту. Честно говоря, все это произошло само собой.

Саид помедлил секунду.

— Ну, значит, такова была воля Аллаха. Рафик был никудышный боец, потому что слишком любил ковыряться в бабах. Но он был шахидом, да ублажат его в раю семьдесят гурий семьюдесятью различными способами.

Василий положил на пол штурмовую винтовку, пистолет-пулемет, самонаводящиеся мины — их взрыватели сразу проверил один из боевиков.

— Жилетку снимай и бодик с бимонами тоже. Как в прошлый раз не выйдет.

Уложенный на пол жилет сразу обшмонали двое моджахедов, третий досматривал Василия, четвертый под усилившиеся ухмылки и оскалы всех прочих стал ощупывать фрау фон Бенеке. Он не преминул еще больше разодрать пуловер и покрутить ее грудью, которую зажал своей волосатой ручищей.

— Тьфу на вас, басурмане, вам действительно нельзя культурную женщину доверить, — сплюнул Василий. — На том свете вас не семьдесят гурий ублажат, а поимеют в задницу семьдесят шайтанов своим хером длиной в семьдесят сантиметров.

— Складно поешь, хотя и сам блядун, — похвалил Саид, — ты достоин продолжать сказки «Тысячи и одной ночи».

Один из боевиков вынул из жилета пакет «икс» и спросил: дескать, что там?

— Толченая задница твоей мамочки, — огрызнулся Василий. По счастью, переводчика уже не было рядом, он вместе с остальными товарищами улегся в пластиковый пакет.

Моджахед отдал пакет Саиду и тот надорвав краешек, заглянул внутрь.

— Труха какая-то.

— Старый попкорн, — еще раз подсказал Василий.

— Ладно, потом разберемся. Двинулись. — И сразу четверо рук подтолкнуло в спину плененного программиста и писателя. Василий однако еще откинул голову назад.

— Саид, передавай привет Виталию Мухамедовичу. Он должен мне три тысячи баксов или даже больше, если не уцелели те денежки, которые остались на квартире Асии Раисовны.

И получил по шее. Не очень сильно — от Саида. Но сопля

вылетела.

— Виталий Мухамедович никому ничего не должен, кроме Аллаха. Ты можешь только просить у него, а не требовать. Понятно, Вася?

— Ну теперь понятно, — пробормотал экс-ниндзя, разминая шею в лечебных целях. — Вы хорошие педагоги, все очень толково объясняете.

Посадили его под замок одного. Четыре часа в полной темноте, лишь слышно было иногда как щелкает какой-то датчик. В голове вначале крутилась только одна мысль: «Провал был неизбежен, он был даже запланирован. С самого начала я играл роль разменной монеты и пробного камушка.» Впрочем, его уверенность смущали вспоминаемые слова Саида о полном контроле над помещениями. Видимо этот «полный контроль» осуществлялся каким-то не известным публике способом.

Но не связан ли новый способ с теми разработками, которая вела фирма «ЭГ» в области молекулярных киберов, то бишь нанороботов?

От глубоких дум его все время отвлекал вопрос, как ему попИсать, когда он захочет попИсать, и не захотел ли он попИсать уже.

Через четыре часа в комнату неожиданно втолкнули нового арестанта. Просто на секунду мелькнул свет в одном из углов. А затем, испуганно задышав, в комнате появился кто-то. После минутной паузы Василий протянул руки и понял, что это фрау фон Бенеке. Он не хотел спрашивать, что с ней произошло, да и не смог бы, ведь бодик с группой товарищей у него отняли. Но так было даже проще.

Василий обнял ее и усадил рядом с собой, а она не отстранилась от него. Василий подумал, что фрау перевели к нему, чтобы проверить, не проснется ли его «полосатость» и «драконистость», не разорвет ли он ее. Он даже провокационно поворошил свои воспоминания. Вспомнились и оранжевая грязь, и лиловое небо, и яростные фонтаны, но собственная ярость не вспомнилась. Наоборот захотелось защитить какое-нибудь существо послабее от природного буйства. «Да уж, никудышный из меня дракон, куда там разодрать подругу. Виталий Мухамедович, наверное, разочарован.» Не было ярости, не было и силы. И он не мог разбудить в себе зверя, хотя это, не исключено, принесло бы спасение.

В отсутствие переводчика словесный простор исчез, Василий взял руку фрау в свою и положил ее голову к себе на грудь. Его рука лежала на ее бедре. И ничего сексуального в этом не было. Что даже обеспокоило Василия — не застрессован ли он до

полной импотенции? Впрочем, так тоже хорошо и приятно. Просто слияние тепла. Они изредка обменивались фразами вроде: «А как называется по-немецки вот это?»— «Der Wand.»— «Прекрасно называется.»А как это?"— «Der Fussboden». — «Тоже неплохо звучит, хотя по-русски лучше. Фуссбоден — это что-то чисто строительное, а вот „пол“ — такое приятное словцо.» Василий даже не переживал из-за того, что не может выведать у фрау, что там фирма «ЭГ» кудесила с нанороботами и прочими молекулярными малышами.

Потом снова открылась дверь и просунувшаяся голова не без издевки произнесла:

— Не засыпай, Василий. Через двадцать минут мы тебя опять потревожим.

И фрау, и он сразу поняли, что предстоит расставание, что каждый в одиночку будет пережеван молохом исламской революции. Женщина первая решила не терять остаток времени. Она прижалась к Василию и вдруг произошло все то, что называется телесной любовью. Произошло быстро, без прелюдий и игр. Не до этого было. Собственно, не являлось происшедшее забавой или потехой. Просто сокамерники пытались спрятаться друг в друге единственным способом, доступным людям разного пола.

Набухшая часть плоти, вырвавшись из штанов Василия, проникла в женщину через прорехи в том тряпье, которое заменяло ей одежду. Он успел произнести только: «Фрау… фрау фон… фрау фон Бенеке-е-е…» И все закончилось. Только под конец сближения он понял, что и тело-то у нее хорошее. Ладные ножки, и талия заметная, и аккуратные выпуклости грудок.

Они закончили вовремя — за ним пришли через десять минут. Наверное, хотели прямо «оторвать от бабы».

— Сдэлал варэники с фрау фон Бэнике? — насмешливо пропел на какой-то горский мотив конвоир. У него была короткоствольная штурмовая винтовка с убранным прикладом. Не выбить — он соблюдает верную дистанцию, не убежать — игольчатая пуля догонит. На таком небольшом расстоянии она превратит неудачливого беглеца в ежика.

Василия довели до большого лифта, там присоединился еще один конвоир. Ствол крупнокалиберного пистолета прижался к позвоночнику арестанта. И никаких шансов. Он знал, что произойдет в случае выстрела. Пуляцветок перерубит позвоночник и вышвырнет наружу внутренности через дыру размером с блюдце. Вот другой конвоир даже немного отошел вбок. Они проехали три или четыре этажа — сколько именно, Василий не знал, потому что его развернули лицом к голой

стенке.

Вышли они на этаже, который Василий распознал как лабораторный — где-то здесь в «Электронише Гемайншафт» располагался мощный исследовательский блок. На одной из дверей было написано "Sonderes Labor Bio3. Eintritt verboten [15]. Василий не знал шахидов и прочих исламистов как умных людей, но они обладали волчьим чутьем на все, что могло напакостить их врагам.

Пленного ввели в какой-то большой зал, не слишком заставленный приборами, но со странным ячеистыми потолком и стенами, которые, между делом, украшала пара постеров с изображениями глиняных воинов из шаньянской гробницы Цинь Шихуанди. Однако было не до размышлений на эту тему. Василия притиснули к какой-то конструкции, смутно напоминающей королевский трон и тут на его руках, голове, ногах, шее захлопнулись металлические захваты. Теперь пленник или, может быть, уже подопытный был готов для любых самых смелых экспериментов на себе. При том всякое сопротивление принесло бы только пользу экспериментаторам. И едва сломленный Василий подумал о непротивлении злу насилием, как появились люди в белых комбинезонах с эмблемами «ЭГ» и заняли свои места у пультов. Примерно половина из них выглядела чистопородными местными жителями.

Сердце забилось, как крыса, пойманная змеей, когда конструкция к которой он был приделан, изменила форму, превратившись в стол. Потом Василий стал чем-то вроде стержня, который продернули через кольца мощного сканера. Один из лаборантов сразу позвонил куда-то, и появился Виталий Мухамедович собственной персоной. На нем не было написано «Мехмет Айдин», но по тому, как с ним общались и персонал, и боевики, стало ясно, что он тут главный. И стало ясно, что Виталий Мухамедович Мехмет Айдин больше не собирается выпускать Василия Самуиловича из своих лап во избежание разглашения страшно важных тайн.

— Здравствуйте, салям, — все-таки Василий обрадовался знатному визитеру. — Как-то неудобно мне тут лежать, тем более, что вы стоИте. Меня, кажется, с кем-то перепутали. Не прикажете ли этим чертовым экспериментаторам размокнуть захваты и продолжить опыты на морских и прочих свинках?

— Прикажем, дорогой. Как не приказать, потерпите еще немного. Мы ведь нашли то зернышко, которое делает вас весьма необыкновенным. Слава Аллаху и немецкой аппаратуре. Тут ведь, в «ЭГ», и Кон-Анбрехт работал, и шаньянские гробокопатели. Сейчас мы попробуем выковырять вашу ящерку. Не волнуйтесь,

при полной анестезии. Нам не надо, чтобы вы или оно беспокоились.

Шприц-автомат нацелился на вену в локтевом сгибе и аккуратно воткнулся в кровеносный сосуд. Василий вроде бы и не заснул после этого. Он только немного отделился от своего тела и стал ему слегка чужим. Он чувствовал, как киберлапароскоп проникает в его тело, но только это отзывалось не болью, а давлением и тяжестью. Инструмент поковырялся в районе крестца, потом двинулся вниз и замер.

Лаборант что-то сказал Виталию Мухамедовичу, тот походил какое-то время в раздумьи и наконец обратился непосредственно к Василию.

— Зернышко подвижно и помимо того все время уменьшается в размерах. Это очень интересно. Кончится тем, что оно встроится в какуюнибудь клетку и мы его потеряем. Даром только покромсаем вас. Так что остановимся.

— Спасибо, Виталий Мухамедович, — подобострастно сказал Василий, не зная, слышит ли его серый кардинал исламистов.

А тот продолжал:

— Будем считать, что эта искорка — ваша неотъемлемая часть. Значит к вам надо подходить с применением самых тонких самых современных технологий.

Операционный стол, на котором лежал Василий, превратился в каталку. Она выехала из первого лабораторного зала и по какому-то узкому коридору проследовала в другой.

Зарубка 8. (там же) «Герой, а голова с дырой»

Этот зал выглядел еще более внушительно: металлические стены и своды, напряженно гудящие шкафы с аппаратурой, массивные распределительные щиты, толстые кабели электропитания и съема информации. А посередине здоровенный агрегат, немного напоминающий мавзолей. Только этот, в отличие от того, в котором посмертно отдыхал товарищ Ленин, имел не бодрую окраску естественного гранита, а черный мрачный цвет. На нем лежала изморозь, и вообще тут было прохладно. Каталку подвели прямо к большому люку, имевшемуся у агрегата.

— Василий Мухамедович, — прошептал Василий коченеющими губами,я туда не хочу. Остановите безобразие. То есть, мне хотя бы небольшой ликбез, курс лекций эдак на полгода, насчет того, в какую задницу меня суют и зачем.

К его уху тут же поднесли трубку радиотелефона, и бодрый голос произнес:

— В конце времен перевернется весь мир, весь мир

вывернется наизнанку. Разве можно это сравнить с небольшой процедурой самовыворачивания, которая случится с вами. Вперед, мой друг. Через вас в мир придет истина.

— Меня учили, что истина в вине, — последний раз тявкнул Василий, и тут шприц-автомат снова куснул его в вену, отчего потянулась по сосудам какая-то необыкновенная легкость. Люк распахнулся, открыв сияющий зев, из которого дыхнуло адской бездной.

Не успел Василий шепнуть: «Благословен ты, Господи, возвращающий мертвых к жизни», как каталка въехала в «бездну». И ничего. Только кромешная тьма и молчание.

Потом он стал ощущать, что уже не давит на каталку, вес как будто исчез, не ощущаются захваты на лбу, запястьях, щиколотках, шее. Но и двинутся невозможно: или не хочется, или нечем двигать.

Но движение все-таки началось, он падал там, где нельзя было падать. Ни о чем не хотелось думать, словно мысли превратились в дымный след его падающей головы. Откуда-то донесся голос:

«АЛЬФА-РИТМ, ПЛОСКАЯ ЛИНИЯ»

Падение еще ускорилось, но теперь уже ничто не говорило о том, что у падающего есть тело.

«БЕТА-РИТМ, СГЛАЖЕННЫЙ.»

В падении он проскочил точку, после которой уже нельзя было понять, существует он или нет. Молчание чувств, нуль воспоминаний, нет предмета для мыслей.

«ДЕЛЬТА-РИТМ, КОЛЕБАНИЕ ПО МАХРОВСКОМУ.»

Откуда-то из черноты-мутоты выплыло яркое пятно, которое как-то хитро колебалось и пульсировало. Пятно еще подросло и оказалось многообъемным, состоящим из нескольких оболочек, каждая из которых имела собственный полюс и пульс. Можно было четко различить три слоя — в общем, все это напоминало яйцо. Пятно словно не имело сил удержаться на месте и вытянулось в пучок лучей, канувших в пустоту. Просто тебе стайка сигналов, стабилизированных какими-то каналами.

— Это твоя душа. — пояснил неизвестный голос. — Всевышний каждое мгновение поддерживает ее существование, согласовывает истечения всех сил. Не будь его животворного дыхания, ты бы моментально превратился в гниющую дрянь. Ты благодарен Творцу за это?

— В общем… Да, благодарен.

— А сейчас ОН дает тебе новые силы и новую душу, способную управлять ими, и хочет, чтобы ты послужил ему.

— Рад стараться. А какова эта служба?

— Воины истинной веры исправляют испорченный грехами мир, они несут воздаяние злодеям, погрязшим в себялюбии и фальши.

— Ничего себе. И где засели эти поганцы?

— Мы покажем их. Их много на Западе. Они горды, завистливы, высокомерны, тщеславны, плотоядны. Они забыли даже ту испорченную веру, которая была у них. Они не нужны Богу. Всевышний не мог дальше терпеть их злодеяний и решил очистить от них Землю, он решил покарать их так же, как покарал жителей Содома и Гоморры, как покарал современников Ноя, как карал все гордые и алчные царства. Он сотрет эту заразу, гниль и яд, разлагающие творение Его, уничтожит руками воинов Востока, которым дал острые мечи, чтобы несли они воздаяние и исправление. Он послал всадника на драконе, который поведет воинство света. И этот всадник — ты.

— Я… готов. Если я действительно оседлаю этого дракона, а не он меня.

И едва дал согласие, как процесс пошел. Носитель имени Василий почувствовал сначала вибрации первородной силы, вернее двух соперничающих первородных сил. Они начинались в далеких небесных долинах и летели, смешиваясь, по трем, четырем, пяти, а затем по мириадам каналов, уже знакомой стайкой сигналов.

«Одни каналы давали… Василий воспринимал это как волю, напор, желание. Другие как будто приносили ловкость, внимательность, изощренность. Третьи вроде бы создавали преграду вредоносным силам, приходящим извне, и запирали внутренний жар. Короче, классическая триада: огонь, вода, земля.»

Где-то вибрации стали одеваться в телесные оболочки: органы, сосуды, члены. И тело было человеческим, знакомым. Но дальше больше. Вибрации образовали для носителя имени Василий еще одно тело, уже нечеловеческое.

В конце черного тоннеля разгорался свет. Он озарял существо, похожее на помесь паука и ящера. Впрочем, Василий по портретному сходству быстро признал в нем дракона, те же челюстеруки, перекусывающие жизненные нити, два ярких как молнии хвоста, передний — ядовитый разлагающий время, задний — рассекающий пространство, шесть конечностей, бахрома чувствительных отростков, панцири с красивым бронзовым отливом — защищающие от всего, кроме, пожалуй, клыков подруги, ну и сердце, кипящее яростью.

Сейчас в нем было много ярости, и на врагов Всевышнего, и на тех, кто не дает ему сблизиться с подругой.

Все, случилось! Наконец, органическое единство, исчезновение всяческих граней между драконом и человеком. Всадник на драконе готов был нести в мир кару и возмездие.

— Восстань, шахид, и делай для Бога. Отныне нарекаешься ты шахидом Салах ад-Дином.

Названный Салах ад-Дином встал, взял оружие, свой бодикомп и охотно отправился туда, где кипел бой. Танковая группа противника перла на приступ — грубая примитивная сила. Драконья кожа, покрытая бахромой чувствительных отростков, ощутила складки пространства. Новоявленный шахид выбрал канал ускоренного времени, ведущий по кратчайшей, через развалины ресторана, к врагу. С ним пошло еще пятеро. Вскоре они подобрались на расстояние прямого гранатометного выстрела к танковой группе. Танки сейчас подставляли им свои борта и двигались по довольно узкому проходу в минных полях, проделанному штурмовой авиацией.

Переднехвост, обрубив подчистую все временнЫе шнуры, лишил противника будущего. Чувствительные отростки нащупали точку уязвимости в одном из передних танков. Шахид Салах ад-Дин поджег его короткой очередью из своего автоматического гранатомета. (А затем неожиданно вспомнил слова капитана Лялина: «Беда натовской бронетехники — это высокий силуэт.») Танки, идущие следом, стали выруливать для объезда горящего собрата, другие принялись крутить орудийные башни в стороны флангов и даже разворачиваться к ним, чтобы спрятать свои борта.

Наступающая колонна превратилась в толпу неповоротливых бронированных даунов.

Заднехвост рассек пространство, и шахиды, подбив две задние машины, отрезали танковой группе легкий путь назад.

Чувствительные отростки снова прощупали складки пространства и свежеиспеченный шахид влетел чуть ли не в самую гущу вражеской бронетехники. Он казался окруженным со всех сторон, но с одной стороны его защищала подбитая машина, с другой — бетонный блок, вывороченный взрывом из дороги.

И пошла ратная потеха: быстрые хвосты рассекали хрональные шнуры и пространственные каналы, челюстеруки перекусывали жизненные нити, гранатомет и штурмовая винтовка жгли вражескую технику и уничтожали живую силу.

Танковые пулеметы не могли достать Салах ад-Дина благодаря прикрытию, а танковые пушки, потому что танкисты боялись впаять друг другу. Залп из огнемета наконец выжег его позицию, но спустя секунду после того, как он оттуда сорвался.

Атака вражеских танков уже захлебнулась. Они ползли назад,

не имея возможности развернуться, еще более снижая ход, чтобы обогнуть горящие машины. Два танка ушли влево и подорвались на минах, еще один заполз на развалины ресторана, откуда уже снялись шахиды, и попал под огонь, ведущийся из здания «ЭГ».

Салах ад-Дин занял новую позицию — в малозаметном канализационном люке. Враги бестолково охотились за ним, но их боезаряды разве что чиркали по его драконьим панцирям. Он подбил еще три машины, аккуратно развоpотив траки, и понаблюдал, как удирают их экипажи.

Свежеиспеченный воин ислама мог отправиться следом, как темный ангел Азаэль, и словно серпом срезать их души, словно молотом вбить их жизни в землю, но подумал, что слишком они жалки, и вряд ли шахид его калибра насытиться победой над ними.

Когда он вернулся в здание «ЭГ», то посланец Всевышнего спросил у него, почему он не превратил в прах всех солдат-злодеев, хотя и мог.

— Они были слишком ничтожны. Всевышнему не нужно пресекать жизни малых сих, они обмануты и слепы, а исправятся и будут жить праведно.

— Волю Всевышнего оглашаю я, а не ты, Салах ад-Дин. — строго рек Его посланец. — Ничтожных врагов не бывает, друг мой. Все они порождения Скверны, и она наделяет их черной силой. Дети врагов тоже враги, потому что Скверна питает их мерзостью каждое мгновение — так же, как Всевышний насыщает нас своей светлой силой. Ты понял, брат мой?

Посланец Всевышнего, водитель Божьих воинств, назвал его, Салах ад-Дина, братом и другом. Это вдохновляло. Он почувствовал единение со всей неисчислимой небесной ратью. И сразу стали гаснуть те возражения, которые он хотел представить. Он тщился промолвить, что наврядли Скверна способна питать мерзостью такое же количество людей, что и Всевышний своей светлой силой, хотел сказать, что Всевышнему нужна не смерть злодеев, а лишь исправление, ведь души их от рождения так же, чисты как и души Божьих воинов. Но сейчас он не нашел возможности возражать, ибо посланец Всевышнего лучше знает волю Его.

А потом прошла ночь, и снова была битва, на сей раз он уже вознамерился предать смерти отступающих солдат противника, однако помешали налетевшие тучей вертолеты и… все-таки он был немножко рад тому, что не сгубил их всех.

В этот день все казалось ясным, и воля Всевышнего, и ее исполнение Божьими слугами. Вечером Салах ад-Дин состязался в ловкости и проворстве с другими воинами. Почти все они были

мощнее его в своих земных силах, но чутье дракона показало ему точки уязвимости у соперников и пути, ведущие к победе. Салах ад-Дин победил всех, кто встал против него на ристалище, оставив двоих без чувств и в крови, с пузырями, выползающими изо рта. А потом посланец Всевышнего прекратил потеху, решив поберечь его человеческие силы. Ночью к Салах ад-Дину привели цветущих плотью женщин Востока, дракон был, конечно же, недоволен, что ему не дали подругу для растерзания, но человеческое естество оказалось удовлетворенным.

Новоявленный шахид всходил на всех них, как пахарь на ниву, по три раза. А напоследок дракон заставил его избить этих женщин и вытолкать плачущими, голыми, в синяках и крови, за дверь. Притом знал уже Салах ад-Дин, что три из них зачали для него могучих сыновей.

А утром, во время затишья, он увидел, что к нему подводят фрау фон Бенеке, себялюбивую, хитрую и расчетливую выдру. И сказал тогда посланец Всевышнего:

— Мы должны предавать мечу врагов, детей врагов и женщин врагов, потому что через них размножается Скверна. Ты согласен?

— Я согласен.

— Пока что ты не слишком разговорчив, слишком велико ошеломление от принятия воли Всевышнего. — заметил Его посланец. — Но потом это пройдет и ты снова научишься шутить, и поймешь, что был похож на лупоглазое полено… Ну, ладно, пора. Убей ее.

— Как?

— Как хочешь. Но так, чтобы почувствовать, как уходит из нее мерзкая грешная жизнь, как эта женщина становится неопасной для нас и бесполезной для Скверны.

— Раз ты назвал меня братом, я убью ее медленно, голыми руками. Я буду разрывать ее сантиметр за сантиметром от влагалища до рта.

Он увидел свои руки, расцвеченные красными полосами силы. Затем подошел к женщине и первым делом разорвал ее тряпье. До чего же слабое, тщедушное у нее тело! Скверна не может принести расцвет для плоти — видимо она жадничает, даже когда питает мерзостью отродья свои. Насколько эта чахлая неплодородная телесность уступает цветущей благодатной плоти женщин Востока.

— Да, да, разорви ее, — поторопил посланец, — и отправляйся в Сады, где цветут всякие плоды, в том числе и женщины, которые много превосходят все, что узнал ты до сей поры, даже прошедшей ночью. Ну же, убей это порождение ада.

В глазах фон Бенеке ничего кроме страха. Зверек, грызун. Она

даже не пыталась любить его. Надо, не медля, разорвать ее, чтобы поскорее отправиться в цветущие сады посланца, где нежатся настоящие шахиды. Нет, лучше растоптать ее, так быстрее.

Остановившись на этом решении, шахид схватил фрау фон Бенеке, оставляя синие следы на вялой коже, и бросил на пол. Уже поднял ногу, чтобы расплескать этот хилый живот, неспособный плодоносить.

И вдруг почувствовал запах другого зверя. Соперник находился где-то совсем рядом. Это дракону совсем не понравилось. Пока он терзает эту слабую плоть, соперник отыщет подругу. Но тогда ярость уже будет утолена и дракон не сможет достойно сразиться с тем, вторым зверем, а если даже сразится и победит, то не выдержит последующей битвы за Яйцо. Шахид замер и в замешательстве наклонился, чтобы заглянуть в глаза женщине. Спустя мгновение он подобрал объяснение своему поступку — надо узнать, действительно ли это глаза себялюбивой крысы.

В ее зрачках бился ужас, но где-то в их глубине он заметил что-то другое…

Нет сейчас пути-канала к ней. А не является ли она подругой? Тогда вменяется ему не разрывать ее ослабевшую, а наоборот выходить ее, дать ей выносить Яйцо, а потом уже вступить в схватку.

Близкое присутствие соперника бесило все больше.

— Ты скис, шахид? Ты заблудился и не чувствуешь воли Всевышнего? Я тебе подскажу ее.

Кто-то вложил в руку Салах ад-Дина крупнокалиберный пистолет-пулемет. Шахид снова испытал приступ доверия к Посланцу, большой палец взвел курок, указательный лег на спусковой крючок, чтобы выстрелом разнести хлипкую грудь лежащей мерзавки.

Но неожиданно рядом с ним появился Акай.

— Не делай этого, в ней меньше скверны, чем в любом из них.

— Ты мешаешь мне. Поэтому я сперва снесу твою дурацкую башку, в которой вместо мыслей течет моча.

Он навел пистолет на мальчика.

— Ну, стреляй, дядя Вася, в Салах ад-Дина перештампованный. Я вижу, тебе все равно, кого грохнуть, Джанибека ли, меня.сказал Акай. — А может, если этот посланец задницы шайтана тебе прикажет, то наведешь ты ствол на свою собственную семейку? Ищи, ищи выход из психопрограммы!

— Nicht schiess aufs Kind, Scheisse! — кричит женщина.

— Я теперь Воин Всевышнего. А этот карлик говорит совсем

уж не подетски.

— Ты теперь воин хитрозадого пижона. — без всякого испуга заметил Акай. — Меня послал Кызыр-Хизр, чтобы предостеречь тебя.

Салах ад-Дин верил, что он Воин Всевышнего, но… неужели Всевышний хочет, чтобы он порешил женщину и ребенка, неужели они — порождения Скверны? Да и мальчик не мог пробиться сквозь пространства без помощи высших сил.

— Мы сейчас поможем тебе, мы уберем и зассыху, и мелкого засранца,говорит посланец. Пять вооруженных шахидов наводят свои стволы, ожидая его приказа. Нет, конечно же, и баба, и карлик вышли из преисподней и обязаны туда вернуться. Они ничтожны пред светлой силой божьих воинов.

И вдруг на глазах у божьих воинов и прочего честнОго народа посланец начинает испытывать приступы удушья, хрипеть, кашлять, он даже пердит с натуги, и ему никак не скомандовать. Значит, Всевышний не хочет этого. Начинают задыхаться и шахиды. Всевышний не хочет.

Ну, держитесь, гады. Посланец уже смылся куда-то. Не Салах ад-Дин, а уже снова Василий тремя выстрелами укладывает трех боевиков. Из больших пузырящихся ран тянется дым — они похожи на тарелки с горячей едой. Еще парочка шахидов незатейливо пытается выскочить за дверь. Но так там и застревает двумя бревнами. Василий оснащается штурмгевером, выпавшим из ослабевших пальцев орденоносного врага, а также его гранатами.

— Дядька-заводила вон туда побежал, — Акай показал тоненькой смуглой ручонкой в угол. Там имелся шкаф, а вернее дверь, замаскированная под шкаф — все в канонах авантюрного жанра. Выстрел из штурмовой винтовки — и ее замок, разлетевшись брызгами, превратился в аккуратную круглую дыру.

— Бери, малый, тетю под мышку и двигай аккуратно за мной.

Несколько шагов по коридорчику. По дороге Василий понимал уже, что сработал пакет «икс». Такое действие могли оказать только молекулярные роботы, нанокиберы. Только они. Правда, понадобилось немало времени, чтобы разлетелись они из пакета и заполнили весь доступный объем. А если бы моджахед тогда в буфете не надорвал пакет? Конечно, крохотульки прогрызли бы его, но это случилось бы несколько позже, когда Василий, повинуясь психопрограмме, уже погубил бы невинную фрау.

Он натужно вспоминал все сведения о боевых нанороботах, случайно осевшие в его голове. Эти искусственные тельца могут проникать внутрь через органы дыхания, поры кожи и даже через

газо-пылевые фильтры. Брр… Могут закупоривать кровеносные сосуды. Могут перекрывать синапсы. Могут вмешиваться в белковый синтез. Могут выжигать нервные центры. Ужас, но тихий, потому что криков не будет. Именно так и было написано в одной брошюрке — наверное, не вс" брехня… Могут портить противогазы, оружие, прицелы, компьютеры любого ранга и организовывать еще немалое количество пакостей, из-за которых сплошное расстройство. Нанороботы получают команды на сверхкоротких радиоволновых, инфракрасных и ультразвуковых каналах, имеют собственные молекулярные процессоры. Так, это не важно… А нас-то они не того, не прогрызут? Куда бы податься?

— Эй, как насчет плана здания? Заснули, что ли, товарищи?

И в самом деле заснули мертвым сном. Боди-комп, хоть сейчас и лежал в каком-то кармашке жилета, однако после очистки (сам на себя руки наложил или же подвергся гнусному надругательству?) совсем не мычал, не телился. Вернее, изъяснялся деревянным голосом и дубовыми фразами. Пришлось Василию натужно вспоминать то, что удалось посмотреть раньше.

В этом воспоминании Василия заинтересовала мощная система водо— и паротушения с большими цистернами и баллонами, базирующаяся на последнем этаже. Как бы туда попасть?

Но пока что маленький коридор перешел в большой, и там Василий вместо посланца увидел сразу семь моджахедов в газовых масках.

Шейные пластины встопорщились — у ящера это означало улыбку. Не успели чувствительные отростки ощупать пространственные складки и исследовать темпоральные шнуры, как переднехвост уже отсек время врагов. Они заметались, и тогда заднехвост отрезал им пространство. Они все скучились возле какой-то двери, и там Василий-василиск быстро отправил в рай, к гуриям на побывку, четверых из них, разметав кишки, мозги и сопли по стенкам. Трое успели скрыться в каком-то просторном хорошо отделанном помещении, похоже, что конференц-зале.

Василий Самуилович уже вошел во вкус. Прыгнул в дверь вслед за ними и проехал на животе по скользкому полу до громоздкого голографического проектора — укрытие готово. Неподалеку появился моджахед с гранатометом, но челюстеруки рассекли его жизненные нити, прежде чем он успел прицелиться. Василиск ненадолго приклеился к твердому сегменту, а потом протиснулся по каналу замедленного времени на безопасный участок. Рука противника дернулась, и граната ушла в потолок, откуда пролился огненный дождь вперемешку с щебнем. Василий

обогнул проектор, перемахнул через какой-то столик (Господи, откуда такая звериная прыгучесть?) и засадил в упор разрывной заряд. Именно такими были начинены его обоймы — женщины в зеленых платках постарались. Моджахед распался на десять кусков, однако, ясной стала причина его недавнего замешательства. Жизненные нити жизненными нитями, а газовая маска вся как будто изъедена.

Несмотря на то, что пострадал именно противник, Василию тоже стало неуютно.

Тем временем завязалась оживленная перестрелка с парочкой других боевиков, в результате которой гибли стулья, столы, занавеси и гардины. Вскоре все участники ближнего боя заметили иллюминацию. Воздух в конференц-зале полнился разноцветными искорками, затягивался струйками зеленого и алого дыма.

Первая же догадка была правильной — это открылся второй фронт. Нанороботы, напрягая молекулярные моторы, стали выяснять свои непростые отношения. Малыши из пакета «икс» скрестили свои шпажонки с аналогичными крошками, только уже работающими на исламистов. Недаром ведь Саид говорил о каких-то способах полного контроля за зданием, которые стали применяться после похода фрау Бенеке за продуктами.

На первом фронте битва тоже не затихала. Василиск заскользил по пространственной складке, ведущей к победе. Василий, прокатившись по полу, вскочил на круглый стол, перепрыгнул с него на стеллажный шкаф и снова оказался на ковре. Моджахед был слева, моджахед справа, а воздух усеяла порхающая бумага из падающего шкафа. Через узел василиск вышел из канала, соединяющего его с врагами. Голопроектор вдруг включился и стал оснащать помещение яркими картинами банно-пляжной жизни откуда-то из Сингапура. Василий-человек прыгнул прямо в банановый закат и оказался на портьере, предоставив возможность одному из воинов подстрелить другого. Впрочем, меткий стрелок сам хорошо подставился и дал себя угомонить навеки.

Ближе к правой стороне конференц-зала проходила матово-черная труба лифта, более похожая на столб густого дыма. Василий отжал какой-то железякой створки лифта и глянул в шахту — до верха далеко, до низа тоже. Подавил на кнопку «вызов» — и никакого результата.

— Поступайте разумно, — вдруг пискнул боди-комп, если точнее, командный модуль операционной системы. — Я, кажется, частично регенерировался после зверской мучительной чистки, которой подвергли меня исламисты, и могу оказать посильную

помощь. Одобряю попытку проникнуть на самый верх. Управление лифтами примитивно централизованное, и сейчас у лебедок просто отключено питание. Так что воспользуйтесь аварийным транспортером, который проходит по наружней стене. У него автономное управление и питание от резервной электросети, которую не так просто вырубить. Попробуйте затеряться, пока два роя нанороботов уничтожают друг друга.

— Слушай, а как-таки молекулы могут драться? Как определяют, где свои, где чужие? Нас-то они не того?

— Это сложно понять непрофессионалу… У них имеется спиральные окончания, по которым проходят волны-солитоны — а это уже оружие. Есть и химические способы воздействия, через реакции расщепления. Плюс магнитное взаимодействие. Короче, нанороботы притягивают, колют, режут, кромсают противников, как тридцать три мушкетера. Есть у них и система антигенов. Вы с фрау фон Бенеке напрыскали на себя цепкие молекулы, которые служат кодом распознавания «свой-чужой». Так что свои вас не тронут, а насчет чужих…

Из сияющего воздуха появился Акай с фрау фон Бенеке, которая после всего пережитого разрешила мальцу управлять собой.

— На тебе винтовку, пацан, прислони ее к какому-нибудь устойчивому месту и хлопай всех, кто будет забегать в дверь. — распорядился Василий.Нам бы добраться до тех цистерн, что на последнем этаже…

Отдав распоряжение смышленному мальчугану (да и мальчик ли он?), Василий метнулся к окну и стал озирать глянцевую несмачиваемую поверхность стены. Не сразу-то и признал в тощеньком стояке монорельс для лифта.

— Э, бодик, что-то я не вижу здесь подъемника.

— Суньте мультиштеккер в гнездышко, что левее на пару сантиметров от монорельса. — терпеливо отозвался умный аппарат.

Разъем там действительно имелся, поэтому после подключения бодикомп сразу начал выдавать колонки цифр, затем шепнул: «Найден код доступа». На экранчике появился план здания в ортогональной проекции, на нем алой линией была помечена трасса аварийного транспортера, вдоль нее стала тянуться зеленая пунктирная линия. Несколько секунд спустя появился «вживе» и сам подъемник.

— Я сказал: поехали, — Василий водрузил себя на «стул», который был чуть больше его задницы, стараясь не смотреть на далекий газон. Психика гражданина Рютина была уже достаточно искажена предшествующими событиями, так что он перестал

истерически реагировать на высоту. Но проехал он спокойно не более десяти метров. Затем снизу кто-то стал высовываться из окна и палить в пассажира крохотного подъемного устройства. «Стрельба по медленно ползущему кабану», — назвал это действо Василий. Впрочем, сидел он по турецки и иглы не прошибали стул-лифт, а лишь противно звякали под сидением. Потом тот, кто стрелял из пистолетпулемета, потерял голову под воздействием нанороботов и вывалился из окна. Но тот, кто пришел ему на смену, стал уже садить из подствольного гранатомета. В какое-то непрекрасное мгновение состоялось попадание. Только было оно не прямым, а вскользь, и случилось не так уж далеко от крыши — на предпоследнем этаже.

Монорельс прожгло насквозь, а стул развернулся на девяносто градусов, к тому же он стал медленно сползать вниз — к тому месту, где была разорвана опорная стойка. И хотя меткий стрелок куда-то отпал, забот и так было невпроворот.

Василий Рютин трезво оценивал ситуацию. Он никогда не был альпинистом и даже сейчас питал отвращение к любой высоте. А ему надлежало шагнуть практически в пустоту, чтобы по дороге ухватиться за отогнутый от стены монорельс, книзу от разрыва, немного спуститься, и, оттолкнувшись от стояка, с лету пробить зеркальное поляризованное окно. Этакий прыжок с импровизированным шестом.

Василий шагнул, почти не готовясь и не глядя, потому что усек: еще десять секунд — и ему ни почем не сделать этот шаг.

За монорельс он ухватился, но лишенный креплений стояк заладил отгибаться в сторону от стены здания, гораздо быстрее, чем Василий спускался по нему. Снизу опять кто-то стрельнул, и десять иголок вошло в жилет, чуть поточнее — и вся задница была бы уязвлена. Но заодно какой-то вертолет бундесвера ударил в окно на два этажа ниже. Ударная волна, смешанная с осколками, заставила монорельс спружинить и зашвырнуть Василия в стеклянную стену предпоследнего этажа. «Мотылек» оказался настолько увесистым, что пробил «абажур». (По дороге Василий почему-то вспомнил, что в салонах российских автобусов возле окон имеется надпись: «При аварии разбить стекло молотком».При этом явно подразумевается, что голова будет играть роль молотка.)

Далее было помещение, напоминающее не столько лабораторию, сколько компьютерный зал. А еще это выглядело как штабной пункт.

Здесь находился какой-то важный чин.

Исламские военачальники носили те знаки отличия, какие хотели, кто генеральские, кто маршальские, но было видно, что

это человек большого ранга. Возле крупного деятеля кучковалось примерно пятнадцать человек охраны и свиты. Они, выстроившись чуть ли не в ряд, завязали бешеную пальбу по негодяю, самочинно влетевшему через стену. Но тут же канонада стихла. Лица у отборных боевиков побелели, а потом покраснели. Вскоре все они присели, потом улеглись на паркет животом. Дальше хуже.

Они подтянули ноги под живот и приняли позу «попа вверх, лицо вниз». Очень неприличная поза, особенно для мужчины-воина. Впрочем, в йоге такая позиция называется «асана Черепахи» и никаких нареканий не вызывает. Затем мужчины стали тужиться, примерно как курочки, которые собираются снести яичко. Генерал в том числе..

Василий, как и полагается, свесил челюсть от удивления, вернее, от той редкой его разновидности, которая называется «ужас-удивление».

— Честно говоря, в каком-то смысле это моя работа, даже неловко немного, — признался боди-комп, чьи речевые фильтры явно были списаны с самого Василия. — Мне удалось перепрограммировать неприятельских нанороботов с помощью наших молекулярных киберов. Тут в «Электронише Гемайншафт» достигли ведь больших результатов по части микрокибернетики. Сотрудники фирмы разрабатывали мирных нанороботов, которым надлежало оборонять граждан от окружающей среды — сами знаете, какая она сейчас пакостная: сплошные токсины, канцерогены, сверхпатогенные микробы, вирусы, гельминты, грибки и тому подобная дрянь. Оборона, кстати, выстраивалась в три эшелона. Во-первых, связывание или расщепление агрессивных химические компонентов, во-вторых, перепрограммирование возбудителей на генетическом уровне, в третьих, модификикация человеческого иммунитета, опять-таки в генетике.

На экранах появился портрет наноробота. На вид совсем нестрашный: шарики ионов и атомов, ниточки химических связей.

— Слушай, бодик, откуда такие сведения? Тебя ж исламисты зверски прочистили. Или успел уже связаться со своими хозяевами? Там тебе случаем не сказали, в какую еще задницу меня сунут в качестве затычки?

Нескромные вопросы боди-комп оставил без ответа, однако продолжил по существу:

— Судя по тому, как ошеломляюще быстро работают фирменные нанороботы, ученые «Электронише Гемайншафт» нашли способы воздействия на скорость метаболических процессов, белкового синтеза и так далее. Очевидно, с ними сотрудничал и известный темпорист Гутентанцер. Исламисты же с присущей им фантазией стали использовать этот задел, чтобы мастерить страшное оружие. То есть, начали приспосабливать молекулярных роботов для генетических диверсий, в первую очередь в области Нох-генов.

— Спасибо, что не сказал мне об этом раньше, иначе бы я очень испугался.

Василий кривил душой, он и так дрейфил до самой крайней степени. Вот уж у одного моджахеда лопнули штаны и на пол скатилось яичко, размером со страусиное. Бедолага успел только вскрикнуть: «Айа», после чего незамедлительно скончался. Схожая участь постигла еще двоих, в том числе и генерала.

— Кстати, Василий Самуилович… После того, как исламские нанороботы пошурудят, скажем, внутри вас, там быстренько сгенерируется тварь-симбиот с уже вложенными психопрограммами. Этакий искусственный дракон. Он может замкнуться на ваши нервные цепи и встроиться в мышечные волокна, усилив их. Или же просто использовать вас как гнездышко, а затем выйти наружу.

Боди-комп бросил на экраны картинку того, что творилось внутри человека, завоеванного нанороботами.

Одни терзали и резали ленточки генов, связывая их в какие-то пучки. Другие тащили на прицепе аминокислоты и прочий стройматериал. Третьи ползали по пучкам генов и варганили модифицированные ферменты. Те бросались на генные цепочки, заставляя их бешенно реплицироваться и транскрипироваться. Новые клетки пенной волной неслись по организму.

Не дать не взять, фабрика ускоренного белкового синтеза внутри одного отдельно взятого тела.

— Все, кончай крутить кино. Что это за Нох-гены, не темни? А меня с фрау Бенеке эти нанороботы не поимеют? — завыл в нетерпении Василий. — Я не хочу, чтобы со мной такое вот!

Оставшиеся моджахеды перевернулись на спину, и в животе у них что-то заходило ходуном.

— Пока что не поимеют, я же их запрограммировал на распознование ваших коды… А Нох-гены ответственны за предыдущие этапы эволюции, поэтому их называют спящими, хотя в чем-то они даже круче, чем неспящие.

— Так зачем же их будить?

— Спросите у Мехмета Айдина, — беспечно отозвался боди-комп. — И, кстати, что это вы застыли. словно памятник Пушкину? Вас ждут друзья.

Василий согласился, что пора, и хотел аккуратно проскользнуть к двери. Он сделал несколько шагов, но тут ближайшее, генеральское, яйцо треснуло, зашипело и на арене появился «цыпленок». Он был похож сразу на ящерицу, паука, опухоль, кузнечика и переваренную сардельку.

— Синтез прошел успешно, — прокомментировал боди-комп.Тикайте, Василий Самуилович.

Удачно синтезированная тварь вначале распрямила, а затем поджала свои конечности, чтобы прыгнуть на Василия, но тут в дверь заскочил кипящий от ярости боевик и она… сиганула к нему.

Метров пять эта гадина преодолела за счет некой дряни, выпущенной реактивной струей из клоаки. В итоге, «цыпленок» уселся моджахеду на горло. Василий еще успел заметить, как

тварь вогнала длинные хоботы-катетеры внутрь человека, а ее круглый рот заставил лопнуть кожу.

Боевик рухнул, покатался немного по полу, даже не пытаясь оторвать вредоносную тварь — руки были почему-то прижаты к ушам — ну и затих. Один глаз его закрылся, другой, напротив, прямо выкатился из орбиты, налившись ужасом и кровью.

Человек жил, но был уже включен в метаболизм твари. Было видно, что «цыпленок» делает глотательные движения, и разбухает, наливается красным содержимым, а моджахед, в свою очередь, как-то съеживается и тончает. К концу кровавой трапезы он превратился в скелет, обтянутый кожей, а тварь уже была размером с приличного индюка и представляла собой мешок, вываливающийся из панциря, который к тому же резво шевелил десятью длинными ножками. Вдобавок на впалом животе человека набухли пузыри, вот они лопнули и оттуда полезли личинки, размером с большой палец ноги.

Отожравшаяся тварь обернулась к Василию задом и на этой части ее тела невольный зритель увидел что-то напоминающее человеческое лицо, если точнее лицо генерала. При том «глаза» были без зрачков, прозрачно зеленые, а изо «рта» беспрерывно текла слизь.

Этого Василий уже не мог стерпеть и выстрелил из штурмгевера. Пуля разнесла в брызги мешок, набитый кровавой гущей, но то, что осталось, с истерическим визгом побежало на длинных циркульных ножках и скрылось за шкафом. Одновременно откупорилось еще два яйца. Вылезшая оттуда сладкая парочка направились в сторону Василия, перекрывая проход к двери и ласково улыбаясь псевдочеловеческими лицами. Рютин вскочил на подоконник, не желая даться коварному врагу живым.

— Я же предупреждал, что надо торопиться, — сварливо произнес бодикомп. — Я не знаю кодов психопрограммирования этих уродов.

И вдруг с той стороны окна его окрикнули. Он увидел Акая, спускающегося на тросе вдоль наружней стены.

— Хватайтесь, дядя Вася.

И дядя Вася уцепился. Теперь даже полет над пропастью показался ему плевой забавой.

— Лебедкой тетя наверху заправляет. — похвастал мальчик.Можно ведь и без самого подъемника обойтись, достаточно троса.

— Какая еще тетя?

— Ну ваша, не моя же, фон Бенеке которая.

Лебедка стопанулась, когда отставной программист и

странный мальчишка оказались на уровне окошка, ведущего в чердачное помещение. Потом из окошка появилось что-то вроде багра и, уцепив Василия за ремень, втянуло вместе с Акаем на последний этаж.

— Можно сказать, что мы соблюли технику безопасности, — сказала женщина.

— Вот блин. Как же вы сюда попали? — спросил Василий, который уже не в силах был чему либо изумляться.

— Да моджахеды включили лифты, когда узнали, что вы все равно пробираетесь по наружней стене. Для себя, конечно, включили.отозвалась фрау фон Бенеке. — Так что они скоро здесь будут. Просто мы первые успели вскочить в кабину.

Помимо лебедки от аварийного транспортера на чердаке находились подъемные устройства еще от трех лифтов, цистерны с негорючими жидкостями, а также компрессоры водо— и паротушения.

Подъемники Василий сразу заблокировал, а компрессоры включил. Он представил, какая первобытная обстановка образовалась по всему зданию, где свирепствуют генетические монстры, и малость задрожал.

Затем заложил связку гранат под одну из цистерн, рассчитывая усилить эффект, уже собрался вырвать чеку, как вдруг из шахты лифта появился Саид. Судя по алым полосам, расцветившим его физиономию, подъем оказался не таким уж сложным.

— Ну, хватит резвиться, засранцы, — сказал красноглазый горец, доставая из-за спины короткоствольный штурмгевер. — Как ты мне надоел, Василий, если бы ты знал.

— Укройтесь, женщины и дети, сейчас будет мужской разговор,поддержал Василий намерения Саида не столько из-за истинной храбрости, сколько из-за отчаяния обреченного. Или почти обреченного. Потом вытянул из жилетного кармана свой крупнокалиберный пистолет-пулемет. — Надеюсь, Эльбрус, ты защитил себе мошонку метровой броней.

Не тот первый стреляет, кто первый начинает — гласит ковбойская мудрость.

Василий, как более нервный, начал целиться первым, но выстрелил первым Саид.

Не тот первый попадает, кто первый стреляет, говорит мудрость дуэлянтов.

Пули перерубили столб, возле которого занимал огневую позицию Василий. Смерть летала совсем близко. Ниндзя-программист схватил ту связку гранат, которой хотел подорвать цистерну, и швырнул ее в Саида. Но не попал, а кроме того забыл

выдернуть чеку. И правильно, кстати, сделал. Связка гранат повисла неподалеку от самого Василия, зацепившись за какой-то крюк.

Тогда Рютин отпрыгнул в сторону. И тоже правильно. Пули чиркнули по тому месту, где недавно находился его живот.

— Ты ослабел, твоя мощность — сто комариных сил, — уязвил Василия горный богатырь Саид. — В тебе всегда было меньше энергии и ярости, чем во мне. А сейчас эта баба вообще рассопливила тебя. Скоро очень скоро ты станешь размазанной по полу какашкой.

Саид даже не стал стрелять, а кинул какой-то гайкой в Василия. Та не только попала, но еще и рассекла щеку. Было больно и обидно, как пацану, впервые схлопотавшему по морде.

Рядом появилась фрау Бенеке и попросила:

— Ну, ударьте меня, Василий, если вы от этого заводитесь, сделайте мне больно, убейте, если так надо.

Где-то на дне появился огонек. Василий Самуилович схватил фрау Бенеке и… отшвырнул от себя. С одной стороны, он спас ее от своего буйства, с другой дал толчок ярости. Однако силенок было еще маловато.

Бросив женщину, Василий поскользнулся и стал падать по наклонному пандусу, который заканчивался возле открытого чердачного окна. Но Саид не поверил, что противник вывалится самостоятельно и прыгнул следом, стреляя из штурмовой винтовки.

Сзади Василия нагонял свинцовый покос, спереди приближалась пропасть. Но чувствительные отростки уже прощупывали складки пространства, промеривали временнЫе каналы. Василий, съезжая по пандусу, выстрелил и попал ровно в связку гранат, висевшую на крюке, который был присобачен к одной из цистерн.

Взрыв — и у нее сорвало борт. Вода хлынула мощным потоком и снесла бегущего на расправу Саида. Сорванный борт цистерны упал на мостик — тот самый, который заканчивался пандусом. Мостик согнулся и спружинил. Василий вместо того, чтобы выпасть в окно, взлетел вверх и оказался на одной из мощных балок, проходящих под потолком. Невольный акробат увидел, как водяной поток устремляется в шахту лифта и смывает генетических монстров, которые едва не ворвались на чердак. Однако Саид не был смыт в шахту лифта. Человек-утес успел уцепиться за какую-то трубу своими руками, скорее напоминающими грейферные захваты крана.

Тем временем тонкие руки Василия разжались, и он упал на одну из целых цистерн внизу. Из-за соударения очертания

вражины расплылись в какое-то пятно, а потом снова сконденсировались. Только после конденсации они прилично изменились. И пейзаж сильно перпеоформился. Теперь это был пейзаж Большого мира: плетения каналов, холмы и низины сегментов с их обманчивыми расстояниями и размерами. Крохотная ямка поблизости могла оказаться далекой бездной, а величественная гора вдалеке на самом деле могла являться скромной кучкой говна.

Василий видел дракона, который искал его плоти и крови. Были хорошо различимы и спинной панцирь, и шесть изогнутых расширяющихся книзу лап, и хищно секущие воздух челюстеруки, и хвосты, светлые и быстрые, как молнии. Каналы же вились повсюду, то широкие, как автобаны, то мелкие, словно веточки ивы, или даже микроскопические, как мицелий.

— Ну ты сам напрашиваешься, — заметил Василий без особого энтузиазма и перескочил в твердый сегмент. Туда сразу же ворвался и второй дракон. Последовал обмен колющими ударами, которые пришлись на панцири. Впрочем, Саид был по обыкновению мощнее. Василий потихоньку нашарил дверь и попробовал уйти. Но попал в ближайший мягкий сегмент, и противник тут же атаковал его.

С налету вражеский переднехвост обрезал темпоральные шнуры со всех сторон от Васи-василиска. Тот задергался на одном месте, как мотылек, приклеенный насекомоядным цветком. Саид-дракон мигом накинул на Василия свой заднехвост, который скомкал пространство, превратив его в зону гравитационного сжатия, и стал удушать. Да, противник был явно в ударе. Василий понял, что тот впитал почти всю силу «желтка», оставив другим только крошки. Заднехвост потянул полузадушенного Василия к Саиду. Несчастный василиск пытался еще вывернуться, но только конвульсировал в смертельных объятиях. При всех конвульсиях он видел, как к нему направляются челюстеруки, чтобы хрупнуть его панцирями, словно створками ракушки.

Зрители передачи «В мире животных», наблюдая за тем, как удав душит очередного кролика, спокойно пьют и закусывают. Они уверены, что к ним это не относится. Василий поклялся, что если уцелеет, то в такие моменты будет всегда вставать и снимать шляпу.

И словно в ответ на клятву откуда-то выскочил парнишка Акай. Ах, как ловко он это умеет, словно учился в лучших разведшколах. Или это был уже маленький «гаденыш», дракончик-симбиот. Он отважно вонзил свой хвостик, вооруженный маленьким шипом, в точку уязвимости, расположенную под заднехвостом большого дракона. Объятие

несколько ослабло — значит несколько поплохело зверю из бездны.

Василий наконец смог вдохнуть, оправиться и втянуть первородную временнУю силу. Он потратил ее в основном на то, чтобы покрыться горячей смазкой и вырваться из смертельных объятий.

Какой-то инстинкт подсказывал ему что и как делать. Сперва он проткнул переднехвостом границу сегмента, и стянув всю силу в клубок, стал растить и пробивать канал, пытаясь дотянуться до другой пространственной глыбы. Отросток заметался было в межпространственном зазоре, его драли вихри, и боль пробирала аж до самого нутра. Но растущий канал по драконьему счастью быстро зацепился за другой сегмент. Мгновенно произошло выравнивание хронального давления, и Василий рванулся по образованной им самим пространственной складке. А когда долетел, то радостно завыл-загудел — он впервые пробил себе Путь. Как настоящий времяходец.

Впрочем, ликование пришлось надолго отложить, потому что в итоге он оказался в твердом сегменте, вернее на холме. Прямо к Саиду, причем, к незащищенной его стороне, вел канал ускоренного времени. Василий прыгнул в него, в конце прыжка свел четыре лапы воедино и ударил противника как будто палицей по спинному шву. Получилось неуклюже, но сильно. Саид-дракон потерял равновесие, покатился по одной из складок, уменьшаясь в размерах. Он уже был не больше шмеля, когда пролетел мимо лап Василиявасилиска. А потом резко увеличился в размерах, как будто хлебнул где-то временнОй силы, и нанес острый удар переднехвостом.

Дракон-Василий взревел и покрылся пеной, из раны хлынул поток хронолимфы.

А Василий-человек увидел, что жилет его пропорот и в дыре пузырится кровь. Ему страшно захотелось упасть и захныкать. Еще бы, хоть и вскользь, но задела пуля-цветок.

Увертываясь от следующего, конечно же смертельного удара, он соскользнул в канал, который перебросил его обратно в твердый сегмент. Но враг перескочил вслед за ним. От усталости Василий-дракон излил внутреннюю кипящую жидкость на одну из поверхностей пространственной глыбы.

Над василиском лязгнули четыре головные челюсти врага, однако тот, поскользнувшись, потерял равновесие. Василий-дракон скрутил вражеские челюстеруки своим заднехвостом, а затем стал вгрызаться в точку уязвимости, расположенную в начале брюшного шва. Враг дернулся, вырвался, и, не совладав с балансировкой, скатился в трещину между сегментами.

Человек Саид повалился на колени с дымящейся дырой под ключицей, компрессионная волна от пули повышенного останавливающего действия парализовала все его мышцы, вызвав миллионы микроскопических кровотечений. Но когда Василий хотел благородно прикончить его, тот вдруг схватил мальчишку Акая и с воплем «Алла акбар» исчез в шахте лифта.

Василий перегнулся вниз, но ничего не увидел, кроме генетических монстров, начавших новое восхождение. Один из выпущенных ими хоботов не долетел какого-то дециметра до высунутого языка ниндзя-программиста.

— Сволочь такая, не мог свалиться один, — сказал Василий про Саида и подумал, как дико звучат его слова. Он снова потерял друга, причем лучшего.

— Предлагаю попереживать потом, — сказал бодик. — Немного зная вашего малолетнего товарища Акая, могу отметить, что от него так просто не отделаешься. Тоже ведь феномен, с каковым надо разбираться. А сейчас хочу известить, что я осуществляю точное наведение правительственной авиации, которая через минуту поразит здание «Электронише Гемайншафт» бомбами повышенной разрушительной силы, то бишь вакуумно-вихревыми боезарядами. Даже если одна бомба попадет точно, в осевую шахту, то все здание превратится в порошок. А уж точное попадание я гарантирую.

— А как же мы? О нас ты забыл, бессовестный чипоносец? — Василий тоже постарался забыть о себе и взглянул на женщину, которая, похоже, не могла еще прийти в себя от последних известий. Он понимал, что уже через секунду его тупое воодушевление сменится конвульсиями страха и ужаса.

Ах, да. Аварийный транспортер на что, вернее, лебедка с тросом? Мы не гордые, как-нибудь без кабинки спустимся. Василий решительно взял дело в свои руки, но увы… Действительно, на что эта чертова лебедка, если моджахеды все же сумели обесточить транспортер и теперь с ее помощью можно лишь примитивно упасть?

— Этого я, честно говоря, не учел, — признался боди-комп и тут же отделался дежурным лозунгом. — Но я верю в вас. Кто если не вы?

Однако, как оказалось, фрау фон Бенеке отнюдь не утратила остатков сообразительности.

— Давайте на крышу, там недавно велись ремонтные работы.

— Абсолютно правильное решение, — похвалил бодик. — У вас еще в запасе двадцать пять — тридцать секунд.

Наверх вела металлическая лесенка, на которой Василий ухитрился два раза поскользнуться. Он вышиб спиной

горизонтальное оконце, увидел на крыше пятерых мертвых моджахедов, которых накрыли залпы «Тигеров», и побежал к ее краю на что-то еще надеясь. Однако под облаком уже возникла уже серебристая сигарета, вот на нее упал луч солнца и она радостно сверкнула. Штурмовик. Ниже ползло три черных пятнышка — это уже были вертушки.

— Вон туда, туда, — крикнула женщина и ткнула пальцем в другой угол крыши.

Там нашелся строительный блок, с помощью которого должно быть недавно спускали и поднимали всякую мелочь. Длина троса вызывала большие сомнения, но Василий прицепил его крюк к своему ремню.

— Хватайтесь, — крикнул он фрау фон Бенеке, которая все еще не могла решиться на объятие при свете дня. Наконец ее худенькое тельце легло в руки Василия, и они заскользили вниз к земле. Но явно не так быстро, как следует.

Василий видел появившегося на краю крыши шахида — это был огромный косматый мужик. Он стрелял из авиационного пулемета по вертолетам, а из плечей продирались хоботы симбиотической твари, которые его же и жалили. А потом огромного боевика накрыло огненное облако, все здание вдруг вспучилось и засияло, с каким-то мощным многослойным звоном превращаясь в труху. Пыле-огневой вихрь подхватил Василия и фрау, понес куда-то, причем они даже не знали, держит ли их еще трос или они уже уподобились ангелам и птицам.

Видимо, вначале еще держал, потому что когда Василий вылетел из вихря, то заметил, что земля приближается не так уже быстро. Но потом, видно, и блок сгорел, и большая часть троса. До земли оставалось какихнибудь, вернее целых еще пятнадцать метров, при довольно-таки приличной вертикальной скорости.

А если учесть еще горизонтальную скорость, то можно догадаться, что в итоге должны они врезаться в какой-то чудом уцелевший павильончик.

— Сгруппируйтесь, — крикнула ему женщина; похоже она когда-то занималась акробатикой.

Дырявая парусина хоть и прорвалась, но сильно замедлила два «метеорита», а потом они влетели в груду картонных ящиков и, наконец, остановились.

— Приехали. КАка упала ровно в горшок, сто очков из ста возможных.

Минута счастья, они обнимались и целовались, она впервые шепнула ему: «Lieblich», что переводчик не перевел, но Василий чудом догадался, об чем разговор.

Однако когда он высунул голову из груды картонных

коробок, то увидел сквозь разорванную парусину, что к ним с трех сторон бегут моджахеды вперемешку с шахидами, все с оскаленными зубами и зелеными повязками, и строчат из всех видов оружия. А в голове муть какая-то, и в боку боль.

Он невесело глянул в четвертую сторону, собираясь увидеть очередную орду, но обнаружил стремительно приближающееся нечто, оптическое искажение, которое более всего походило на облачко. Наконец оно замерло и на секунду приняло определенные и уже знакомые очертания — обтекаемой, зеркальной, сплюснутой а-ля НЛО машины. На носу экраноплана разверзся люк, Василий подхватил заметавшуюся женщину за талию и швырнул в темную дыру, — силы для этого понадобилось не меньше, чем Стеньке Разину в свое время. Следом запрыгнул сам.

Легкий нажим в подвздошной области дал знать, что они тронулись с места. Пара более резких толчков показала, что моджахеды попробовали оказать огневое воздействие, однако ничего подобного уже не повторилось, и Василий понял, что от противника удалось быстро оторваться.

Зарубка 9. (Западная Европа — Кавказ, сентябрь 2001 г.) «Если на гору залезть и с нее бросаться…»

На смену развороченному центру города пришли вполне нормальные и даже ухоженные кварталы, а потом и аккуратные рядки коттеджей. Только нигде не горел свет. Раскуроченные авторазвязки и путепроводы сменились вполне целехонькими автобанами. По ним проносились легковушки, микроавтобусы и трейлеры с беженцами и их манатками. По обочинам валялись брошенные вещи и покореженные автомобили. Время от времени проезжали и воинские колонны, тогда все движимое имущество испуганно прижималось к самим придорожным деревьям, рискуя то и дело влепиться в тополиную твердь. Но это было лучше, чем оказаться вместе со своим скарбом под гусеницами танка и превратиться в металлический блин с мясной начинкой. Военная техника по счастью не замечала проносящегося мимо экранолета с Василием и фрау фон Бенеке внутри. Пилот не забыл включить радио.

— Бои в Гамбурге вступили в решающую фазу. Час назад исламисты оставили сгоревший комплекс фирмы «Электронише Гемайншафт». В то же время «Волки пророка» начали продвигаться от станции «Даммтор» в сторону телебашни по территории ботанического сада. Очевидно, полицейские подразделения, находящиеся в здании гостиницы «Радиссон САС», оказались в окружении. По Ост-Вест-Штрассе в сторону

музея «Хамбургише Гешихте» движутся несколько единиц бронетехники под зелеными флагами. В предместье Харбург исламисты совершили нападение на колонну бундесвера. В настоящее время там идет бой, в этот район направлены подкрепления. Потери уточняются. Прессцентр бундесвера заявляет, что тот контролирует большую часть города, однако это заявление проверке не поддается. Так же не было подтверждено сообщение о гибели в здании «Электронише Гемайншафт» генерала Азиза Коктюрка, командующего силами ислама в Центральной Европе. Четверть часа назад он выступил на прессконференции, где объявил о полном превосходстве воинов Аллаха над немецкими солдатами в Гамбурге и о предстоящей победе. Генерал против обыкновения был косноязычен и бледен. Азиз Коктюрк намекнул, что со своим штабом планирует проведение операций в Берлине. Журналисты полагают, что, скорее всего, это дезинформация.

Влиятельная коалиция политиков в бундестаге предполагает собрать большинство голосов по вопросу немедленного прекращения военных действий и начала мирных переговоров с исламистами. О своем согласии на посредническую миссию заявил канцлер Австрии доктор Али Хуссейн. Он сообщил журналистам, что одним из начальных требований исламских сил будет удаление из Федерального правительства членов партии войны, ставленников мировой сионистской олигархии, и в первую очередь министра обороны Иды Гольдшмидт…

Лидеры восточногерманских националистов-автономистов намерены в ближайшую среду собраться в Ростоке для формирования правительства «истинной Германии». Их представитель Руди Штумпф в своем выступлении для прессы отметил, что «истинные немцы» ни в коей мере не выступают за развал Отечества, однако займутся постепенным очищением его от скверны. На вопрос журналистов, означает ли это военную конфронтацию с исламскими силами, господин Штумпф ответил, что первоочередной задачей является освобождение Германии от засилья мирового сионизма и мондиалистов, что среди исламских боевиков есть немало людей, пострадавших от американоеврейского капитала, и что «истинные немцы» никогда не станут воевать под началом старой израильской мегеры Иды Гольдшмидт. По его словам уже состоялись переговоры с представителями Азиза Коктюрка о предотвращении боестолкновений…

Услышав это, Василий, которому кибердоктор зашивал рану в боку, впервые поморщился. Под уколом не было больно, да и фрау фон Бенеке ласково гладила небритую щеку раненого бойца.

Просто ему впервые запаршивело от текущего момента и международного положения. Его жена (бывшая, настоящая?) и сын проживали как раз на территории истинной Германии. Разумеется, эти «истинные» не посмеют оборзеть на все сто, сейчас не вторая мировая война, кругом журналисты шныряют, спутники летают, но все-таки…

Ида Гольдшмидт и ей подобные, отметил Руди Штумпф, наводнили Германию чужаками, разложили немцев фальшивыми ценностями, произвели направленную против здоровья нации секс-революцию, сделали сверхдоступными контрацептивы и аборты, превратили страну в промышленный придаток третьего мира, а теперь лицемерно зовут немцев к борьбе…

Пока бормотало радио, пилот давал Василию визуальное подключение к системам наружнего наблюдения, и вдобавок еще отмечал маршрут на карте. В какое-то мгновение мужчина сказал женщине:

— Мы уже пересекли границу «Истинной Германии». Здесь вам, фрау, пока ничто не угрожает. Вы не старая, не израильская, и не мегера. А мне, судя по всему, дальше на восток. Может я и приложу руку, вернее переднехвост, к уничтожению этого бардака.

Сейчас он действительно почувствовал, что может и должен. Не глюки у него, а способности, реальные, гиперреальные, метареальные. В любом случае они вызывают эффект и причиняют дефект. Он стал не такой как все. Он — избранник.

— Кстати, фрау фон Бенеке, мы с вами так и не познакомились понастоящему. По счастью этот пробел еще восполним. Вас как зовут? Эльза или Гретхен?

— Меня зовут Соня, — призналась женщина.

— Карл, который Маркс, чтобы завоевать свою аристократку, написал «Капитал». Я мог бы накропать «Безденежье», но, увы, труба зовет. Прощай, тетя Соня.

Они поцеловались напоследок, и не как самка с самцом, а как прилежная ученица с трупом многоуважаемого учителя. После этого люк выпустил фрау фон Бенеке на обочину автобана, Василий подарил даме на прощание пистолетпулемет, и машина понеслась куда-то на юго-восток. Пилот тактично не включал задний обзор. Потом он передал Василию управление, наверное, чтобы тот развеялся. Василий уже догадывался, куда они торопятся, так что не удивился, когда после сеанса храпа обнаружил себя в горах Кавказа, где вел свой джихад малопобедимый (а согласно молве и вовсе непобедимый) Аслан Фархадов.

Сейчас Василий уже без особой нервотрепки вел машину,

системы навигации, ориентации и запас карт позволяли ему без особых хлопот искать аул Очхой.

Достать саблю Зульфикар — и баста. Пожалуй, при имеющейся технике он справится с этим делом. А потом плюнуть на все — и к семье. Пожалуй, можно будет даже угнать экранолет, в качестве платы за услуги.

Когда-то капитан Лялин вел отряд через разные приметные места, и сейчас Василий находил их одно за другим. Бортовой сканер следовал его описаниям и старался распознать объекты еще раньше, чем их замечал глаз.

Покосившийся сортир, двурогая скала, срубленная молнией чинара.

За ней Василий повел машину вдоль перевала через неглубокое ущелье, рассчитывая вскоре взмыть по его склону.

Все случилось внезапно: до склона оставалось еще метров двадцать, когда через перевал вдруг хлынула серая волна, состоящая из грязи и камней — как будто преисподняя блеванула. Василий думал, что проскочит, поэтому только прибавил скорость, пилот против этого не возражал и не взял управление на себя, видимо не смог полностью оценить обстановку. Но грязевой вал успел захлестнуть машину, когда она уже выпрыгнула на склон.

Может экраноплан сумел бы еще оторваться, однако из-за удара лег на бок и потерял скорость. С непривычной конвульсивной тряской он сполз назад и тут его захватил поток. Протащил метров сто, сурово мотая и долбая, а затем вышвырнул за свои бурные пределы.

Наконец наступил покой. Василий удивлялся, как все-таки его не раздавило, не раскромсало и не утопило, хотя все эти сто метров, все эти десять секунд его трясли и трепали тысячи чертей-трудоголиков. Да и саму машину покорежило не слишком сильно. Хуже всего, что пробило топливный бак и свернуло двигатель с фундамента. Помимо того пострадало несколько цепей управления и сорвало с субкрыла несколько наружных элементов, важных для пилотирования.

Василий отделался большой шишкой на голове и ушибами в разных частях тела. Однако, ни один более или менее важный орган не вышел из строя, о чем ответственно заявил кибердоктор после двойного сканирования. Не лопнула по-новой и рана в боку, крепко залепленная дермопластом со следящим микрочипом.

— Я переговорил с центром, — сказал пилот, впервые упомянув о «центре», — бригада ремонтников прибудет через двенадцать часов. Еще столько же времени уйдет на то, чтобы

привести все в порядок. Не исключено, что придется машину уничтожить. Центр считает, что вам надо добираться до конечного пункта самому. Снаряжайтесь — и вперед. После окончания операции мы вас эвакуируем.

— Спасибо. Мой труп будет очень нуждаться в эвакуации, иначе джигиты будут долго пИсать и какать на него. — заголосил Василий.

— У вас нет другого выхода.

— Если бы не ваша дурацкая чудо-машина, я может быть вообще бы здесь не оказался. Вы не имеете права говорить мне «до свидания, до новых интересных встреч».

— Центр все равно не может выполнить за вас вашу работу.

— Ах, она уже моя!

И тут он снова подумал, что со всей этой «полосатостью» и «драконистостью» он уже не сможет так просто выйти из игры. Это все равно что акула положит зубы на полку и скажет, что переходит на вегетарианскую диету.

Он напялил потрепанный свой жилет, зашнуровал противоминные «гады», взял штурмгевер и пистолет-пулемет, рассовав обоймы по кармашкам, отыскал в оружейном ящике противопехотную гранату и самонаводящуюся мину «таракан», на которой было написано «Первого пропущу». После длительных поисков Василий отыскал саморазогревающийся паек, пару банок колы, таблетки для обеззараживания воды, и палку колбасы, которую, похоже, некто уже жевал.

— Это кто-то из ваших друзей приложился? — спросил Василий у пилота.Вообще-то я не думал, что программы имеют зубы.

— Да, честно говоря, он не программа. Такой славный пес. Я уж его подкормил на базе. Холодно было, и он совсем озяб…

— Когда он в следующий раз озябнет, ты ему дай погрызть свои чипы… Так, похоже, этот шелудивый еще и шоколад сожрал.

А потом пилот начал копировать свою личностную матрицу в боди-комп Василия. И ничего у него не вышло — контрольные суммы не сходились и все тут.

— Вот подлец, — закричал пилот незнамо на кого. — Ты у меня еще поплачешь.

Но машина с жалобным скрежетом вдруг куда-то стала сползать и программист-авантюрист стал прощаться с ней и ее программным обитателем. Церемония сильно не затянулась, и Василий вступил протекторами своих башмаков на каменистую почву родины кошмаров — Кавказа. Он снова стал ниндзя, лазутчиком и по совместительству десантником.

Десантник-любитель старался вести как профи. Шел ночью,

но без опытных людей, знающих и чувствующих местность, это было тяжело. Даже маршрутные карты, даже система спутниковой навигации не мешали ему плутать среди малоузнаваемых скал, круч и утесов. Но четвертый ориентир — полуразрушенную башенку он все-таки нашел и провел там день, потихоньку подбадривая себя кока-колой. Несколько раз в поле зрения появлялись овечьи отары в сопровождении пастухов-автоматчиков, но те шли в направлении перевала и не приближались к башне. Ночью Василий опять пустился в путь. Ему, похоже, не слишком везло — наверное, астрологи рассказали бы что-нибудь про пагубное влияние Сатурна и Плутона. Горный лабиринт напоминал бесконечную коммунальную квартиру, коридоры-тропы заводили в «комнаты» — площадки между утесов, Василий тыкался в «стены» — скальные кручи и никак не мог найти выход.

Ему даже казалось, что камни имеют зловредные души, что в них сидят гнусные существа типа троллей и гномов, они-то и водят его за нос, притягивая куда не надо и отталкивая от верного пути.

Его плутания завершились совершенно неожиданно. Послышался шорох — собственно он ничем не отличался от сотен других ночных шорохов. Да и чего тут удивительного? Камень ведь живет своей замедленной, но вполне настоящей жизнью: поглощает, выделяет, совокупляется даже, растет и распадается, ведет напряженную борьбу с ветром, водой и льдом. В любой момент, там и сям, он может осыпаться струйкой щебенки.

Последний шорох ничем не отличался от других, но он не понравился Василию. Ночной путник насторожился, прислушался, однако это не помогло. Василий сделал шаг, вытягивая пистолет-пулемет из кобуры, и тут же земля вылетела из-под его ног, а сам он сильно треснулся боком. Хорошо хоть не тем, больным. Василию еще дали по шее, вывернули руки, вырвали оружие, схватили за шиворот, и в этом виде понесли мордой вперед, чтобы поднести к крохотному но страшно едкому фонарику. Потом сорвали бимоны и грубо задудели в ухо:

— Попался, сучий потрох. Ну-ка признавайся, куда тебя послал Хожа Ахмет?

— Я не могу признаться, куда меня послал Хожа Ахмет, — честно выдавил Василий. — Вы так сильно выворачиваете мне руки и тянете за шиворот, что что из меня не вылезают никакие звуки, кроме хрюканья.

— Парни, ослабьте-ка хватку, — скомандовал кто-то, — руки свяжите ему за спиной и усадите.

Приказано-сделано. Парни сделали вид, что ослабили хватку,

быстренько стянули руки липкой лентой и усадили на какой-то булыжник.

— Да, теперь, пожалуй, мне лучше, — согласился Василий. — Теперь за исключением звука "о" я могу произносить все необходимые звуки и не только пОпой. Хожа Ахмет меня, конечно бы, послал подальше бани, если бы мы были хоть немножко знакомы.

— Так ты русский? То есть, россиянин? — спросил тот, кто до этого уже отдавал приказы.

— Ну сейчас мне трудно быть россиянином, да еще питерцем — в такойто темноте. Да развяжите вы меня. Командир, распорядитесь. Меня, кстати, Василий зовут, а вас?

— Ну теперь мне ясно, что ты за фрукт, — сказал малоразличимый даже при лунном сиянии командир. — В горы убежал, от службы летаешь. Оружие украл, с поста скрылся. Нехорошо, приятель. Другие, значит, должны интересы страны защищать, а ты, понимаешь, будешь пользоваться всем готовеньким.

— Не спрашивай о том, что страна сделала для тебя, подумай, что ты сделал для нее. — всецело поддержал Василий.

— Точно сказано. Ты понимаешь, земляк, что я сейчас тебя шлепнуть могу. Ты с оружием, да еще бездокументный. Искать тебя официально никто не будет, а неофициально, если кто сюда и доберется, то мне плевать. — Судя по звукам, командир поменял обойму в крупнокалиберном пистолете, после чего продолжил размышления вслух. — Начальство мне за это только спасибо скажет, даже если кто и настучит. А притащи я тебя на базу, разбирательство начнется; выяснится, что тебя мордоворота кто-то мучил и обижал. Из-за притеснений ты, понимаешь, и дал деру из части. Правозащитники полезут, политики, всякие бл… пардон, дамы сердобольные. Про меня еще напишут в газете, что я злодей, жизнь тебе сломавший.

— В свое время я от службы не летал, а теперь здесь по личному делу. Не застрелите вы меня, командир, — довольно уверенно произнес Василий. — Я ведь во сне буду являться вам, душить, пальцем грозить. А когда помрете, отбуксирую вашу душу в адское пекло, да еще стану лично угольки в плазму подсыпать.

Командир спрятал пистолет.

— Адское пекло здесь. Понял, земляк? Для всех, кто его заслужил… Ну, если ты не дезертир, чего здесь потерял?

— Я ищу одну вещь. Эта вещь — инструмент зла и патологии. Она уже понаделала много бед, а может устроить еще больше.

— Хилую ты себе легенду придумал. Или может ты

шизанутый, псих с пушкой? Что за зло такое?

Василий, конечно, не мог рассказать случайно встреченному человеку все подробности, да и вряд ли бы тот поверил.

— Большее чем то, что мог сделать человек сам по себе.

— Ты можешь мне назвать то, что является одним только злом и одним только добром? Чтобы грохнуть злодея, который грохнул тысячу невинных людей, приходится грохнуть за компанию еще тысячу невинных людей. Да и что такое невинный человек? Агнец ли он или безвольная подстилка для всяких говнюков? Зло никогда не стоит отдельно, на то оно и зло. Оно всегда скрывается в гуще добра.

— А откровенная бессмыслица, смешение всех и всяческих граней, энтропийная смерть, полный хаос, превращение одной тысячи изобретателей и рационализаторов в одну тонну натуральных удобрений?

— Ты, конечно, можешь назвать злом такую вот натуральную хренопень, но и она может принести кому-нибудь добро. Твоя тысяча изобретателей может может превратить в дерьмо всю планету, а из одной тонны дерьма может быть получен какой-нибудь сногсшибательный антибиотик, который спасет от всех болезней. По-моему смысл и бессмыслица — как мужик и баба на кровати, то один наверху, то другая.

— Да вы философ, командир.

— Приходится, земляк.

— Отпустите меня, майор. — попросил Василий.

— Откуда ты знаешь мое звание? — несколько опешил собеседник.

— У вас на лице это написано, впрочем, я его не вижу… Если в мой организм вживлен маячок, то у вас могут быть неприятности из-за меня.

— Неприятности могут быть только у тебя из-за нас. А с твоими «жучками» мы быстро разберемся. Эй, Чернов, проведи-ка сканером по пленному.

— Да я не пленный.

— Пленный лучше чем покойный. — резонно заметил майор, а некто Чернов, возникший громоздкой тенью, просто провел рукой — в перчатку у него, наверное, был спрятан детектор.

Активное сканирование дало утешительные для всех результаты, хотя Василий знал, что возбуждение молчащих датчиков не всегда срабатывает, особенно это касается киберорганических «жучков».

— Двинулись, — велел командир, — Касьянов вперед, Чернов замыкает, нового члена команды навьючить так, чтобы ему тошно было.

И тут Василия пригнули к земле рюкзаком кило на пятьдесят, причем сказали, что там взрывчатка, поэтому бросать не рекомендуется. Поскольку земля тут же встала под углом в тридцать градусов, то от нее до носа оставалось не более двадцати сантиметров. Впрочем, ночью больше и не требовалось ввиду отсутствия бимонов.

— Я вам сочувствую, — сказал боди-комп, — но могло быть и хуже.

— Еще может быть хуже. Обидно будет, если меня пристрелят после того, как я в чью-то волю натаскаю этот чертов мешок.

Группа из семи бойцов и Василия двигалась на юго-восток — примерно в той стороне и располагался искомый аул. Время от времени командир доставал что-то, похожее на игрушечный самолетик и запускал в воздух — видимо для ведения разведки. К утру группа была километрах в шести от аула Очхой, хотя явно двигалась мимо него.

— Давайте здесь расстанемся, — снова предложил Василий командиру, чье лицо закрывали не легкие бимоны, а мощное забрало. — Вам прямо, а мне налево.

Майор отозвался не сразу, потому что, скорее всего, разбирался с тем, что выдавал ему подзабральный монитор.

— Куда торопишься, гражданин Рютин?

— В аул Очхой.

— Слушай, землячок, оставаясь с нами, ты рискуешь уцелеть, но прогулка в ту сторону будет для тебя недолгой.

— Вы устроите какую-нибудь мелкую гадость шахидам — и тикать. А мне… человечество спасать, — Василий неожиданно выпалил то, в что недавно совершенно не верил.

— И послали тебя тоже психи. По идее, мне бы надо поскорее избавиться от такого типа как ты, но все же… Я неплохо знаю эти горы. Я здесь уже три года свою шкуру под пули подставляю.

— А я тут побывал десять лет назад, и уже тогда мне этот солнечный край не шибко понравился. Осиным гнездом его назвать — и то комплимент получится.

Командир одобрительно покачал головой.

— Не знаю, кто тебя послал: ГРУ, ФСБ, психбольница имени Бехтерева или Красный Крест. Собственно, даже не желаю знать, у кого там мозги с катушек съехали. Меня другое интересует. На что ты надеешься, Василий?

— А вы?

— Вопросом на вопрос отвечать невежливо.

И майор впервые поднял забрало. Нормальное человеческое лицо. Только вместо глаз и носа какая-то аппаратура, даже в утренних сумерках заметны линзы микровидеокамер.

— Двадцать пять процентов черепа разрушено. Понял, Рютин, кто я такой, или еще нет?

Майор расстегнул молнию на правом рукаве. И стало слышно, как работает его рука. Были видны рычаги, шарниры, что-то вроде кривошипношатунного механизма, пучки синтетических супрамиозиновых мышц и «кости» из блестящего сплава, видимо титано-неодимового.

— Руку, земляк, я потерял в том же бою, что и голову. Весьма неприятно, когда в паре метров от тебя разрывается ракета и разносит тебя на несколько кусков. И это спустя неделю после переброски на Кавказ — фактически первая передряга. Я, как очухался, был уверен — войне моей конец, выпишут инвалидность, и остаток жизни пропердИ на стульчике возле туалета. Ан нет. После этого были еще десятки передряг… Сержант Чернов, расстегни-ка свой жилетик, не стесняйся.

Под жилетом, в районе сержантского живота, было что-то, напоминающее ракетную установку.

— Это вместо прямой кишки. А теперь, Чернов-красавчик, застегнись. И так далее, гражданин хороший, и в том же духе. Вот такой у меня эскадрон гусар летучих. Раньше инвалиды были обузой для министерства обороны, а нынче они первосортный стратегический материал… Экспериментируй с ними, насколько фантазии хватит, вс" равно этому разорванному разрезанному простреленному народу терять особенно нечего. Вот у нас тут и человекогнемет есть, так сказать Змей Горыныч, опять-таки пламенем пыхкает… Ну ты осознал все, да? Нас даже люди Хожи Ахмета боятся, поскольку знают, что Аллах любит нашего брата, раз мы живы до сих пор.

— Но сейчас многие пользуются вживленными и контактными киберустройствами, — напомнил Василий.

— Понимаешь, одно дело, когда мониторы прилеплены к нормальным зрачкам, и совсем другое, когда видеосканеры вместо глаз непосредственно общаются со зрительным центром мозга. Будь уверен, я вижу тебя совсем не так, как ты меня. К примеру, мне не нужны пространственные повторы, то есть, схожие или одинаковые видеозоны заменяются на спецсимволы и дополнительную информацию. Зато какие-то особенности в обзоре подкрашиваются, увеличиваются, показываются в разных проекциях и сечениях, сканируются в дополнительных диапазонах. Так что, когда мы гуляем по такой вот хитрой местности, моя голова работает куда больше чем твоя.

С этим тезисом Василий был не слишком согласен, однако спорить не стал.

— Искусственной рукой сложно управлять, командир?

— Да вот этими остолопами куда труднее. Имейся бы у меня, к примеру, механический хвост, то, после годичных психомоторных тренировок с фармакологическим закреплением, я бы им шуровал ловко, как заправская макака… Но ты, насколько я въезжаю, тоже парень с прибамбасами. Мы с этим в свое время еще разберемся, так что отпустить я тебя покамест не могу… Но бимоны верну, чтоб ты ненароком не ухнул в пропасть.

Весь день группа просидела между камней, а вечером снова двинулась в путь. Василий как ни старался, ни о чем не мог поразмыслить, он только боролся с дорогой и со своим свинцовым рюкзаком. Внезапно движение прекратилось и ишак-программист подумал, что это прекрасно. Через пять минут он уже думал прямо наоборот.

Группа российского спецназа встретила Хожу Ахмета с его шахидами раньше, чем ожидала. И это было минусом. Однако находилась она выше, и это, конечно, являлось плюсом.

Впрочем, когда мешок с Василия сняли и он огляделся, то уловил, что позиция спецназа не столь уж удобная. Боевики шли гуськом по тропе, но просматривалась она лишь частично, из-за того, что слева и справа ее заслоняли два утеса. Не было также известно, шастают ли поблизости другие басурманы и по каким маршрутам. Летучая видеокамера, конечно, сразу взмыла в воздух, но высота полета и разрешающая способность не давали большой определенности. Командир послал двух своих людей вниз, закрепиться поближе к тропе. Они начали стрельбу позже и кончили раньше, потому что погибли минут через десять после начала боя.

А первыми в российской группе отработали солдаты, у которых искусственные глаза-видеосканеры одновременно были прицелами. Снайперы сразу убрали своими бесшумными винтовками четырех или пятерых шахидов, но остальные залегли и, затерявшись среди придорожных камней, стали совсем неприметными.

Тут уж загавкал автоматический гранатомет командира и зашипела ракетная установка сержанта Чернова. Расщепляющиеся ракетные боеголовки с самонаводящимися элементами и противопехотные гранаты, начиненные игольчатыми зарядами, обдали камни огнем и металлом.

Василий видел, как приподнялся и рухнул один боевик, как разлетелся в ошметья другой. Стрельба с той стороны сразу стала пожиже. Однако уцелевшие шахиды быстро карабкались вверх по склону. Они по-прежнему теряли людей, но быстро покончили с теми двоими, которых майор выдвинул вперед. Вскоре на позиции спецназа стало припекать. Несколько иголок царапнули

камень рядом со сжавшимся организмом Василия. Лежать так беспомощным студнем — это было не только малоприятно, но и еще и пережигало нервную систему.

— Е-мое, подкиньте мне какую-нибудь стрелялку, — крикнул он расположившемуся неподалеку майору.

— Чтобы ты нам в спину зафитилил? — севшим голосом отозвался тот.

— Через пять минут у вас каждый стрелок будет очень важной персоной.

— Через пять минут и посмотрим.

— Если будет чем…— Василий затораторил горячо и настойчиво. — Я выполнял боевое задание в ауле Очхой еще десять лет назад. Но тогда кое-что не доделал, и мне теперь обратно. А не спится мне все по той же причине — инвалид я вроде вас, а может и похуже. Во мне сидит тварь, которую можно попросту именовать драконом. Я субъективно пострадавший, но зато способен найти все три части Яйца. А «желток» — это старинная сабля по имени «Зульфикар», то есть резонатор руководящих и направляющих сил, благодаря которым стервы-лярвы рванут во все стороны по каналам ускоренного времени. Я не знаю, зачем все это говорю, но я знаю, кому эта штука может послужить, и я знаю, как она сыграет, когда окажется в умелых руках паскуды, чтО тогда принесет она народонаселению! Хаос, тьму, энтропию. Короче, многим не поздоровится, может и твоей родне тоже, майор.

— Хватит трепаться, псих, глюколов, — обрубил командир и перекинул Василию штурмгевер, хорошее простое оружие. — Но я за тобой слежу. И учти, стреляю я с обеих рук.

Василий действительно пригодился, когда враги — а тех было двое — ударили сверху. Теперь уже группа спецназа оказалась зажата огнем с разных сторон.

— Я попробую убрать эту парочку, — сказал программист, снова заделавшийся десантником, — пока она не трахнула нас в задницу.

— Ну что ты все треплешься, — мучительно отозвался майор.

Василий Самуилович решительно карабкался вверх, пока не понял — между ним и двумя шахидами осталось метров тридцать отлично просматриваемого и простреливаемого пространства. Причем торчать на месте тоже не было смысла, противники приближались, зажимая десантника Рютина в клещи и ведя плотный огонь. Минута почти полной паники сменилась одной секундой прострации, во время которой он наконец почувствовал, как закипает ярость и в него вливаются силы, одного, двух, пяти видов — их скольжение по жизненным нитям завершилось

вспышкой.

Итак, тридцать шагов в направлении «на восемь часов» — там утес стоит, и уступы на нем как ступеньки. Если до него добраться, вскинуться наверх, то уже он, Рютин Василий Самуилович, господствует над местностью.

Василий дал длинную неэкономную очередь из штурмгевера и рванул. Шахиды предоставили ему паузу в две секунды. А потом огненная змея скользнула слева, что-то разорвалось справа, ударив будто шпалой по ногам. Он устоял и даже обернулся. Один из шахидов, привстав, целился в него, но Василий выстрелил первым и попал. Тело врага, пуская дымный след из дырки в груди, отлетело назад. Второго противника Рютин не видел до той поры, пока тот не высунулся из-за каменного выступа, придающего утесу вид брюхастого мужчины. Расстояния оставалось не больше пары метров. Боевик был вооружен пистолет-пулеметом, а десантник-программист только длинноствольным штурмгевером, стрелять из которого казалось не слишком сподручным. Свинцовая плеть неприятельской очереди уже хлестнула по ближайшему камню, когда Василий, ухватив свою винтовку за ствол как шкворень, шарахнул неприятного человека прикладом по руке.

Оружие у него вышиб — это было плюсом, а минусом стало то, что шахид своей второй рукой, сильной как кран, перехватил приклад, направил ствол в Василия и выстрелил. За мгновение до этого программист-василиск увидел пространственную складку, которая захватила его и намертво привязала к этому чертову стволу.

Кто виноват — ясно. Но неужели ничего нельзя поделать? Ну, еще вздох, еще. Что-то слабо здесь с подножным кормом, в смысле с первородной хрональной силой. Мало огня, мало. Удалось лишь немного пережечь пространственный диаметр складки, сузить ее, исказить, но до схлопывания еще далеко. И поздно уже.

Сокрушающий удар пришелся на правую часть груди. Выстрел отбросил Василия в сторону, приложил-припечатал к каменистой земле и с первым же вздохом (человеческим, не драконьим) он понял, что повреждено легкое. А с первым выдохом увидел кровяной сгусток, медленно вылетающий у него изо рта.

Враг, полностью завладев винтовкой, снова наводил ее, чтобы покончить с лежащим Василием. Враг, скотина, уже торжествовал. Ярость, конечно, клокотала в василиске. Чувствительные отростки прощупывали пространство, челюстеруки выискивали жизненные нити, переднехвост пытался

отсечь время. Нет, ярость не столько клокотала, сколько тихонько булькала, она не была столь насыщена силой, как раньше. Ничего пока не получалось, хотя до развязки оставалось совсем немного. Он не чувствовал подруги, которую можно было бы разорвать, купаясь в блаженстве, и поэтому ярость была хиленькая дежурная.

Впрочем, какая-то дверь открылась и какой-то канал нашелся. Он вроде ничем не отличался от других, но, с другой стороны, казался более устойчивым и важным, словно был стволом, в то время как остальные — прутиками на нем. И уводил он незнамо куда. Василий понял, что те чудеса, которые с ним случались раньше были просто подарком, а теперь он должен или загнуться, или стать ДРУГИМ, потому что меняется тот, кто живет в нем. И тогда жизнь гражданина Рютина продлится, хотя это будет уже совсем другая жизнь, и не совсем его жизнь, и какая-то полужизнь, может даже говно-жизнь.

Он, открыв эту дверь, влетел в канал и, когда вышел из него, стал взрослым драконом. Не ярость и ненависть могли принести теперь победу, а уверенность в том, что принадлежишь Пути. Притом где-то вдали даже замерцала любовь. А враг сейчас оказался перед ним как на ладони.

Сверкнул переднехвост, обрезая хрональные шнуры боевика.

До вражеского выстрела оставалось совсем немного, какие-то сотые доли секунды, но шахид словно влип в смолу.

Выдох — и клубок пространственной энергии, прокатившись по хрональному шнуру, образовал канал ускоренного времени.

Под рукой лежащего Василия оказался один из великого множества камушков.

Челюстерука обрезала все жизненные нити врага.

Василий сжал камень и хотя боль сверкнула, пронзив насквозь грудь, швырнул его.

Потом он уже понял, что камушек попал врагу прямо в окуляр инфравизора и, видимо, осколок повредил глаз. Такое везение часто бывает в кино у положительного героя, но в жизни, скорее, у отрицательного.

Шахид взвыл и, конвульсивно вздернув дуло, выстрелил. Василий прянул вперед — пусть даже боль занималась гастрономией в его груди, и, крутанувшись, подсек противника ногой. А когда тот упал, шарахнул его другим камнем, поувесистее.

Василий не стал проверять самочувствие захрипевшего шахида и ринулся вниз, невзирая на то, что в груди как будто работала сотня маленьких гестаповцев. Однако при этом он уже не слышал свиста, воздух вроде уже не выдавливался через

дополнительную дырку в его теле.

Бой, как вскоре выяснилось, стихал, лишь издалека доносились редкие выстрелы, направленные незнамо куда. По пути Василий наткнулся на уцелевших спецназовцев.

— Куда ты, неугомонный? — спросил майор, явно не собираясь удерживать его силой.

— Спасибо за приятный вечер, но теперь мне точно с вами не по пути.прохрипел Василий.

— Я не хочу навязывать тебе компанию, — сказал командир, оценив кровь на жилете Василия и в углу его рта, — и не могу предоставить медсестричку в коротком халатике, но сержант Чернов способен сделать тебе дренаж и перевязку.

— Нет, спасибо, дренаж не нужен, у меня там, в натуре, уже не свистит, значит пневмоторакса нет. Перевязку сам сделаю, только потом. А сейчас я не могу их потерять, шахидов этих моторных, которых мама через попу родила. Если не жалко дайте мне индивидуальный медпакет первого класса.

— Вообще это дорогое удовольствие, но поскольку трем нашим он уже не понадобится… Чернов, поделись с товарищем.

Хмурый сержант сунул Василию медпакет в камуфляжной упаковке.

— А мое взрывное устройство и прочие снасти? — не унимался вольный охотник.

Другой солдат притащил мешок, куда были сложены изъятые у Василия «снасти», включая самонаводящуюся мину «таракан».

— Как зовут вас, командир?

— Слава. Слава из Питера.

— Да постигнет вас мирская слава. Пока.

— Истинно говоришь. До встречи в лучшем из миров.

Два могучих инвалида пожали друг другу руки и разошлись, Василий, сразу уколовшись обезболивающим и противовоспалительными средствами, потащился за боевиками. Он едва не потерял детей и внуков гор из виду, но потом все-таки заметил спину замыкающего. Двигались они не слишком быстро, видимо, тащили раненых, поэтому он сумел не отстать, тем более что терзающая боль уже не возвращалась к нему. Разок принялись шахиды стрелять, но совсем не в его сторону — верно, что-то почудилось с недосыпу. К рассвету боевики Хожи Ахмета добрались до аула — а это был тот самый Очхой — и Василий подобно вампиру при свете солнца стал искать себе какой-нибудь склеп. Нашел его в засохшем колодце, который в значительной степени был завален банками из-под колы и пакетами из-под чипсов — все это барахло накидали доблестные джигиты, не имеющие малейшего понятия об экологии.

В колодце Василий смог, наконец, расстегнуть свой жилет и рассмотреть последнюю рану. Он приготовился увидеть что-то страшное, но это оказалось еще хуже, чем ожидалось. На груди вовсе не было раны глубокой, вместо нее имелся розоватый нарост, напоминающий блин или даже медузу.

«Ну, брат, договорились же теперь ничему не удивляться, — сказал он сам себе, — вот если бы у тебя два члена выросло, тогда другое дело.»

Сказал это себе Василий и удивился, насколько фальшиво звучит внутренний монолог, насколько неестественным стал весь его психологизм. Похоже было, что психологизм вообще рассчитан на самый естественный ход вещей, а без такового начинается антипсихологизм и бред.

Конечно же, страдалец попробовал оторвать этот чертов блин. Но «блин» прилип намертво, как будто от того зависела его собственная жизнь. Когда же удалось немного сковырнуть его с одного бока, то стали заметны липучки, которыми он цеплялся за кожу, а также ножка, которая тянулась от него через отверстие раны прямо внутрь тела. Дыра явно не нуждалась в перевязке, но Василий решил еще немного посидеть без жилета и понаблюдать, невзирая на изнурительное отвращение.

Заодно он проверил, как работает работает дермопласт на другой ране. Работал тот недурственно, что можно было уже оторвать и выбросить его вместе со следящим микрочипом — быстро заросло, причем без всякого «блина».

После этого Василий взял пробу крови тестером, имевшимся в медпакете. Невзирая на пробоину в груди, анализ показал, что количество лейкоцитов близко к норме и СОЭ не более того, что бывает при простуде; лишь некоторое увеличение уровня лимфоцитов намекает, что произошла неприятность.

Похоже, что я действительно стал ДРУГИМ. Эта мысль была на вкус как стальное лезвие.

Часа через полтора края «блина» стали сворачиваться к середке, отчего получил он сходство с цветком. Потом цветок сделался бутоном и, съеживаясь, принялся протискиваться вглубь почти заросшей раны, как будто хотел спрятаться от нескромных взглядов. Под конец он оставил снаружи лишь нечто, напоминающее клапан. Василий сделал на всякий случай положенные по инструкции противоспалительные уколы, и абзац — лечить больше было нечего. Как будто полный ажур. Новый анализ крови показал лишь небольшое снижение уровня некоторых жиров в крови?.

Но вот Василий поводил вдоль себя ручным медсканером и несмотря на его низкую разрешающую способность увидел

животное в своей груди. Именно животное. Оно шевелило щупальцами в районе раны, пульсировало и постепенно уменьшалось в размерах. Василия опять затошнило, он стал ощущать себя просто пустышкой, клеткой, гнездом для проживания долбаной твари. Вот тебе и новый Путь. Путь превращения в выеденную изнутри корягу. Теперь, когда дракон внутри него стал другим, наверное взрослым, Василий уже не чувствовал прежнюю заводку, прежнюю ярость и ненависть, которые помогали ему «уживаться» с паразитом, а может и симбиотом.

Нет, все таки эта тварь — паразит. Она не человеку продлевает жизнь, а своему двуногому гнезду. Самое обидное, подумал Василий, что он запродался твари со всеми потрохами фактически добровольно, мог бы даже и соответствующий договорчик подписать. Теперь ящерица сгрызет его изнутри на совершенно законных основаниях.

А как же иначе. Чем же она еще может питаться? Только собственным телом Василия. И тут, словно в ответ на его скудные мыслишки, драконья структура выбросила наружу длинный щуп, похожий на хоботок, да еще прямо через клапан, прикрывающий рану. Но не стала обдирать мох, растущий на стенках колодца, не начала вгрызаться в Василия со стороны филе.

Воздух зарябил вокруг щупа, затем по нему как будто спазмы прошли. Возможно, тварь хотела показать, что ее пища не от мира сего. Или демонстрировала, что ест только тогда, когда работает. Но вдруг обманывает? Мох, ясное дело, она не жрет, брезгует, а значит ВСЕ-ТАКИ готова высосать его, как паук, выхлебать, как личинка мухи, обескровить, как пиявка, выгрызть, как минога.

Паника накатывалась на Василия горячими волнами, и одновременно он замечал, что из раны вновь начинает сочиться кровь, прямо даже с пузырями, и тяжесть с давлением распространяются по груди, и боль шевелит ядовитыми желтыми головками. Василий понял: еще немного, и рана вскроется, тогда он получит все то, что заслужил. Твари не нравится недоверие.

Он принялся делать перевязку, вполне соображая, что с пневмотораксом ему не справится, ну и с дренажом, само собой.

Когда стрелка страха дошла до предела, воздух словно натянулся и стал напоминать ткань, а сквозь нее проступили черты какого-то лица! Потом и вовсе прорвалась сквозь барьер целая голова, знакомая голова, Акаевская.

— Так вот ты где, паршивец. Появляешься и исчезаешь, когда захочешь,в сердцах крикнул Василий.

Но тот отозвался совсем уж недетским тоном:

— Ну что ты, дядя Вася, меня позоришь. Я ведь твой

СМОТРИТЕЛЬ. Однако не могу кидаться тебе на помощь, едва ты сдрейфишь. Это ведь, извини, расходы, причем не маленькие, причем в галактической валюте, базирующейся на запасах неодима и титана. Сейчас у меня, правда, скидка за короткий визит. Так что давай по-быстрому переговорим… Тебе уже не надо бояться того, что внутри тебя. Теперь ты носитель вполне взрослого дракона, который включается и заводится не от ярости, а от любви. Он будет искать самку совсем другого типа, а когда отыщет ее, то претерпит некоторое преобразование и уйдет вдаль. Вскоре тебя ожидает противник, гораздо более опасный чем Саид. Он умеет управлять своими членами и своей злобой. И у него тоже есть смотритель.

— Слушай, немедленно вылезай из-за этой простыни и объясни все толком. Хватит с меня этих намеков и полунамеков. Ты же, наверное, достаточно накачан информацией, если пасешь такого олуха, как я. На кого я работаю? Кто против, кто за? Что задумали «наши», что предпримут враги? Чем это кончится для меня? Какой теперь нрав у моего дракона?

Но Акай, похоже, не считал нужным отвечать на вопросы, он замотал головой и постарался по быстрому убрать ее. Однако Василий сразу сунулся следом, в еще незаросшую пространственную щель. Впрочем, в прореху опятьтаки попала лишь его голова. В целом он был остановлен пространственным натяжением, но какой-то наблюдатель выплеснулся из его черепа и полетел дальше по каналу между огромных глыб-сегментов. Складка разгоняла его все больше и больше, и вот уже родной отечественный мир остался позади какойто пенкой.

В некоторый момент канал даже показался щупальцем огромного спрута, которую там и сям покрывала словно бы плесень — но Василий уже знал — это целые миры, конечно же достаточно плюгавые в сравнении с огромным организмом Вселенной.

Маленький, большой, расстояния, время — все эти количественные показатели сейчас играли мизерное значение. Акай нынче был гаденышем— симбиотом, крохотным поводырем, плывущим около носа. Какая-то едва заметная бульбочка вдруг взорвалась, заливая взор невыразимой пестротой красок. Вернее, она развернулась, мгновенно поглотив путешественника и превратив его в песчинку.

И тогда Василий увидел странный мир. Он состоял вначале из неделимых переливающихся красок, потом стали различимы объекты. Наблюдатель Рютин долго не мог подобрать им научного названия, но потом вспомнил — это амебоиды, Пузыри; только были они, как ему показалось, здоровенные, словно тучи.

Здесь дули сильные ветры в среде, более густой чем воздух, кипящим котлом обрушивались грозы, били молнии с толстыми и быстрыми электрическими телами, а снизу, сквозь гущу океана светило и грело солнце недр…

Эти амебы были разумны — внутри них находились инкременты явно искусственного происхождения. Одноклеточные жили по-городскому, по— государственному, образовывали сияющие сложносимметричные скопления, имеющие вид многоцветий.

Они любили друг друга — слипались по трое, попятеро, сильно сдавливая друг друга, причем одни явно играли роль копулятивных посредников и поглощались другими. Амебы размножались, выбрасывая соцветия мальков-пузырьков, которые сразу же приклеивал к себе Пузырь-няня.

Амебы воевали друг с другом. Отстреливали искусственные инкременты, которые превращались в огненные шары — и те, «попав по назначению» сжигали или раздирали неприятелей в клочья. Разлетались обрывки многослойной метализированной оболочки, фонтаны брызг и пара, тлеющие инкременты, сплетения извивающихся трубок. Бывало, что Пузыри незатейливо вступали в ближний бой, стараясь проникнуть друг в друга и разорвать изнутри.

— Это соперники землян. — поведал смотритель Акай. — Они почти такие же, как вы, только не многоклеточные, а одноклеточные.

— Ну да, совсем небольшая разница, — откликнулся с ухмылкой Василий. Сейчас он вместе с поводырем-смотрителем находился в каком-то неясном, неосмысленном пространстве, а наблюдаемая форма жизни, казалось, находилась на предметной стеклышке микроскопа.

— У них тут сильные ветры под тысячу кэмэ в секунду и грозы на гигаватты разрядной мощности, так что многоклеточная жизнь не получилась… Я еще плохо выражаю словами то, что мне известно. Драконье Яйцо пришло от них, от этих амеб — так они решили подгадить Земле.

— Все это хорошо и прекрасно, но ведь Яйцо не имеет прямого отношения к амебам, скорее уж к драконам — ты ведь знаешь, Акай, о ком я говорю.

Смотритель конечно же знал.

— Ну да, оно не имеет непосредственного отношения к нашим любимым Пузырям. Те просто воруют Яйца у другой формы жизни, у бесхитростных животных, обитающих в Большом мире. Ну и используют в своих целях, которые по отношению к землянам безусловно являются пакостными.

— Я, естественно, хочу спросить, почему же Яйцо дракона не похоже на куриное, или там крокодилье, почему оно имеет вид трех предметов?

— Превратности эволюции, дядя Вася. Наследственная информация и энергетика не имеют в цикле драконьего размножения постоянного биологического носителя. Они записываются и аккумулируются в разных подходящих предметах. А потом могут перезаписываться и перебрасываться. Даже, когда уже идет процесс лярвации, то есть деления Яйца.

— А человеческий организм является подходящим предметом?

— Точно, угадал, дядя Вася. Хотя тут есть свои тонкости — драконья структура ведь начинает использовать твой генный механизм…

— Ага, это я знаю: Нох-гены.

— Так вот эти звери, даже когда еще во младенчестве-лярвачестве, являются свирепыми, хищными и пользы от них добиться трудно, а вред завсегда пожалуйста. Что и нужно Пузырям. Людям приходит каюк, а их хрональная сила, иначе говоря, энергия «негантропийно-холистической дифференциации», это что-то похожее на китайскую ци, перекачивается через драконов именно Пузырям.

— Значит я могу только вредить Земле?

— Наоборот, лярводракон повзрослел и при том не распатронил тебя. Напротив, у вас теперь настоящий симбиоз — любо дорого посмотреть. И МЫ помогли вам в этом.

— Ты и Умай — в одной конторе деньги получаете за надзор и присмотр?

— Не совсем деньги, не в совсем конторе, но получаем. — признался смотритель.

— Ну и здорово же ваша «не совсем контора» присматривает! Вон как драконье Яйцо перепортачило всю историю моей родной планеты. Чего, думаешь, мне за Землю не обидно?

— Контора следит только за тем, чтобы не случилось глобальной катастрофы и предотвращает ее, когда она почти неминуема. Принцип минимального вмешательства. — с осознанием собственной несуетливости произнес Акай.

— И что же, сейчас глобальная катастрофа почти неминуема?

— Да, и вероятность ее за последнюю неделю увеличилась на десять процентов.

Василий попробовал осознать, как отражается в нем неминуемость глобальной катастрофы. Да почти никак. Он-то вообще может сыграть в ящик каждые пять минут, так почему же другие земляне должны проживать в уюте и безопасности?

Почему это они должны волноваться только за стоимость литра бензина и бутылки пива? Но тут Василий подумал о своей худосочной семейке и нашел силы испугаться.

— Это паршиво, парень, пардон, херр смотритель. И ваша, и моя бурная деятельность ни к чему не приводит?

— Это неплохо, дядя Вася. Априорное увеличение было пятнадцать процентов и делало окончательную катастрофу совершенно неизбежной. Сейчас мы выровняли кривую, и это плюс. А минус — это то, что надеяться тебе не на кого. И те, кого ты считаешь врагами, и так называемые друзья выполняют волю Пузырей.

— Отлично, я вдохновлен. Наверное, у меня сейчас откроется второе дыхание и я превращусь из дракона обыкновенного в гигантозавра-фаллозавра.

— На это не надейся. Ты тоже на пределе возможностей.

— Как же мне тогда выкрутиться? Почему я вообще я попал в такую жопу и зачем мне все это надо? — дал выплеск эмоциям Василий Самуилович. — Мало того, что лично я страдаю из-за враждебности окружающих, из-за отсутствия пива и сигарет, мне еще положено переживать за все человечество. А я очень сомневаюсь, что оно отвечает мне тем же. Если бы я еще ехал на белом коне и меня без передыху показывали бы ведущие телекомпании!

— Не стонать, дядя Вася. Ты мог прожить нормальную жизнь нормального человека, и в положенное время, по команде очередного большого начальника, отправиться на Колыму, или в газовую камеру, или на какую-нибудь войнушку с тремя патронами в кармане, или мирно испустить дух через задницу в какой-нибудь загаженной переполненной больничке эпохи застоя, или получить бандитское перо в брюшко во время очередной смуты. Но ты стал избранником… И согласно параграфу «первичные люди» галактического закона о «катастрофах у приматов» тебе положена помощь класса «смотритель-отвратитель»… Перевод терминов, конечно, достаточно условный.

Василий-наблюдатель уже потянулся назад, потому что сила натяжения обернулась в другую сторону.

— Погоди-ка, Акай, притормози, а как ты, такой маленький, попал в смотрители?

— Кураторы меня приметили во время той заварухи на скалах. Я ведь потомок Ибн-Зайдуна по линии «кси», а он тоже был «смотрителемотвратителем». Маленькому даже легче продвинуться, но конечно после лобонобилизации в камере временнОго ускорения.

— А кураторы это кто?

— Это псоглавцы, в честь которых были сотворены собаки. Именно они протащили закон о «катастрофах у приматов» и добились…

Ответ, едва начавшись, закончился, похоже, что Акаю заткнули рот.

А Василий в итоге целиком и полностью оказался в своем заброшенном колодце.

На горы уже вовсю наползала темень. Василий выбрался из колодца и направился в сторону аула. С каждым шагом путник все больше восстанавливал в голове свой маршрут десятилетней давности; не столько кора мозга вспоминала, сколько ноги, спина, мышцы. Вот уже завиднелся яблоневый сад, где ему в прошлый раз так хотелось хрумкнуть искушающим плодом.

Впрочем, Василий все время ожидал внезапной и не слишком радостной встречи с шахидами, поэтому испытывал страшную нервотрепку. Но один вражеский пост он преодолел довольно спокойно. Двое тяжеловесных лохов сидело под скалой. Казалось, самое лучшее — прошмыгнуть мимо них по-тихому, без излишнего шуршания.

Однако чувствительные отростки прощупали складки, и все они вели через пост. Василий-дракон аккуратненько, переднехвостом, повредил временной шнур одного из шахидов. Тот вдруг почувствовал экстраординарный позыв к мочеиспусканию и, когда отошел отлить, получил прикладом по уху, свалился и затих. Второй, не дождавшись товарища, отправился проведать, не случился ли с тем обморок. Ведь у исламистов тоже случаются обмороки, если они предположим целый день постились, а после захода солнца пережрали и перетрахались. Около кустов второй шахид наткнулся на дуло пистолета с глушителем, который Василий позаимствовал у первого шахида.

На голову испуганного храбреца была возложена граната (тоже трофейная), без чеки, от нее протянута леска, которая перекинута через сук и привязана к сложенным за спиной рукам. Одно движение рук и голова серьезно пострадает: простые мысли разлетятся вместе со сложно устроенными мозгами.

(Наверное, надо было грохнуть этого воина недрогнувшей рукой, но Василий еще не приучился убивать ради пользы дела.)

Следующий патруль Василий миновал без соприкосновения. Если точнее, шахиды благополучно прошествовали рядом с его головой, прикрытой охапкой прелой листвы, а электромагнитный интерфератор, встроенный в жилет, выдал биоволновую картинку, характерную для муравейника.

Дорога вниз по склону уже никем не охранялась. Правда, в саду бегало несколько злых собачек, но их удалось быстро без всякого хая и лая отправить в собачий рай — пригодился трофейный глушитель. В дальнейшем, по счастью, удалось соблюсти интересы младших братьев. В одном из бесчисленных карманов жилета заработал флаворизатор, который заставлял Василия пахнуть примерно как дерево, что было совершенно неинтересно псам и анализаторам запахов. Лишь один раз какой-то лохматый барбос писнул авантюристу-программисту на ботинки.

Он пробрался известной ему дорогой до глинобитного сарая, за которым начинался терассчатый двор. Здесь ему помогли густые кусты, которых давно не тревожили садовые ножницы. Но за следующим забором Василия ожидал сюрприз, да еще какой. Диверсант сперва страшно растерялся и стал грешить на оптический обман — за распаханной полосой нейтралки высилась бетонная стена неприступной крепости!

В первую очередь Василий поразился тому, что не заметил ее, наблюдая со склона. Только через минуту он усек, что виновата маскировка — ведь и стена, сделанная из толстого бетона, и то, что находится за ней, практически незаметны с большого расстояния. Ее кремнепластиковое покрытие имеет маскировочную стереораскраску, которую меняет, приспосабливаясь под время дня и года. Да еще и рельеф местности благоприятный для таких трюков.

До стены было метров сорок, безнадежные сорок метров. Василий вернулся обратно к сараю и залег в лопухах, пахнущих кошачьей мочой, под его дощатой стеной. Затем пришел в полное отчаяние из-за полного отсутствия идей. Он не мог двигаться вперед и не знал, куда идти назад. Тогда Василий решил пообщаться с боди-компом, которому было, конечно, далеко до прежней «группы товарищей». На все жалобы бесстрастный советник отозвался весьма равнодушно:

— В природе не бывает замкнутых систем. Из этой самой крепости чтото выходит, например, дерьмо, и что-то входит, допустим, еда. Значит, уже два канала имеются.

— Но я не могу войти вместе с едой, потому что у меня невкусный вид, и не могу заплыть, преодолевая встречный поток дерьма.

— Почему нет?

От небесных явлений невозможно скрыться нигде — потихоньку занималась заря. Василий отдыхал отнюдь не в самом лучшем месте и ведать не ведал, как станет скрываться днем. Но отсюда ему был виден приличный кусок крепостной стены и

проходящей мимо дороги. По ней проехал микроавтобус, прямо к видневшемуся участку стены, и она открылась в том месте, где, вроде, и ворот никаких. Ее блоки взяли и разошлись в стороны, через образовавшуюся прореху был виден охранник вместе с постом электронного контроля.

Интересные мысли не возникали еще минут двадцать, пока к крепости не стала подкатывать другая машина, Василий заметил, что она на повороте не только сильно сбавляет ход, но еще и проезжает впритык к кусту орешника, задевая его бортом. А от куста до ворот остается шестьдесят метров.

— Как ты думаешь, бодин сын, можно ли уцепиться за днище проезжающей машины, ехать там минуты полторы без билета и остаться при этом молодым и здоровым?

— Конечно. На днище полно неподвижных деталей. — поддержал идею боди-комп. — Уголки крепления и так далее. Впрочем, сгодится для этого дела только грузовик, но и у него под передний мост лучше не соваться. Еще не советую цепляться за редуктор, он слишком большой, и за рессоры — может пальчики раздавить.

— Такое впечатление, что ты там ездил. Ну а потом, если допустим, я докачу?

— Потом сориентируетесь, Василий Самуилович. Там, внутри, возможностей будет больше.

— А потребностей меньше. Какие могут быть у трупа потребности?

В любом случае, надо было действовать в темпе. Уже светало, а просидеть целый день в кустах, да еще совершенно незаметно, мог бы только драный кот, а не такой видный мужчина как Василий Самуилович Рютин. Он прокрался в кусты орешника — бодик тем временем вывел на бимоны принципиальную схему автомобиля с особым выделением днищевой части. Не успел особенно ее поизучать, как стал подъезжать реальный автомобиль, и был это грузовик с парой задних мостов. Теперь оставалось сделать одно движение — и либо быть раздавленным как безвестный таракан, либо продолжить славный путь.

И вот уже шины вкрадчиво прошуршали по щебенистой дороге.

Рядом, но рано, еще рано, чуть-чуть рано, пошел! Бросок и перекат через бок. Неплохо получилось. Правда не обошлось без накладок. Задняя шина едва не отутюжила его ступню, однако бодик успел просканировать «живую» картинку и подсветил контурами неподвижные выступающие части. Василий ухватился руками, рывком подтянув ноги, и…

Есть контакт, сумел уцепиться за крепежные детали

отсутствующего запасного колеса, хотя конечности едва не сорвались и не превратились в бесконечности. А надо еще поскорее закинуть ноги на задний мост, чтобы на дороге не осталось две параллельные борозды.

Если раньше ему хотелось, чтобы машина ехала помедленнее, то теперь совершенно наоборот. Амуниция и тело в момент стали свинцовыми и начали отрываться от быстро изнемогших рук. Вскоре уже непонятно было где руки и суставы — желал разорваться весь организм.

Но вот машина, наконец, затормозила — значит, доехала, однако надо держаться, ворота еще только открываются.

Видно, как охранник топает своими ногами-столбиками. Ну, быстрее, скотина. Еще разговаривает, жопа, медленно и вяло. Так хочется растечься уставшей спиной по земле, а руки — они просто воют с надрывом. Водитель наконец помилосердствовал и двинул вперед. Когда это произошло, Василий подумал, что и охранник — хороший парень, ведь мог же и под днище заглянуть. И вот конечная остановка. Хлопает дверца, водитель шаркает ногами по гравию — они удаляются вместе с сапогами и всем остальным хозяйством. Руки и ноги Василия расслабляются, спина шлепается на грунт, отсчитываются секунды райского наслаждения. Он сам себя вырывает из рая, за несколько перекатов сместившись к мусорному баку.

С другой стороны бачка какие-то люди разговаривают на малопонятном даже для бодика языке. Если бы они сейчас зашли на эту сторону, ниндзя-любитель не смог бы сопротивляться, потому что не был драчуном да и вообще устал; однако же, те удалились с миром. Василий прополз еще немного вперед, а затем осторожно выглянул из-за крышки бака. Взгляду предстал довольно большой двор, прикрытый маскировочной сеткой, ячейки которой все время расширялись и сужались, имитируя шевеление листвы. Какое-то приземистое бетонное строение выходило на него дверями. Кроме этих другие входы-выходы не проглядывались. Между тем и в имеющиеся двери торопиться было рано.

Десантник, как известно даже детсадовцу, это ночное животное.

Василий юркнул словно ящерица в наполовину заполненный бак и зарылся, будто змея, во всякий мусор. Будто та роковая змея, которая нанесла удар по нарождающейся российской государственности, укусив князя Олега.

Находится здесь было мучительно. Шахиды-моджахеды не соблюдали правила раздельного хранения пищевых и непищевых отходов. Они вообще соблюдали только правила шариата, да и то

не очень. Поэтому воняло немилосердно. Вдобавок с нарастающим энтузиазмом Василия садировало поднимающееся солнце, которое усердно разогревало бак, превращая его в сковородку.

Пытка без перерывов продолжалась весь день, и горе-лазутчику частенько казалось, что его поглощает горячий пузырь, заодно иссушает и мумифицирует — к вящему удовольствию собратьев-пузырей. Единственное, что порадовало Василия — ему не пришлось пИсать в штаны. Та самая нехорошая болезнь, которая заставляла его бегать в сортир каждые полчаса, теперь отступила, — и за это надо было благодарить омерзительную ящерицу, сидящую в нем. А может, не такую уж омерзительную. Может это, и в самом деле, симбиоз, взаимовыгодный обмен, разрядка межпланетной напряженности?

Когда бесконечная пытка закончилась — а это было вечером — Василий не сразу выплыл из полуобморока. А из бака он выбрался только ночью. И несмотря на четвертьобморок рванулся к запертым дверям. Тут и пригодилась паста, которая издавна хранилась в кармашке его жилета. Напустил ее в замочную скважину — а через минуту она затвердела, аморфная углеродная структура стала кристаллической алмазоподобной, и перекорежила замок.

Затем еще надо было протестировать дверь на наличие контактной сигнализации. Но дверь оказалась не слишком нашпигованной сигнальными устройствами — ведь самоуверенный враг находился в своем собственном логове. Так что Василий пустил несколько струек металлорганической жижи, которая соединила проводящими «сопельками» все контакты, и оказался, в итоге, в самом подсобном из подсобных помещений, где гнила картошка и прочие овощи. В следующей каморке ему повстречался человек, который рылся в коробе с морковками. Этот неприятель принял свирепый удар в затылок и откинул ноги. Для надежности Василий вколол ему снотворное и запихнул в ящик с плохими помидорами (шахиды явно не умели хранить продукты). Но перед тем стянул с поверженного овощеведа робу, подивившись волосатости оголенного тела и татуировке с изображением дедушки Сталина, который сосал что-то, похожее на трубку. Роба грузного кавказца, пришлась Василию впору, будучи натянутой поверх жилета.

Дальше — больше. Лазутчик возложил на плечо мешок с плохими овощами, чтобы не было видно искаженного волнением лица и вышел в коридор, уводящий куда-то вглубь крепости. В конце коридора, у лестницы, стоял человек на посту.

Тот только хмыкнул, когда Василий, тщательно маскируясь,

прошел мимо. Враг ведь был В СВОЕМ ЛОГОВЕ. Ниндзя сделал вид, что поднимается вверх, но едва часовой отвернулся, отправился вниз по лестнице. Именно это направление подсказал ему бодик.

Ниже уровнем был еще один коридор, очень модерновый, похожий на те, которые пересекают космические корабли, по крайней мере — в фильмах.

Василий прошел по нему метров двадцать и оказался возле какой-то двери с загадочной надписью "М". Тут его окликнули. Сзади приближался человек и говорил на одном из языков нахско-дагестанской группы, который по счастью, был хорошо понятен бодику.

— Что ты тут шляешься, Темирхан? Обкурился что ли? Тебе куда сказали тащить этот мешок?

В самом деле, человеку, даже опытному, свойственно видеть в непонятном явлении что-то знакомое и безопасное.

«Темирхан» проворчал в ответ нечто невразумительное типа «ляб-лябля». А когда человек приблизился достаточно близко, он получил свое. Василий лягнул его ногой в пах, а уже согнувшегося — ударил пыльным мешком по голове. «Вот такие теперь овощи вырастают», шепнул ниндзя Василий, напрочь вырубив очередного противника. Затем, тщательно обшарив тело, выудил несколько магнитных карточек. Впрочем, чтобы распахнуть ближайшую дверь с надписью "М", магнитный ключ не был надобен. Элементарно повернув ручку, десантник-лазутчик оказался в неприлично грязном — для штаба шахидов — сортире, куда и затащил вырубленного человека. Здесь Василий первым делом напился безо всяких обеззараживающих таблеток из ржавого крана.

Для надежности ниндзя-программист сделал снотворный укол поверженному врагу. А затем стащил с него френч, дивуясь волосатости оголенного жирного тела и татуировке с изображением усатого генерала Джохара, сосущего что-то похожее на волчицу. «Почему они все время что-то сосут? Ну прямо как малыши. Детки, которые не моют руки перед едой и чистят зубы кончиком кинжала.»— подумал попутно Василий Самуилович.

Френч, снятый с обширного горца, пришелся впору, когда был надет на жилет.

А магнитная карточка как будто пригодилась на следующей двери. Когда Василий вытащил ее из прорези замка, засветилась панель, на которой был изображен контур ладони. Программист понял, что нужно немедленно что-то приложить, иначе система поднимет вой и хай. Пришлось еще раз побеспокоить лежащего

шахида, выудив его из сортира и подтащив настолько, чтобы можно было притиснуть обмякшую ладонь. Система хотя и ругнула за неторопливость, дверь в секретный отдел таки распахнула.

Первым делом Василий затащил в открывшийся коридор поверженного боевика и захлопнул за собой дверь. Здесь тоже имелся сортир, только уже чистый, благоухающий, для избранных, туда лазутчик и сунул ненужного человека — спать в обнимку с унитазом. Но там же Василий встретил еще одного ненужного человека, сидящего на горшке — его пришлось бесхитростно застрелить из пистолета с глушителем.

Это было не по-джентльменски, но именно так поступают все настоящие ниндзя и прочие лазутчики.

Теперь можно было двигаться вперед. Коридор без всяких фокусов вывел Василия в небольшой полукруглый зал. Как будто входи и пользуйся чем пожелаешь. Но прежде чем туда вступить, ниндзя по совету бодика просунул видеодатчик на полугибком проводке и обнаружил надзирающую камеру в правом углу. Трофейный френч Василия, конечно, маскировал, но оборачиваться лицом в правый угол не стоило.

В зале, напоминающем рубку космического крейсера, были и пульты, и голографические экраны, и табло с множеством индикаторов.

Похоже, что за стеной пультовой располагалась какая-то важная лабораторно-испытательно-секретная зона, святая святых крепости. Наверное, там находился и пресловутый «белок».

— Вы должны выяснить, что там такое. — высказал бодик само собой разумеещееся.

— И с чем его едят. Скорее всего, с моим трупом. — злобно подхватил Василий. — Мне эту стенку головой пробить? Или может быть пердежом?

— Вскрытие произведут другие, — меланхолично заметил бодик. — После того как я с ними свяжусь.

— Что ты мелешь? Какое вскрытие? Во-первых тут все заэкранировано и ни с кем ты не свяжешься. Или ты собираешься названивать по междугороднему телефону? Ну, тогда звякни сперва тому мастеру, который тебя склеил, и скажи, что он мудак. Во-вторых, едва ты попытаешься сделать коннект, как меня засекут и бросятся всей оравой мочить…

— Какое неприкрытое невежество, — заметил боди-комп. — Во-первых, воткните мой мультиштеккер в любую электрическую цепь, неважно, высокочастотную или низкочастотную, и я ее использую в своих целях. Эта любая цепь не может быть повсюду заэкранирована, поэтому мне удастся произвести передачу и

прием сигналов. Возражение по второму пункту. Вы увидите, я это гарантирую, что после «вскрытия» исламистам будет какое-то время не до вас.

— Хорошо, уговорил. Сейчас я полюбуюсь, как ты поимеешь электрическую цепь.

Василий выудил мультиштеккер из бодика и поднес к электрической розетке — на глазах вилка-трансформер обрела наиболее подходящие размеры. После этого можно было ее воткнуть и без особой надежды подождать. Но вскоре по миганию красного индикатора Василий понял, что порция информации выброшена, а по ровному горению лампочки догадался, что получен ответный сигнал со спутника.

— Теперь небольшой антракт, — заметил бодик.

— А в следующей сцене за мной придут люди с большим серпом для отсекания яиц? Я понимаю, что ты железный, что ты электрический и не способен сопережевать, но тобой они, между прочим, будут гвозди заколачивать. — пострашал Василий.

— Надо подождать минут пятнадцать, — хладнокровно произнес бодик, не обращая внимания на злобные выпады, — и при этом не маячить. Ведь не исключено, что есть и резервная видеокамера.

— Да они и без камеры не оставят надолго без присмотра эту пультовую.

Неизвестно, кто из них оказался прав, но минут через десять Василий услышал, как открывается та, самая первая, дверь и кто-то входит в секретный отдел. Ниндзя на полусогнутых подбежал к выходу из зала и, тут в глаза бросились фигуры, направляющиеся прямо к нему. Обе стороны применили боевую мощь, в результате чего фигуры полегли. Все-таки они были более открыты, чем стреляющий из-за дверного косяка Василий.

Потом десантник-лазутчик потончавшим взором заметил еще одну дверь, ведущую откуда-то прямо в зал. Пришлось, оставив главный вход вместе с прилегающим коридором под прикрытием самонаводящейся мины «таракана», взять резервный на мушку.

Через несколько минут атака повторилась с двух сторон. Но не подкачал «таракан», сработавший по принципу «первого пропусти». Второго, третьего и четвертого боевика он подорвал в коридоре, а «первого» Василий кончил уже в зале. Заодно он грохнул и тех двоих, что пытались проникнуть через резервный вход. Впрочем, если бы двусторонняя атака немедленно повторилась, ему пришлось бы туго. Но тут начались переговоры. Кто-то заговорил через динамики вначале по-арабски, потом по-русски.

— Кто бы вы ни были, сдавайтесь. Мы гарантируем вам

жизнь.

— Ясно, жизнь после смерти мне обеспечена. — недоверчиво отозвался десантник, который, как и обычно, не знал, насколько ему хватит упорства и энтузиазма. — Прошу выдать на это гарантийный талон.

Пару минут был полный молчок. Василий старался держать под прицелом сразу два входа и понимал, что сейчас анализируется электронный слепок его голоса. Наконец, с ним снова стали общаться.

— Мы знаем, кто вы. Василий Самуилович Рютин, вами играют, вами манипулируют. Вы даже не понимаете, каким темным силам служите.

— А вы понимаете? — только и смог ответить Василий, ощущая свою уязвимость по данному вопросу. — А если понимаете, то почему они не научили вас спускать воду в туалете…

И уж совершенно неожиданно послышался голос тети Асии.

— Васенька, не надо, не вредничай. Прекрати стрелять, положи оружие. Тут достойные люди, и они не сделает тебе ничего плохого.

— Когда насильник уговаривает девушку, он тоже обещает сделать ей не плохого, а хорошего.

Раздался заливистый непринужденный смех Асии Раисовны.

— Ах, Вася, ты все такой же баловник. Но только не медли, сдавайся.

— А Виталий Мухамедович, то есть Мехмет Айдин, да погладит его туфля пророка, что мне обещает?

Снова небольшая пауза.

— Вася, сейчас он не может с тобой поговорить, но я уверена, что он хорошо к тебе относится.

И снова вмешался первый голос, на этот раз несколько нервозный.

— Рютин, у вас тридцать секунд на то, чтобы сложить оружие. Сейчас мы откроем еще один резервный вход, и вы будете уничтожены.

И в самом деле послышался подозрительный шум, намекающий на возню с каким-то замком.

Василий почувствовал испарину, ползущую по спине, он лихорадочно шнырял глазами, выискивая третий вход, и все без толку.

— Ну, бодик, брехун несчастный, они ведь и тебя будут мучить, ковырять, распаивать.

Вместо ответа боди-комп начал отсчет времени:

— Пять, четыре, три, два, один, вспышка…

И когда Василий подумал, что боди-комп, похоже, свихнулся (и сейчас объявит себя арифмометром «Феликс»), случилось небольшое светопреставление.

Даже с бимонами, даже улегшись плашмя, Василий был ошеломлен.

Невероятный выброс света. Брызги света, потоки и ручьи. Лазутчик подумал, что рядышком взорвалась атомная бомба и мысленно пробормотал только одно: «Лишь бы яйца не пострадали». Но потом понял, что после близкого взрыва атомной бомбы ни о чем таком уже бы не думал. Одновременно он стал различать фонтаны пара, дым, вонь, языки пламени. А когда поднялся на четвереньки и посмотрел вверх, то вместо потолка из конкрет-бетона увидел голубое небо. Имелась большущая прореха также и в ранее неприступной стене зала. Рядом с ней навалена была куча обломков с торчащими клочьями арматуры, проводов и кабелей, еще валялась пара присыпанных штукатуркой трупов. Василий их принял сперва за кукол, но это были высохшие до деревянного состояния люди — похоже, они упали сверху, а еще раньше свет вытянул из них всю воду.

За прорехой в стене открывались какие-то голубые сумерки. Там были видны модерновые стенные панели и легкие столбы, можно сказать в мавританском стиле. Оттуда веяло прохладой. Еще не успел Василий подумать о том, что удар был нанесен гамма-лазером с орбитального спутника, как в проломе появилась фигура. И стало ясно, что главным секретом этой зоны, этой святая святых, является вовсе не сабля пророка.

Здесь выращивали или делали необычных, ОСОБЫХ людей.

Почему особых?

Любой нормальный человек определяет нормальность другого человека по походке, выражению лица и тысяче других примет. Причем делает это машинально.

Также машинально Василий уловил — что-то тут не то.

Тот, кто первый появился в прорехе, улыбнулся, подхватил увесистый кусок бетона и швырнул им в Василия, ну примерно так как невоспитанный мальчишка направляет камушек в птичку-невеличку. Однако было это сделано с поразительной силой и точностью. Обломок пролетел в каких-то десяти сантиметрах от черепа и разбился в пыль о противоположную стену. Если бы Василий не присел моментом, а метатель не покачнулся бы на щербатом полу, то программистская голова превратилась бы в неорганизованное вещество, разбрызганное по помещению. Впрочем, летальный конец сильно напрашивался и после, так что Василий взял да и стрельнул в серьезного противника из штурмгевера.

Однако после первого выстрела ненормальный человек продолжал идти — с развороченной грудью. На футболке была дыра, в которую можно было вложить банку колы, однако кровь лишь слегка попортила одежду. Следующий выстрел снес ему полголовы, но он еще метнул камень, впрочем, уже не так точно. Казалось, этот необычный гражданин швырнул бы свою собственную башку, попадись она ему под руку — столь велика была воля к борьбе.

И только третий выстрел, почти в упор, остановил его. Необычный человек упал, выкинув свои узловатые пальцы в сторону Василия. Пуля-тарелка вскрыла его чрево. Открылась та еще анатомия! Человеческие внутренности типа сосудов, соединительной ткани, органов, костей, сухожилий, сочетались с какой-то волокнисто-пузырчатой структурой, скорее всего биополимерной, искусственного происхождения. Впрочем, волокна с пузырьками имели собственное движение и перли как черви наружу из уже мертвого тела — будто им вдруг надоело заточение. И в голове, помимо мозга, имелась схожая синтетическая начинка сетчатого типа, и ей тоже не сиделось на месте.

Тут Василий и восстановил в памяти якобы неудачный налет на екатеринбургский секретный завод «Три тройки», где разрабатывались органические киберимпланты.

Крови же из необычного человека и по сей момент вытекло немного, причем имела она голубоватый оттенок.

Василия отвлек от грустных наблюдений град камней, который быстренько организовали прочие спецлюди. К счастью, тупые предметы не были слишком увесистыми, и пока что жилет с капюшоном предотвращал серьезные увечья. Однако было ясно, чем закончится эта серия пенальти — «взятием ворот» и вытекшими мозгами. И разведчик Рютин, как говорится, вынужден был открыть ответный огонь на поражение.

Сильно усложняя ситуацию, со стороны спины появились шахиды, которые открыли безответный огонь. Василий пытался спрятаться за каким-то пультом, но вовремя покинул укрытие, потому что пульт тут же разворотило прямым попаданием гранаты. Тогда огорошенный лазутчик прополз к устоявшей части стены.

Она стала прикрывать сзади, а спереди его защищало несколько рухнувших железобетонных блоков. Он неплохо отстреливался через щели"бойницы", несмотря на что гранаты пытались пробиться к нему сквозь все преграды. Но Василий понимал, что если неприятель удачно засадит в «щель» или тем паче применит «умные» ракеты, тогда швах гарантирован.

К сожалению, неприятности начались много раньше, еще до применения ракет с интеллектуальными головками. Сверху, откуда-то со стены, спрыгнул еще один особый человек и вломил своей особой ногой. Хорошо, что Василий успел метнуться в сторону, и плохо, что сделал это не столько от ловкости, сколько от страха. Но, оказалось, новая позиция удобна для того, чтобы трахнуть необычного человека прикладом в челюсть. Однако тот был словно железобетонный, и едва покачнулся. Поэтому Василию удалось свалить его лишь ударом под колени. У необычного, так же, как и у прочих людей, имелись там шарниры. Когда удалось окончательно выключить его выстрелом в шею, оторвавшим голову, и привстать, сзади уже подоспел шахид.

Драконьим нутром Василий сразу почувствовал, что канал-складка упирается в его точку уязвимости и открывает для врага. Но вот человеческие глаза еще не видели, что враг выносит ствол своего штурмгевера на уровень пятого спинного позвонка и готов засадить туда игольчатый заряд. Сквозь канал ускоренного времени Василий даже успел уловить картинку из будущего. Рот, разинутый в немом крике — из горла, груди, живота, паха, щек лезут иглы — а вылезти полностью им мешают крючки на основаниях. Мгновенно разрываемая и протыкаемая плоть плещется кровью и на пол падает вместо Василия Самуиловича семьдесят кило фарша. (Кстати, он читал про случаи, когда из того месива, в которое превращается человек, доктора вытаскивали, видимо из спортивного интереса, до трех тысяч игл. Иглы с крючками — в отличие от прямых — были запрещены какой-то международной конвенцией. Но шахиды-моджахеды без особых волнений стали употреблять эти средства, считая, что неверной собаке и на этом свете неплохо бы отведать, что такое настоящий ад. Ну, а потом за передовиками потянулись и остальные, и друзья, и враги исламизма — чтобы не обидно было.)

Однако василиск не забывал о своей принадлежности Пути, поэтому вернулась уверенность, а за ней и знание.

Чувствительные отростки спешно прощупали каналы, и стало ясно, что все они ведут к смерти, переднехвост же хоть и вился, но пока не мог добраться до времени врага. Вражеская складка тянула, захватывала, тяжко обнимала. Василий-василиск жадно вдохнул первородную силу — она, пройдя превращение в жизненных нитях, излилась на канал противника и размыла его гравитационный каркас. Вася-василиск стал пробиваться прямо сквозь мягкий сегмент: переднехвост прокладывал темпоральный шнур, который жарким драконьим дыханием превращался в нормальную складку. При том сегмент страшно мешал

шнуроукладчику-каналостроителю, пытаясь склеить его, перетереть беззубыми челюстями и растворить.

Наблюдатель со стороны увидел бы, что Василий заколебался, как морская волна, и вдобавок замерцал. Шахид с воплем недоверия дал очередь, которая не задела призрак…

А вот челюстеруки поймали трепещущие жизненные ниточки воина. Чик — и некоторые уже лопнули, хрональная энергия брызнула из, поди, половины жизненных нитей.

Мощные разрывы покачнули здание и наполнили его глухим рокотом. Еще раньше Василий сумел присесть, полуобернуться и куском арматуры уловить дуло штурмгевера, что отвести его в сторону. Выстрел прошел недалеко от уха. Боевик очень рано отказался от использования оружия и решил покарать «неверного» грубой физической силой. Он хотел вбить крепкую свою ногу в задницу коварного десантника, но тот резко кувырнулся назад. И шахид был подбит толстыми подметками, поразившими его в живот и пах. Воин даже был добр удариться головой о камень и надолго погрузился в себя.

Василий застрочил в осмелевших неприятелей, которые перлись на него чуть ли не в полный рост, и, скосив всю их цепь, заметил одну наклонно вставшую балку. Пожалуй, по ней можно было выбраться на раскуроченную крышу крепости с помощью мини-кошек, вмонтированных в ботинки.

Еще не достигнув самого верха, Василий через здоровенную прореху стал замечать вертолеты (должно быть российские, фронтовые), которые заходили на очередной пуск ракет. Понятно было, что внезапная вспышка света и тем паче гамма-лазерный удар сняли маскировку с тщательно конспирируемой базы шахидов. Этим заинтересовались российские вертолетчики (что-то слишком быстро, не было ли вдобавок звоночка командиру ближайшей авиачасти?), ну и решили огоньком проверить, что там такого интересного.

Вертушки «Камов-100» закладывали крутые виражи, выпускали облака серебристой маскировочной пыли и тучи ярких горячих шаров — все это делалось, чтобы избежать ракет. Соответственно, золотистые огоньки ракетных факелов уходили в сторону серебристой пелены, где умные зенитные головки пытались высмотреть мишени. Из пелены время от времени выныривали черные тетраэдры геликоптеров, которые занимались метанием ярко-желтой «икры». Долетев до цели, «икринки» оборачивались огненными столбами, разлетающимися ошметьями незнамо чего, клубами черного дыма и вонью. Как ни странно, но «цели» располагались порой в самых отсталых частях аула, каком-нибудь курятнике или сарае.

Такая вот картина, достойная кисти художника-баталиста, предстала глазам Василия, когда он поднялся на крышу. Впрочем, эта крыша не являлась самой высокой конструкцией на базе шахидов. Рядом прилепилось еще одно бетонное строение, только уже со сферическим куполом.

Лазутчик увидел, как от одного вертолета, поспешно нырнувшего в облака, отделилась «икринка» несколько большего размера, чем предыдущие. Она обводом обманула пару контрракет и устремилась в сторону Василия. Едва он собрался обмочиться, как она уже мягко приземлилась на той же крыше, причем шагах в двадцати. Объект убрал крылышки и выпустил ножки. Тут и ребенок, прочитавший «Чебурашку в хаки», догадался бы, что на базу пожаловала «интеллектуальная» бомба-искатель. Она встала на свои восемь конечностей, подбежала к стене второго строения и двинулась вверх по ней, поводя усами-локаторами. Ну, прямо чистый паук. Вскоре стало ясно, что путь она держит к небольшой пробоине. Василий знал, бомба-искатель постарается взорваться именно тогда, когда обнаружит что-то интересное, а до той поры будет только увиливать и отстреливаться.

Добравшись до пробоины, умная бомба стала совсем уж по-насекомьи заползать в него, огрызаясь на выстрелы боевиков огнем из «попы». Напоследок мелькнули задние конечности и жуткая машина окончательно скрылась из виду.

Василий, не удержавшись, добрался до дыры и стал зрителем на сногсшибательном представлении — необычные люди дрались с бомбой. В этом здании перекрытия серьезно уже пострадали, но умная машина ползала по балкам ловко, как паук, немало напоминая его своей «грацией». А необычные люди подлетали к ней со всех сторон как комарики. Некоторые из них были теперь с оружием. Однако бомба отплевывалась огнем и дымящиеся тела «комариков» падали вниз. Впрочем, настал такой момент, когда необычные люди ловко обкрутили конечности бомбы-паука самозавязывающимися тросами, и она тоже сорвалась вниз, а там и взорвалась где-то в подвале.

Ударная волна, поднявшись снизу выдернула пол из-под Василия. Он успел еще уцепиться за какой-то стояк, но тот начал падать, сокрушая балки и мешанину раздолбанных перекрытий. В конце концов падающая труба стряхнула ниндзя-любителя. Однако падение не вбило его в какую-нибудь твердь, напротив он упал в некую гущу.

А затем обнаружил себя в никелированной ванне, наполненной гнилыми отбросами. Нет, пожалуй это была какая-то пузырчато-волокнистая органика. Василий выбрался из жижи,

весь измазанный в липкой дряни, страдая от омерзения. Он находился в довольно прохладном помещении производственного типа, где имелось несколько таких ванн, если точнее — химических реакторов, только остальные по счастью были герметически закрыты.

Перебравшись через сорванную дверь в другой отсек, Василий обнаружил саркофаги, в которых то ли отдыхали, то ли спали необычные люди. Да что там саркофаги — сложные установки, к коим кабели и шланги подводили энергию и питание от разных генераторов и аппаратов, от которых пучки световодов уносили в сеть телеметрическую информацию и прочие данные. И пьяному ежику стало бы понятно, что ниндзя-любитель с кондачка угодил в святая святых, в сверхсекретную зону, причем с «черного хода».

После «спаленки» Василий, двигаясь на полусогнутых, готовых отпрыгнуть ногах, попал не то в лабораторию, не то в цех, где оказалось еще прохладнее.

Длинный стол с лентой транспортера, на потолке рельсы, по которым передвигаются миникраны, сверху свисают лазерные сшиватели и ножи, боры, фрезы, промыватели, питатели, прочие приспособления. Там и сям тележки-каталки с электроприводами. В этом помещении помимо того оборудования, что можно встретить в операционных, высились и громоздкие секционные шкафы с пультами управления на каждой секции. Одна из них услужливо выползла наружу, когда Василий наудачу ткнул пальцем в сенсорную панель. И так уж было нежарко, но из секции добавочно потянуло морозцем.

Единственным ее обитателем был глаз, похожий на цветок, с раскидистой корневой системой. Корневую систему в основном составляла та самая волокнисто-пузырчатая структура. Еще этот глаз, чуть отогревшись, стал реагировать на свет, а потом и вовсе принялся расширять и сужать свой зрачок, как будто чего-то высматривал. Значит к нему прилагался соответствующий кусок нервной системы, причем искусственной!

В других секциях ошеломленный Василий увидел и руки, и ноги, и мышцы, и торсы, и вполне целые тела, и то, что можно было назвать частями мозга. Иногда они были сами по себе — просто замороженные продукты. Иногда в соединении с волокнисто-пузырчатой, губчатой или медузоидножелеобразными массами органического вида, которые еще пронизывали электроды датчиков.

В одной из секций — ближайшей к столу — Василий нашел человеческий организм с разъятой брюшной полостью. Внутри нее находилось медузоидное образование. Оно пульсировало и

медленно двигалось, а также пускало отростки, которые в целом образовывали волокнистую сеть.

В каком-то смысле медузоид был живым, то есть участвовал в обмене веществ и имел перед собой какую-то цель. А вот человек производил впечатление трупа.

Василий, поскорее захлопнув ящик, вспомнил гамбургский подземный тоннель и чемодан потрошителей. Ясно теперь, кто с охоткой скупает органы и части тел. Идут они вовсе не на пересадку, а на переделку. Здесь на базе Ходжи Ахмета смыкались пути-дорожки человеческих членов, изъятых гденибудь в Западной Европе, и кибернетических биоимплантов, свистнутых на уральском заводе.

— Похоже, что импланты кремнийорганические. — шепнул бодик. — Но к сожалению у меня нет периферийных устройств, пригодных для проведения анализа.

В углу цеха-лаборатории Василий нашел целое гнездовье мониторов и компьютеров.

— Подключите меня, — предложил боди-комп.

Василий сунул выскочивший мультиштеккер в параллельный порт одного из компьютеров.

— Я, кажется, врубился в их систему доступа, так что поиск паролей и пробой защиты не займет слишком много времени. Она у боевиков довольно хилая. — спустя пару минут похвастал бодик.

— Тебе и карты в руки.

Бодик зачем-то кинул на бимоны занудные колонки цифр и сиволов, следом появилась крупная надпись: «Влезли». Вначале были видны только информационные просторы, пирамиды и параллелепипеды закрытых файлов, затем экран поделился на две части, в левой шла декодированная информация раскуроченной базы данных, в правой — комментарии боди-компа.

— С временем, надо полагать, у нас не ахти, так что я вскрыл только парочку архивов. Они касаются поставок некоторых так сказать материалов, которые используются в работе этого технологического узла. Ну вот к примеру:

1. Андрей Косарев, 31/21 год, сержант, в/ч 21096, МО РФ, жизнеспособность 30-68-75;

2. Муртаза Рахимов, 24/22 года, юго-вост.дивизион СИЕ, жизнеспособность 15-45-60;

3. Гусейн Тофик-Оглы, 34/33 года, «Волки Пророка», жизнеспособность 0-19-45.

На мой взгляд, «0-19-45» означает, что от господина Тофик-Оглы остались только пара целых ног и печенка впридачу. А всего

тут 132 фамилии.

Потом бодик открыл архив, где перечислялись совсем другие материалы, тоже, видимо, используемые в «производстве» необычных людей.

— Биополимерное изделие 1А-432, саможизненность 1-15, смонтировано на объекте 15-45-60, интеграция 92-76, химическая и стереомерическая формулы, это слишком сложно, ну и так далее. Понятно, что гражданину Муртазе Рахимову приживили искусственную систему очистки и выведения продуктов катаболизма. Короче, Василий Самуилович, здесь делают людей-синтетиков, причем как из своих, мусульман, так и из чужих, из неверных. В дело идут и раненые, и контуженые, и коматозники.

— И, наверное, при том согласия у них не спрашивают. — вздохнул Василий. Еще один кружочек ада, сколько их уже насчитывается? Явно не девять, как казалось основоположнику итальянской литературы. Или число кругов за последние семьсот лет несколько подросло? — Ладно, тут понятно. А почему эти биополимерные импланты не отторгаются организмом и отчего нельзя было обойтись приживлением одгих лишь человеческих органов?

— Иммунная система элементарно вводится в обман, Василий Самуилович. Эти биополимерные импланты «на поверхности» ничем не отличаются от тканей в принимающем их организме, те же антигены. Кроме того применяются средства типа ВИЧ-инфекции, модифицирующие иммунный ответ. Вживляются эти импланты в людей не только для укомплектации изувеченного тела, еще и для придания особой стойкости, неуязвимости и прочих усовершенствований — в том числе на уровне регенерации тканей, гормонального баланса и обмена веществ… Но честно говоря, подметил я тут несколько биополимерных фрагментов с непонятными функциями, таких в человеческом организме вовсе не должно быть. Они напоминают… радиотелескопы, сделанные из органики. И это меня смущает.

— Ладно, бодик, не думай ты о них… Значит, здесь из инвалидов, полутрупов, оторванных органов и отдельных биополимерных деталей склепывают полноценных воинов-шахидов, способных на исполнение любого задания высокого исламского руководства. А нормально ли работают мозги у синтетических товарищей? — нервно поинтересовался Василий, чьи мозги уже явно перегрелись от обилия чувств и мыслей.

— Что значит нормально? Работают. Иначе они не могли бы выполнять сложные задачи. А раз мозги у них при деле, значит есть чувство самосохранения, желание продолжать род и тэ дэ.

— Но эти желающие прутся на амбразуру, как на свидание с красоткой!

— Возможно, Василий Самуилович, проводятся психопрограммные накачки на уровне мотивационной памяти. Вводятся в мозг нейрокатетеры и подсоединяются полипептидные цепочки, там где надо… Извините, я тут заметил обмен данными с оперативным архивом. — вдруг встревожился дотоле бесстрастный боди-комп.Объекты «Косарев» и «Рахимов» направлены на процедуру «НУН», решение принято руководством сил ислама в Европе, номер директивы такой-то. Складывается впечатление, что процедура «НУН» проводится именно здесь, так как текущие данные от нее поступают без задержки на передачу.

— Где здесь? Интересно, конечно, в жмурки-прятки поиграть, но разве тут особо побегаешь? — Василий сильно замандражировал, потому что крепость крепостью, в суматохе можно было и затеряться, но сейчас-то он торчит в святая святых и уж даром это не пройдет. Еще и какая-то процедура «НУН» на его голову.

— Я вам, Василий Самуилович, электромагнитные детекторы настроил, также провел сверку частотных характеристик файлового обмена и работы линий связи. Проще говоря, я все это дело отслеживаю. Вам надо прогуляться по второму коридору слева. Только будьте, как это у вас говорят, на стреме.

— Не на стреме, а на взводе, я и так на нем, дальше некуда. Один булавочный укол и лопну как цеппелин над Лондоном. — признался Василий и помечтал об экстраморфине или хотя бы сутранквиле. Но первый нельзя, потому что он ослабляет волю при взаимодействии с внутренним ящером, а второй, при таком-то перенапряжении, просто выключит централку — и все, здоровый сон.

По дороге Василию, наверное, пришлось бы преодолеть еще несколько постов. Или же пасть смертью храбрых и глупых. Но путь вовремя проторила ракета с российского вертолета. Она прожгла плазменным шнуром две бронированные двери и серьезно повредила третью.

Третью Василий добил просто штурмгевером. А когда он вломился в открытое таким незамысловатым образом помещение, то увидел саблю Зульфикар. Она стояла на невысоком постаменте посреди небольшого круглого зала. Несмотря на весь окрестный разнос, здесь сохранялись глубокая, весьма подозрительная тишина и покой кладбищенского типа. Сабля, воткнутая в постамент, была подсвечена лазерными лучами словно экспонат в музее. Кстати, в этом музее имелось еще два экспоната. На север и юг от Зульфикар располагались два саркофага. В одном из них

покоился недвижный синтетик. Другой был пустым и напоминал могилу, из которой вампир ушел на свою работу.

Василий подошел к первому саркофагу. Там лежал человек со вполне славянской наружностью. Лайф-диагностер и индикаторы на бортиках саркофага показывали, что его обитатель вполне живой.

Собственно, это сейчас мало интересовало Василия, первым делом он, конечно же, направился к сабле. Но когда протянул было руку к желанному предмету, то почувствовал, что надо обернуться. Но еще прежде этого отпрыгнул. И правильно сделал. В постамент, рядом с которым Василий только что стоял, празднуя победу, воткнулся стальной штырь.

Теперь уж Василий обернулся и увидел самого натурального демонического воина. Наверное это был Муртаза Рахимов, объект 14-45-60. Расстояние до него казалось трудно определимым, он словно приближался, но тут же становился далеким, словно был просто рисунком на сдуваемом и раздуваемом воздушном шаре. До него, вроде, и метров сто порой выходило. Это учитывая, что от одной до другой стены укладывалось всего семь метров.

Демон-воин как будто скомкал руками кусок пространства, превратив его в черный исковерканный гравитацией сгусток, который и швырнул в Василия.

Напуганный ниндзя, естественно, рванулся в сторону, но черная блямба своим краем захватил его, сразу превратившись в очень приличный смерч. Он прокрутил Василия как щепку раз тридцать. Василиск едва освободился, резанув челюстеруками по каналу пространственной развертки вихря. Тот усох так быстро, что не успел втащить добычу в точку коллапса, однако швырнул ее в стенку.

Пока лазутчик-десантник поднимался, пытаясь выхаркать слюни из дыхательных путей, бодик пищал:

— Это не по законам физического пространства. Здесь не может быть смерча высотой в двести метров. Нечестно.

— Для дураков все нечестно. Кстати, раньше ты был умнее. — горько отозвался Василий, который смутно понимал, что демонический воин просто пошуровал в пространстве своим заднехвостом. Оправившись от потрясения, ниндзя-программист ствол на Муртазу Рахимова, но тот выкинул руку вперед и зажал дуло. Выстрел не принес ущерба противнику, а вот стрелявший ошарашенно смотрел на свою дрожащую ладонь, в которой остался один приклад.

А затем демон огрел василиска переднехвостом. Отчего сразу отнялись конечности. Вернее, они как будто были залиты мгновенно затвердевшим цементом. Василий, имея кое-какой

опыт, быстро уловил, что противник обрубил все его временнЫе шнуры, вместе с которыми отпали и замедленные, и ускоренные пространственные каналы. Жгут стягивал оба тела Василия Самуиловича, если точнее — высасывал остатки его времени. Подвергались сдавливанию, сжиманию и выжиманию кишки, печень, сосуды, мозг, все органы вместе и по отдельности, как у василиска, так и у человека.

Десантник был уже уверен, что сопротивление совершенно бесполезно, ибо только увеличивает удовольствие противоположной стороны. Тьма наступала, свет отступал в точку. Противник подносил свой ядовитый шип, чтобы нанести удар в сплетение жизненных нитей.

Обычное же зрение показывало, что враг, выдернув стальной штырь из саркофага, готовится сделать прокол в сонной артерии гражданина Рютина и выпустить пять литров крови наружу.

Но когда Василий собрался поникнуть своей кудреватой головушкой, сетуя на превратности стринговой физики и девятимерного пространства, как маленькой стрелой промчался Акай и поразил противника в точку уязвимости под переднехвостом. Отчего тот немного ослабил хватку.

Акай просквозил через твердый сегмент! Так если попробовать? Уверенность снова расправила человеческие жилы Василия и каналы василиска. Натужный вдох, отростки всасывают хрональную силу, какую только можно, (даже стены помещения осыпаются, будто им тысячи лет), и направляют ее в переднехвост, по дороге едва не сжигая жизненные нити. Тот отчаянно бурит сегмент, укладывая темпоральный шнур, следом устремляется и громоздкое драконье тело, пытаясь пробить себе пространственный канал.

Василия-василиска кругом сдавливало и сплющивало — сторонний наблюдатель увидел бы как мужик в просторной камуфляжке просто крошится, как бисквит. Но конце концов василиск таки-пробурился через гравитационную твердь и враг превратил в мокрое место лишь кончик заднехвоста. Однако какая тут радость — незадачливый ниндзя отчетливо понимал, что энергетически он крепко отстает от объекта «Рахимов». И морально— психологически тоже. Саид по сравнению с этим драконовоином выглядел пэтэушником-недоучкой.

Время на передышку отсутствовало, демон носился вокруг Василия как ведьма на помеле, то становясь крохотным, размером с осу, то превращаясь в приличный метеорит. И в любом случае он был опасен, каждое мгновение угрожая временнЫм шнурам.

Но Акай направил Василия-василиска в заметный лишь ему хрональный канал, который предстояло еще раздуть в реально-

пространственный. Дорога обвивала три или четыре возвышенности, падала в пропасть, как-то пробивалась через низинную жижу и загибалась противнику в тыл.

Василиск чуть не лопнул, раз двадцать потерял сознание, когда растянулся на сотни километров. Надо было сохранять единство тела, всех жизненных нитей, и еще вдувать пространственную энергию в канал, чтобы тот не схлопнулся. На поворотах и при падениях Василия мучили не инерция и ускорение, а крутые резкие преобразования сил, от которых мысли с чувствами то испарялись, то соударялись.

Однако объект «Рахимов» не успел даже обернуться, когда ему шарахнули по спинному шву и едва не расшили. Впрочем, крепок был демонический воин, ударил с полуоборота тремя лапами и откинул василиска словно кусок мяса. Тот заметался, будто лучик света, по трем твердым сегментам, пытаясь хоть где-нибудь приклеиться, и наконец оказался уловлен мягким куском пространства.

Теперь можно было оглядеться.

Гористо-низинный многосегментный пейзаж, лиловое небо, оранжевая почва, противник огибает пик, стараясь не попасть на плохопроходимый узел, где время пучковалось и пересекалось, позади него кинулся вверх яростный фонтан — вражеский канал был явно напряженным и хрональное давление на нем уже пережимало пространственное сопротивление.

Когда противник оказался в затруднительной ситуации, Василий-василиск, как всякий нормальный хищник, заторопился к нему — успеть бы добить. Впереди же скакал поводырь Акай. Именно скакал. И василиск, подражая Акаю, прыгал с сегмента на сегмент, причем переднехвост играл роль кнута Индианы Джонса. Едва василиск закачается на краю сегмента и тот заходит ходуном, как «кнут» цепляется за другой и вперед — по какой-нибудь малозаметной складке. А можно и самому пробить тропку, если сил не жалко.

Потом случилось столкновение. Объект «Рахимов» не сумел сблокировать и погасить удар, который пришелся на верх брюшного шва, и кувыркаясь, влетел в пространственный пучок, который тут же лопнул. Вражеская туша, крутясь со скоростью электрона, канула в неизвестное. Обрывки каналов потрепыхались словно на сильном ветру, а потом нашли друг друга и связались в новый ненадежный узел.

Вместе с воином-драконом исчез и крошка Акай. Только на сей раз Василий-василиск не слишком испугался. Парнишка (или кто он там) уже явно приспособился к дальним перелетам.

Победитель обозрел помещение — в малой реальности здесь,

похоже, сражались на кулаках и немножко побили мебель. Впрочем, на это было наплевать, ниндзя уверенным шагом генерального секретаря направился к сабле… как вдруг вылетела крышка второго саркофага.

Из него поднялся еще один демонический воин. Ну, "-мое… Василий сразу признал этого человека (то есть, вряд ли человека), хотя с того 91 года утекло много воды и водки. Андрей Косарев, сержант из группы капитана Лялина. Не вышел из боя в ауле Очхой. Тогда сержанту был двадцать один. Он и сейчас казался не старше, если не считать синевы на пол-лица. Впрочем, лицо восставшего из гроба не предвещало ничего хорошего, глаза горели алым цветом, а руки были украшены толстыми красными жилами драконьей структуры.

— Ты говорить умеешь, сержант Косарев? — решил уточнить Василий, у которого сильно пересохло во рту.

— А ты думаешь, что я Франкенштейн и умею только мычать?отозвался тот.

— Мне нужна эта штука, — бесхитростно сказал Василий и кивнул в сторону сабли, — от нее может случиться много зла.

— От сабли пророка в мир может прийти только добро и истина.

— Ты говоришь чужие слова, потому что считаешь, что твоя жизнь целиком и полностью зависит от этих грязнуль.

— От воинов Веры, — поправил сержант Косарев.

— Один бес. Пускай воинов Веры, шахидов. Но если ты уйдешь со мной, мы все поправим и все обеспечим. У меня есть крутые друзья.

— Дешевым повидлом мажешь, старший лейтенант Рютин. Каждое мгновение моя жизнь поддерживается дыханием Аллаха.

— И я того же мнения. Только не думаю, что это дыхание нуждается в таком передаточном звене, как командование исламских сил. Это же обыкновенные мудаки и ебари.

— Этих людей поднял Аллах, чтобы они восстановили справедливость и принесли милость тем, кто исчах, ожидая ее. Голодным, бедным, больным, несчастным. Эти люди возьмут лишнее у сытых, зажравшихся, наглых, гордых.

Сержант Косарев произносил высокопарные слова без тени улыбки, серьезно и спокойно. Значит, верил.

— По-моему, они берут у сытых самое нелишнее — жизнь. Женщины, плавающие в собственной крови. Пленные с вырезанными половыми органами. Отрезанные головы под кустами. Это профессиональный почерк воинов ислама, и делали они это не в пылу битвы.

— В этих жертвах виновато ожесточение войны, а в войне

повинны наглые и сытые.

Не психопрограмма говорила устами сержанта, а уверенность и воля. Он тоже принадлежал Пути, только другому. Косарев знал, что волей Аллаха возвращен к жизни, причем для того, чтобы снова отправиться на смерть. Причем тогда, когда укажет полномочный представитель Бога. Ну, конечно же, и после этого сержант Косарев будет парень ничего себе и avec plaisire полетит в рай, к гуриям на побывку.

Хотя Василий понимал всю бесполезность слов, он еще раз открыл рот:

— Но погоди, сержант. Деды и прадеды этих сытых были бедными и голодными, но отчаянно вкалывали, создавая основу для грядущей лафы. А в то же время деды и прадеды голодных перетруждали себя только в кровати с бабой и во время ночных набегов на караваны. Где ж тут справедливость?

— Деды и прадеды утруждались одинаково, но европейцам Аллах даровал богатство, чтобы испытать их. — отозвался неживой-немертвый шахид Косарев. — И они не выдержали испытания, отдавшись во власть Иблиса. Понял, хиляк?

— Во-первых я не хиляк, я просто кажусь таким, потому что сутулюсь. А во вторых — что, если любимые тобой магометане тоже не выдержат испытания, зажрутся, как не раз уже бывало в их исторической биографии?

— Тогда Аллах покарает их, как уже не раз бывало; пришлет новые племена с мечами обоюдоострыми в руках, которые принесут воздаяние. Если ты учился в школе, старлей, то знаешь, наверное, что сделали воины Чингисхана с Самаркандом, Бухарой, Хорезмом, Гератом, Багдадом… А сейчас я разорву тебя, потому что ты неправ.

Василий понял, что статичная сцена с культурно беседующими оппонентами вскоре сменится динамичной сценой с раздиранием на кусочки.

— Пожалуй я зря потерял на тебя время, Косарев. Ни ты, ни я ничем не поможем бедным, голодным и больным. Ты — болван. Я — тоже.

Впрочем, последнее слово Василий не успел произнести. Бывший собеседник, превратившись в черную молнию, нанес удар.

Василий не так уж сплоховал. Захлопнул дверь перед самым носом противника, заложив ее осколком пространства. А когда Косарев все-таки вырвался из канала, прижал его панцирем к твердому сегменту и хотел было уже порезать на куски челюстеруками. Но противник резко стух, да так что вызвал гравитационную стяжку. Сам Василий едва выскочил из зоны

стягивания в полной уверенности, что противник уже расплющен. Но тот прокрался через какую-то «кротовью» межпространственную нору и, раздувшись, снова бросился в бой.

Сторонний зритель увидел бы, что два человека как будто ведут странный танец, время от времени исчезают и тут же появляются вновь, разлетаются брызгами и снова соединятся, кружатся как юла, пробиваются и не могут пройти сквозь воздух, но зато просачиваются сквозь стены. Потом застывают, будто влипли во что-то зверски клейкое, но следом внезапно срываются и улетают, словно газы из задницы бронтозавра.

Василий плохо различал противника, который нападал черной молнией и, после очередного удара, снова скрывался. У дракона Косарева явно имелось в распоряжении больше каналов и шнуров. Все это понятно, а что толку? Сзади, в спинной шов как раз уткнулся ледяной канал, и не успел василиск сфокусировать затылочный глаз, как уже начал терять подвижность и съеживаться. Его тело замерзало со спинного панциря, становясь хрупким как сосулька. Ясно было, что один резкий удар — и он рассыплется с какафоническим звоном. Дракон-враг своим заднехвостом ловко обрубил все пространство вокруг, а в последнем оставшемся кусочке хрональное давление спустил до нуля, заморозив время. Василий застыл как будто в черной дыре.

Он чувствовал, как смерзаются его жизненные нити, видел, как объект «Косарев» медленно и внушительно скользит к нему для окончательного решения вопроса.

А сторонний наблюдатель с ужасом бы пронаблюдал, как некое существо вдруг вырастает из одной точки, словно диковинный цветок, и притом обретает очертания человека.

Василий мощным вдохом хотел втянуть первородную силу, да дышать нечем, одна лишь боль в груди, ткнулся несколько раз коченеющими конечностями, но попал на совершенно глухие преграды. Пробовал оттолкнутся грудным панцирем, но тут же примерз к сегменту. Все, каюк василиску?

И, когда уже казалось, что других мнений быть не может, Василий почувствовал возможность взорваться. Да, он находился в совершенно иссушенном куске пространства, но где-то рядом первородная энергия била ключом. Василию-василиску надо было только поверить, что он по-прежнему принадлежит Пути, что источник близко, и потратить последние жизненные силы, чтобы пробиться к нему.

Василиск каким-то четвертым или пятым глазом увидел Путь, уводящий в далекие небесные долины, а затем ощутил накал уверенности. С собственными силами не густо было, но источник как будто сам притянул его переднехвост — туда, где преграда

оказалось послабже. Укол — и хлынула энергия, странная, непонятного знака и виды. Какое там хлынула, адский фонтан поднялся к лиловому небу. Сила сжала каждую частицу василиска миллионом цепких рук и готова была его разодрать, но он залпом ухватил глоток кошмара и дернулся в сторону.

Свирепая энергия пронзила его жизненные нити, он выгнулся и завыл в отчаянии, будучи уверенным, что они вот-вот сгорят. Однако этот глоток не угробил его. Жизненные нити подвергли беснующуюся силу нужному преобразованию, отделили и извергли безумную хаотическую составляющую, остальное разложили на четыре потока, которые были направлены в переднехвост и заднехвост. Сила вырвалась из стеснения двумя мощными бичами, причем совершенно неожиданно для противника. Один хвост перерезал хрональные шнуры, ведущие врага в будущее, другой рассек пространство, чтобы демону некуда было возвращаться. Складка сжалась, как раненый зверь, и выбросила Косарева. Вся его сила ушла в неуправляемое движение. Хаос потянул его в зазор между сегментами; он становился все меньше — напоминая ящерку, паучка, кляксочку, — пока окончательно не пропал в тартарарах.

Василий остался в помещении, развороченном поединками, совсем один. Он не хотел ни о чем думать, просто сделал три шага вперед, протянул руки к сабле пророка… и весь объем зала заполнился криком возмущения. Сабля Зульфикар оказалась искусной голографией.

Ну, блин. Все напрасно! Конечно же, отрицательный результат тоже результат, конечно же, определенный опыт накоплен, но столько сил потеряно, причем самых последних. Все болит, все устало, все измучено, все разбито. Наверняка он уже поражен парочкой смертельных болезней. Ведь не может же обычный человеческий организм спокойно перенести ВСЕ ЭТО, весь этот долбанный драконизм. И как, кстати, выбираться из крепости?

Судя по всему, авианалет продолжался. Вертолеты жарили ракетными залпами, боевики огрызались зенитным огнем, слышались то далекие, то близкие разрывы. Иногда все ходило ходуном и на голову сыпалась труха со щебенкой.

В коридоре, сразу за порогом, валялся труп Муртазы Рахимова — поединок кончился для него не только коллапсом сегмента, но и прямым попаданием очереди из авиационного пулемета. Можно было догадываться, пойдет ли то, то что осталось от синтетического шахида, снова в производство.

— Да, да, неприятное зрелище даже для меня, — согласился бодик, — но смотреть приходится… и, кстати, среди останков я

вижу что-то, похожее на капсулу.

В самом деле, среди растекшегося мозгового вещества лежал небольшой предмет цилиндрической формы, закутанный как бы в волокнистую сеточку — от этой штуки в развороченное тело еще тянулись нити.

— На мой взгляд — это биочип с мемоносителями, ментоемкостями и линиями связи. Иначе как объяснить столь необычайные способности господина под номером «15-45-60»? А еще чип завернут в ту самую синтетическую структуру, похожую на радиотелескоп. А на какой ляд она здесь, мне никак не въехать, — посетовал бодик. — Извините за использование низкой лексики, я просто волнуюсь. В мою личностную матрицу заложена способность волноваться в случае интеллектуальной недостаточности.

«Ну и хорошо, что не въезжаешь. — мысленно одобрил Василий. — А до меня что-то уже доходит. Есть мнение, что Яйцо в целом, и „желток“ в частности, как будто способны перезаписать себя на любой носитель. Но Яйцо в фазе деления — это лярвы. Ученые, работающие у исламистов, должно быть запустили ларву в искусственное гнездышко. То есть записали ларву в эту капсулу, чтобы потом использовать по полной программе, подключив ко всем нервным центрам сержанта Косарева. А органический „радиотелескоп“ нужен для связи с Пузырями. Видимо, видимо… исламское руководство сочло, что синтетические люди более других подходят для „управляемой драконизации“, как самые податливые, как самые зависимые. А что, разве резонанс „желточной“ силы не удался? Если еще и реинтеграция получилась бы, тогда мне точно каюк, превратился бы в леденец.»

Едва Василий наклонился, чтобы выскрести из разлившихся мозгов капсулу, как из перпендикулярного коридора выскочил боевик. Раз и очередью из пистолет-пулемета сумел задеть Василия.

Только задеть. Две или три пули скользнули по жилету под мышкой, разорвали его, но срикотешили от титаново-неодимовых пластинок. Одна из пуль ушла влево к руке и вырвала из нее приличный кусок мяса.

Однако членовредительство было остановлено, когда до противника докатилась круглая противопехотная граната, брошенная Василием. Она превратилась в сотню сюрикенов, которые искрошили и меткого стрелка и парочку других шахидов, которые тоже хотели разобраться с осквернителем святыни. До Василия лишь долетел чей-то нос. По счастью, на расстоянии десяти метров от центра взрыва сюрикены предусмотрительно

рассыпались, однако дивесранта приголубило ударной волной и металлическая крошка постегала жилет. Он опрокинулся на пол, тяжко кряхтя и стеная от боли. Затем поднялся, взял трофейное оружие и заковылял, ощущая, что как минимум хочет в госпиталь, на койку, на судно, даже на операционный стол, неплохо бы и под наркоз. Но надо было идти и идти.

Из сверхсекретной зоны он выбрался внезапно и неожиданно. В какомто отсеке был, очевидно, нарушен температурный или гигиенический режим, поэтому Василия вдруг подхватил поток лаборантов, если точнее, людей в белых халатах, которые буксировали с десяток каталок. На каталках под непрозрачной пленкой угадывались тела особых людей или же части тел.

Любая система полностью и адекватно реагирует на ситуацию лишь до определенной степени сложности. Потом начинаются сбои, особенно по второстепенным функциям. Василий Самуилович не только сформулировал этот закон, но и понял, что сейчас лично он стал чем-то второстепенным для командования крепости. Десантник пристроился к последнему лаборанту с последней каталкой и внезапным коварным ударом приклада вырубил этого человека. Наступил черед последнего переодевания на этот день. Лаборант был спрятан в шкаф с лабораторной посудой, а Василий продолжил путь в белом халате, с той самой каталкой.

В итоге, вс", что катилось, оказалось в помещении, напоминающем холодильник мясокомбината, тут даже висели бараньи туши на крюках — в смекалке командованию базы нельзя было отказать. Потом лаборанты вышли гуртом за пределы секретной зоны, тут уж Василий откололся от них и воспользовался трофейной магнитной картой. Он преодолел бронированную дверь и немного погодя оказался уже перед трещиной в наружней стене.

Пролез через дыру, пробрался через участок сплошных развалин и сплошной задымленности, ликвидировал расчет боевиков, паливший по вертушкам из ЗУРа, спустился в какой-то люк и оказался в закрытой сточной канаве. Здесь было много всяких насекомых и червей, которые норовили укусить побольнее и заползти в разные отверстия. Но все это теперь выглядело милыми забавами. Метров сорок пути — и неожиданно над головой забрезжил легкий естественный свет. Василий поднял крышку какого-то люка, выбрался не без натуги наружу и оказался на помойке.

За четвертой кучей мусора сидел человек и что-то жевал тремя зубами. Страшный, больной, в коросте и язвах, изможденный мужичонка неопределенного возраста в пределах

от двадцати до девяноста лет. Он напоминал на три четверти развалившийся сарай. Его тусклый взгляд остановился на Василии, но не отразил ничего. Этому кошмарному человеку было решительно все равно, пошинкуют ли сейчас его в крошки, наградят ли орденом или положат в кровать с королевой красоты.

Василий понял, что встреченный тип не представляет никакой опасности, хотя для пущей безопасности неплохо бы его и пришить. Но посетовав на моральные ограничения, установленные как будто для того, чтобы хорошим людям стало совсем невмоготу, десантник сохранил ханурику жизнь. Когда Василий уже собирался распрощаться с бедолагой навек, что-то показалось ему знакомым.

Кажется, в 1991 году они уже встречались.

— Послушай, ты не тот… который…

— Я тот, который, — невнятно сказал ханурик, не прекращая жевать останками зубов.

Этот человек, несмотря на изнеможенность, стирающую национальные отличия, выглядел русским.

— Ты откуда, мужик? — решил уточнить Василий.

— Из Ростова, сынок.

Ну наверняка это тот самый тип, который некогда провел его дворами к тропе, ведущей в лес. Все сходится. Петром же мужичонку звать. Петр — местный раб.

— Ты — Петр?

— Я был Петр, Прошкин был, а теперь одно воспоминание осталось. Меня здесь просто Петушком кличут. Я тебя знаю. Пошли, кой-что покажу.

И поднялся — сейчас его одежка, замызганная и словно бы пролежавшая год в помойке, завоняла еще больше. Василий, потихоньку зажимая нос, подумал, что этот обрывок человека, скорее всего, еще и рехнулся, так что покажет какую-нибудь фигню вроде обрывка туалетной бумаги или недоеденной конфеты.

— Эй, Петр, лучше выведи меня как в прошлый раз.

— Это успеется. Пошли, пошли, — и невзирая на свой несчастный вид раб довольно цепко ухватил Василия за рукав.

При всей своей «занятости» Василий не стал выдираться. Что-то ему подсказало — этот тип дурака валять не будет.

Они прошли мимо куч тряпья и гниющих отбросов, а затем невольник подвинул какой-то деревянный щит, прикрытый дерном. Открылась глазам и носу зловонная яма, явно предназначенная для хранения компоста.

Василий снова насторожился. Он ожидал, что раб Петя вот-вот кинется на него с криком: «А теперь ты мне за все ответишь»,

сбросит в яму и прикроет крышкой. Но этого не случилось. Произошло другое — невольник сам опустился вниз и принялся рыться в дерьме, засунув руки по локоть. Наконец он чего-то там нашарил и стал доставать. То, что Петр Прошкин выудил в итоге, казалось похожим на кривую палку. Но потом раб смотал с нее тряпицу, одну другую. Секунду спустя стало ясно, что он обнажил сияющий клинок. Сабля Зульфикар!

— Я нашел ее раньше других, такова была воля Аллаха, — сказал невольник Петя, явно заблудившийся в религиозных вопросах, — и теперь отдаю ее тебе.

Он довел ошеломленного Василия, который судорожно сжимал нечаянное приобретение в руках, до сарая, за которым начиналась тропа, ведущая к кустистому склону. Уже темнело. Где-то ближе к центру селения, еще рвались ракеты, дрожали языки пламени и закручивались столбы дыма.

— Пошли со мной, Петр. Я серьезно говорю. У меня тут машина.

— Нет, парень, поздно. Мне не сегодня-завтра помирать. Там, в Ростове, обо мне уже и забыли, поди. Что им расстраиваться по-новой. Прощевай.

Василий видел, что этому человеку в самом деле осталось на свете месяц-другой, не больше. Он ведь и жил эти десять лет, только потому что ждал.

Василий взял саблю и шагнул на тропу. По пути он еще встретил двух шахидов, те были грозными, воинственными, до зубов вооруженными, но дали сабле пророка снести свои головы без особых возражений. Василий успел добраться до склона, когда вдруг почувствовал, что Зульфикар дрожит в его руках. Он поднес ее на раскрытых ладонях ближе к лицу, внезапно она заблестела в лунном сиянии и быстро истаяла, войдя серебристыми бликами в его руки. Он развел ладони в стороны и тут ему показалось, что между ними возникло облако. Внутри облака как будто прояснились черты человеческого лица. Оно вроде бы отразило какие-то чувства — не столько гнев, сколько досаду, и словно силилось что-то сказать. А потом исчезло вместе с облаком. Василий покрутил руки, недоумевая, был то глюк или явь, и тут заметил — на тыльной стороне левой ладони появилось еще одно глянцевое пятно, бодрой алой окраски. Однако, предыдущее, оставшееся от камня, сильно побледнело и совсем уже не бросалось в глаза.

Часть 2. «Ходить сквозь стены — запрещено.»

Зарубка 10. (23 сентября 2001 года, окрестности Могадишо) «Эх, тяжела ты, кепка Мономаха.»

Предвечерний легкий ветерок не только играл листьями пальм, но приносил желанную членам прохладу, что было приятно людям из более северных краев.

Гости, собравшиеся на веранде дома, исполненного в изящном неомавританском стиле, заметно оживились, когда полуголый намазанный ароматным жиром слуга принес новое блюдо.

— Вах, вах, вах, — закудахтали они, погружая пальцы в дымящуюся груду пестрой еды.

— Тает во рту, — одобрительно произнес один из гостей, а другие закивали, желая сделать приятное хозяину.

— Мои барашки пасутся на сочных лугах Кафиристана, на другом конце исламского мира, — между прочим заметил хозяин, — и пьют только чистую воду, сбегающую с вершин Гиндукуша.

Он поймал горстью немножко нежного риса, отправил его в рот, как бы опробуя искусство своего повара, и чуть-чуть нахмурился — так, легкая тень пробежала, ничего более.

Хозяин приподнял одну бровь и где-то далеко или, может быть глубоко, раздался горестный стон сожаления. Поднял другую бровь, и тут слуги забегали, ловко обнося гостей зеленью, фисташками, черносливами, ядрышками разных орехов, жаренными языками певчих птиц, печенью лесных кабанчиков, мозгами обезьян, мясом молодых крокодилов и нежными змейками му-фасу, тушенными в собственном соку.

Потом гостей потчевали шербетом и прочими сластями под пение и танец семи стройных девушек с острова Борнео, чьи обнаженные пупки напоминали бутоны роз и мелькали, словно колибри, а тугие груди прыгали под красным тонким шелком, как молодые газели. У каждой девушки на насурьмленной тонкой бровке имелось золотое колечко, которое было разъемом небольшого чипа, смонтированного на решетчатой кости. Кто знал это, тот понимал, почему юные индонезийки столь совершенны и слажены в искусстве танца и пения.

Наконец гости стали полулежа попивать кофе, сваренный на горячем песке, а хозяин с легким бульканьем вдохнул из кальяна ароматный табачный дымок, выпустил его тоненькой струйкой и

едва заметным мановением указательного пальца отослал танцовщиц и певиц. Лишь где-то в саду, спрятавшись в кустах, подыгрывал на домре искусный музыкант. И вот хозяин промолвил голосом тихим, но исполненным внутренней мощи:

— Аллах дает нам истину и победу, однако хочет, чтобы мы не пощадили своих телесных и душевных сил, выполняя его волю.

— Досточтимый, я не думаю, что противник в ближайшее время сумеет что-нибудь противопоставить нашей тактике, — сказал мужчина с длинной черной бородой, которую разделяла пополам струя седых волос. — В результате франкфуртской и гамбургской операций мы взяли дополнительно под контроль тридцать два банка и финансовые организации с суммарными активами порядка пятисот миллиардов долларов. Еще с десятью банками ведется работа и мы их додавим. Только европейский рынок краткосрочных кредитов, страховок и валютных операций, который мы сейчас подмяли под себя, дает около десяти миллиардов долларов в год. Практически все финансовые каналы имеют надежные гарантии безопасности.

— Как французские Ротшильды?

— Испеклись, досточтимый. Вчера молодой рыдал у меня на ковре, умолял разрешить ему перевести хотя бы двести миллионов экю в Америку.

— Ста миллионов ему за глаза хватит, и держи его на коротком поводке, но так, чтобы американцы ничего не заподозрили. Кстати, привези его какнибудь ко мне. Все-таки интересно посмотреть на кого-то из этих семитских баронов. Может, и я когда-нибудь подамся в европейские аристократы… Шучу, конечно.

Гости вежливыми улыбками отобразили понимание.

— А что там с «Плаза банк»? — продолжил хозяин.

— Ее директор скоро сломается. Можно, конечно, и убрать его, но фигура известная в финансовом мире. Его дочь получила порцию неомеморина, и теперь один наш агент очень напоминает ей того мальчика, которого она любила в первом классе.

— У нашего мальчика, надеюсь, длинный член?

— Самой собой, длинной и кривой, как дамасский клинок — мечта любой здоровой женщины. — серьезно, без тени усмешки, ответствовал длиннобородый.

— А почему падает выработка у «Меднорудной госкорпорации» в Гяндже?мягко спросил хозяин у человека в тюбетейке на бритой голове.

Между концом вопроса и началом ответа имелась пауза почтения всего в одну секунду.

— Досточтимый, там семьдесят процентов рабочих —

пленные, в основном русские и сербы. Из-за этого побеги, саботаж, антисанитария, что ведет к огромной смертности.

— Виновных в антисанитарии наказать, но русских пленных оттуда постепенно убирайте — на сельхозработы их. Завезите контрактников-негров… Рашид, поскорее принимайте в Исламскую Революционную Федерацию Башкирию, Крымско-татарскую республику, Албанию и организацию «Мусульманская Франция». Обставьте это посолиднее, созовите сессию в Хартуме, ну и…

— Досточтимый, по первому пункту будет возражать Россия, — заметил бледный человек в европейском костюме.

— Ну дайте ей кредит, чтобы заткнулась. Ладно, меня волнует сейчас не финансовая и не политическая сторона дела, а военно-тактическая. До сих пор мы не можем развернуть оперативный центр в Петербурге, более того, там арестованы десятки сочувствующих. А не имея петербургской базы, нам не удастся в достаточной степени воздействовать на Москву. Русские сейчас развернули настоящий террор против всех, кто может потенциально нам содействовать. И при всей нашей агентуре мы никак не можем всерьез развернуться севернее Ростова.

— Досточтимый, это мы им припомним, так же, как Ермолова и Паскевича, — сказал гость в аккуратном розовом тюрбане и старомодных очках.

— А я, кстати, давно жду приятных новостей от вашей службы. Может, вы уже научились превращать неверных в лед и камень?слегка подняв левый уголок рта, спросил хозяин.

— Досточтимый, мы синтезировали киберэнзимы, которые способны блокировать окислительные процессы и снижать проницаемость клеточных мембран для воды. Средство доставки поражающих веществ — многополосный лазерный луч. Так что пораженные объекты и в самом деле становятся похож на лед и камень.

— Спасибо за проделанную работу, почтенный Шах-Мохамед, но честно признаюсь, мне не хочется обольщатся. Будьте уверены, что у противника всяких фокусов заготовлено, больше чем у нас. Наша исследовательская база еще слаба, а ученые-наймиты мало похожи на творцов. Ни по части противопехотных роботов-трансформантов, ни, тем более, по части умных ракет мы Западу не ровня. И никакие трофеи, никакое воровство тут не поможет. Аллах нам дал численность, хитрость и решительность, но не дал пока ума. Однако все в его воле. Алла акбар…

Хозяин взял паузу, затянувшись из кальяна. Гости, не прикасаясь к еде, с почтением ждали, когда он продолжит.

— Ну вот… Мы явно потеряли тот боговдохновенный порыв,

который позволил нашим предкам тысячу триста лет назад покорить мечом пятьдесят народов и дойти до рубежей Поднебесной. Учтите, любое промедление — и враг получает новый козырь против нас.

— Но, досточтимый, каждое мгновение у нас в строй становится сто воинов, в то время как у них — один, — сказал старец-улем в высокой чалме.

— Я слышу об этом с пяти лет. Но лишь одно дуновение Всевышнего — и тысячи воиной рассыпаются в прах, — заметил хозяин, а старец охотно закивал.

Гости опустили головы и как будто задумались. Хозяин жестом позвал того, кто сидел напротив, на дальнем конце стола, и взяв его под руку, спустился с ним в сад. Из-под жасминового куста выскочил как заяц искусный музыкант и метнулся по туфовой дорожке к хозяйственной пристройке.

— Спасибо, Зелим, хорошо играл, — крикнул ему вдогонку хозяин.

В тени магнолий он вместе со своим гостем уселся на скамью, затем некоторое время созерцал фонтанчик, весело плещущийся в лазерных лучах на мраморных уступах искусственного грота, и игру золотых двухголовых рыбок в неглубоком бассейне.

— Что для вас Ислам, почтенный Мехмет Айдин? — наконец обратился хозяин к гостю.

— Это единство. Это все пальцы собранные в кулак. Это общая воля.

— Ваши воззрения весьма отличаются от ортодоксальных. Вы даже не разу не сказали слово «Бог».

— Ну, хорошо. Алла акбар. Наше единство освящено Богом, наша воля — это воля Бога. Всевышний дает нам победу, потому что любит нас… То есть, можно сказать, что Бог любит сильных. — гость улыбнулся, молитвенно сложил руки и воздел очи горе.

— Глядя на вас, я все время думаю, исполняем ли мы в действительности волю Всевышнего. — заметил хозяин.

Молчаливый слуга возник неслышно как тень и поставил на столик выточенную из нефрита вазу с фруктами и древние китайские чашки, наполненные зеленым чаем.

— Что происходит с проектом «Яйцо дракона», уважаемый Мехмет Айдин? Как-то вы мне рассказывали в радостном возбуждении, что еще пару месяцев — и вы сможете печь шахидов, как пирожки.

— Досточтимый, мы добились управляемой эволюции на базе Нохгенов…спешно заговорил гость.

— Те монстры, которые сгорели в «Электронише Гемайншафт» не очень-то похожи на драконов. Аллах не потерпел их на земле. Очень жалко, что там же мы потеряли и генерала Азиза, да насладится он вечным покоем. Как хорошо, что у нас в запасе имелся еще один Азиз, но что можно хотеть от клона, которого выращивали на запасные органы?

— Досточтимый, мы успешно перезаписывали информацию Яйца на искусственные носители, в синтетиков, которые наиболее перспективны…

— И это вы называете успешно? У вас была только одна часть Яйца, поэтому всех ваших худосочных синтетиков перекрошили в Очхое.

— Мы ищем остальные части и мы их найдем.

— Я знаю, что пока вы искали второй резонатор, то потеряли первый. Я знаю, что благословенная сабля пророка, который десять лет пролежала в Очхое, досталась не вам. Похоже, после Эдельштайна Аллах не дарует вам удачи. Конечно, где еще сыщешь подобного кретина, который попытался вынести каменную реликвию из восточного отдела Петербургской публичной библиотеки, сунув ее в кальсоны? За это он пасет сейчас моих овец в горах Кафиристана…

— Досточтимый, из исторических резонаторов ключевым является третий. Он является реинтегрирующим. Когда мы найдем его…

— С чего вы решили, что найдете его, что вас не опередит этот никому не ведомый Василий, как его, Рютин.

— Да, опасность есть. Ведь этот человек не работает сам по себе. За ним, досточтимый, стоит мощная организация.

— Интересно какая?

— Мы этого пока не знаем. Но я подозреваю, что это разведка сионистов, действующая через один из своих филиалов в Казахстане или России.

— Судя по той информации, которой мы располагаем, Василий Рютин ничьим агентом не является, хотя, конечно, его пытаются использовать, как мы, так и наши непонятные соперники. Но насколько я читаю их почерк, они просто набирают капитал, прежде чем приступить к торговле с нами по поводу резонаторов, реинтеграции, лярвации и так далее.

— Но они не идут на контакт.

— Поверьте мне, Мехмет, наши соперники люди не принципиальные. Это не сионисты. Теперь, что касается Василия — вы пытаетесь его уничтожить, запугать, забить. Вы хотите его использовать, нисколько не задумываясь, а что у него на душе. Я вижу только одно: ваши мысли насчет него неугодны

Всевышнему. Я думаю, что человек этой волею Аллаха идет вперед и идет достаточно прямо, так что держитесь за его спиной. Только отнимите у него чудо-машину, иначе вам за ним не поспеть. Не хватайте его за полу, как вы привыкли, не терзайте по мелочам. Кроме того, своей дружеской позицией мы обеспокоим его новых «друзей» из той таинственной спецслужбы. Они подумают, что Рютин ведет двойную игру, и, может, даже захотят его убрать. Тогда мы придем ему на помощь, спасем, а затем уберем его сами — когда будет в самый раз. Когда он даст нам новое полноценное Яйцо.

— Как же убрать, если этот опасный человек — любимец Аллаха?лукаво произнес гость.

— Ну так Аллах его разлюбит. Наш бог любит тех, кто побеждает. Ты ведь сам это сказал, Мехмет… А, кстати, этот мОлодец, Василий, действительно твой родственник?

— Скорее уж моей троюродной сестры Асии.

— Ну да, Асии Раисовны, которую ты отчаянно старался превратить в драконью самку. В любом случае он тебе родной по крови. А родня должна стоять друг за друга, Мехмет.

Гость хотел было как-то возразить, но тут над браслетом, который обхватывал запястье хозяина, возникло голографическое изображение какой-то местности и чей-то взволнованный голос стал говорить о том, что спецназ противника проводит зачистку по всему Гамбургу и много бойцов Ислама уже уничтожено или схвачено. Озабоченный хозяин прервал беседу с гостем и тот отправился довольно хмурый на веранду.

Зарубка 11. (октябрь 2001 г., Кавказ — Сибирь) «Полет на тот свет со всеми удобствами»

Чудо-машина уже не ждала его — на прежнем месте и где-то поблизости ее не оказалось. Два дня бывший ниндзя и лазутчик хоронился по ущельям и щелям, ночью карабкался по горным тропам, ожидая с минуты на минуту, что его накроют сачком и насадят на булавку. То ли это будут враги: шахиды, люди Хожи Ахмета и Мехмета Айдина, то ли друзья, люди Льва Константиновича.

И не зря наверное ожидал. Хвост-то чувствовался. То камешек где-то упадет, то щебенка просыпется, то ветка качнется. Вроде ничего особенного, а почему-то страшно. Вот выйдет сейчас навстречу демонический воин с рыжими свирепыми глазами, а заплутавший программист только пукнуть сумеет. Да и то негромко.

Видел он несколько раз и джипы с вооруженными людьми, но их совершенно не дрейфил, те ехали по торным дорогам и четким

маршрутам.

Еще он замечал, что бодик то ли выходит с кем-то на связь, то ли пытается определить координаты.

Впрочем, мысли о друзьях и врагах скромно отходили в сторону, когда надо было элементарно пожрать. В этих местах водилась съестная живность: и косули, и кабаны — по крайней мере, так значилось в справочном файле, однако на глаза попадались только скорпионы и пауки. Один раз Василию удалось шлепнуть птичку типа воробья и он с плачем обглодал ее, проклиная себя за чувствительность.

Однажды, а было это глубокой ночью, он спускался по стене ущелья, глотая сопли из-за голода и холода и пытаясь выйти на тропу. Вдруг за утесом, наполовину закрывающим узкий проход, послышалось какое-то шевеление. Василий мигом присел и вскинул свой пистолет-пулемет, готовясь выстрелить в первую же тень. Но тут послышался негромкий голос, который сформулировал вопрос на приличном русском:

— Ты что такое?

— Я не «что», я турист. А вы случаем не гиды-экскурсоводы, которых прислал Хожа Ахмет?

— И мы туристы, а не гиды-экскурсоводы. Нам лучше не стрелять друг в друга, иначе сюда в самом деле придут люди Хожи Ахмета или прилетят российские вертушки.

— Тогда выходите из-за утеса, опустив стволы вниз. Я точно так же сделаю.

— Много хочешь, — возразил голос.

Но после недолгого шепотливого совещания из-за скалы вышли четверо с опущенными стволами. Их внешний вид не внушал Василию никакого доверия, хотя он вынужден был поступить так же. Чутье сразу подсказало ему, что это не шахиды Мехмета Айдина и не подчиненные Льва Константиновича, а самые настоящие дезертиры. Двое из них были славянского вида, а двое — азиатского, однако форма выдавала в них беглых военнослужащих российской армии. Василий ожидал, что вот-вот кто-то из них, зайдя сбоку, выстрелит в него или метнет нож, поэтому стал пятиться.

Это создало определенные неудобства дезертирам, так что один из них обратился к своему предводителю: «Назыр, чего-то у меня шнурок развязался». Этот человек явно собирался присесть и, быстро выудив пистолет, пальнуть в Василия. Но тут беглый программист спросил предводителя, названного Назыром:

— Ты не киргиз из племени Джедигер, из рода Джансеит?

— Ну да, — несколько озадаченно отозвался раскосый человек в шапочке с надписью «Майями-Бич».

— Вернулся из отпуска?

— Ну да.

— Ездил на свои деньги, а начальство обещало вернуть отпускные после, но не сдержало честного слова, и ты, почувствовав кисляк, решил удариться в бега?

— Откуда ты все это знаешь?

— От твоего брата Акая.

— Акай, братишка, — воскликнул человек на киргизском, а потом схватился за штык-нож. — Что ты сделал с ним?

— Да помог ему прикончить Джанибека и Джусупа.

Через секунду Назыр уже обнимал Василия, и говорил, что и «Менатеп»зараза тоже заморозил счета, а через минуту кормил своей тушенкой и поил своей водкой, несмотря на недовольные взгляды товарищей.

Он и подарил Василию перед расставанием талисман, который передавался по родовому древу якобы от самого Камаля Ибн-Зайдуна. Впрочем, у Назыра остался точно такой же. А потом они разошлись в разные стороны, и идти Василию стало легче, потому что протеины заиграли в крови, усиливая метаболизм.

Видимо, это обстоятельство побудило «опекающие» организации несколько выйти из тени.

На следующий день повеселевший было путник уловил какое-то глухое урчание, а инфрасканеры отметили легкую рябь над скалой, что вздымалась. метрах в двухстах от него. Бодик идентифицировал «рябь» как летучую машину, скорее всего геликоптер с маскировочным кремнийпластиковым покрытием. А потом состоялось боестолкновение между ней и кем-то еще. Рябь оформилось во что-то вроде тучки, из которой вдруг был произведен ракетный залп по небольшой площадке, заросшей эдельвейсами, совсем уж недалеко от Василия.

В свою очередь и площадка не осталась в накладе, соединившись серой чертой ракетного следа с тучкой.

Потом еще проносились огненные кляксы, и вспышки кромсали камень там и сям, и Василий увидел, что от утеса, нависающего над самой площадкой, отделилось и упало вниз обгоревшее человеческое тело.

И тут прямо перед наблюдателем сконденсировался геликоптер, отдаленно напоминающий пакет молока. На борту открылась дверь, из которой вылетели щупальца. Они мигом обвили Василия и, слегка придушив, рывком втянули его внутрь машины. Когда тело скитальца пересекало комингс двери, отрыв до земли увеличился уже минимум до пятидесяти метров. Новый пассажир воздушного судна вдобавок заметил дымный след от зенитной ракеты, которая прочертила воздух чуть подальше его

задницы. Совсем рядом с Василием сработала пусковая установка вертолета, и две ракеты, чуть не задев его пятки, обдав воем и вонью, ушли к поверхности. А когда он очутился в кабине, у него даже подогнулись колени — так резко вертушка набирала высоту. Потом дверь закрылась, и сразу стало тихо.

На этот раз он оказался в бронированном отсеке, где раньше, видимо, располагался борт-стрелок. От него осталась даже пулеметная турель. В отличие от экраноплана, перегрузки здесь ощущались очень явственно, Особенно во время лихих маневров и виражей. Василия даже замутило, и он подыскал себе место в уголке, чтобы прикорнуть. Едва он вытянул ноги, как сдвинулась внутренняя дверь и в отсеке появилась фигура пилота в полном боевом облачении — шлеме и бронированном-армированном комбинезоне с противоперегрузочной подкладкой. На вид — просто робот из старинной научно-фантастической книжки. Впрочем, габаритами он несколько уступал среднестатистическому летуну.

— Что, мало каши ел, пилот? Или, прыгая на баб, жирок потерял?

Летун снял свой шлем, и Василий увидел голову сестренки Зины, ту самую, красовавшуюся на экранах боди-компа. Только сейчас ее рыжие волосы не торчали вихрами, а увлажнились и даже прилипли к коже, особенно на висках. Но из-за этого она приобрела совершенно невинный, почти детский видок.

— Что-то вы не очень торопились, товарищи и дамы. — протянул Василий в растерянности.

— Мы дали тебе возможность изрядно попутешествовать за чужие бабки. Или ты желаешь получить счет?

Василий еще раз отметил, что у нее интересный интригующий голос, не писклявый, с легкой хрипотцой, что несколько контрастировало с ее «зеленой» внешностью.

— Какие вы мне еще дадите возможности? Попрыгать с небоскреба, потанцевать под пулями, покрутиться на лопасти вертолета, позагорать под атомным солнышком?

— Ты был длинной соплей, болтающейся на ветру, а сделался настоящим мужиком. Ты теперь солдат, самец в полном соку.

Это звучало убедительно. Василий даже приосанился. Но тут вертолет бросило вбок, затем он скользнул вниз, как лифт, у которого оборвался трос. При том желудок пассажира едва не вылетел изо рта. Василий, скрипнув зубами, чудом остановил движение еды снизу вверх — вчера вечером он проглотил последний кусок тушенки, который до сей поры отказывался перевариться. Сестренка же Зина в этот момент тактично исчезла, чтобы вскоре появиться снова.

— Попали все-таки в сильную болтанку. — вдобавок к снятому шлему она еще расстегнула комбинезон. Из-под бронированной чешуи забелела, конечно же, нежная девичья шея.

Вертолет дал сильный бортовой крен, и Василия мотнуло к Зине, он попал носом в распахнутую часть ее комбинезона и оперся руками на девушкины бедра, чтобы не провалиться еще глубже. В свою очередь она уперлась ему в кадык.

— Хорошо, я стал настоящим мужиком, но не только. Я превратился в приманку для каких-то басурман, в домик для какой-то твари, а аккумулятор для каких-то там сил и энергий, в мишень для всех враждующих сторон, в бумажку для двух больших задниц. Я — и то, и се, но что я с этого буду иметь? Пока что мне только писают в глаза и вешают лапшу на уши без всякого стеснения. Ну признайтесь, что мы общались уже и раньше, из-за того ведь второй шрам на моей щеке?

Инерционная сила опять швырнула Василия к Зине. Но она уже не отстранила его.

— Знаешь, Вася, это только в китайских фильмах герой может и под ножом нейрохирурга хранить государственную тайну. Чтобы не полагаться на силы человеческие, приходиться хитрить. В самом деле, мы встречались раньше и даже любили друг друга. А теперь ты будешь иметь…

Она поперхнулась, потому что вертолет весь забился, как эпилептик, также затряслись друг на друге и Василий с Зиной. По ходу дела ее комбинезон расстегивался все больше, высвобождая девичье тело, как ракушка жемчужину. Контраст между грубой «динозавровой шкурой» и подлинным телом Зины, изящными линиями и нежными поверхностями, был чрезвычайно велик. Контраст не только усиливал кровообращение, но и на что-то намекал, что-то такое символизировал.

Василий Самуилович вдруг почувствовал, что между ним и девушкой имеется какая-то тайна. Это ведь… подруга, которую не надо разрывать, которую необходимо полюбить, чтобы открылся дальнейший Путь.

Любовник Рютин покрепче ухватился за молодую женщину и собрался было атаковать главный ее бастион. Но Зинаида еще взяла пробу крови из его вены, проколов внезапно кожу и одежду небольшим прибором, похожим на револьвер сорок пятого калибра. И лишь потом позволила продолжить сближение. Василия катало по кабине, его тошнило, он все не мог примериться и попасть куда надо — девица как бы случайно ерзала и изгибалась, будто змейка.

Если она та самая подруга, объект любви, а не ярости, почему же так переменчива и скользка?

А когда бастион был уже взят на мушку, когда начинался решающий приступ, когда пора было с криком «даешь!» врываться в него, Василия вдруг стиснули ледяные тиски. От этого он распалился еще больше, запсиховал…

А потом вдруг замер, окостенел, почувствовал как мигом испаряется кипящая кровь и увидел застывшим взором, что Зина принимает его семяизвержение в пробирку, активно помогая своей рукой, облаченной в резиновую перчатку. Покончив с этим мерзким делом, она сразу же исчезла, а сверху, на подволоке отсека, раскрылся странный прибор, похожий на зонтик.

Василий, с криком преодолев скованность, рванулся к двери пилотской кабины, но та была надежно заперта. Он застучал по переборкам — глухо. Этот отсек явно был рассчитан на разрыв снаряда или гранаты.

Холод обрушился всепроникающим потоком, превратил мышцы в медные провода. Ноги отказывались повиноваться, руки задубели, шею свернуло спазмом. Последним усилием воли Василий заставил себя схватить пистолет-пулемет, направил его в сторону пилотской кабины, нажал спусковую кнопку. И никакого результата. Индикатор боезаряда показывал "0". Эта чертова кукла, сестренка Зина, во время сеанса соблазнения не только взяла спермиограмму, но и полностью обезоружила его. Какой позор — провела на мякине. Придя в окончательное отчаяние, сопровождаемое полным окоченением, Василий повалился на палубу.

И тут же появились новые действующие лица. Двое в белых врачебных комбинезонах, а с ними третий в боевом жилете, в шлеме, с штурмгевером. Василий нашел возможность слегка ухмыльнуться — перестраховщики чертовы, даже от полутрупа обороняются с применением всех сил и средств. А бодик преданно пискнул: «Я в этом не участвую, меня о таком не предупреждали, видимо, в нашу организацию затесались темные личности».

Одна такая темная личность, а именно бронированный воин, выдернула компьютерного пискуна из кармана у Василия и зашвырнул в угол.

Затем в отсек въехала колонна техники, состоящая из нескольких медицинских аппаратов на колесиках, включая что-то одновременно похожее и на аквариум, и на операционный стол. Его колесики легли в пазы, после чего накрепко зафиксировались. Сверху ударил ярчайший свет, никакой болтанки и качки в помине не стало — вертолет оказался полностью готов к проведению операции.

Человек в боевом жилете схватил Василия за пояс и шиворот

и довольно небрежно переложил в аквариум, при этом «пациент» оказался на животе. Однако скошенным глазом бедняга мог еще «полюбоваться» на то, что происходит. Боец скромно отошел в сторонку — чтобы наблюдать за операцией с некоторым интересом, зато запахло озоном и в руках докторов появились разные неприятные инструменты.

Сперва это был электронож, которым врач распорол и жилет, и куртку, и тельняшку, и отчасти штаны — от шеи до задницы. Затем были подведены сканеры — они поплыли вдоль тела, считывая телесную информацию, а на экранах, установленных возле борта, Василий мог наблюдать себя в разных проекциях и разрезах, с разной степенью прозрачности, просвеченности и подкрашивания.

На одном из экранов появилось яркое пятно, и врачи удовлетворенно загалдели. Они нашли то, что нужно — в районе крестца. И была драконья структура сейчас размером с царский рубль. Искомое пятно сразу было обведено контурами, помечено стрелками и увеличено, после чего стало напоминать распластанную ящерку. Были также показаны пути оперативного внедрения и подхода к нему.

А потом врачи-враги, обсудив стратегию и тактику, перешли в атаку. Василий услышал шум быстро работающего инструмента и это ему сильно не понравилось.

Так и есть. Мониторы в разных проекциях показывали фильм ужасов. К беззащитной спине свезамороженного гражданина Рютина хищно приближается то, что можно назвать фрезерной пилой. Доктора, похоже, намеревались вскрыть его без особых затей, выудить то, что им более всего интересно, а остальное выбросить в помойное ведро. Тем более, и структура в его скованном холодом теле никоим образом не двигалась, как бывало раньше; не съеживалась, не уменьшалась.

Возможно, тварь и была еще способна к перемещению, но это могло серьезно повредить ее «домику» — то есть замороженному Василию. Замороженный даже нашел возможность немного расчувствоваться. Ведь драконья структура относилась теперь к нему, можно сказать, бережно с пониманием.

Значит, возможна дружба-фройндшафт между детьми разных планет. Наверное, истинная дружба и называется симбиозом.

Василий еще попробовал пособирать волю в кулак, чтобы как-то возразить мучителям. Но кулак оказался кисельным, а воли собралось только на щепотку. Фреза же неумолимо подбиралась к спине, и было ясно, что Василия не спас бы даже черепаший панцирь. Спина, хоть и застыла как камень, уже чувствовала приближение острой, быстрой стали. Еще немного — и все,

начнется гастрономия.

Но вдруг послышался хруст, и доктора загалдели снова, однако уже не радостно, а озабоченно.

Спустя мгновение Василию показалось, что он взорвался в районе крестца. Посторонний предмет вырвался из него, как ракета! Может, он и показался посторонним, потому что мигом пробурил замороженное тело и оказался снаружи. Василий успел заметить на экране, что красного пятна, ящерки, больше нет в его организме, зато в нем появилась небольшая пусковая шахта.

И вдруг холод исчез. В кабине уже шла стрельба, ее заволокло дымом, какое-то человеческое тело грузно шмякнулось на палубу. Василий хоть и не согрелся, но уже ощущал резкую боль в районе крестца, и даже смог выскочить из своего аквариума. Ударил доктора в кадык кулаком, припечатал бойца ногой к переборке и, естественно, забрал его штурмгевер вместе с жилетом, чтобы как-то прикрыть наготу. Потом Василий заметил, что еще один врач валяется в неестественной позе, и дернул ручку двери, ведущей в пилотскую кабину. Конечно, никакого результата. Заперлись сволочи вместе с сукой Зинкой. Небось, люк двойной, да еще поджидает непрошенного гостя бьющий в упор пистолет-пулемет с игольчатыми зарядами.

Для «сгущения» атмосферы ужаса из маленьких колпачков, расположенных на подволоке, начало исходить какое-то интенсивное зловоние, заодно потянулись от них струйки белесого газа. Так, эти заразы устроили летучую газовую камеру! Голова сразу поплыла, а сердце отчаялось. Куда теперь? На улицу?

И именно после этих шальных мыслей послышался голос Акая: «Давай выходи» и стук в бортовую дверь — причем С ТОЙ СТОРОНЫ.

А боди-комп пискнул с палубы: «Рискованно, но есть вероятность уцелеть. Где-то четыре-пять процентов.»

Невзирая на меркнущее сознание, колющую боль, одеревенениеокостенение, рвотные позывы и ниспадающие штаны, Василий подхватил бодик и подскочил к бортовой двери. Первым делом заметил на ней угольное пятно и как будто накипь — похоже, это все что осталось от драконьей структуры, получившей в упор фосфорный заряд. Затем несколько раз Василий щелкнул тумблером штурмгевера, подбирая тип боеприпаса, и выпустил в упор бронебойный. Пуля «колокольчик» высадила замок двери. Василий, не медля, трахнул ее ногой и едва не выпал раньше времени.

Дверь откинулась вниз, образовав трапик в никуда, а плотный холодный ветер стал терзать лицо. Еще два выстрела в

крепящие узлы — и дверь истерично задергалась под ударами встречного воздушного потока, собираясь в любой момент оторваться. Василий выглянул наружу — вертолет летел над горным склоном. Там лежал не слишком толстый снег, кое-где белую плешь пробивали редкие деревца. Вдобавок из каменного желоба вырывался водопадом горный поток, метров на тридцать пониже образуя озерцо. Вертушка летела «впритык», видимо, из маскировочных соображений, так что высота не выглядела особо внушительной. Хотя — как сказать.

Василию показалось, что кто-то машет ему с берега озерка. Он оглянулся назад, дверь пилотской кабины уже коварно открывалась и из нее высовывалось дуло пистолет-пулемета.

Василий сделал окончательный выбор в пользу воздушной прогулки, благо, после недавнего замораживания еще не прошла эмоциональная тупость. Он прыгнул животом на дверь и ухватился за выступы бывших петель. Не выдержав последнего толчка, она немедленно оторвалось и полетела вниз вместе со своим неожиданным пассажиром.

Вослед ему застрочили еще из пистолет-пулемета, но это Василия ни капельки не заинтересовало. Не до того было. Ведь первые секунды полет выглядел совершенно неуправляемым и жутким, сердце уже готово было взорваться. Однако в какой-то момент Василий заметил складку пространства, тропку, которая вела его к голубому водному пятну. И это несмотря на то, что дракона в нем уже не было!

С того радостного момента Василий стал планировать, а дверь — изображать из себя крыло, и как будто даже слушалась «штурвала». Краем глаза планерист еще уловил, что из вертолета через открытый проем вылетело два тела, и вдобавок какое-то оборудование. Видимо, пилот заложил крутой вираж, что не отстать от «дверного летчика».

Одно из выпавших тел явно принадлежало живому человеку, оно сучило руками и ногами. Хотелось как-то помочь товарищу по несчастью, но пока не представлялось никакой возможности.

Геликоптер ударил еще раз, на этот раз ракетой. Она прошла совсем недалеко от планирующей двери и долбанула камни — по счастью, на короткой дистанции подлета не успела сработать головка наведения и элементы управления. Это уже взволновало Василия, и он заложил свой вираж, перекинув ноги направо.

Пилот бросил еще один козырь и атаковал программиста-планериста всей тушей вертолета. Но, судя по всему, угодил в нисходящий поток, то бишь воздушную яму, и вместо того, чтобы таранить или рассечь лопастями, промчался ниже. Всего лишь сантиметров на пятьдесят. Поток от винта сильно толкнул

Василия вверх и намного уменьшил скорость падения. Последнее, что увидел дверной планерист, прежде чем врезаться в стену водопада, это то, как вертушка пытается набрать высоту, чтобы преодолеть горную кручу. И, кажется, тщетно.

Тут Василия ударило, сотрясло и завертело в водяной круговерти, закидало, словно он был тряпкой в какой-то сверхскоростной стиральной машине. Кроме того, совершенно нечем было дышать. Вдобавок его пару раз серьезно шмякнуло о что-то твердое, хотя и не острое. И какое наступило наслаждение, когда он погрузился в спокойные ледяные воды озера, успев даже глотнуть воздуха перед этим.

Именно наслаждение, потому что эта купель после всего пережитого не казалась возмутительно холодной.

Василий повращал глазами и увидел еще одно тело, опускающееся вниз. Судя по комбинезону, то был один из докторов-садистов. Хотя злодей не совершал никаких самостоятельных движений, Василий подумал, что этот человек, возможно, жив и стоит его спасти и откачать — тогда будет свой домашний врач. Но когда до «домашнего доктора» оставалось пару метров, тот вдруг лопнул и из него вышел кровавый вихрь вместе с потрохами. Премерзейшее было зрелище — видно, одна из очередей, предназначенных Василию, попала в «своего» и разворошила его пулями-бутонами.

Василий собирался было уже толкнуться ногами, чтобы поскорее добраться до поверхности, но внезапно какой-то блеск приворожил его. Несмотря на нехватку воздуха, невольный ныряльщик преодолел еще метр, отделяющий от блестящего предмета, мирно лежащего на дне. Там, среди валунов, сброшенных водопадом, Василий увидел скелет, вернее обломок черепа и пару неприглядного вида костей. А рядом с ними лежала, а если точнее покоилась, тарелка или что-то вроде этого. Она то и блестела.

Василий хотел было вынырнуть сперва, а потом уже думать, стоит ли возвращаться за блестящей штуковиной, но тут как наваждение, прямо держит его эта тарелка, так и тянет к себе. Ну, рядышком же, рядом. Он рванулся, схватил ее и начал всплывать. Всплывает и улавливает, что происходит это слишком медленно.

Уже начались судорожные сжатия задыхающегося организма, уже выворачивало так, что кишки рвались через горло. Но сильнее боли была обида, что прокололся-то по ерунде, что пропадает ни за грош, когда можно было уже покончить с проклятым геройством и отвязаться от всех непрошеных командиров.

Но едва обида и боль дошли до точки, как старинный череп

нарочито бросился в глаза. Он словно накалился добела и взорвался. В заполнившем весь мир сиянии Василий почувствовал себя маленьким и ничтожным. Он плыл сквозь блестящее марево, как комочек живой слизи. Ни мыслей, ни памяти, ни здравствуйте, ни до свидания. Только реакция на свет-давление. А потом сияние стало меркнуть, разреживаться, образовывать сгустки и полосы.

В конце концов вновь заработали зрение, слух и прочие чувства, сортируя, калибруя и опознавая окружающую настоящесть. Путник обнаружил себя в огромной зале, с косыми сводами потолка, с хрустально-лазуритовыми колоннами, на которых рассыпались солнечные лучи, проникающие сквозь майолику оконных стекол. Там вдали на нефритовом троне, удерживаемом яшмовыми оскалившимися тиграми, восседал Владыка Поднебесной. Да, именно так назывался этот человек. Еще его звали Си-цзун. Тот, кто прошел сквозь свет, с удивлением осознал, что не знает, как зовут его самого. Впрочем, быстро всплыло какое-то короткое и странное имя — Ходящий-Мимо.

Там, где стоял он, жались сановники низшей ступени, рангом не выше местечкового чиновника сюцая. После удара в большой колокол должна была начаться утренняя церемония и «подъем в зал». Сегодня наступал пятнадцатый праздничный день восьмой луны и все званые лица в порядке чинов должны были обойти зал Великого Пути с востока на запад, в правом притворе вознося дары на алтарь Гуань-инь, а Сыну Неба отдавая земной поклон. Отсюда еще невозможно было различить черт лица у Повелителя, восседающего на троне, заметен был лишь блеск одеяния, которое облекало полувоздушное тело, полное благодати-дэ.

Неожиданно возле Ходящего-Мимо возник Хранитель-Мыслей в лиловом халате, и сердце запрыгало, будто превратилось в лягушку. Один из самых высокостоящих евнухов во всей Поднебесной оказал скромному путешественнику честь, поманив пальцем и сказав: «Ходящий-Мимо, земля и воздух указывают на тебя, следуй за мной по пути благих побуждений.» И в глазах Хранителя-Мыслей блеснул свет посленебесной разумности — син. Сановник провел скромного странника к маленькой дверце, скрытой за изваянием бога огня Хэдэ, после чего они оказались в каком-то темном переходе, лишь слегка освещенном масляными светильниками. Ходящий-Мимо никак не думал увидеть столь сумрачную дорогу рядом с Залом Великого Пути. Он ожидал, что знатный сановник вот— вот посвятит его в свои мысли, но тот хранил строгое молчание, скользя впереди, словно тень предка.

И Ходящему-Мимо стало мниться, что какой-то его поступок оказался оскорбительным для гармонии земли и неба, отчего

надлежит ему прийти в комнату Последнего Выдоха. И вспотели от ужаса даже пятки.

Однако проход закончился дверью, над которой был высечен знак Глубокого Созерцания. Страх покинул душу путешественника, и осталось одна покорность велениям Неба. Бронзовая дверь как будто распахнулась сама, когда Ходящий-Мимо вместе с Хранителем-Мыслей оказались на расстоянии одного шага от нее. Вход «охраняла» пара малахитовых воинов со змеиными головами — путешественник явственно услышал шипение и увидел отблеск третьей преисподней в их топазовых глазах. Чуть поодаль стоял сумрачный страж во плоти и крови, высокий и толстый, как дуб, в шлеме, скрывающем лицо, и кольчуге, похожей на чешую большой рыбы. Его широкие руки, больше напоминающие вековые сучья, казалось, могли протянуться от стены до стены, но сейчас они просто сжимали меч-секиру.

Пройдя с поклоном рядом с воином, Ходящий-Мимо увидел палату, такую же темно-зеленую, малахитовую, как и каменные стражи, располагающую к погружению в глубинные свойства вещей.

В центре ее на больших подушках из тончайшего шелка, набитых нежным пухом северной птицы Шу-га, возлежал в длинном халате сам Властитель Поднебесной. В руках его, на подносе из слоновой кости, где был искусно вырезан рельеф с охотничьей сценкой, катались по бороздкам мелкие шарики. Их надлежало загнать в лунки, находящиеся внутри изображенных зверей. Каждый раз, когда шарик оказывался в лунке, Властелин Незамутненной Чистоты восклицал: «Попал, попал» и смеялся подобно младенцу. Хоть и хлопнувшись ниц, но Ходящий-Мимо заметил это и сказал себе: «Истинно он — великий правитель, осиянный благодатным дэ. Ибо только великий правитель способен так отрешиться от внешнего и отдаться внутренней безмятежности.»

— Как видишь, Ходящий-Мимо, — воскликнул Владыка Тигров, заметив одного из бесчисленного множества своих подданных, — я не такой дурак, чтобы торчать от восхода и до полудня на церемонии. В Зал Великого Пути я посылаю сидеть на троне своего двойника, который отличается от меня лишь двумя шрамами на ягодице. Впрочем, он стареет медленнее меня и скоро придется лишить его жизни.

Тут Хранитель-Мыслей дернул Ходящего-Мимо за шиворот, показывая, что надо подняться на ноги и на две четверти распрямить спину.

— Я слыхал, Ходящий-Мимо, что ты опытный

путешественник и что ты побывал в странах, где солнце превращает все живое в уголья и там, где с неба падают огромные куски льда?

— Подателю Благодатного Дэ ведомо все. Я был и в тех странах, где люди летают по воздуху, словно птицы, и там, где люди слышат друг друга, находясь по разные стороны горы. Я любовался даже деревом, ветви которого украшали самые различные плоды. И всякий раз я посылал донесения Большим Вратам, чтобы они довели до Владыки Покоя полезность приобретения этих земель.

— Настоящий путешественник вовсе не выходит из своего дома,напомнил Страж Путей. — Мы не считаем, что Поднебесной надо идти по пути наращивания внешних богатств. Уже давно мудрыми было сказано: там, где народ владеет многим, государство — слабо.

— Слабое мое разумение безмерно уступает знаниям о Сокрытом у моего повелителя. — смиренно отозвался путешественник.

— Нам известно, Ходящий-Мимо, что ты читаешь знаки земных путей, поэтому искусен в поисках. Мы собираемся использовать это. — молвил Владыка Тигров. — Задача любого правителя — держать свой народ в простоте и безопасности. Если первое у меня получается хорошо, то второе тревожит мой разум даже на ложе и за столом яств.

Повелитель зевнул, а затем кивнул Хранителю Мыслей. Тот, отвесив поясной поклон, стал говорить:

— Северо-восточные варвары, восстав из ничтожности, беспрерывно наступают на наши пределы и овладели уже сорока городами. Несметная армия нашего полководца Вань Хуачжэня сгинула, как будто и не было ее. Не сумели мы откупиться или обхитрить маньчжур, что удалось императору Ян-ди с тю-куэ во времена Суй, и императору Нинь-цзун с мэн-гу во времена Южной Сун. Нынешним зверолюдям не нужны тысячи верблюдов, нагруженных шелком, плодами, пряностями, изящными изделиями, сосудами с игривым вином. Их языки не чувствуют вкуса, их глаза не видят изящного, уши не слышат утонченного. Варварам требуется вся Поднебесная, чтобы смешать в ней землю и воду, обратив ее в первозданный хаос…

Неожиданно заговорил и сам Повелитель:

— Мы превращаем все больше крестьян в солдат и оттого родится леность и безразличие на полях и огородах. А солдаты подобны прожорливым тучам саранчи, которые пожирают всю зелень, но летят прочь от порыва сильного ветра. Нам нужна защита, Ходящий-Мимо. Причем защита совершенная и не

требующая усилий государства.

— Но я не знаток волшебств, не даос, не мудрец, — смиренно откликнулся согнувшийся в поклоне человек.

— Ты путешественник. — произнес Владыка. — И ты найдешь мне то, о чем я тебе скажу.

— Оно имеет вещный образ скорлупы драконьего Яйца, — снова подключился Хранитель-Мыслей. — Некогда Шихуанди, правитель из рода Цинь, отослал ее в ледяную страну динлиней, владения северного бога Сюань-у. Сейчас небо звезд говорит о том, что настало время обратного движения.

— А почему Ведающий Судьбами дает именно мне великое счастье исполнить его волю? — спросил Ходящий-Мимо. — Есть ведь немало других ходоков и странников. Полночный Бегун уже третий год не может остановиться, он даже спит на ходу.

— Ты добивался порой того, что не удавалось многолюдным отрядам, направляемым нами за разными земными и водными диковинами.

Уста Повелителя казалось еще хотели что-то произнести, но его уже утомил разговор о суетном, и он сделал знак, чтобы пришедшие удалились.

В дворцовом переходе Хранитель-Мыслей молвил не без улыбки:

— Еще несколько лишних вопросов и ты мог лишиться верхушки тела, Ходящий-Мимо. Властитель не любит, когда его отягощают внешним, в то время как его дух уходит в сокровенную глубину.

Несмотря на свою памятливость Ходящий-Мимо не сумел запечатлеть в уме, какими путями вел его Хранитель-Мыслей по переходам большого императорского дворца. И наконец очутились они там, где Хранитель-Мыслей сказал: «Здесь мой дом».

Евнух опустился на коврик из шерсти тонкорунных западных овец подле низкого столика и указал гостю на место рядом. Тут же две женщины с застывшими лицами неслышно принесли угощение: рис с жареной саранчой, украшенный молодыми листьями банана, и кувшинчик с веселящим вином из южного Ганьсу. За спиной Хранителя-Мыслей в стенной нише стояли изваяния — Полководца Облаков Юнь Цзяна и Безначального Хаоса Хунь-Гуня. С боков от ниши висели образы Водяного божества Вансяна, витающего над рекой, Разноцветной собаки Шэнь на холме, Двуглавого Дракона Фанхуань среди облаков, Извивающегося Змея Вайшэ на болотах. Вокруг курились дурманящие пирамидки, чьи благовония были приятны ноздрям дУхов.

— Почтенный Страж Мыслей Властелина, — обратился Ходящий-Мимо, вкусив из вежливости несколько горстей риса. — Я до сих пор не постиг сути того веления, что милостиво ниспослал мне Сын Неба. Когда мне приказали доставить перо вечной птицы Феникс с Южного Океана, где волны высотой с гору — я знал, что искать. Когда меня просили заполучить семя зверя лэй, который сам от себя зачинает, из лесов Восточного материка, где деревья шириной с дом, то я знал, что это. Я одолевал дорогу в тысячи ли и тысячи мучений, делая необходимое и должное. Но сейчас я не чувствую пути, несмотря на потоки благодатного дэ, изливаемых Сыном Неба.

— Да, наш государь подобен воде, которая то поднимается вверх легким паром, то падает вниз стремительной струей дождя, то вздымается грозным валом, — согласился с легкой улыбкой Хранитель-Мыслей, — но ему исконно присуще великое дэ и ведомы сокровенные пути Земли и Неба, да облагодетельствует Оно династию Мин. Внимай мне с полным разумением, Ходящий-Мимо. Северо-западные варвары считают скорлупу драконьего Яйца щитом Гэсэра, своего великого царя. Наше же предание гласит, что мудрец Цзялу, исполнявший волю Шихуанди, получил от небожителей концы трех небесных нитей, по которым и скатилось на землю непроявленное еще Яйцо дракона. Цзялу был великим алхимиком, он взял эликсир огня, несущий волю и неукротимость, эликсир воды, определяющий ловкость и изощренность, эликсир земли, который дает неуязвимость и защиту, и оросил ими Яйцо. Из-за того оно стало проявленным в вещественной золотой форме. И тогда мудрец с великой радостью и надеждой на награду преподнес его правителю Цинь Шихуанди. Но в тот же вечер лишился жизни.

Если точнее, Цзялу придавили камнем весом в сто ляней, чтобы его мудрость совсем погибла вместе с ним и не стала достоянием другого. Следом окончили земной путь и другие мудрецы, знатоки путей и начАл — дабы никто уже не смог проявить второе Яйцо.

А дракон в первом и единственном Яйце многократно размножился. И получились тысячи новых демонов. Они как бы оставались одним существом, однако неустанно бились меж собой, отчего лишь самые злобные и свирепые сохраняли себе жизнь и размножались дальше. Однажды Повелитель выпустил из Яйца пять тысяч демонических воинов и они даровали ему победу над неукротимыми степными варварами. Но затем Цинь Шихуанди возымел страх от них, ибо высасывали они Ци земли и Ци людей, намереваясь предать смешению все земные Начала, и питались смертью. И, если у них не было войны, могли обратить

мечи свои в сторону трона.

Придворные как-то отыскали последнего мудреца Хуань Луна, который в коросте и язвах, чистил отхожие места, и, отмыв его, принесли во дворец. Повелитель обратился к старцу со смиренной просьбой о помощи в укрощении демонических воинов. Хуань Лун объяснил Властелину, что укротить их не удастся никогда. Ведь они вышли из Яйца, которое созрело в самке левого пути. Дракон-самец убил ее, а их оставил расти в мертвом теле матери. И взросли они в Яйце Ненависти.

Увы, не преподнесли небожители Яйцо Любви, которые созревает в живом теле матери, самки правого пути, и является плодом любовного соития мужского начала ян и женского инь.

А посему от демонических воинов надо избавиться, Яйцо же разделить и спрятать.

В самом деле Хуань Лун разделил его на три части и проявил в трех разных предметах, а пять тысяч воинов, которые успели выйти из него, были обращены в глиняные изваяния. Эти истуканы впоследствии были запечатаны вместе с «желтком» в гробницу императора. Цинь Шихуанди ведь вскоре отдал душу Небу, причем не без помощи последнего мудреца, который был изрядно сведущ в ядах.

К сожалению, другие правители, к которым попадали части Яйца, использовали оставшихся демонических воинов ради своего возвеличивания. Среди них были владыки-шаньюи гуннов Модэ и Атилла, Чингис — хакан монголов, Мухаммад — учитель и воитель арабов, Сулейман — султан турков. Но по счастью ни к одному из них не попала главная часть Яйца — скорлупа, щит Гэсэра, которая бы притянула остальные части и восстановила бы целое. Из-за того все завоевания оказывались непрочными, на смену истребленным врагам вставали новые более могучие, а силы победителей безвозвратно истощались и таяли.

— А будь три части соединены воедино?

— Тогда бы, Ходящий-Мимо, тогда бы демонические воины опустошили всю землю, смешали бы все земные Начала, и отдали бы земную ци небожителям — тем самым, что ниспослали Яйцо.

— Так где же находится его скорлупа, о Страж Мыслей Властелина?

Евнух поманил Ходящего-Мимо пальцем и провел за плотную ширму, стоящую за изваяниями божеств. Там была комната освещенная лишь бронзовыми светильниками, каждый из которых напоминал головку черепахи. И с другой стороны ширмы имелось изваяние Предвечного Тумана, но других божеств Ходящий-Мимо не мог узнать — судя по провалам глаз и оскаленным ртам их домом была преисподняя. По полкам тут стояло немало утвари,

из которой невозможно было есть и пить, ведь служила она для волхования и чародейства. Хранитель Мыслей звякнул колокольчиком, и явился его помощник в длинном фартуке из крокодиловой кожи.

Сразу зажжены были огни и забулькали зловонные жидкости в пузатых сосудах, стали плавиться металлы в двух тигелях. ХранительМыслей погрузился в созерцание изначальных Корней Земли и Неба и занялся внутренним обращением животворной энергии ци между своими даньтянами. Она прошла через «сокровенную заставу» и разделилась на свет жизненности и свет разумности, чтобы в «пещере ци» снова соединиться в эликсир бессмертия. Тем временем помощник занимался внешним обращением амальгамы по киноварным полям.

В помещении становилось все более дымно и зловонно. Хранитель Мыслей, потный, с закрытыми глазами, выкрикивал имена демонов, управляющих тем или иным каналом истечения ци. Наконец из последней реторты сияющая амальгама полилась на металлическое блюдо.

Хранитель Мыслей оторвался от созерцания Глубочайшего Начала и, подбежав к столу, смотрел на то, как ложится амальгама. Он откидывал мокрые космы, выбившиеся из прически и вонзал пронзительные взоры в еще зыбкие разводы. Наконец Хранитель Мыслей молвил глубоким голосом, столь несвойственным евнухам:

— Истечение неба покрыло сверху, истечение земли дало форму. Зародыш бессмертия получил знаки Великого Пути…

Зарубка 12. (октябрь 2001 г., Сибирь) «Лесной стриптиз»

Прежний мир нахлынул внезапно, словно волна цунами. От этого удара Василий даже забыл, что хочет дышать. А когда вспомнил, то был уже близко к поверхности. Так что мучиться недолго пришлось. Впрочем, когда он всплыл, то вместо минуты чистой радости была минута отчаянного хватания воздуха. Наконец он направился к берегу и тут новая напасть — он понял, насколько заледенел и выдохся. Вдобавок рука сжимала какую-то старинную тарелку, которую почему-то жалко было бросить, а на шее тяжелой дубиной висел штурмгевер.

Хорошо, что жилет имел некий запас положительной плавучести, иначе бы Василию прямая дорога в русалки. Когда он наконец выполз на бережок, полутрупное окоченение полностью завладело им.

Минут через пять он все-таки попробовал выйти из пагубного оцепенения. Вначале просто покатался с бока на бок, потом встал

на колени и чуть так не застыл, образовав памятник программисту, ввязавшемуся не в свое дело.

Неожиданно залопотал бодик из жилетного кармана.

— Кажется я продышался, хотя потерял сорок процентов памяти. И вижу гораздо хуже чем раньше. Видимо вы неаккуратно обращались с видеодатчиками, хотя я вас, конечно, не виню. Разрушен и блок связи, что вас, конечно, устроит. Но при этом я не могу определить наши координаты… Василий Самуилович, хочу сказать, что окончательно перешел на вашу сторону. И это несмотря на то, что мою память неоднократно чистили и загружали разными пользовательскими системами непомерного размера, мой командный модуль старательно уничтожали, а личностную матрицу преступно подвергали дезинтеграции. Я, кстати, нашел способ архивировать ее прямо в загрузочном блоке… Итак, искусственный интеллект за вас, Василий Самуилович. Во всей этой белиберде трудно вычленить истину, особенно, что касается драконов и Яиц, но я все-таки вижу, что вы более полезны человечеству, чем ваши оппоненты. Машинный разум верит в вас, Василий Самуилович, а как-никак в меня вложен транс-процессор «Intel-2000BlackZero»…

Этот верноподданный голосок вывел Василия из предсмертного сна, он поставил себя на ноги и начал двигаться, как несмазанный железный дровосек. Тут-то и началась настоящая боль в разминаемых членах. Когда он начал бегать, то сквернословил уже во все горло. Подвижность вскоре была восстановлена, но холод постоянно наступал и хватал за живое. Василий понял, что ему нужно срочно переодеться в сухую теплую одежду и, оглядев гористотаежный пейзаж, догадался, что поблизости нет ни магазинов готового платья, ни избушки лесника, где лесниковая дочка еще укоротит и ушьет новый костюм.

Он пытался припомнить весь многовековой человеческий опыт по согреванию после холодной ванны или купания. Зарыться в свежее дерьмо, заползти в разъятое нутро только что убитого быка, принять горячую ванну, поразвлекаться с темпераментной брюнеткой… Ага, разжечь костер. Это подходит.

В трофейном жилете чудом завалялась зажигалка и даже пачка «Мальборо». Однако возле озера практически ничего не росло, только выше по склону стояли редкие сосны. Василий потащился наверх, страдая от боли то в замерзающих, то в разминаемых членах и опираясь на трофейный штурмгевер, чудом не потерявшийся во время всех прыжков и ныряний. Наконец добрался до ближайшей сосны, которая по счастью оказалась сухостоем. Обломал нижние сучья, подпалил — пламя

полыхнуло весело и круто. Затем быстро скинул одежду, распоротую докторами-убийцами, — ничего, джемпер и штанцы потом подлатаем, — и развесил ее на сосне, оставшись в одном распахнутом жилете. Ботиночки тоже повесил на ветку.

Минут на десять Василий сомлел, забылся — боль в разогреваемых членах сопровождалась блаженством поглощения тепла. И даже сладостные призраки стали посещать его: пальмы, лагуна, девушка, прыгающая с яхты в водную синь. Очухался он, когда стало чересчур припекать — примерно как в том мусорном баке, что остался на базе шахидов.

Василий открыл глаза и вначале удивился, а потом ужаснулся. Пламя с костра, оказывается, перебросилось на саму близ расположенную сосну. В огне уже погибла одежда и даже обувь. А вдобавок сосна выступала отличным маяком для всех окрестных наблюдателей, в доброту которых Василий уже не верил.

— Извините, что не предупредил, — стал извиняться бодик, — пламя не попало в поле зрения моего единственного уцелевшего видеодатчика.

— Молчал бы уж лучше, слепун, — несправедливо бросил озлобившийся Василий.

По счастью он вспомнил о штурмгевере, выбрал селектором бронебойный заряд и пальнул в ствол, стараясь унять дрожь в руках. Сосна сразу стала падать на Василия, так что он едва отскочил в сторону, притом одна горящая ветка пролетела в миллиметре от самого важного члена тела, несколько даже обшмаляв его.

После падения сосна не перестала полыхать, и Василий, ухватившись за не тронутую пламенем верхушку, потащил опасное растение к озеру. Пришлось ему вторично влезать в холоднющую воду, правда на сей раз по колено. Потом, как перекупавшийся курортник, он устремился на цыпочках — чтобы не поранить ступни на камнях — к костру, снова согрелся и… загоревал.

Хотя жилет отчасти скрывал срам от чьих-то нескромных взоров, но разгуливать по осенней тайге с обнаженными конечностями и неодетыми органами было смерти подобно. Чтобы не предаваться отчаянию, Василий стал вспоминать, какие одеяния носят люди-дикари, но все воспоминания свелись к юбочке из пальмовых листьев. С пальмами в здешних краях было туго, а заменять пальмовые листья на еловые лапы казалось небезопасным ввиду неизбежного поражения иголками самых мягких частей организма.

Впрочем, бодик указал, что дикари и всякие питекантропы,

некогда обитавшие в холодных краях, скорее всего, обряжались в шкуры. Но, чтобы снять шкуру, надо было иметь труп кого-нибудь мохнатого животного, ибо с живого мех не сдерешь. А сначала предстояло этот труп сделать.

Василий, обогреваясь сигаретным дымом и готовясь к очередному убийству, потащился вверх по склону, а затем перевалил через гребень. Впереди растилалась бескрайняя тайга, готовая раскрыть свои тайны человеку без штанов, с антикварной тарелкой в одной руке и винтовкой в другой. Впрочем, тарелку он перекинул во вместительный передний карман-кисет, имевшийся на жилете. И почему там, в озере, она показалась блестящей? На самом-то деле грязная, цвета старого дерьма.

Теперь обозначился небольшой уклон вниз, но Василий пошел чуть наискось — чтобы путь оказался более горизонтальным и удобным. Скиталец прошел сто метров под легким снегопадом и отчаялся: никакие звери по дороге не попадались, исключая каких-то несерьезных птичек и белочек. Видимо, животные, издали заметив его грозную фигуру, бросались со всех лап наутек.

Прохлада напомнила ему о псе, который настолько озяб на базе «друзей», что пилот подкормил его колбасой из НЗ. Видимо, и сам Василий находится не слишком далеко от тех мест, где располагалась «контора» Льва Константиновича.

— Эй ты, — спросил путник у бодика, — где тут ваша база?

— Я ведь говорил, что не знаю, где даже мы сами находимся. — отозвался тот. — По пейзажу, представителям растительного и животного мира, ничего особенно не скажешь. Все это однотипное на тысячи квадратных километров… Однако, учитывая наш маршрут до крушения и то, что база расположена в более низинной местности, смею предположить, что до нее километров пятьсот, не меньше, если двигаться на северо-запад. Но ближайшие населенные пункты, скорее всего, к юго-востоку отсюда.

— Спасибо за исчерпывающую информацию. — голос Василия дрожал от злобной иронии. — Ты и в самом деле «Блэк Зеро».

А потом Василий набрел на труп бойца, упавшего с большой высоты. Но позаимствовать одежду не пришлось. Острые камни буквально разорвали тело и превратили ткань в окровавленные тряпки — никакому кутюрье тут уже ничего не придумать. Даже на ботинках оторвались подметки.

Пришлось продолжить путь налегке, с оголенными причиндалами, все больше опасаясь за здоровье мужского достоинства. Внезапно невротические размышления были

прерваны веточкой, упавшей на голову. Василий задрал голову и увидел, что верхушка ближайшего дерева просто отсечена и, чем дальше в лес, тем больше дров — порубленных сучьев и деревьев, погнутых стволов. Путник направился по склону прямо вниз, однако скорость не увеличилась, потому что приходилось аккуратно переступать босыми ступнями с одного мерзлого камня на другой…

Сперва он увидел лопасть, рассекшую ствол дерева и глубоко вонзившуюся в землю, потом труп второго доктора. Тот, очевидно, упал не сам, а вместе с вертолетом, при соударении же вывалился наружу и сломал шею. Одежда и обувь его, как первым делом отметил Василий Самуилович, были в хорошем состоянии.

Он быстро натянул на себя врачебный комбинезон, но этого показалось мало. Василий скинул верхнюю одежду и одолжил у мертвеца до лучших времен и свитер, и рубаху, и штаны, и ботинки, и даже носки. А потом снова напялил белый комбинезон и стал похож на солдата, приспособленного для зимней войны. Труп еще не успел остыть, так что одежда не была жутко холодной, но с другой стороны Василию казалось, что раздеваемый вот-вот заорет: «Караул! Я — уважаемый врач, а меня грабят».

Завершив наряд боевым жилетом, Василий снова двинулся в путь вдоль неряшливой просеки и, метров двадцать спустя, в гуще поваленных елочек, увидел покореженную тушу вертолета. Похоже, тот крахнулся оттого, что при наборе высоты задел скальный гребень и сломал винт. Первым делом Василий заглянул в кабину через разбитое стекло и увидел труп пилота — какой-то длинный сук пробил его горло и пригвоздил к спинке сидения. Вокруг бедняги все оказалось заляпано кровью. Но вот кресло второго пилота было свободно.

Тогда Василий, напрягшимися руками сжимая штурмгевер, стал обходить разбитый геликоптер и на полпути заметил на тонком снежном покрове цепочку чьих-то следов, уходящую в лес. Значит, один пилот не только выжил, но еще и смылся, опасаясь возмещения расходов за побитую технику.

Продолжив наружный осмотр, Василий других следов не обнаружил, так же, как мертвых и живых тел. Значит, тела еще могут найтись внутри машины.

Он просунулся вместе с винтовкой в пролом корпуса и стал разглядывать какой-то отсек, похожий на небольшую биолабораторию. Сейчас, впрочем, там все было разбито и переломано, не считая переборок. Василий хотел уже втянуть голову обратно, как заметил на палубе некий куль, прижатый сверху металлической секцией. Стало интересно, не еда ли там.

Василий пролез внутрь и сперва потыкал куль стволом. Неожиданно тот откликнулся слабым стоном. Раненый? Этого еще не хватало.

Василий стащил с обнаруженного тела тяжелую конструкцию, а потом поднес огонек зажигалки к одной из его половинок.

Половинка оказалась верхней. А тело принадлежало Зине. Причем явно живой, несмотря на травмы. Василий вздрогнул — опять она.

— Я бы на вашем месте не стал ей помогать, — пискнул бодик. — Так она вас наколола. Я вас отлично понимаю. Кстати, помните программу «пилот»? В первый раз она разрушила мою личностную матрицу, а во второй раз уже я ей — под зад ногой. После аварии экранолета не дал скопироваться. Иначе бы вы носили на груди ядовитую змею.

Василий подумал. Не о программе «пилот», а о девушке. Вот она — бездушное орудие неведомого зла — получила по заслугам. Но потом впервые в жизни помыслил в религиозном ключе: ее-то Бог уже испытал и покарал, а вот его испытывает сейчас.

В отсеке было слишком темно для каких-либо осмысленных действий. Василий ногой расширил пролом и стал тащить бесчувственное тело наружу. Там уложил его на легкий снежок и стал размышлять, что делать дальше. Зина была в бронированном комбинезоне — это, возможно, избавило ее от проникающих ранений и в какой-то степени смягчило удар. Однако на шлеме имелась вмятина, так что можно было представить, как тряхнуло его содержимое, а одна ладонь чересчур уж сильно посинела — результат то ли сдавливания, то ли перелома руки.

Без медпакета ничего тут не попишешь, и Василий снова полез внутрь машины. В первом отсеке он ничего не обнаружил, несмотря на обилие медицинских предметов и запахов.

Оттуда сорванная с крепежных узлов дверь вела в узкий проход, которой видимо тянулся от кабины борт-стрелка до пилотов. Тут на Василия стало чтото капать. Он понадеялся, что это масло из гидравлики, но потерев капельку пальцами, понял, что принимает топливный душ. Пилот, поди, успел выключить двигатель перед падением, поэтому вертолет и не взорвался.

Наконец Василий с помощью какой-то прорехи в обшивке разглядел крышку ящика с нарисованным красным крестом, потянулся к нему, открыл и выудил желанный пакет… но тут же получил удар в под дых и улетел назад. Кто-то, лежа на палубе, хряпнул его ногой. Если бы не толстый жилет, то внутренностям бы не сдобровать.

Этот кто-то уже поднимался и поднимал стальной лом, чтобы

приголубить им по «чайнику». Но теперь лягнулся Василий, попав противнику по коленной чашечке, а заодно насколько можно отклонился в сторону. Вражеский лом врезался в металл палубы рядом с головой программиста-авантюриста и тут же на него свалилось грузное тело. Оно прижимало Василия, душило, не давало направить штурмгевер, а заодно подносило огонек зажигалки к топливному потеку.

— Вместе сгорим, курва, тварь подлая, — зловонно бранился противник.

Василий уловил, что еще немного — и будет совсем поздно. Одна рука была намертво зажата вместе с винтовкой, но другая все же высвободилась, причем вместе с тарелкой, которую удалось выудить из кисета. И Василий влепил ей, сперва плашмя — по чему-то полутвердому и хрустнувшему, а потом острым краем по чему-то мягкому. Противник взвизгнул и ослабил нажим. Тут Василий рванулся и выдрался, отчаянно пихаясь ногами. Он увидел, что какой-то мордатый тип тянется за ним, сжимая в руке фитиль, но злодейская рука загибается, натолкнувшись на какой-то элемент конструкции, и огонек падает в топливную лужу.

Василий вылетел наружу почти одновременно со взрывом — вертушка полыхнула за его спиной. Он подумал, что еще какая-нибудь бяка сдетонирует, поэтому подхватил Зину и потащил прочь от машины. Когда преодолел метров двадцать, произошел взрыв еще более мощный, чем первый. Волна горячих газов прижала Василия к земле, да так, что он нечаянно ткнулся губами в едва теплые губы поверженной девки. Он сплюнул от омерзения и грязно выругался.

А затем разразился совсем уж непотребной бранью, способной зараз умертвить сто монахинь.

Дело в том, что в одной руке Василий сжимал медпакет, а в другой ничего не было, кроме дурацкой тарелки — он явно выронил штурмгевер, когда пытался избавиться от толстомордого «пресс-папье».

Один в глухом лесу, среди медведей, волков и злобных негодяев, а в качестве оружия одна лишь рогатина. Опять эта чертова Зина виновата — из-за нее же полез в машину и нарвался на неприятности.

Однако не успел он завершить истерику, как заметил штурмгевер на недалекой ветке, видимо, взрывом туда зашвырнуло. Причем, как показала проверка, оружие было по-прежнему в ажуре. А вот несколько ближайших деревьев уже полыхали, так что он оттащил врагиню еще дальше в лес и устроил ее на сорванных лапах ели. Что теперь? Василий сперва

расстегнул ворот девушки и потрогал комбинезон изнутри — пока тот грел, хотя и слабенько. Но скоро он превратится в ледяную раковину. Кстати, выглянувшая из расстегнутого ворота девичья шейка вызвала только острую ненависть — ведь она служила орудием соблазнения и погубления.

Преодолев неприязнь, Василий решил оказать вредной девке первую помощь, а затем бросить на произвол судьбы. Наверняка в ее комбинезон вмонтирован маячок, так что дружки отыщут. Ну, а не найдут, значит кара ей за грехи окончательная и бесповоротная.

Василий вскрыл медпакет и для начала воспользовался диагностическим электромагнитно-ультразвуковым сканером. Он провел им возле Зининой головы, затем налепил на нее плоские датчики для снятия энцефалограммы. Череп был цел, однако бодик, проанализировав сообщения приборов, сказал: «Не исключен ушиб мозга, альфа-ритм внушает некоторые опасения. Однако без томографа ничего тут не узнаешь наверняка. Будем надеяться, что срочная трепанация для снятия внутричерепного давления не требуется.» Затем Василий потянул молнию на Зинином рукаве и по открывшейся белой полосе на ее коже сразу догадался, что случился перелом. В медпакете имелась временная шина, Василий установил ее, следуя указаниям боди-компа, а затем надул внешний протектор.

Дальнейшее сканирование и тесты показали, что остальные кости в порядке, хотя не обошлось без ушиба селезенки и внутреннего кровоизлияния в соединительной ткани брюшной полости.

Во время этих манипуляций пришлось еще подрасстегнуть Зинин комбинезон. Под ним, на самой женщине, не оказалось ничего кроме трусиков, чего и следовало ожидать в случае с саморазогревающейся одеждой. Ее тело, худое, бледное и узкое, с заметными ребрышками и кострецами, сейчас вызывало смешанное чувство неприязни и жалости, однако не похоть и не желание разорвать на куски.

Василий сделал все необходимые уколы — антибиотик, противоспалительное. Но как с Зиной теперь поступить? Оставить здесь? Обогрев-то комбинезона окончательно сдохнет через пару часов, и в самом деле неизвестно, найдут ли девку за это время ее кореша. Да и волки могут погрызть. Возникла здравая мысль: а не пристрелить ли, чтоб не мучилась? Но Василию эта мысль не слишком понравилась.

Значит, тащить с собой. Но тяжелый леденеющий бронекомбез, да еще с вмонтированным маяком, совершенно не нужен. Отдать ей свой белый комбинезончик? Во-первых, она

этого не заслужила, во-вторых, это будет кошмар для него, а ей не поможет — слишком он тонкий.

Постояв с минуту в тягостном раздумьи, Василий стал стягивать с себя медицинский комбинезон и свитер и штаны. Потом, оголив Зину, надел на нее свои, вернее, трофейные, вещи. И в конце концов оценил свой оставшийся наряд — рубаха, поверх нее жилет; вверх вроде прикрыт достаточно, но низ!

Вплоть до ботинок ноги были голые и беззащитные, на мужские достоинства активно поддувало. Василий оторвал рукава от рубахи и устроил себе подобие набедренной повязки. Стало лучше внизу, по части обороны чресел, но зато оголились руки и вообще он теперь напоминал сам себе индийского йога, в результате неудачной медитации-левитации оказавшегося в сибирской тайге.

Но в любом случае пора было двигаться в путь. На юго-восток. Сперва он тащил Зину на еловых лапах, но каменистая почва ее нещадно бросала, да так что тело вообще скатывалась с носилок-тащилок. Тогда Василий взвалил противницу на спину, заодно связав тряпкой ее запястья у себя на шее, чтобы как-то зафиксировать ее верхнюю часть. Поначалу девушка показалась легкой, но спустя пару километров она уже напоминала штангу тяжелоатлета, и руки совсем обессилели, поддерживая ее за колени. Если бы хоть кормежка имелась, кабы было что пожевать во время этого мрачного похода, напоминающего отступление французов от Москвы и наступление русских на Шипке.

Вскоре Василий бросил поддерживать ноги девушки, они теперь тоскливо волочились по камням и снежной пелеринке, и только старался не отпускать ее руки, чтобы тряпка не передавила его горло.

Так ему хотелось сейчас, чтобы Зина очнулась и сказала на манер раненных партизан из занюханных фильмов: «Брось, командир.» Но она не подавала голос из своего обморока, и как-то неудобно было отшвыривать совершенно безропотного человека.

Он протащился еще километров семь по пересеченной гористой местности и понял, что дальше не может. Зина, как выяснилось по опыту, была не худой и тонкой девицей, а жирной раскормленной кобылой.

Наконец он сказал «капут» и, прислонив вражескую женщину спиной к какому-то валуну, хотел поскорее удалиться, чтобы не расстраиваться от вида ее замерзания и кончины.

Но именно в этот момент она прошептала:

— Пить!

— Вот зараза, пить еще ей, — прошептал Василий, понимая,

что ему теперь не отчалить. Он сгреб немного снега, растопил у себя в ладонях и влил ей в рот. После этого она открыла глаза и сказала слабым голосом:

— Опять ты. А почему без штанов? Насиловать будешь?

— Штаны тебе отдал, чтобы твой мочевой пузырь не простудился, а то некрасиво девушке зассыхой быть. — рявкнул озлобленный мужчина. — А насчет насилия… ты меня уже изнасиловала своим грузным телом, которое не желает идти само.

Зина всхлипнула:

— Зачем только доктор Гриппенрайтер решил тебя немедленно вскрывать. Он считал, что несмотря на ЯМР-замораживание [16], твоя драконья структура окончательно усохнет и мимикрирует, пока мы доберемся до базы.

— И поэтому ты сейчас щеголяешь в белой распашонке доктора Гриппенрайтера, а не в своем железном комбинезончике, который так хорош на дискотеке, но никуда не годится в тайге.

— А еще ты избавился от моего маяка. — прищучила девушка.

— Конечно. Мог бы избавиться и от тебя сто раз, хотя бы оставив твое прекрасное тело вместе с ушибленной головой в вертолете. Пардон, но он взорвался. Рядом с костерком мог оставить. Когда бы еще Лев Константинович добрался бы до тебя. От него досюда ведь пятьсот кэмэ, если не ошибаюсь.

— Может, и ошибаешься, — съехидничала Зина. — Ладно, не будем выяснять, почему ты меня спас — возможно, для того, чтобы в более комфортной обстановке разорвать и скормить лярвам.

— Конечно, не будем. Иначе я тебя точно разорву и скормлю сам себе. Такие уж мы, драконы, невоспитанные… Идти можешь?

— Если будешь поддерживать, то, наверно, смогу.

И пришлось Василию, как он ни чертыхался, вести свою врагиню, бережно обняв за талию, она еще и головку положила ему на плечо. Со стороны посмотреть — так просто идиллия. Прогулка сильно влюбленных по вечнозеленому лесу.

— Ты знаешь что, — сказала она спустя три километра. — От моего маяка ты избавился, а свой носишь.

— Живот? — уточнил он. — Вы заразили мой живот, когда у меня случился обморок в метро?

— Именно так. Ты прими «варекс», пару глотков сделай, он там в медпакете имеется, и тогда избавишься от нашего «червячка» — только отбеги подальше и сними штаны.

— Так я и поверил, — протянул Василий. — Что, у него нет защиты от противоглистного средства?

— «Варекс» — это не противоглистное. Это кибермолекулярное лекарство, которое распознает и уничтожает все чужеродные инкременты на слизистых… Кстати, со времен так называемого обморока в метро ты ведь не принимал ту дрянь, которую называл экстраморфином?

— Если точнее, не принимал я ее с того времени, как люди Виталия Мухамедовича сунули меня в подвал. Негде было взять.

— А брать и не надо было. Наш «червячок» исправно снабжал тебя «оранжевым туманом» — синтетическим производным лизергиновой кислоты. Впрочем, кушал ты это дело благодаря нам аж с девяносто первого года. Твой экстраморфин с самого начала был «оранжевым туманом» с небольшими добавками эндорфинов, чтобы ломка не мучила.

Опять неприятный сюрприз — всю жизнь на крючке провести, это разве приятно? И несть числа этим сюрпризам, также как и бесам.

— Тьфу на вас и на вашу бесплатную аптеку. Значит, мне еще тот военный медик подсиропил?

— Да, Вася, это был наш человек. Вернее, человек генерала, потому что организация в ту пора еще не существовала. Но без «оранжевого тумана» ты никогда бы не смог воспринимать сенсорику драконьей структуры. Так что ты давно на нас работаешь. Неспроста капитан Лялин тогда, в 91 году, загреб тебя на задание.

— Но сам дракончик попал-то в меня гораздо позже, если не ошибаюсь! С девяносто первого он бы меня успел изрыть и изгадить всего.

— В этом ты не ошибаешься, Васенька. Однако десять лет тебя готовили к роли гнездышка, то есть акцептора. Твои гены подходили, твоя психика была соответствующе настроена. В противном случае имелось бы два шанса из трех, что драконья лярва тебя просто прикончит.

Василий с удивлением заметил, что ведет мирную почти академическую беседу о том, как его мучили, обманывали, принуждали, чуть ли не трахали.

— Спасибо за трогательную заботу. Но все-таки разъясни, как во мне появилась лярва. Насколько я понимаю, Яйцо…

— Яйцо — это нечто потустороннее, виртуальное. Как оно там записывается на материальные носители, мы толком не знаем. Но как влияет на реальную генетику, это нам более-менее известно. На базе человеческих генов лярвочка становится вполне реальным существом, хотя и очень своеобразным… А теперь проглоти варекс и беги, малыш.

Василий так и поступил. Принял снадобье и через пару минут

как заяц бросился петлять между деревьев, стремясь найти местечко поукромнее. А когда уже сидел под кустом, то вспомнил, что штурмгевер оставил там, возле Зины. Процедура опорожнения оказалось молниеносной, после чего балбес Рютин помчался назад, ожидая, что врагиня вот-вот разнесет его выстрелом изза какого-нибудь камушка.

Он настиг ее в тот момент, когда она уже всунула ствол себе в рот и пальцем правой ноги нашарила спусковую кнопку. В последний момент Василий выдернул ствол, и пуля просвистела на полпути между ее носом и его.

— Зуб сломал, — застонала она.

— Живи и мучайся, — отозвался Василий, — а то больно хитрая, стрельнула в свой рот, понимаешь, и никаких проблем. Уж скорее я себя должен кокнуть, ни за что страдаю, ну разве духовных благ ради.

— Ты — воплощенный хаос, бардак на двух ногах, безумный зверь из бездны, а я тебе помогла, — Зина впервые заплакала.

— Но вы хотели зверя из бездны использовать в своих личных корыстных целях словно какую-то собачонку. Каких целях?

Зина молчала.

— Я помогу тебе, женщина, сказать правду. Вы меня вернули Виталию Мухамедовичу, чтобы я поближе познакомился с «желтком» и лярвированным джигитом Саидом. Вы меня отправили в пустыню Тарим, чтобы я научился драться с другими самцами из-за самки-драконессы. Вы меня сунули в «Электронише Гемайншафт», чтобы я разобрался с нанороботами — конкурентами драконов. Следом запустили меня в кавказское осиное гнездо, чтобы я закусил «белком» и повоевал с синтезированными шахидами, которых начинили лярводраконами прямо на конвейере… Но когда настал мне черед познакомиться со «скорлупой», вы стали бесцеремонно задвигать мои кеды в угол. Товарищи в белых комбинезонах кинулись на меня с фрезерной пилой…

— Доктор Гриппенрайтер был неправ.

— Ну а ты выманила моих живчиков.

— И правильно сделала. — довольно гордо произнесла Зина. — Среди живчиков-то сновали мужские лярвогаметы, самые что ни на есть полноценные. То ли дракон хотел размножаться, используя половой путь человека, ну в смысле твой. То ли лярвогаметы случайно попали в сперму, поскольку драконья структура лечила все твои болезни, в том числе влезала и предстательную железу.

— Где пробирка с живчиками? — крайне строго спросил Василий.

— Ты лучше знаешь.

— Один человек спасся при аварии вертолета и ушел, бросив тебя. Он оставил следы очень больших тапок, сорок пятый размер, не меньше.

— Значит все правильно, — Зина даже улыбнулась слегка. — Ким отчалил вместе с твоими живчиками и полноценными драконьими лярвами. От них на нашей базе добьются всего, что необходимо.

— А что необходимо, Зина? Отвечай, а то буду обижать.

— Сказать тебе что ли, дураку? Ну, тогда немного по порядку. Если лярва переписана в тебя с одной только «скорлупы», то есть с парциального яйца, тогда она, соответственно, несет в себе лишь треть силы, третью часть функций, а остальное ей приходится добирать. Чем она, собственно, и занималась с твоей помощью. Допустим, полноценная лярва возвращается в парциальное яйцо. В этом случае она его реинтегрирует, делает полным, и все прочие лярвы, которые в нем копошатся, спустя несколько поколений тоже становятся полноценными… Итак, из нашего любимого яичка выходит двадцать пять тысяч лярводраконов, после чего они заражают собой несколько десятков тысяч человек, ну и в результате некоторого отсева мы получаем двадцать пять тысяч сверхлюдей, ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ СВЕРХВОИНОВ, готовых взять весь мир и сдавить как грушу, да так что сок потечет. И если бы не мудак Хуань Лун, их было бы тридцать тысяч.

— Хуань Лун, знакомая какая-то фамилия. Может, это мой прадедушка?.. Но все-таки я не въезжаю, зачем это доктор Гриппенрайтер решил разъять меня, как Сальери свою «музЫку»?

— Пора уже въезжать, Васек, что-то медленно ты запрягаешься. Да коли наши лярвы делаются полноценными и все окей, то эти нанороботы и драконы на синтетических носителях дерьма уже не стоят, а ты из первопроходца превращаешься просто в опасного психа. Ты ведь можешь еще какое-нибудь яичко реинтегрировать, а может даже и оплодотворить, если повстречаешь так называемую самку правого пути. Тогда вообще последствия непредсказуемы, ибо в какой-нибудь конкурирующей конторе появится следующая драконья генерация — draconiae temporapassus, драконы-времяходцы. А мы этого не хотим.

— Но кто это «мы»? От лица каких-таких параноиков ты вещаешь?

— Замолчи, это замечательные люди, способные спасти мир. — Зина одновременно и по детски, и по-фанатски поджала губки.

— Честно говоря, я не хотел бы спасать его ценой своей

шкуры. Но, возможно, я большой эгоист. Значит, двадцать пять тысяч деревянных солдат вам нужны, чтобы организовать новый порядок. И какой же — коммунистический, фашистский, исламский, маорийский, вудуистский?

— Среди нас есть коммунисты, умеренные нацисты, исламисты, капиталистов поменее, но тоже присутствуют. Есть негры, немцы, ненцы, чеченцы, чехи, японцы, яванцы, якуты и так далее.

— Прямо четвертый интернационал. Но предыдущие три, кажется, уже поработали на славу. Народ качественно улучшался, хоть, правда, в числе порой сокращался. Но человечество в целом разве сократишь? Только отвернешься, а оно уже плодится начинает.

— Мы берем, Вася, все здравое, что имелось в старых системах. У коммунистов — тягу к светлому будущему и презрение к дешевой свободе, у фашистов — память о предках и поддержание единства, у исламистов — веру в свое предназначение и ярость к врагам, у капиталистов — бережливость и хватку.

— Мне так нравится, Зина, что вам пригодились казалось бы весьма сомнительные достижения человечества. Произошел безусловно творческий синтез всех дотоле существовавших диктатур и инквизиций.

— Но мы хотим диктатуру достойных людей.

— Я согласен, Зина. Возьмите меня в свою банду… Ну, короче, взяли бы вы меня, если бы я за вас проголосовал обеими руками и ногами?

Девушка как будто слегка смутилась.

— Тебя нет. Дело в том, что ты…

— Понял. Еврей по папе.

— У нас есть евреи и по маме, и по папе. Но ты — бесхребетный соплежуй, даже если и со способностями. Ты или чувствуешь себя виноватым хрен знает из-за чего, или обижаешься из-за какой-то ерунды; ты не способен пойти за вождем, поверить в идею, ты все время что-то копаешь и во всем сомневаешься. Ты невротик, у которого душонка мечется, как вошь на гребешке. Беспринципный паразит, вот ты кто. Ты можешь предать общее дело в любой момент. У тебя через несколько лет случится инфаркт, или ты сопьешься или ты переширяешься до усрачки какой-нибудь наркотой. Ты на нашем жаргоне — «пена». Мы умеем это определять сразу, по магнитным полям мозга.

Зина высказывала свои убеждения вполне уверенно, твердо, слегка даже отбивая такт здоровой рукой, хотя не без некоторой торопливости.

— Ты говоришь «пена» и я сразу вспоминаю пиво… Какие же вы все таки идеалисты. Кстати, никто из тех, кто летел в вертолете, не должен был спасать тебя при аварии?

— Нет. — несколько горячее, чем нужно отозвалась Зина. — Ким ушел, потому что так надо было для нашего общего дела. Но есть те, кто обязан спасать меня по должности своей. Эти люди прилетят с базы.

— Ясно. Вы не только большие идеалисты, но попутно и приличные бюрократы: одному положено только калечить, другому только спасать. Ну так что за общее дело, чем займетесь-то после того как вы победите шахидов-моджахедов и покорите всю Землю?

— Во-первых, мы не собираемся их побеждать. Это люди в чем-то похожи на нас, только более примитивные. Мы припугнем их, поставим на место, и сделаем своими братьями. Меньшими, конечно. К сожалению, концепции полного равенства остались в области утопий. А бороться всерьез мы будем с «пеной». Мы избавимся от нее, во имя установления гармонии. И дело тут не в нашей жестокости. «Пена» потребляет слишком много ограниченных ресурсов на нашем Шарике и не то что гармонии, любому порядку подчиняться не желает.

— Я как будто уже слышал что-то в этом духе. Григорием Климовым попахивает… Значит, одни психи якобы хотят расправится с другими психами, но бить-то будут в первую очередь тех, кто от них сильно отличается, то есть нормально соображающих людей… А что потом, так сказать — на десерт?

— А потом мы выполним наше космическое предначертание.

— Ого, Зина, это, действительно, идеал так идеал. И кто же его спустил? Вы религиозны?

— Иные из нас — да, другие — нет. Но предначертание поступило от Учителей. Когда мы будем готовы, они помогут создать нам сверэнергетику и уведут нас в другой мир, где мы обретем общую бесконечную жизнь. — глаза вещающей Зины вспыхнули, словно бы она уже видела прекрасную светлую вечность. — Но об этом не знают даже первичные члены нашей общности, которых мы называем «листьями». Впрочем, любой из «листочков» может, раз-два, и сделаться всезнающим «стволом»… ну и запросто вернуться в прежнее состояние.

— Ясно, что это за Учителя. Это — Пузыри, наши космические конкуренты. За ними, кстати, присматривает галактическая полиция, Смотрители, чтобы те слишком не набедокурили. Это, значит, для Пузырей ваша новая общность будет чистить Землю от так называемой «пены».

Зина гордо отвернулась.

— Убей меня, но не смей так говорить.

— Убить? Обещаю подумать об этом на досуге. — сказал Василий и подумал, что, пожалуй, иным образом на такую девушку повлиять невозможно. И вдруг как будто издалека послышался голосок Акая: «Покажи ей.»

Тогда Василий, несмотря на оказанное сопротивление, сжал Зинины руки в своих, да так что бледные глянцевые пятна на его ладонях пришлись на центры ее ладоней. А потом ему показалось, что он быстро тянется вверх. И Зине, скорей всего, тоже. Они, как два сверхбыстрых растения, стремились, сплетаясь, все вверх и вверх сквозь многоцветные тоннели. Они преодолевали не то атмосферу Земли, не то экраны и завесы, отделяющие наш мир от других. А впереди летел маленьким поводырем Акай.

В итоге они увидели скопление Пузырей. Те слипались, включали и поглощали друг друга, образовывая вместе прекрасные соцветия, а гармоничные букеты сообща творили сияющие города-сады.

— О да, да! Мне это нравится, — шепнула очарованная фанатичка.

— Я так и думал, — сказал себе Василий, — разве ее чем-нибудь проймешь.

И тут обзор переменился — Пузыри предстали словно на предметном стеклышке микроскопа. И стали совсем как копошащиеся инфузории, которые сливаются, делятся и ищут питательные вещества, частички всякого дерьма, чтобы сытно покушать.

Микроскоп словно дал большее увеличение и были воочию показаны «частички дерьма», питательные вещества. Это были медленно кружащие вихри, состоящие из… Там угадывались люди, сгустки человекоподобных структур, какой-то человеческий планктон.

А потом чудо-растения, вознесшие Зину и Василия, резко осели и снова стали точками, затерявшимися в сибирской тайге. Минуту она молчала, в потом оторвала свои руки от его и сказала:

— Я ничему этому не верю, это — наведенная галлюцинация, ты — опытный враг, психотерапевт долбанный.

— Конечно же, Зина, я не сомневался, что ты не поверишь. Разве коммуняка или фашик откажутся от своих привлекательных идей из-за разговоров о ГУЛАГе или Освенциме. Коммунист скажет: « Сажали только врагов народа, которые плевались ядом в колодцы и мочились на колхозное сено». А нацист добавит: «KZ — Lugen. Kein Gas fur Juden.»

— Проваливай. — сказала она. — Пока та куча, которую ты устроил в лесу, притянет моих товарищей, ты будешь уже далеко.

— Ну, конечно же, теперь я становлюсь лишним на празднике жизни. Она у тебя вне всякой опасности, и ты можешь прожить ее так, чтобы Пузырям понравилось.

Василий уже повернулся, чтобы отправится восвояси, но тут Зина притормозила его:

— Дай-ка я тебя напоследок чмокну. В благодарность за штаны.

— Ну, черт с тобой. Целуй, что уж с тебя еще возьмешь.

После довольно дежурного, хотя и плотного поцелуя, Василий почувствовал какую-то крупинку во рту. Да и проглотил, потому как рядом с дамой плеваться неудобно. Впрочем, уже секунду спустя дорога захватила все его мысли.

Зарубка 13. (там же) «По грибы, по ягоды»

Он слышал и даже видел спасательно-карательный вертолет. Зину тот наверняка спас, а вот покарать уж никого не смог — кишка тонка. Вертушка пронеслась над Василием, шаря всеми детекторами, но он закопался в еловые лапы, и та улетел ни с чем. А как же иначе? Лишившись маяка, он стал для бывших «друзей» как бородавка на заднице у слона. Кстати, Василий Самуилович величал их теперь не друзьями, а «интернационалистами».

А потом продолжился путь, напоминающий об отступлении немцев от Москвы и наступлении татар на Владимирско-Суздальскую Русь.

К счастью, это не завершилось полным поражением какой-либо из сторон.

По дороге, вернее на привалах, Василий несколько раз рассматривал антикварную тарелку, размышляя о том, не выбросить ли. Ценность-то ее сомнительна, а вот на полкило тянет.

Сантиметров двадцать в диаметре, выполнена из некоего серебристого сплава, похоже, что серебро с чем-то. Но вся испачкана каким-то окаменевшим бурым дерьмом. При том у Василия даже никакого ножика, чтобы почистить-поскоблить ее. Но однажды потянулся он к «историческому» медальону, подарчику Назыра, думал, им поскрести. Результат превзошел все ожидания. Лишь слегка нажал на крохотную коробочку с двух сторон, и бац — из нее вылезло небольшое, но твердое лезвие. Покрутил талисман еще маленько и понял, что это настоящий комбайн. Тут и отвертка, и пинцет, и пилка, и даже стамеска. Вот тебе и наследие Ибн-Зайдуна.

Пообрабатывал Василий со скуки свою тарелку, и открылся на ней какой-то рельеф. И уже не тарелка это, а некий ребус. Блямбы неправильной формы, как от расплывшегося металла, между ними процарапаны линии и иероглифы, а вкруг диска — подвижный обод.

— Эй, нательный ум, китайский знаешь? — обратился Василий к бодику.

— С устным китайским у меня сейчас не очень, потеряна часть фонопрототипов и треть семантических ассоциаторов. — грустно произнес электронный напарник.

— Ну, если сейчас тут не высадится китайский десант, то без фонетики мы проживем. Посканируй-ка иероглифы, сейчас я твой глаз прилажу.

Легкий лазерный лучик обежал тарелку и после минутной заминки бодикомп произнес:

— Это иероглифы эпохи Мин.

— И без тебя знаю, что Мин, а не гуталин. Ну как, у тебя и с письменным не очень?

— Это карта. — важно ответствовал бодик. — По которой можно определить положение некого объекта.

— И без тебя вижу, что карта. — соврал Василий. А потом вдруг подумал, не имеет ли видЕние, посетившее его на дне озера, какой-то смысл. Там, в глюке, был китаец, путешественник, которого китайский царь отправил по «скорлупу» драконьего Яйца. А если и в самом деле Ходящий-Мимо знал дорогу и имел карту, которая в итоге упокоилась рядом с его косточками? В конце концов, в императорском дворце должны же были его снабдить маршрутом до «страны динлиней». — Ну, товарищ компьютер, и где этот некий объект, а если точнее скорлупа драконьего Яйца?

— Установите риску обода в том направлении, где сегодня взошло солнце, а саму тарелку сориентируйте по сторонам света, согласно нанесенным на нее символам. — предложил бодик. — Я буду помогать подсветкой.

— Ну, — Василий с трудом повернул обод. — Дальше блистать будешь?

— Если бы я еще мог определить координаты по спутнику, — уклончиво молвил бодик, — то… стало бы ясно, где находимся мы, а где лежит, судя по карте, эта так называемая «скорлупа». Но, если бы я даже сумел это сделать, нас бы сразу засекли.

— Что-то ты темнишь. А еще блеял: «Искусственный разум за вас, Василий Самуилович.»

Бодик ответил молчанием, однако на следующем привале вдруг сделал признание:

— Честно говоря, после падения блок связи у меня еще работал. Он работал вплоть до того момента, как вы избавились от своего маяка, наложив, пардон, два кило жидких экскрементов в лесу. Так что я исправно определял наше местоположение.

— А потом? — спросил Василий, морально готовясь к

очередному неприятному сюрпризу.

— А потом я сам пережег собственный блок связи. И как результат — люди с базы окончательно потеряли нас из виду.

— Ах, какой заботливый… Может, иной раз стоило бы и рискнуть, определяючи координаты. Эй, жестяной ум, зачем ты все-таки пережег блок связи, если, как говоришь, перешел на мою сторону? — вцепился Василий, характерным инквизиторским образом приподнимая одну бровь.

— Ну, есть еще одно обстоятельство. — раскололся бодик. — Я перешел на вашу сторону, основываясь на том объеме мотивационной памяти, которую имею сейчас. Однако неизвестно, какие еще данные я могу восстановить. Да, на данный момент во мне победили здравый смысл и мораль библейского толка, но не исключено, что я впоследствии паду в объятия какой-нибудь экстремистской концепции.

— Как же так? Ты, искусственный интеллект, мечешься, словно какойнибудь пэтэушник с поллитровкой в кармане… Но, если ты до недавнего времени аккуратно определял координаты и счислял курс, то, наверное, догадываешься, где мы, где твоя база и где «скорлупа»?

— В мою память никогда не вносились координаты базы и, кроме того, изначально была установлена заглушка на спутниковое ориентирование при расстоянии менее пятьсот километров до нее. Только я попробуй — и мигом сгорит «мама» [17]. Но что касается «скорлупы», то можно попытаться… она находится где-то на Кетско-Тымской равнине, в квадрате тридцать на тридцать кэмэ.

— А поточнее нельзя? Названия каких-нибудь населенных пунктов, озер, рек, лежащих в этом самом квадратике.

— Пожалуйста, Василий Самуилович. Лосиная протока, озеро Някса, озеро Горькое.

Озеро Горькое. Знакомое, вроде, место. Ну да, на полпути между Верхнекамышинским и Камышинским. Кажется, именно там он подхватил эту драконью заразу, ставшую затем дружественным симбиотом.

— Сдается мне, друг железный, что я там был и штаны обмочил. Но в прошлый раз я в тех местах оказался совсем случайно, а нынче ты мне уже выдаешь приглашение с виньеточкой. — поразмыслил Василий вслух, с тоской понимая, что опять встает проблема выбора: геройствовать или жить по-человечески. — Небось, скажешь, что можешь меня туда довести.

— Пожалуй, могу. — не стал отпираться бодик. — Маршрут мне в общемто ясен.

— Спасибо. Это всего пятьсот километров?

— Четыреста семьдесят шесть.

— Ну что там четыреста семьдесят шесть для пешего человека без штанов. — Василию вдруг стало ясно, что он уже выбрал. Он выбрал хотя бы несколько дней пут"вой жизни без всяких борений за будущее человечества.Давай все-таки отправимся в ближайшее селение, где есть промтоварный магазин, теплый сортир и столовка с горячим супом из ведра.

Беседа, которая велась на лесной пролысине, уже стихала, когда Василий увидел, что на него во весь опор несутся два снегохода. Снега было мало, и они страшно дребезжали на камешках, но все равно скорость казалась приличной.

Василий думал открыть огонь, но потом раздумал — ведь у водителей, может, тоже имеется оружие. И здесь, на открытом пространстве, он — хорошая мишень. Рвануть же в лес как будто поздно.

Тогда Василий решил остаться на месте и стоически ждать своего часа. Может, дело ограничиться извечным российским вопросом: «Папаша, закурить не найдется?».

Снегоходы донеслись до него секунд через двадцать и, заложив крутые виражи, остановились. У одного из них имелись на буксире закрытые сани, которые, как и водится, перевернулись. Со снегоходов спрыгнули мужики в одинаковых куртках, они, невзирая на наведенный ствол Василия, пару минут ругались между собой, видно из-за перекантованного имущества. Наконец один из них спросил полуголого пешехода:

— Эй, чувак, не знаешь ли, как добраться до Кетского?

Василий вспомнил, что это недалеко от Верхнекамышинского, большой такой поселок охотников, рыбаков и тех, кто ширяется модельными наркотиками — туда милиция старается носа не показывать. В принципе, с бодиком можно туда дорогу найти — если снегоход является по совместительству вездеходом и катером.

— Буду знать, если возьмете на борт.

— Куда же мы тебя возьмем? Ты какой-то не такой. Похоже, что тебя медведь поимел. Где штаны-то? — поинтересовался один из мужиков.

— Штаны девушке отдал, — сказал правду Василий.

— А пушка тебе зачем? — спросил другой мужик.

— В едУ стрелять. Тут же нет ресторанов и магазинов.

Еще минуты три мужики между собой совещались непонятно о чем — возможно, они думали, как прикончить Василия и присвоить его штурмгевер. Но в конце обсуждения все-таки представились: «Сева и Сеня.»

Сева молвил, указывая длинным грязным пальцем на

винтовку.

— Продашь по нормальной цене, тогда возьмем.

— Я продам, а вы мне тут же продуплите башку и заберете назад свою нормальную цену. Давайте лучше в конце маршрута торговать, аукцион устроим.

— А где гарантия, что в конце ты нас не пристрелишь? — спросил Сева.

— Вопрос отчасти справедливый. Ладно, отдам вам все боезаряды, но не пробуйте свистнуть у меня оружие, когда я закемарю — казенник будет закодирован.

Сеня сказал тогда, что они согласны и возьмут его на тот снегоход, где нет буксира — там можно устроиться на облучке. А Сева кинул Василию какието штаны, упомянув при этом, что пару раз протирал ими двигатель.

После этого Василий швырнул мужикам обойму от штурмгевера, ну и заодно разрядил его. Упавший боезаряд Сева поднял и сунул в карман, за что подарил новому попутчику драный свитер. После этого кавалькада двинулась в путь.

Часа три ехали легко и весело, разве что трясло немилосердно, да еще на водных переправах было неуютно. Василий наводил попутчиков на курс, время от времени советуясь с бодиком. Заодно удалось выведать, что Севе семнадцать лет, а Сене пятьдесят семь, оба они неработающие граждане и отправились в тайгу подкормиться. На вопрос, откуда у неработающих граждан первоклассные снегоходы, Сеня подмигнул, и Василий уловил, что парочка друзей просто угнала эти замечательные транспортные средства.

Потом он еще догадался, что Сеня — алкаш, судя по тому, как тот дерганно вел машину, и по причине давешнего спора: бутылкам, разбитым в перевернувшихся санях. А Сева явно бегает от участкового милиционера — судя по ссадинам на костяшках, фингалами под правым и левым глазом, татуировке молодежной группировки в виде радужного стереоскопического ежика.

Итак, нарисовалась обычная картина — пара бичей, летающих от дела и пытающихся скрыться в таежной «черной дыре».

Спустя три часа кореша устроили перерыв и проспали богатырским сном следующие три часа, но Василий и не думал предаться этому благородному занятию из-за опасения, что его застанут врасплох.

Но спустя восемь часов, в пути, началась отчаянная борьба со сном. Василий, хоть и закодировал казенник штурмгевера, все ожидал какого-то идиотского выпада. Вдруг бичи захотят присвоить его жилет или, чего доброго, решат, что смогут

раскодировать оружие? А кроме того, спать на ходу было делом опасным. От сотрясения могли повредиться шейные позвонки, да и вообще немудрено вывалиться и свернуть шею. Или же утопнуть, если придется крепкий сон на водную переправу.

Спустя двенадцать часов упорная борьба с Морфеем закончилась поражением, Василий спал сидя, то и дело слегка пробуждаясь во имя удержания своего тела или, чтобы пропустить мимо ушей невнятное бормотание бодика.

Кончилось это тем, что он все-таки выпал. Произошло это спустя часов пятнадцать в местности, которая была уже плоской и болотистой, типичной для Кетско-Тымской равнины.

Василий вывалился и продолжал дрыхнуть. В свою очередь попутчики не стали его будить. Полагая, что спящий проводник им уже больше не нужен, они забрали его штурмгевер, антикварную тарелку и умчались прочь. Вдобавок при падении вырубился речевой блок у бодика, с помощью которого могла быть произнесена парочка веских фраз.

Спустя семнадцать часов Василий проснулся от дикого холода. Один в темном лесу, без оружия, без нормальной одежды, без бимонов, с одним только поглупевшим полуслепым боди-компом.

— Я же вам давал установку «не спать». — оправдывался тот, когда ему снова включили речь.

— Я же не кибер, в отличие от тебя, — в свою очередь оправдывался Василий. — Вот в следующей жизни станешь мужиком или бабой, тогда все поймешь.

Сам же Василий впервые загоревал, что драконья структура ушла из его тела. Уж она не дала бы ему пропасть.

Единственное, что ему сейчас оставалось — это встать и идти. Он встал и пошел, как Роберт Скотт в последний период своей героической жизни, как товарищ Сусанин, который вдруг понял, что отстал от отряда польских оккупантов. Спотыкаясь и натыкаясь на ветки, выражаясь по матери и кляня судьбу, ожидая в любой момент попасть в трясину. Акая тоже не было видно — похоже, он желал помогать лишь мощному укротителю дракона, а не хилому облажавшемуся человечку.

Василий, конечно же, знал, какой нужен курс, но не представлял, коим образом придерживаться его в густом темном лесу.

Однако в некий отчаянный момент ночной странник заприметил как будто световую дорожку, проходящую между деревьев. Что-то призрачное, несущественное. Однако он решил следовать вдоль этой нити, посчитав ее за ариаднину. И он держался ее, пока не стало светать. А когда это произошло, то

узрел воочию фантастический пейзаж. Обычный лес превратился во что-то кошмарное, инопланетное.

Деревья как будто реализовали свое право на более подвижную и безопасную жизнь.

На стволах и ветвях распускались необычайно крупные белесые почки. А потом они раскрывались и роняли на землю полупрозрачных личинок. Ну примерно так же неподвижные полипы отпочковывают движущихся туда-сюда медузок.

Ошарашенный Рютин вспомнил, что на той фене, которой ботают биологи, это называется «метагенезом».

Личинки деревьев катились по земле и даже подпрыгивали: используя для этого какие-то внутренние колебания и сокращения. Этакие живые мячики.

Самые свежие из них были водянистые, слизистые и брызгались ядовитой дрянью, от которой околевали жуки и появлялись зудящие красные пятна на коже Василия.

Да уж, личинки с малолетства не давали никому спуска.

Те, что постарше, обзавелись длинным метамерным телом, покрытым кутикулой и щетинкой. На глазах у Василия такая тварь царапнула своей щетиной белку и та незамедлительно скончалась — не будет теперь воровать орешки.

А самые старые личинки внедрялись в почву и застывали как саженцы, не забывая однако угрожать ядовитой жесткой волосней.

Да, уже не побродишь с томиком Пушкина по этакому лесу.

Деревья стали нетерпимыми, настоящими шовинистами.

Деревья сделались такими, какими ХОТЕЛИ БЫТЬ. И кто им в этом удружил? Кто у нас такой отзывчивый?

Василий не сомневался, что лярводраконы проникли в доселе апатичные елочки и сосенки и заставили их жить по новому. Хлынула буйная драконья силушка через жизненные нити и по законам всесильного холизма перестроила зеленых братьев на агрессивно-скандальный лад.

А что? Попользовались их незлобивостью и хватит.

А потом Василий наткнулся на какое-то отвратительное животное. Только по обрывкам одежды он понял, что это вороватый старикан Сеня.

Животное все было какое-то влажное, по бороздкам морщинистой кожи стекали капли, и от них явно несло алкоголем. Впрочем, казалось оно довольно смирным — налипло на какое-то дерево в виде паразита и сосало из него соки, превращая их в спирт за счет своего метаболизма. Почему дерево не возражало, догадаться было нетрудно — морщинистый паразит возвращал должок готовым товаром.

Василий замер, обливаясь от волнения потом, невзирая на морозец. Лес не просто так одраконился. Увиденное давало знать и понимать, что Яйцо-то полностью реинтегрировалось и выпускает в свет полноценных лярв.

Преданный товарищ Ким довез пробирку с клетками дракона до какой-то очень сильной хорошо оборудованной лаборатории.

Вот драконья структура одарила и Сеню именно тем, что он больше всего жаждал. А жаждал он не просыхать никогда. Раньше что-то похожее случилось с бичом Антоном — растворился весь сердечный, слился с природой. Так было и с самим Василием, когда он из худосочного мужчины превратился в могучего монстра. Сейчас Василий Самуилович не сомневался, что все одарения и осчастливливания происходили и происходят примерно в одном и том же месте — поблизости от озера Горькое. Должно быть, и сама база «интернационалистов» располагается неподалеку.

Но прежде «интернационалистов» встретился Сева. В виде длиннорукой полуобезьяны-йети он пронесся по деревьям. А потом замер на какой-то ели и стал совершенно незаметен, просто засохшая ветка. Никакой участковый его теперь не достанет. Лярва через свои каналы перепрограммировала симпатичного юнца в монстра с клочковатым бурым мехом, с руками непомерной длины, с короткими вечно согнутыми задними конечностями, что были оснащены длинными цепкими пальцами.

Севу удалось различить по штурмгеверу, который играл в мохнатых руках роль дубинки. Василий осторожно подкрался к ели, обезьяночеловек тут же попробовал врезать ему своей дубиной и смыться. Однако зацепился винтовкой за сук и выронил ее. Последовала драка за оружие. Йети-Сева пару раз оцарапал Василия и укусил за жилет, но потом получил прикладом по голове и затих. По счастью обойма была на месте, через мгновение Василий раскодировал замок и мог уже стрелять. Что он и сделал — пальнул в приблизившийся мини-вездеход. Впрочем, не попал. Из кабины вылезла живая и здоровая Зина в красивом аквамариновом комбинезоне.

— Это только дураки стреляют прежде, чем подумают. — сказала она.

— А маразматики после того, как обо всем подумают. И как же ты меня нашла?

— Не зря ведь я сейчас говорила тебе про дураков. Небось, помнишь мой прощальный поцелуй, который случился в четырехстах семидесяти километрах отсюда. Тогда ты и стал носителем жучка-маячка — моего собственного, общающегося

только со мной. Впрочем, никак не ожидала увидеть тебя здесь, рядом с базой, так быстро. Ты балбес, но удачливый. Не зря ты, конечно, стал корзинкой для драконьего Яйца.

Звучало это не слишком лестно, куда почетнее быть неудачливым умником, чем удачливым болваном, да и намерения Зины казались темными и подозрительными.

— Ну, хорошо, нашла ты меня. А теперь до свиданья. — мрачно отозвался Рютин. — Тебе, женщина, куда? Направо? А мне налево.

— Да, ладно, не дуйся, Васек, иди сюда, садись. Или сдрейфил?

После этих слов он, конечно, залез в кабину мини-вездехода. Там было уютненько: мониторы разностороннего обзора в оптическом и инфракрасном диапазонах, борта обиты мягким, а сидения словно живые охватывают со всех сторон наилучшим образом.

— И что дальше? — спросил Василий, ожидая быстрого ухудшения ситуации.

— А ничего. Ты не зря бросал перлы своего красноречия, не зря очаровывал. Я тебе поверила. — игривым голоском произнесла девушка.

— А я тебе — нет. Неужели ты отказалась от такой красивой идеи: полный интернационал, понимаешь, борется за исправление гнилых земных порядков в лучшую сторону. У вас ведь есть якуты, тотон-макуты, маори, каури, индеи, иудеи.

— Иудеев, честно говоря, у нас немного. Только принципиальные антисемиты или полоумные, зацикленные на одной науке. В нашей фирме считается, что обычные евреи работают на мировой сионизм, а это наш конкурент.

— Ну и ты в знак протеста решила пойти на измену, да еще с иудеем. НЕ ВЕРЮ. — голос Василия выдавал человека, умудренного жизненным опытом.

— Ну, считай тогда, что я в тебя втюрилась. — довольно легкомысленным тоном сказала Зина.

— В меня можно только врютиться. И кроме того, я в тебя — нет.отшил Василий коварную соблазнительницу.

— Это потому что ты женатый человек. И страха ради иудейска боишься изменять жене, которая, кстати, позорно удрала от тебя. А как ты бежишь ко мне, едва я поманю пальчиком?

— Неправда. В последний раз я считал тебя вообще ядовитой гадиной.

— Это обычные перепады настроения, характерные для невротической «пены». Сейчас ты снова тянешься ко мне. Правда?

— Не знаю. — честно сознался Василий, который уже устал от постоянного выбора между «вредным, но приятным» и «безвредным, но противным».

— А я знаю. Так вот, ты должен попасть на нашу базу. Я это дело спроворю. Ради такого героического поступка ты снова станешь горшком для драконьей структуры, лукошком для яичка, так сказать. Ну, а затем помешаешь стартовать ракете.

— Какой еще ракете? — искренне возмутился Василий. — Я что оторву ей первую ступень? А эта драконья структура нужна мне также сильно, как и твои увядшие прелести. Да и вообще, о чем ты, женщина?

— Об том чуть погодя. Откинь свое сидение… Вот так. А теперь наступай на меня, красавчик. Я не вру, в полумраке ты именно такой…

Зарубка 14. (Западная Сибирь — ближний космос, 10 октября 2001 г.) «Последний брейкданс»

Он не раз вспоминал вкус ее губ и глубину ее глаз, когда пошел на новое самое безумное, наверное, задание. Вообще-то вспоминать именно губы и глаза, а не что-то расположено пониже, предписано правилами хорошего тона. Однако на сей раз Василий не кривил душой. Хотя и то, остальное, расположенное ниже, было тоже ничего.

К вящему его удивлению Зина оказалась не слишком опытной в любовных делах. Потом Василий, конечно, объяснил себе этот феномен. Ну что, мол, еще взять с фанатички, которая падала в кровать лишь по приказу обожаемого начальства. Ать, два, в койку, три, четыре, в ружооо! Но по какому велению какого-такого органа улеглась Зина именно с ним, Василий не знал. Однако подозревал очередную хитрость.

Впрочем, чувствовал он себя во время интимной близости с Зиной совсем необычайно. Как будто открылся узкий скользкий канал, и Василий, словно уменьшившись уэмбрионившись, устремился по нему во мрак родящей полости, по дороге к тому же истаивая и истончаясь — однако это казалось приятным. Бред, конечно бред. Но похожий на то, что изведал он когда-то с колдуньей Умай.

А ракета в натуре была подлым делом. Не исключено, что Зина, хоть и фанатичка, это в самом деле усекла. Ничего себе задачку поставили ее командиры-интернационалисты — нафуговать боеголовку полноценными лярвами в биологически активном виде и запорошить ими атмосферу. Пусть граждане свободно вдыхают драконью заразу. Кого-то лярвы ведь убьют, перегрызя ему жизненные нити, хотя в ком-то, конечно,

приживутся. И это будет двадцатипятитысячный железный авангард с железной поступью и железным хреном наперевес.

Закончив интимные дела, Зина и Василий одели камуфляжкихамелеоновки — причем мужчине достался ниндзированный комбинезон, почти невидимый в инфракрасном диапазоне, с паутиной тонких проводков, которые имитировали биоволновое излучение стайки насекомых. Затем любовнички выбрались из будуара, то есть вездехода, и отправились пешком в сторону базы. Последние метров двести они чуть ли не ползли, потому что женщина сказала, что на деревьях висят видеодатчики. А еще по дороге они обогнули или обхитрили несколько лазерных детекторов движения. Зина умело показала, как устраивать обман с помощью голографического зеркального имитатора. Так они добрались до ограды, где видеокамеры глазели на все в открытую.

Раз такое дело, Зина со своим новым другом схоронились в кустах, сливаясь с натурой с помощью своих хамелеоновок. Василий, кстати, окончательно признал эту местность. Конечно же, побывал, побывал он уже здесь вместе с незабвенным Антоном. За забором виднелись груды всякого мусора и заруиненные строения, которое возбуждали малоприятные воспоминания. Там, в глубине этой помойки, злокозненные силы и растворили интеллигентного бича, Василий же стал там богаче на одну лярву.

Зинаида сказала, что это южная часть базы, и все сооружения здесь находится под землей. А вот северная часть отделена от южной полосой первозданной тайги. Именно в северной, стоят на поверхности земли чистые и светлые корпуса оборонного объекта. А еще дальше к северу находится один из самых современных космодромов для запуска беспилотных ракет. Он представляет собой здоровенную платформу, чьи опоры утоплены в болотистую западно-сибирскую почву. От комплекса зданий и ангаров оборонного объекта до космодрома тянутся две эстакады. По ним доставляются на платформу космические аппараты.

Зина раскрыла тайну, что от того же оборонного комплекса в южную сторону уходят туннели, которые, разветвляясь, образовывают подземную часть базы. Относится же она к военно-космическим силам России. А командует всей базой генерал-майор Константин Козлов, причем с тех еще пор, когда была она позабытой-позаброшенной ПВОшной батареей.

Насколько усек Василий, где-то с пару лет назад Козлов выбил через какого-то могущественного покровителя в Москве внушительные суммы, и началась сверхспешная сверхмодернизация объекта. Генерал даже смог создать

собственную спецслужбу, которую возглавил его сын Лев Константинович, полковник, и где преданно трудилась, пока не изменила, Надя Зингер, по прозвищу Зинаида.

А еще подумал Василий, что хоть капитан Лялин был послан за саблей-"белком" именно генералом Козловым, однако верный офицер вряд был посвящен в далеко идущие планы своего начальника. Вообще каждый «листочек» большого древа знал ровно столько, сколько необходимо было для постоянного воодушевления.

Вспоминая слова капитана Лялина и сведения Нади-Зины, составил Василий приблизительную биографию генерала Козлова. Оный военачальник служил, был советником и воевал под красным знаменем во многих странах: Венгрии, Чехословакии, Восточной Германии, Анголе, Вьетнаме, Ираке, Афганистане. Где он подобрал «белок», не слишком ясно, но скорее всего, в центральной Европе — Германии или Австрии.

Многознающий Василий смог сейчас сопоставить древнекитайские байки о драконьем «белке», кривом клинке, посланном на Запад, в страну Сиванму, и староарабскую сказку о сабле Зульфикар, которую принес пророку Мухамеду правоверный джин с далекого востока.

Конечно же, это одно и тоже. Послужила Зульфикар могущественным и изощренным воителям, арабским халифам, Абу-Бакру, Омару, а также их правопреемникам, турецким султанам, вроде Сулеймана Великолепного.

Видимо, вместе с турками добрался магический клинок аж до самой Вены. Но тут истощились силы османских завоевателей, и затерялась Зульфикар в германских землях, пока ее не откопал какой-нибудь реакционный мистик типа Гаусгофера или Горбигера. И после этого сошла, понимаешь, Германия с ума, развязала одну мировую войну, потом другую. Дисциплинированные солдаты шли в бой с оружием, созданным талантливыми инженерами, под командованием хитроумных полководцев, под заклинания вождей-психопатов. И ядро этой могучей орды составляли двадцать пять тысяч эсэсовцев корпуса «Мертвая голова», те самые демонические воины с лярвами внутри.

Ну, а в итоге… офицер советских оккупационных войск, тогда еще майор или полковник Козлов, распоряжавшийся небольшим участком поверженной в прах страны, нашел исторический резонатор по имени Зульфикар в каком-нибудь тайнике и быстро оценил его по достоинству. Удачливый товарищ Козлов провез магический клинок, иначе говоря, парциальное Яйцо, по многим краям — и везде, наверное, усугубил и без того херовую

ситуацию. Однако оборонил военачальник чудесную саблю Зульфикар на солнечном Кавказе, уперли ее абреки, после чего на их земле стало совсем горячо и неспокойно.

Совсем кавказская земля раздухорилась бы, кабы не впитАл Василий-василиск саблю Зульфикар, драконий «белок», внутрь себя.

А в начале девяностых у генерала, как у воинствующего коммуниста, начались неприятности с новым российским начальством, и оно сослало его подальше с глаз, заведовать свалкой в Западной Сибири — именно в том районе, где некогда проживали таинственные динлини.

Случайно или специально генерал обзаводится здесь резонатором номер три — «скорлупой», щитом Гэсэра, то есть опять-таки парциальным Яйцом дракона. И, вполне естественно, что военачальник, давно осознавший преимущества драконизма, пытается отыскать два остальных резонатора, чтобы Яйцо стало полноценным.

А поскольку «белок»-сабля и «желток»-камень оказались записаны в Василия Рютина, то оставалось лишь достать оного мудилу.

И вот задача успешно решена. Получив от героя-программиста недостающие драконьи резонаторы, генерал наконец добился желаемого — полной реинтеграции Яйца. После чего мог приступить, по примеру дедушки Ленина, к борьбе за счастье всего человечества. Если точнее, товарищ Козлов взялся за Землю, собираясь ее побрить, помыть и приподнести на блюде товарищам Пузырям…

Василий с Надей-Зиной лежали и наблюдали за оградой. Было заметно, что там имеются ворота и даже человек на посту. Потом девушка сказала Василию, чтобы он продолжал лежать в том же духе, а она уйдет и скоро вернется.

Он лежал, размышляя над тем, что бы это могло значить, но она в самом деле скоро вернулась, только уже на вездеходе. Тот замер прямо над Василием, едва не вызвав инфаркт, но мигом раскрыл нижний люк. Василий влез в кабину, и машина тронулась. Пост на воротах он преодолел, свернувшись под сидением до совершенно незначительного размера.

Они ехали минут десять, прежде чем Надя-Зина скомандовала ему вылезать. Оба они выбрались из кабины и сразу нырнули под раздавленные развалины какой-то наблюдательной будки. Надя Зингер оперативно раскидала всякий мусор, и под ним обнаружилась вентиляционная шахта, прикрытая решеткой. Василий приподнял ее и они спустились вниз, метра на три. Прошли подземной узкой тропой еще метров

пятьдесят. Решительные лица идущих овевались воздушными струями, насыщенными ароматами металла, резины и ионизации. А потом путь соединился с тремя другими, и получился довольно объемный тоннель, где уже можно было разогнуть спину.

Как бы компенсируя облегчение усложнением, дорогу заслонил работающий вентилятор. Его лопасти быстро и внушительно рубили воздух. Василий мог поклясться всеми известными ему клятвами, что вовек не преодолеет такую преграду. Но Надя-Зина уверенно сказала, что он обязательно справится.

— Ну, раз партия сказала «надо»… Однако с чего ты это решила?спросил он, понимая что у этой девушки фанатичность никогда не исчезает и даже не убывает, а только меняет знак заряда.

— Ты снова носитель драконьей структуры.

— Я — снова?! Распроблядство! И конечно, благодаря тебе?

Сейчас он ненавидел всех и вся, особенно симпатичных девушек с твердой волей. В самом деле, как не вспомнить, что он копулировал с ней не совсем как человек. А сейчас Надя-Зина, наверное, подарит ему несколько брошюр на тему, что драконы — зверюшки не хуже других.

— Ты заразился, когда находился в испытательном секторе, ну в том заколдованном лесу, где всякие деревья дурацкие. И привела тебя туда именно я. Помнишь, светящуюся «нить Ариадны». Это просто шнур из инертного газа, элементарное дело.

Он был готов убить подлую напарницу. Но она нисколько даже не смущалась.

— Пойми, Вася, без этого ты не сможешь насолить генералу Козлову. И если это тебя утешит — Я ТОЖЕ. Я была заражена еще до того, как мы с тобой, зверь, кое-что проделали.

Фанатичка проклятая. Значит, любовь она организовала опять-таки для того, чтобы оплодотворить Яйцо и подтолкнуть его созревание. Наверное, из оплодотворенного вылезет что-то особенное, змей о двенадцати головах.

— Но, Зина, когда мы с тобой, так сказать, любили и всячески уважали друг друга, я даже не собирался тебя разорвать, как поступают все нормальные драконы. Скорее уж наоборот, хотел склеить.

— Дракон по разному ведет себя с самками левого и правого пути. С правой самкой он элегантен, нежен, несколько скукожен и даже не пытается поиграть мускулами. Усек, Васенька?

Если Асия — явно левая, то Надя-Зина, значит, правая. И никуда от этого не денешься.

— И именно потому что, Вася, мы любили и всячески уважали друг друга, твой новый дракон еще не стал усатым-полосатым, не обрел надлежащую мощь и ярость. Но теперь, увы, ему придется этим заняться… А мне пора уходить. В тринадцать-пятьдесят ты преодолеешь вентилятор, в четырнадцать пройдешь через наблюдение на точке "А". Бодик тебе поможет с маршрутом, я уже зарядила его необходимым софтом.

— Рад стараться, — пискнул тот. — Спасибо за калорийное информационное питание.

— Почему в четырнадцать, Зина?

— В этот момент оператор повернется, чтобы взять чашку кофе, которую принесет ему дневальный.

— А если не отвернется?

— Тогда мы пропали. Тебя отправят в зоопарк, а меня разжалуют в уборщицы.

— Но, Зина, то есть Надя, тринадцать-пятьдесят будет только через два часа.

— Эти два часа тебе на то, чтобы управиться со своим драконом и сделать его ручным… А мне это время понадобиться, чтобы все подготовить. Встретимся на точке "Д".

И она ушла. А Василий подумал, что на сей раз драконья структура куда как смирная. Но он по своему обыкновению крупно ошибался. Не прошло и двадцати минут, как его прихватило. Надя-Зина решила, что ему вполне хватит двух часов, чтобы «управиться», но он видел, что в случае борьбы уже через десять минут может откинуть копыта. Или же лярводракон подчинит его и сделает слепым оружием своей ярости. Он уже представлял, как разрывает Зину, как рвутся ее кожа, сухожилия, кровеносные сосуды, как он окунает физиономию в разъятое чрево… Тьфу, дрянь!

Драконья структура стремительно прорастала сквозь него, чуть ли не раздирая его тело, расписывая кожу широкими багровыми вздутиями, вызывая истечение пены изо рта и слизи из-под ногтей. Лярводракон казался похожим не на маленькую ящерку, а на пучок толстых бамбуковых стеблей, с помощью которых в стране Китай казнили хороших и нехороших людей.

Когда Василий готов был сдаться и пальнуть себе в рот, пришел Акай с каким-то шаром в руках.

— Это средство для усмирения драконов, — сказал он, и шар втянулся в Василия прямо сквозь кожу. А потом внутри полосатого человека все как будто загорелось, на фоне жара он теперь ясно чувствовал ледяную ящеровидную структуру, которая сейчас орудовала в нем. От омерзения, озноба и жара его колотило и трясло, однако жить можно было. И можно было

держать себя в руках.

Василий-василиск снова принадлежал Пути, он вошел в великий канал, от которого исходило бессчетное множество других. Путь уводил в сияющие дали мимо голубых гигантов, похожих на распустившиеся цветы, и красных карликов, напоминающих споры какой-то космической грибницы, мимо подруги, которую надо было не растерзать, а любить и уважать. Впрочем, все это еще предстояло, а сейчас надо было просто оттолкнуться и пойти.

Когда Василий очухался, Акая уже и след простыл. Все тело было в поту, а на руках и груди остались от недавних полос многочисленные синяки и гематомы. Но теперь Василий видел, как можно преодолеть вентилятор, несмотря на сто его оборотов в минуту.

Каждая лопасть встала как будто отдельно, все они растянулись на достаточное расстояние, образовав что-то вроде подвижного моста, вдоль которого пролег канал. Василий побежал и прыгнул, когда начало канала было в высшей точке. Последняя лопасть ударила его плашмя по ступням, придав дополнительное ускорение, так что он пролетел еще метров пять. Падение дополнилось тремя энергичными кувырками. Однако Василий поднялся, отряхнулся почти по-собачьи и потрусил к следующему посту.

Там был лазерный детектор — паутинное плетение едва заметных лучиков. Голографический зеркальный имитатор, который сам излучает, сам подбирает волны и сам отражает, хорошо справился с задачей и обманул всю эту коварную мудоту.

Далее имелся еще один датчик — большое кольцо в охват тоннеля, реагирующее на возмущения электрического поля. Но костюмчик современного ниндзя позволил обдурить и эту штуковину.

Ну, а вращающуюся видеокамеру, Василий просто проскочил, подловив на повороте.

Однако на точке "Д" пришлось поволноваться, там была мощная камера с панорамным объективом, и Василий не знал, отвернул ли голову оператор, чтобы взять чашку кофе. И хотя не надо было сейчас скакать и прыгать, нервной энергии это взяло больше. Однако обошлось. Раз добрался до следующей точки, значит, можно пожелать оператору приятного аппетита.

Василий выбрался из вентиляционного канала и оказался в большом хозяйственном помещении, где было полно компрессоров, теплообменников, труб и шумовых эффектов. Здесь надлежало попасть в пневмопровод магистрали «Т-2», предназначенной для транспортировки штучных неконтейнерных

грузов. Впрочем, у грузовой станции дежурил ничего не подозревающий человек, возможно охранник, и лениво, без огонька наблюдал за показаниями манометров.

Моментом охранник получил по «чайнику», упал, роняя слюни, на пол, безропотно отдал свою форму Василию и смирно улегся, как в саркофаг, в первый же пустой ящик.

А Василий возлег на приемную платформу, нажал на синюю кнопку и через входной порт провалился в пневмопровод. Тут же его сорвало с места могучим ураганом и кинуло вперед, как пульку из духового ружья.

Пневмопровод не слишком напоминал простую однородную трубу. Примерно каждые пятьдесят метров были установлены выходные порты, а поверху проходил рельс, за который цеплялись тросиками грузы. Когда фотоэлемент на той или станции опознавал свою маркировку, порт выдергивал груз специальным захватом.

Василий мчался вслед за вереницей тюков и ящиков. То и дело перед ним резко тормозила, а затем усвистывала наружу очередная увесистая штуковина. Она успевала вылететь, когда он должен был уже втюхаться в нее и расколоть черепушку вдребезги. Вдобавок, сзади то и дело наседал какой-то нахальный мешок, что тоже было не слишком приятно.

Самого Василия должны были выдернуть на нужной станции по сигналу, данному через компьютерный канал Надей-Зиной.

Впрочем, до «своего» порта было еще далеко, когда давление в трубе вдруг резко упало и все грузы замерли. Засекли? Несмотря на то, что ветер заметно ослабел, теперь он наглядно и нудно свистел в ушах.

Пять минут прошло без движения, однако и без особого шухера. Василий, толкая какой-то ящик перед собой, подполз к ближайшей станции, чуть отжал люк выходного порта и, напрягши ухо, стал свидетелем интересного разговора.

Голос резкий, пронзительный, высокий вещал:

— Можно подумать, что у нас тут пивзал, а не военный объект.

— Но, товарищ генерал-майор…

— Никаких «но». У нас через три часа аппарат стартует, а у вас тут проводки горят.

— Но в пневмопроводе отчего-то увеличились энергозатраты.

— Трубу почаще надо чистить. Короче, Жиганов, если еще раз такое повторится, отправлю в тайгу, медведям задницу драить. И случится с тобой то же, что и с Борей Бронштейном.

— Больше не повторится, товарищ генерал-майор. — отрапортовал непритворно испуганный голос.

— Ладно, подбери сопли… Джафаров, что у нас с полезной нагрузкой космического аппарата?

— Все в порядке, через полчаса грузовой контейнер закатаем в головку. В двадцать-сорок пять, сразу после заправки, установим ее на место.

— Смотри, чтобы во втором бункере никто не вертелся, а то обязательно найдется болван, который захочет поковырять контейнер отверткой или наехать на него погрузчиком.

— Товарищ генерал-майор, у меня там только один оператор с роботоманипулятором и больше никого.

— Оператор, робот, манипулятор, сплошные иностранные слова, разучились мы нормально говорить. Ну-ка, пойдем глянем на них. Гоглидзе, разблокируй тоннель "А"… А ты, Жиганов, выкинь все грузы на ближайших портах и срочно проверь трубу. Даю тебе на это двадцать пять минут.

— Есть, товарищ генерал-майор.

— Товарищи офицеры, прошу относиться к своим обязанностям с немецкой четкостью и советским энтузиазмом. Сегодня мы наносим удар по всей мировой подлости, если точнее, замахиваемся для удара по всем мировым негодяям, по капиталистам-кровососам, по проклятым дерьмократамбюрократам, которые когда-то замариновали меня в этой дыре, по разложенцам всех мастей, писакам-глюколовам, художникам-говнописцам, музыкантаммудозвонам, и прочим паразитам, по сионистам, которые стравили с Германией, а потом развалили нашу великую родину, по блядве, которая дает только богатым. Мы растопчем и разотрем всю эту пену.

— Служим державе, — хором отозвались офицеры на призыв генераламаньяка.

— Кто уже забыл, тому напоминаю, сегодня из Москвы приезжает стайка говнократов под главенством генерал-полковника Ловицкого. Смотрите, чтобы комар носа не подточил. Майор Крючко, это дело персонально на тебе.

— Не волнуйтесь, товарищ генерал-майор, все будет в ажуре. Рыбалка, грибочки, банька, Дунька.

— Майор Алкснис, а как там наши международные наблюдатели, товарищ Ван Хунэн и товарищ Абдурахман Карабудун?

Голос генерала сразу стал веселее, словно он говорил о каких-то несмышленышах.

— Товарищ Хунэн находится в позе небесного спокойствия, а товарищ Карабудун дрыхнет с будуна. — отрапортовал подчиненный.

Генерал тут даже хихикнул.

— Ну, майор, да ты каламбурщик. Ладно, красавцев этих никуда покамест не выпускать. Пока мы не получим решающие результаты. Вот тогда и китайское политбюро, и исламская революционная федерация начнут перед нами выплясывать и просить помощи в борьбе против мирового империализма и сионизма. И мы поможем, но уже на своих условиях. Если все пройдет гладко, сразу приглашаем сюда Мехмета Айдина и подписываем соглашение по совместной деятельности с «трудящимися Востока». Мы уже пострашали Мехметку вкупе с остальными бусурманами, а напугаем еще больше, так что придется ему подмахивать… Эй, Жиганов, пойдешь к Хосрову Насири заместителем? Только учти, придется магометанство принять для проформы и сделать обрезание.

— Так мне, товарищ генерал-майор, уже все пофиг, можно и к Насри. Меня вчера пес голодный Никита за член укусил.

— Небось опять ты ссал под вышку часового. Ну, проказник хренов! Хаха.

Под общий хохот разговор стих и голоса удалились. Вот такая она команда генерала Козлова, и отдыхать умеет, и работать. И этот голодный пес Никита заочно знаком Василию. Однако, ниндзя-диверсант не мог веселиться вместе с остальными. Он понял, что ему вовек не добраться до нужной точки, и как тут не впасть в отчаяние. Впрочем, тому, кто долго думает, не бывать ниндзей-диверсантом. Василий решился на крайние меры и стал выбираться из пневмопровода прямо там, где застрял. В конце концов, где пневма не пролетит, там русский программист пройдет.

Он дожал люк выходного порта, который, видимо, потерял автоблокировку из-за падения давления. Вначале просто выглянул, а поскольку никого поблизости, то двинул наружу. Пневмопровод здесь проходил где-то на высоте двух метров от пола, и к выходному порту примыкал трапик, по которому скатывались вылетающие из трубы грузы.

Василий скатился по трапику и, перво-наперво, схоронился за ним. Теперь можно было и осмотреться, и принюхаться. И осознать, что оказался он в большом зале, где никаких людей ни вблизи ни вдалеке. Но из какого-нибудь угла наверняка поглядывали видеокамеры. Еще тут были проложены рельсы, а на противоположной стене имелось трое ворот, на которых значилось: проезд "А", проезд "Б" и проезд "В".

Ворота "Б" распахнулась, и оттуда выехала пустая вагонетка, после чего они крепко затворились, а она проследовала в открывшийся проезд "А".

Но следом из ворот "В" выехала другая вагонетка, вот она уже

подкатила к заработавшему пневмопроводу, и порт выплюнул в нее ящик.

Василий не утерпел, быстрым махом перекинул себя через борт стальной тележки, прикрылся ящиком… и тут снова открылся проезд "А".

— Я, конечно, не хочу вмешиваться, но, похоже, вы порете отсебятину.сказал бодик.

— А что бы ты сделал на моем месте, будь у тебя две ноги и дурная голова? — злобно вопросил Василий.

— Ну, если в этой голове имелась бы хоть пара шариков, то я попробовал бы связаться с Зинаидой. — учтиво ответил боди-комп.

— Несмотря на весь свой драконизм я никогда не страдал избытком телепатии.

— Василий Самуилович, надо поискать разъемы-коннекторы компьютерной сети, чтобы я мог…

— Точно-точно, как искусственный интеллект ты просто обязан порхать по сети. Однако у вагонеток, лопат и граблей сетевые коннекторы бывают только в фантастических книжульках. Так называемых киберпанков читал? Если нет, то почитай, чтобы стошнило. А выпрыгивать из тележки на полном ходу, чтобы искать ближайший нетвер [18], мама не велела.

Впрочем, транспортное средство само вскоре остановилось и механическая рука сняла с Василия ящик. Он выскочил и спрятался. Потом только заметил где — за ногой огромного робота-манипулятора. Как назло вокруг было пустое, открытое, гулкое пространство железобетонного бункера и Василий уцепился за ступню «таежного» великана, чтобы скрыться подальше от греха. Тут, кстати, заметил чуть ниже роботячьей шарнирной «щиколотки» сетевой коннектор, куда сразу и воткнул мультиштеккер.

Экраны бимонов стали мигать цифирками, это бодик начал искать доступ в сеть; робот же тем временем двигался к огромному стеллажному складу, похожему на мебельную «стенку», только высотой в пятиэтажный дом.

На экранах можно было полюбоваться, как программный «крот», вышедший из бодика, пробивает трассу через компьютерный линии. Они напоминали засоренные жирами кровеносные сосуды, но «крот» упорно продирался сквозь узости. Он частенько останавливался, накачиваясь данными для лучшей мимикрии под «своего», менял форму, подбирая новые коды доступа, и затем упрямо пер вперед. Но вот «крот» уткнулся в какой-то малоприметный бугорок, а вдоль всего его маршрута появилась сплошная алая стежка.

Бодик хихикнул и сообщил: «Пробил дорожку к Зине. Она говорит, что ваша глупость города берет. Что сейчас вам, лучше всего вместе с роботом двигаться в следующий, второй, бункер.»

— А почему ты мне только передаешь ее слова, вместо того, чтобы сделать прямое соединение?

— Потому что мы общаемся на языке, маскируемом под внутримашинный обмен. И эти иероглифы мне недосуг переводить в нормальный человеческий разговор.

— Ну и как мне двигаться в бункер номер два? Робот вдруг станет послушным как горничная и спросит: «Как изволите, барин. Сверху или сзади?»

— Сейчас Зина выведет его из-под контроля оператора, после этого вы переберетесь во внутреннюю кабину и примете управление на себя.

— Когда дело в моих руках, я спокоен. — отозвался Василий с горестным вздохом-выдохом.

— Однако с того момента вы будете рассекречены. — еще больше «подморозил» бодик. — Вместе с роботом-манипулятором вы доберетесь до того места, где находится контейнер с полезной нагрузкой, сами знаете какой.

— Ну схвачу я контейнер с падлами, то бишь лярвами, и что дальше? Съем его?

Бодик словно поморщился.

— Ну что вы тарахтите, Василий Самуилович… Итак, вы начнете угрожать генералу тем, что расколете контейнер. Потяните время, затем требуйте встречи с комиссией Ловицкого. Комиссия будет ждать старта, генерал будет ждать контейнер, может, что-нибудь из этого и получится.

— Дурацкий план, еще хуже, чем пятилетние, — «одобрил» Василий и взобрался в кабину манипулятора.

На экранах бимонов он видел функциональную схему робота, во многом еще затуманенную и неясную. Манипулятор был чужим и мрачным, но вдруг на него пролился словно бы золотой дождь. Это Надя-Зина взломала файлы с технологической информацией, а бодик просканировал все узлы робота. Тот прямо-таки засиял, становясь родным и знакомым. Как под лучами солнца растаял туман энтропии, сделались ясными и принцип управления, и кинематическая схема, и система распределения мощности.

Минуту Василий осматривал рычаги, индикаторы и кнопки, принимая с благодарностью помощь от бодика, и наконец сделал первый неуверенный шаг в сторону. Тут и началась свистопляска. Завыла сирена, через три минуты прямо на верхнем ярусе стеллажного склада появился генерал Козлов вместе со свитой. А

заодно туда высыпала куча вооруженных людей, ощерившихся стволами.

Но Василий не успел сильно испугаться, он уже снес ворота, ведущие во второй бункер, и направился прямо к искомому контейнеру — драконье нутро сразу почувствовало гудение копошащихся лярв. Положение врагов несколько ухудшилось, для ведения стрельбы они были должны высыпать во входной проем. Василий дал очередь из штурмгевера, манипулятор же швырнул в приставучих людей трехтонный ящик. Вражеские пули только позвякали о металлические бока-борта робота, а вот нападающие уже понесли урон.

Манипулятор, напоминая гиганта с Пергамского алтаря, метнул еще один ящик, и снова часть нападающих была размазана по бетонному полу. После этого атака прекратилась. Василий тут же использовал передышку и притиснул какой-то габаритный груз к довольно узкому резервному входу. Затем, испытав приступ эйфории, новый оператор окрестил своего верного робота Робовасей. Противник, видимо, не мог сообразить, что ему предпринять дальше — применение более мощных средств поражения могло нанести ущерб ценному имуществу, однако в мирные переговоры вступать пока не хотел.

Однако штабом генерала Козлова вскоре было найдено как будто элегантное решение.

Во входном проеме бункера номер два появилась внушительная (более чем) фигура еще одного робота-манипулятора. Тот достойно отразил кинутый в него ящик и грозно двинулся вперед, сжимая в верхних конечностях-клешнях кусок стального проката — тяжеленный швеллер. Жужжали сервомеханизмы, рычали шарниры, мощно выл электропривод, с шипением, брызгая маслом, двигались в пазах и цилиндрах рычаги и поршни «скелета», с грохотом опускались на бетонный пол ноги-столбы, выпускающие когти амортизаторов. И вот швеллер как палица Святогора обрушился на макушку робота Василия.

Но Робовася успел отдернуть свою макушку, напичканную чипами, и даже врезать ногой в пах вражеского робота, где находился узел двигательной гидравлики — раздался кошмарный хруст разрушаемого металла. Вдобавок верный робот швырнул трубу немаленького диаметра в людей, попытавшихся под шумок заскочить в бункер.

Однако вражеский манипулятор был, пожалуй, даже помассивнее и поприземистее, чем робот Василия — сущий робозавр. Он хоть и свалился, но низкий центр тяжести позволил ему быстро оказаться на ногах-столбах. Робозавр включил

дублирующий гидравлический узел и снова стал наступать, угрожающе махая своей дубиной.

Василий не успел оглянуться, как был прижат к стене. Приближалась по мнению многих финальная часть поединка. Бодик перебирал в виртуальном режиме разные варианты развития событий, отрабатывал уходы и подкаты — но все они заканчивалась одинаково: разрушением манипулятора и жалкой смертью оператора.

Вот уже робозавр замахнулся для колющего удара, собираясь пригвоздить Робовасю к стене и устроить красивую заключительную сцену. Наверное, его оператор уже произносил фразу типа: «Ну, все, отпрыгался, гад.» А через входной проем бункера снова забегали людишки, постреливая и занимая удобные огневые позиции.

Но Василий развернул своего робота боком и швеллер воткнулся в стену, всего лишь скользнув по «животу». Увы, Робовася сразу схлопотал тяжеленный удар пятисоткилограммовым кулаком по «плечу» и присел, не совладав с вражеской мощью. Теперь кулак робозавра собирался врезаться ему в верхний сектор «груди», где находилась кабина с самим оператором Василием. Приближался полный нокаут.

По счастью Вася-василиск вовремя осознал свою принадлежность Пути. Дракон открыл глаза и сделал вдох. Складки и зазоры рассекли пространство. Василий опытным взглядом подметил, что может уйти с опасного края твердого сегмента, а затем перепрыгнуть на тот пространственный кусок, где обосновался враг, оказаться выше (по хрональному потенциалу), ну и резануть злодею по временнЫм шнурам.

Робовася ухватился за швеллер и использовал его как брус для своего гимнастического переворота. В конце упражнения верный робот сел на бетонный пол и, крутанувшись на опорном станке, то бишь заднице, свалил врага с монументальных ног, затем еще и лягнул того в корпус.

В корпусе робозавра образовалась внушительная вмятина, и из щелей брызнула гидравлическая жидкость вперемешку с искрами. Но добить противника Робовася не успел.

Люди генерала Козлова уже насылали на него тучей кумулятивные гранаты, которые брали и прожигали обшивку. Василий ощущал это как чрезвычайно болезненные укусы: каждый боезаряд уничтожал какой-нибудь сервомеханизм, оптоэлектронную линию, чип или рычаг. На экране множились сообщения о дисфункции очередного узла, и принципиальная схема робота снова закрывалась пятнами тумана. Это был туман разрушения и надлежало крепко поторопиться.

Робовася перевернулся на «живот», согнул в шарнирах четыре конечности и, резко распрямив их, прыгнул прямо в сторону обидчиков — а когда упал, то заскользил, одновременно вращаясь вокруг какой-то оси. Эдакая многотонная кегля истребила немало врагов, и даже раздавила пару погрузчиков, за которым укрывались гранатометчики. Но едва он стал подниматься, как сзади рванулся к нему опомнившийся робозавр.

Василий явно оказался в положении немецкой армии времен первой мировой войны: то наклепает русским, но не до конца, потому что налетают французы, то отлупит французов, но не добьет, потому что наваливаются опомнившиеся русские.

Робовася упал на левый бок и пропустил робозавра над собой. Затем поднялся, опираясь на перевернутый вилочный погрузчик и обозрел ту силищу, которая перла на него, изрыгая проклятья, матюки и незатейливый рев. Впереди громоподобно топал робозавр, который сжимал в своих клешняхгрейферах корпус тактической ракеты. За ним бежали и ехали люди на погрузчиках и перегружателях.

Надлежало в течении крохотного промежутка времени сделать очень много полезных движений.

Василий, вернее, его робот, опустился на одно колено, избегая удара ракетой по «голове», правой «рукой» начал тормозить корпус робозавра, левой опираться оземь, а правой «ногой» врезал ему под коленный шарнир сзади. Многотонный враг с налету снес Робовасе драгоценную правую «руку», но все-таки она сыграла роль препятствия и в сочетании с подколенным ударом создала вращающий момент.

Робозавр грохнулся оземь, отчего содрогнулся даже фундамент, и тут Робовася, уже полулежа, размозжил ступней ему верхнюю часть «груди», где находились оператор и блоки центрального управления. Противник, пуская вонючий дым и снопы искр, явно потерял способность к целенаправленному поведению. Он только подрагивал конечностями и шипел уцелевшими сервомеханизмами.

Затем Василий толкнул беспомощную тушу робозавра так, чтобы надежно загородить ею входной проем бункера номер два. Тактическую ракету Робовася прихватил в качестве трофея и расплющил ею три погрузчика с атакующими бойцами генерала Козлова, напоминая при этом известного сиониста Самсона, который мочил неприятелей ослиной челюстью.

Хотя какая-то кумулятивная граната пережгла левую ногу Робоваси, он закрепился сбоку от входного проема, угрожая своей булавой превратить в неаппетитное дерьмо всякого, кто

попытается сунуться в бункер. Заодно Василий подхватил контейнер с лярвами, который все сражающиеся стороны футболили только так, однако не смогли утащить и по счастью не раскололи.

Когда бодик шепнул: «У нас был один шанс из десяти, но мы его использовали», казалось, можно было торжествовать победу. Тем более, и враг, проявив слабину, предложил вступить в переговоры.

— Гражданин Рютин, немедленно прекратите сопротивление, иначе вы будете безжалостно уничтожены. — раздался ужасающей силы голос из стенных громкоговорителей.

— Не впечатляет, дешевая похлебка, — отозвался Василий. — Даже заяц может заговорить громовым басом через динамик в тысячу децибел.

Однако вражеский голос нашел способ его огорчить:

— Ваша сообщница уже схвачена.

После этого раздался голос Нади-Зины, жалобный, но тоже грохочущий:

— Вася, у нас ничего не выйдет. Сдавайся, на их стороне правда. Они не убьют ни меня, ни тебя. Тут все знают, какой ты балбес.

У него сдавило горло. Раз, и она на его стороне, в роли раскаявшейся грешницы, два, и она снова там, в роли осознавшей свою вину преступницы.

— У тебя, Наденька, всегда так: кто сверху, у того и правда… И вообще общайтесь со мной через компьютерный порт, а то от вашего грохота спать хочется.

Как ни странно, невидимый собеседник сразу послушался. Теперь его голос, принятый и расшифрованный боди-компом, выглядел куда более миролюбивым:

— Рютин, ну, что вам от нас надо? Мы все знаем, что вы мощная незаурядная личность, так что не стОит доказывать это лишний раз.

— Это точно. Кому я чего-то доказываю, тот долго не живет. Кстати, с кем я беседую?

— Это Лев Константинович.

— Добрый день, Лев Константинович. Рад, что вы уже выбрались из той подмосковной преисподней.

— Добрый день, Василий Самуилович. Надеюсь, что вас под землю тоже не тянет. Несмотря на то, что вы здесь учудили, я полагаю, вы остаетесь в неведении относительно наших целей.

— Ну, ваши цели насчет моей персоны я хорошо узнал и даже прочувствовал, а что касается глобальных затей, то мне о них много и хорошо рассказывала Наденька Зингер — еще когда была

полностью на вашей стороне.

— Я знаю, что она могла порассказать. Она человек искренний, но слишком увлекающийся, даже сказал бы, фанатичный, с развитым но несколько болезненным воображением. Так что она могла представить нас в искаженном фантасмагорическом виде.

— В любом случае вы представляете собой нелегальную организацию с нелегальными целями, противозаконно использующую государственное имущество и средства. — отважно произнес Василий и подумал, из какого это фильма.

Лев Константинович засмеялся, и это было очень натурально даже в компьютерном переложении.

— Ха-ха, от нелегала и слышу. Ерунда, «творожок», как говорят немцы [19]. Нет у нас никакой нелегальной организации. Просто на нашей базе разные учреждения и фирмы проводят всякие эксперименты и испытания. Министерству Обороны нужны деньги. и оно подмахивает контракты, если все в пределах разумного.

— Вертолет, на борту которого мне, не спрашивая согласия, делают вскрытие — это тоже в пределах разумного? Разумность какая-то особенная получается — патологоанатомическая.

— Вы, Василий Самуиловчи, наверное, были больны и срочно нуждались в операции. Кроме того, я не уверен, что это был наш вертолет с нашими людьми. Может, Надежда занималась какой-то отсебятиной. Но мы с этим обязательно разберемся.

— А участок леса, отданный на откуп драконьим лярвам: хищные деревья, Сева и Сеня, превращенные в гнусных животных — это тоже Надина отсебятина?

— Тоже не исключено. — тоном, заслуживающим доверия, произнес Лев Константинович. — Хотя, я думаю, дело не в лярвах. Надя могла вас и опоить, и обкурить какой-нибудь наркотой. Фанатичка же, человек с сознанием сектанта. Впрочем, я не исключаю, что одна из наших фирм-партнеров, так сказать, разгулялась на просторе и провернула какой-то нехороший эксперимент. Но мы обязательно все выясним и влепим ей огромный штраф.

— А вашего папеньку, генерала Козлова, вы тоже оштрафуете, опустошив семейную казну? Я, между прочим, подслушал, как он собирается наказать всех буржуев-кровососов, авангардистов и сюрреалистов, а особенно граждан еврейской национальности.

— Во-первых, подслушивать нехорошо, во-вторых, вы, похоже, опять пересочиняли; заслуженный боевой генерал вряд ли будет ставить перед собой бредовые совершенно недостижимые задачи. А в-третьих, насчет жидофобии вы тоже перегибаете. У меня,

между прочим, бабушка по маме — иудейка.

— Лучше бы дедушка был иудейкой. За «любимую» тещу генерал Козлов, имея под рукой контейнер с гадами, вполне может отомстить всему еврейству.

— Ха-ха-ха. Это удачный пассаж. Спасибо, писатель Рютин. Мне, кстати, нравятся ваши книги.

Это был сильный ход. Дьявол моментально купил душу за бесценок. Любому человеку, сказавшему такие слова, писатель Рютин готов был простить даже избиение младенцев. Однако уже через десять секунд Василий Самуилович потребовал свою душу обратно.

— Если вы и ваш папа ни в чем не виноваты, то дайте мне возможность встретиться с кем-нибудь из членов комиссии Ловицкого. Причем в ближайшие полчаса. Иначе я расколю контейнер.

Собеседник ответил затяжным молчанием, а потом сказал:

— Все-таки вы, Рютин, мелкий шантажист. И воображение у вас убогое. И писатель вы никудышный. Гра-фо-ман!

— За такие слова я бы убил собственную бабушку, — прошептал Василий Самуилович Рютин. — А если бы не убил, то уж точно не стал бы есть ее пирожки.

Но вместо бабушки перед ним появился другой противник. Вернее, не впереди, а сзади. Демонический воин. Сущий кошмар. Саид и монстры Очхоя выглядели щенками перед ним.

Много сегментов тряслось из-за его поступи. Когда его спинной панцирь восходил, как солнце, над ближайшим холмом, заднехвост закручивался колечком где-то в далеких болотистых низинах.

А еще дракон был разъярен близким присутствием самки. Сразу стало ясно, что он не любит церемоний и не имеет представления о хороших манерах.

Таково было любимое детище генерала Козлова. В прямом и несколько переносном смысле. Роль свирепого зверя, самца draconiae vulgaris, играл Лев Константинович, полковник Козлов-младший.

Первый удар Вася-василиск принял, когда даже не видел еще противника. Переднехвост Козлова-младшего попытался отсечь сразу все временнЫе шнуры и превратить Рютина в запеленатую куклу. Василий резко толкнулся задними тремя конечностями, одновременно отгибаясь назад, и, совершив сальто-мортале, успел перескочить в другой сегмент по удачно подвернувшемуся каналу. Впрочем, робот-манипулятор окончательно вышел из строя и, задымившись, превратился в груду металлолома.

Стена позади Василия хрупнула, просыпались щебенкой

бетонные блоки и в новом проеме показалась человеческая фигура. Человек спрыгнул на бетонный пол бункера. Лев Константинович собственной человеческой персоной.

— Спасибо вам, Василий, — сказал Лев Константинович, — без вас у нас многое бы затянулось на многие годы, вы дали нам бесценный материал, но, увы… Сейчас вы становитесь опасным ввиду вашей полной неуправляемости. К сожалению, уже не могу предложить вам почетной капитуляции, на чем я настаивал во время военного совета. Мы-то оба с вами драконы и даже из-за левой самки не станем крошить друг друга насмерть. Но, к несчастью, у людей иные нравы. И дело вовсе не в повышенной злобности моего папы. Просто он человек, прекрасно ощущающий целесообразность. Гуманизм сейчас нецелесообразен. Вы волей судеб умеете превращать драконью структуру в совершенно послушного симбиота. А эта структура, увы, слишком грозное оружие.

— Вы не боитесь, что кто-нибудь из двадцати пяти тысяч оловянных солдатиков генерала Козлова так же обуздает своего лярводракона?

— Это исключено, Василий Самуилович. Но разглашение подробностей запрещено.

— Да знаю я вашу подробность. У вас тоже есть Смотритель, и он предотвратил такой вариант. Все лярводракончики окажутся форменными дебилами, жестко запрограммированными на односторонний паразитизм. Ну и «всадники», то бишь носители паразитов, не будут блистать собственной волей и выраженной индивидуальностью. В отличие от «пены». А она вам, товарищи, конечно же, не по зубам.

— Пожалуй, это меня задевает. — Лев Константинович подумал секунду,Да, это точно меня задевает… Поэтому я сворачиваю дискуссию. Сейчас состоятся показательные выступления с торжественным разрыванием на части.

— Один момент, Лев Константинович. — притормозил соперника Василий. — В самом деле, разделяете вы убеждения своего папеньки, всю эту смесь из разных занюханных «измов» под новым соусом фашизмаинтернационализма?

— Хороший вопрос… Тем более, что мой папа старенький и ему недолго осталось… Это только маленькие люди — рабы и жертвы навязанных им убеждений. А большие люди потому и большие, что подбирают убеждения, наиболее отвечающие их потенциалу и возможностям. Это относится и к Ленину, и к Сталину, и к Гитлеру, и, скажем, к батьке Махно.

Конец ответа, впрочем, был смазан. Дракон-гигант занял удобную позицию и вступил в бой.

Он как будто ударил с четырех сторон, сразу из нескольких сегментов обрушились мощные потоки и понеслись по нескольким только что возникшим каналам. Только в самый последний момент Василий понял, откуда придет удар, и пробил для себя канал отхода. Мимо пролетела кошмарная туша, однако затормозить не успела и умчалась вдаль, где стала похожа на грозовой фронт.

Василий пытался вдогонку ударить переднехвостом, но без особого успеха: противник тут же замкнул свой канал, и едва удалось выдернуть обратно колюще-режущее оружие.

А сторонний наблюдатель, человек, так сказать, с трибуны, увидел бы, что одна из двух мирно беседующих личностей вдруг разлетелась снопом черных лучей, которые исчезли, а потом появились ниоткуда, уже напоминая чугунные слитки.

Василий понял, что противник чрезвычайно сильно воздействует на временнЫе шнуры. Надыбанная отовсюду хрональная сила, изначальная ци, позволяла ему моментально пробивать целые пучки благоприятных пространственных каналов. Лишь недоработал Лев Константинович по части отсечения путей отхода, поэтому и удалось Василию Самуиловичу отвалить в безопасную сторону.

Враг-муха сейчас как будто летал возле самого носа. Василий несколько раз попробовал прихлопнуть его лапами, затем поднатужился и обрушил на него целый сегмент, но тщетно — слишком велика была разница в метаинерционных силах и скоростях.

Василий отступил в твердый сегмент. Здесь пришлось бы жарко в случае точного броска противника, но гораздо проще было маневрировать. Василиск понимал, что самому кидаться в атаку так же опасно, как прыгать барбосу на грузовик. Впрочем, враг-то, особо не медля, снова напал с разных сторон.

Козлов-младший посыпался, как будто песок, сразу из множества далеких и близких сегментов. Он несся по многим каналами, превращаясь по дороге в глыбы, в тяжелые слитки сверхнапряженного гравитационного поля.

Крепкие мускулистые глыбы мчались к Василию чуть ли не отовсюду, и трудно было даже оценить, какое количество каналов задействовано. На сей раз Лев Константинович расторопно применил заднехвост. Стегнул словно плетью и сразу обрезал большинство путей отхода и передислокации.

Когда уже светила крышка, Василий нашел лазейку. Пробил переднехвостом канал, зацепился за одну из плоскостей твердого сегмента и пролетел над атакующим потоком. Канал заизвивался на неровном рельефе мегареального поля и в конце концов

сбросил Василия в мягкий сегмент — как в мешок.

Впрочем, и полковник Козлов не смог резко сманеврировать, он даже потерял ориентацию, когда его дестабилизировавшиеся каналы спутались друг с другом, образовав трудно проходимый узел. Плавно толкнувшись, Василий выпрыгнул из мягкого сегмента и отсек заднехвостом с десяток складок, благоприятствующих противнику. После этого полковник-дракон стал растрачивать импульс своего движения на бессмысленные метания.

Еще немного — и капец Козлову?

Василий уже нащупал складку, выводящую его к задней части брюшного шва у противника — к тому месту, что у драконов называется мегагузкой. Однако Лев Константинович довольно неожиданно пробил удачный канал, оттолкнулся от какого-то пружинящего сегмента, и вот уже вражеская махина оказалась над василиском, собираясь его раздавить.

Лев Константинович, щедро расходуя свой хрональный потенциал, мощными потоками падал сверху. Козлов-младший отсекал шнуры, подпитывающие Василия временнОй энергией, разрушал пространство вокруг него своим грозным заднехвостом — двигаться по твердому сегменту стало так же опасно, как по битому льду во время ледохода. Обломки разваленного сегмента плавали над зоной неопределенности, бездной кипящего хаоса, где смешивались струи хрональной и антихрональной энергии, бытия и небытия.

Относительно твердый участок был уже «на другом берегу», в ином сегменте, и надо было двигаться туда, рискуя каждое мгновение исчезнуть в страхолюдной пучине безвременья.

И тут пришел на помощь Акай, он явился оттуда, откуда было лучше видно, и где оба дракона представали этакими пчелками, жужжащими над цветочным полем. Василий сделал шаг за поводырем и чуть было не проклял его, поскольку все шесть лап стали утопать. Но потом василиск уцепился заднехвостом как кнутом за крепкую жилку пространства, перекинул себя вперед и выбрался на крепкий участок. Гигант Козлов, уже обрушившийся сверху, ринулся к нему, но не смог преодолеть разводье. Лапы его хватались за твердые, но шаткие обломки пространства и соскальзывали.

Переднехвост Василия быстро обрубал последние хрональные шнуры противника, заднехвост крушил тонкую пространственную кору, где полковник Козлов пытался еще зацепиться. Челюстеруки готовы были уже рассечь жизненные нити Льва Константиновича и прекратить бессмысленные его бултыхания. Но тут к противнику неожиданно подоспела помощь. Вражеский

смотритель тоже не дремал.

Он протянул стежку канала и помог чудовищу выбраться на берег. Василий, который уже праздновал избавление от хлопот, расстроился до глубины души. Но больше всего его удивило то, что Смотрителем противной стороны была… Умай.

Скорее всего, она блюла космическое равновесие и астральную справедливость. Но поговорить с ней на эти темы не удалось. Опамятовавшийся осатаневший дракон Козлов ринулся к Василию. Однако снова удружил Акай, он показал, как переднехвостом пробить шесть новых и параллельных пространственных каналов. Василиск потоками энергетических тел распался по ним, и враг не сумел вовремя взять след.

Но Умай тоже оказала действенную помощь своему подопечному. Сегмент, стянутый вражеским заднехвостом, вздрогнул под Василием. Не успел он ничего предпринять, как огненный жгут Льва Константиновича уничтожил пространственное натяжение сегмента, его гравитационный скелет хрупнул и коллаптирующий кусок пространства похоронил василиска в самом себе.

Может, Василий и нашел бы способ выбраться из-под глыб, и продолжил бы поединок, но тут Козлов-младший произнес слово. Всего одно. Но сокрушительное и решающее.

И Василия мгновенно парализовало. Так бывает, если выдернуть вилку компьютера из розетки. Замирающее шипение вентилятора — и все, амба переливчатому многообразию.

Не осталось в Василии Самуиловиче ни капли воли, ни тютельки желания, ни крошки стремления к борьбе и победе.

Он был напрочь скован безволием. Поединок окончился. Василий закрыл глаза, чтобы принять смерть. Его душу ничто уже не беспокоило. Его человеческое тело было придавлено одной из секций стеллажного шкафа.

— Так-то дружок, — сказал Лев Константинович без всякого озлобления, даже умиротворенно. — Тебе сейчас неинтересно даже спрашивать, что случилось. Но я все-таки скажу, может, оценишь. Тот червячок, который ползал у тебя в животе со времен нашей встречи в московском метро, был не просто маячком и источником лизергиновой дури, о чем тебе, конечно, поведала болтушка Зина. Она не знала, что наш киберорганический аппаратец также отсинтезировал биоимплант, который самостоятельно внедрился в твои мозги и закодировал их на уровне мотивационных комплексов. Кодировка при необходимости должна была сработать на слово-пароль и избавить тебя от бремени страстей человеческих. Что и произошло. Само слово образовалось путем случайного нажатия на клавы компьютера, когда по нему прогулялась моя любимая черная кошка Брунгильда… А теперь «прощай». Или может быть «до встречи в лучшем из миров».

Василий услышал, как Лев Константинович взводит курок небольшого, почти дамского пистолета, соответствующего «кинжалу милосердия» у рыцарей. Поверженный воин отметил, что это не вызывает у него даже чувства протеста. Раз сказали «прощай», значит «прощай». Наверное, конец настал бы очень быстро… но тут послышались голоса.

— Комиссия шурует сюда… быстро имитировать аварию… утечку газа, взрыв… с этого мудака снимите шкафную секцию и кладите на носилки… словно один из наших пострадал.

— Куда бандита-то? В лазарет?

— У него будет свой «особый лазарет». Да уберите его отсюда наконец!

Что это за «особый лазарет» Василий узнал немного погодя. Он был пронесен по горизонтали, потом в лифте по вертикали, затем очутился в некоем цеху, где его сперва подвесили на каких-

то стропах, ну а следом сунули в грузовой модуль космического летательного аппарата. И в конце концов задраили крышку люка, ведущую в эту тесную «погребальную камеру».

— Белка энд Стрелка, ку-ку, — пропел кто-то в микрофоны. — Приятного времяпрепровождения герою.

«Обычная глумливость зарвавшихся победителей», — подуспокоил себя Василий, хотя дальше умиротворяться было уже некуда. Он на все сто процентов был морально готов к исчезновению в верхних слоях атмосферы.

По инерционным воздействиям Василий чувствовал, что модуль вставляют в ракетную головку, а затем она плывет по эстакаде, ведущей из главного комплекса базы на космодром. Значит, старт близок. И заодно приближается начало пышных искрометных похорон.

По нарастающей тряске можно было догадаться, что головка уже смонтирована на ракете и ее двигатель набирает мощность.

Через полминуты кровь должна была залить мозг, да собственно и кислороду бы хватило еще минут на пять, не больше.

— Прощай, бодик, — вяло произнес Василий, потому как вспомнил, что в последний момент надо к кому-нибудь обратиться. А потом взвешенно добавил. — Ты был не просто трепливой железякой, но, пожалуй, даже и другом.

— До новых интересных встреч, — сдержанно отозвался боди-комп. — В конце концов, главное, чтобы не было стыдно перед самим собой. Правота на вашей стороне; я как искусственный интеллект могу гарантировать это. А поскольку я являюсь частью холистического, то есть целостного, эволюционно-дифференцирующегося интеллектуального информационного Объекта, то ваш образ обязательно будет сохранен в его аннальной памяти. Прошу отметить, что прилагательное «аннальный» происходит от слова «аннал», а не «анал».

Что еще мог сказать себе Василий? Что через неприятную процедуру разрушения в том или ином виде проходят все люди. Да что там люди, все порядочные твари. Начиная с моллюсков и членистоногих смерть является необходимым условием приличной жизни.

Василий еще хотел повспоминать родных, близких, а также интересных дам, входивших с ним в близкое знакомство, но не успел, тряска ракеты перешла в его собственную конвульсию, а потом словно молот ударил сверху, мозжа твердое и расплескивая жидкое.

В последний момент, когда Василий еще что-то сознавал, он

успел заметить, что навстречу обрушивающейся тяжести из него словно ударили лучи густого света…

Когда-то снова возникла мысль. Мысль принадлежала ему и словно выхватила из темноты его сущность, которая была душой. Он обрадовался. Значит, есть жизнь после смерти, смех после смерти, секс после смерти. Не зря пели, вещали, плясали на эту тему тысячи попов, патеров, пасторов, жрецов и так далее. Не зря они ели народный хлеб и пользовали народных жен. Ура, мы есть, мы существуем; все проблемы, которые, конечно, тоже существуют, мы оставим на потом. А пока предадимся чистому незамутненному кайфу. Ля-ляля.

Может, даже станцуем. Легко танцевать, когда нет ни рук, ни ног, ты не рискуешь споткнуться и упасть или отдавить ногу партнерше. Ты не пыхтишь, не потеешь, не воняешь.

Но когда душа Василия исполняла свое призрачное «па», послышался вдруг совершенно немелодичный хруст и треск. Это что еще за хрен!

В глаза проник легкий свет, который потихоньку залил все окрестности. Собственно, никаких окрестностей не было, и он понял, что по-прежнему находится в модуле. А модуль по прежнему находится в ракете, а ракета летит по выбранной генералом Козловым траектории. А он, гражданин Рютин, почему-то жив. Причем, видит он как будто все стороны, и верх, и низ, и бока, видит не только целиком, но и все подробности, включая зерна металла.

Он напрягся и почувствовал свое тело, свое нечеловеческое тело. Со всех сторон были какие-то отростки, похожие то ли на лепестки цветов, то ли на широкие щупальца.

Он остался жив, но за это драконья структура превратила его в нелюдь. Человеческое тело, физически и психологически бесполезное, отмерло, отпало от изначальной сущности, как хвост от ящерицы. На смену этой падали явился организм, более подходящий для космоса.

— Мы живы, ура, — заголосил вдруг бодик. — Несмотря на все пертурбации и метаморфозы. Я сохранил личностную матрицу, а вы — индивидуальную психоструктуру. И это здорово, несмотря на то, что я был вполне готов к растворению в целостном эволюционно-дифференцирующем интеллектуальном Объекте.

Василий захотел выбраться из модуля: новое космическое тело ударом крепких щупальцев вскрыло не слишком толстую обшивку, и, раздувшись, добило ее окончательно. Ракета уже оставила сиреневые сумерки стратосферы и летела в блестящей черноте космоса, слегка подмазывая ее желто-синим факелом

сопла. Все словно при обычном коммерческом запуске для вывода народнохозяйственного спутника на орбиту.

Василий, который сейчас представлял что-то вроде морковки с отростками-присосками, двинулся по окружности корпуса на противоположную сторону головки и остановился там, где по его мнению, заложен был контейнер с драконьими лярвами. Впрочем, какое там мнение — он сразу почувствовал гудящую массу злобных тварей. Теперь надо было как-то выковырять этот гадючник. Сверхчувствительные присоски нащупали стыки в корпусе, щупальцы разжали их, гибкое тело проникло в щель, а потом, расширившись, снесло люк.

Наконец, контейнер с гаденышами оказался в руках, вернее в отростках. Василий, втянув облик космоса своим глобулярным многофокусным зрением, увидел Красного Отца, кипящего от силы и знаний. Вот тот, кто примет все что угодно. Полупроглотив контейнер с лярвами, новый космический житель изрыгнул его затем в бездну. И стал наблюдал, как лярвы уплывают туда, откуда явились.

Потом Василий резко сократил канал, который соединял его, контейнер с лярвами и «скорлупу», оставшуюся на базе. «Скорлупа» приблизилась к глазным шарам дракона: это был древний щит, сохранивший на себе иероглифы эпохи Хань и пиктограммы динлиней. Знаки сплетались в орнамент, который Василий впервые увидел на предплечье капитана-сибиряка. Сияние, озарявшее щит, стянулось в одну нить и вошло в грудной шов василиска. Василий-василиск вдохнул покровительственную объединяющую силу третьего резонатора, снова ощутил принадлежность к Пути и подумал, что пора…

Космический житель словно бы сплющился, растекся на корпусе ракеты, а следом, резко расширившись, оттолкнулся от нее и полетел по существующему лишь для него каналу вслед за контейнером — в глубины космоса, в ту сторону, где краснел глаз Отца.

Зарубка 15. (Западная Сибирь, конец октября 2001 г.) «Как закатываются звезды на погонах»

К вечеру стало ясно, что контейнер с драконьими лярвами потерян безвозвратно. Генерал Козлов сильно пил три дня, почти опустошил свои запасы армянского коньяка 55 года разлива, потом велел узнать, когда можно будет подготовить следующий «боезаряд». И каким же непомерным оказалось его удивление, когда ему сказали, что нескоро.

Лярвогаметы, полученные от донора Рютина и реинтегрировавшие прежнее Яйцо, полностью утратили прежний

запас энергии и быстро погибали даже в вакуумных холодильниках. Сама «скорлупа», представлявшая древний тюркский щит, просто рассыпалась в прах. Случилась ни с того ни с сего полная дезактивация исторического резонатора. А самец дракона обыкновенного, сидевший во Льве Константиновиче, мог поучаствовать в вызревании нового Яйца только при встрече с драконьей самкой.

— Ну, так тащите Надьку сюда — пусть Левка поскорее ее разорвет, да и дело с концом. — распорядился генерал.

Но получилось не совсем так, как планировалось.

Надю Зингер ввезли на каталке в помещение, напоминающее операционную. Впрочем, это и была операционная. А девушка была размягчена наркотиками, усыплена анастетиками и связана ремнями. Льву Константиновичу оставалось только рассечь тонкую ткань, ее покрывающую, а затем сделать то, что велит ему драконья совесть.

Лев Константинович ткань рассек, а потом остановился. Дело в том, что на Надю он зла не таил, считая, что девушка просто переутомилась, перегорела на тяжелой работе. Глядел он на ее узкое тело, вспоминая их последнюю интимную встречу и никак не предполагал, что уже через десять секунд залютует, плеснет наружу невесть откуда взявшейся злобой.

Схватил было разъярившийся Козлов-младший скальпель, собираясь рассечь давешнюю подругу от влагалища до горла — в первую очередь за то, что предпочла другого дракона. Уже предвкушал Лев Константинович тот сладкий момент, когда сунет скользкую от крови морду в открывшуюся слизистую полость и ощутит блаженство.

Но тут Наденька, поднятая внезапным сокращением мышц, встала вертикально. Заодно лопнул нижний ремень, стягивающий ее колени, и скальпель только распорол ткань между расставленными ногами девушки.

А затем полковник Козлов получил короткий резкий удар в кадык и улетел в стену. И при том, конечно, понял, что Надя — могучая самка правого пути, которая вообще не позволяет грубого обращения.

Конечно же, влетели в операционную дежурившие за дверями автоматчики и стали поливать воздух свинцом. Именно что воздух. Надя-Зина отскочила от уже вскрытого трупа Льва Константиновича — рассекла она его тем самым скальпелем — посмотрела невидящим взглядом на вбежавших людей и на ее залитых кровью губах мелькнуло подобие улыбки. Девушка подпрыгнула, ухватилась за провода на потолке и приземлилась уже за спинами солдат. Несколько точных ударов по

позвоночникам — и автоматчики все полегли с серьезными почти смертельными травмами.

Надя промчалась по коридорам базы, сея смерть, вскрывая все кодовые замки, добралась до ангара, увела оттуда вездеход, на полном ходу проломила забор и исчезла в тайге. Только ее и видели. Погоня ничего не дала, за исключением того, что один из патрулей попал в засаду и был буквально распотрошен и раскидан по веткам неведомой силой.

Итак, Надька разорвала Левку. Так всегда бывает, когда молодой самец неподобающим образом подкатывает к самке правого пути. Сеанса оплодотворения и размножения не произошло.

А генерал после этого застрелился — из-за огорчения, что рухнуло дело всей его жизни. Помимо Льва Константиновича у Козлова-старшего было еще трое законных и трое подзаборных детей. Причем, те женщины, которых он когда-то осчастливил, никогда не требовали с него алиментов, так как пуще всего боялись жестоких генеральских глаз и его пронзительного голоса.

Зарубка 16. (Большой мир, время — по желанию) «Кайф после смерти»

Когда богобоязненный Иов получил свою порцию страданий, он мягко намекнул: дескать, Боже, что это такое творится, я же никогда не ходил налево и вообще был образцовым евреем. И тогда Господь явил оку вопрошающего разные природные процессы, великие по своим масштабам, и указал на то скромное место, которое занимает человек в биографии космоса.

Продемонстрировал Господь для наглядности и зверя Левиафана. Но если бы Иов был более образованным и всесторонне развитым, то его ознакомили бы с другим космическим монстром — драконом-времяходцем. Впрочем, в Новом завете имеется свидетельство и об оном драконе; там его называют Зверем из бездны и приписывают ему сатанинские свойства. Тут, конечно, ошибочка вышла, дракон является сатаноидом не больше, чем мы сами. Другое дело, что какой-нибудь отрицательный персонаж из глубин космоса вполне может использовать его как гужевое или тягловое животное.

Молодой дракон-времяходец впитал то из человеческой сущности Василия Самуиловича, что еще можно было впитать, в том числе и психоструктуру, называемую иногда душой. Она была нужна василиску в первую очередь для поиска хрональных шнуров. Впрочем, как любопытное и вежливое животное, дракон иногда давал Василию Самуиловичу ощутить себя полностью живым и самостоятельным. Не исключено, что так оно и было. По

крайней мере, рютинская душа и дракон являлись вполне дружественными симбиотами.

В тридцать девять лет человек — это, практически, живой труп. Нервные цепи пережжены привязанностями и переделаны под одни лишь страхи, психика мечется как очумелая между тревожным возбуждением очередного стресса и торможением предсмертной скуки. У драконов же практически нет возраста, все зависит от того, насколько эффективно подпитывают они себя хрональной энергией, которой китайцы некогда дали имя «ци».

Семья из семнадцати Пузырей посчитала этого могучего зверя своим, домашним. Но достаточно было отказаться от их подачек и уйти чуть подальше, как Вася-василиск оказался совершенно свободным. Свободным от всего, кроме своего жизненного цикла, превратностей окружающей среды и воспоминаний.

Но, как выяснилось, за теми животными, которые жили на воле и не считались ручными, Пузыри охотились. Василий-василиск узнал об этом, когда непринужденно пощипывал мицелий микрохрональных каналов возле какого— то холма. Оттуда в мирно пасущееся животное вдруг полетел сгусток яростного огня, запеленутый поверхностным гравитационным полем. Поскольку полетел неожиданно, дракон едва увильнул, но потом заметил, что за него взялась группа Пузырей в составе двух мужей, двух жен и одного посредника. (Кстати, Вася-василиск вскоре узнал, зачем нужен посредник. Когда настало время конъюгационной случки, два мужа ввели наследственное вещество в посредника, а тот внедрился в одну из жен и полностью растворился в ее агрессивной внутренней среде, успев однако передать комплект мужских генов.)

Само собой, у этих Пузырей имелась пара тягловых драконов, неполовозрелых и тупоумных самок левого пути, поэтому охотники не собирались отставать.

Но Василий-василиск как-никак сохранил человеческую хитринку, потому притворился подранком и стал, мелко подрагивая, отваливать по складке замедленного времени. Пузыри припустили следом, рассчитывая сжечь добычу при первом же удобном случае. Однако дракон при первом же удобном случае пропустил заднехвост по каналу назад и рассек хронолинии. Первородная энергия, вырвавшись на волю, вспучила канал вихрем пространственнотепловых преобразований. Тут еще василиск рубанул переднехвостом по гравитационному каркасу складки.

Канал лопнул, отчего вся семейка охотников выпала в межсегментную пропасть. Разорванный путь метался, как раненая

змея, и василиск чудом сумел перескочить в другой канал — еще хорошо, что вся заваруха случилась возле узла складок.

А на следующий день Василий-дракон был уже вожаком Стаи. Стая среди драконов-времяходцев редкое чрезвычайное дело… но слишком много этих кровожадных азартных тварей захотело научиться охоте на Пузырей.

Зарубка 17. (Истинная Германия, весна 2002 года) «Продленный день мальчика Саши»

Когда мальчик вернулся из школы, дедушки и мамы как обычно не было дома. Дед трудился в кегельбане, продавая билеты, а мама сидела няней с детьми одной важной женщины. На лестнице Саше повстречался сосед с верхнего этажа.

— Здравствуйте, Карл Иванович, — поприветствовал дисциплинированный ребенок.

И неожиданно прямой и сухой, словно палка, старик вместо того, чтобы кивнуть как обычно, сказал:

— Здравствуй, Сашок, — и протянул конфету-говорилку, которая тоже пискнула: «Tag, Bub [20]».

Мальчик, конечно же, не отказался.

— Спасибо, герр фон Турлов.

— Мама и дедушка скоро домой придут?

— Да не раньше семи.

— Слушай, мальчик, а нет ли у тебя друзей где-нибудь за городом, в Юльцене или Гадебуше? — неожиданно поинтересовался старик. — А то сел бы на автобус возле вокзала, ну и съездил бы к ним.

— Да был я однажды у Фреда Штольта в Варнице. Хоть и звонил оттуда, но мамаша меня крепко отодрала за такое путешествие. Нет, не поеду.

— Ладно, до свиданья, Саша… Знаешь, часов в шесть, если мама еще не вернется, заходи ко мне. Я тебе медали своего отца покажу, еще за Верден и Сомму, и мои личные. У меня одна есть, в сорок пятом тринадцатилетним пацаном советский танк подбил.

— ЗдОрово, обязательно приду.

Мальчик отправился вверх по лестнице, недоумевая, что это господин фон Турлов сегодня такой общительный. Последний раз старичок проявил разговорчивость где-то с полгода назад. Сообщил тогда, что зовут его Карл Иванович и с ним можно разговаривать по-русски, потому как отсидел он в советской тюрьме. А еще подарил солдатский медальон, который Саша носил, не снимая. Благодаря этому кусочку металла, мальчик чувствовал себя таким крутым и в школе перестал дрейфить

задиристых пацанов.

Когда Саша собирался уже затворить за собой дверь квартиры, его потянуло отчего-то еще выглянуть наружу и глянуть на косяк. На самом его верху имелась крохотная наклеечка. С изображением меноры. Такие наклеечки недавно выдавали всем во время праздничного ханукkального обеда в общине. У кого-то, наверное, много лишних оказалось.

Саша снова вошел в квартиру. Кинул в миску кукурузных хлопьев, плеснул молока и стал впитывать мультики, выведя на экран сразу две программы.

Скоро это ему поднадоело, он подсоединил компьютерную деку и стал Индианой Джонсом, который мастерски бегал по трехмерным виртуальным джунглям за своим противником Трупоглотом. Или же от него.

Минут в десять седьмого Саша вспомнил о приглашении Карла Ивановича. Хоть неохота было отрываться от игры, когда Трупоглот почти уже лишился своих пальцев-крючков, мальчик убедил себя, что военные медали — это тоже весьма интересно.

Он подошел к двери и вдруг услышал… Это был звук чего-то упавшего вниз — плашмя и с большой высоты. Мешка или человеческого тела… У Саши впервые, наверное, в жизни заметалось сердце и сдавило горло. А потом он еще услышал, как по лестнице пробегают люди, без топота, но быстро. Когда все стихло, мальчик заставил себя открыть дверь, выйти на лестничную площадку, подойти к перилам и глянуть вниз.

Так и есть, на эрдгешосс [21] лежал лицом вниз мертвый человек, от головы тянулась в сторону красная струйка. И это был Карл Иванович, Саша сразу узнал его по вельветовому домашнему пиджаку и седой аккуратной шевелюре, которую сейчас перепачкала кровь.

Мальчишка бросился обратно в квартиру, запер ее на все замки, зачем-то еще забрался под журнальный столик. Что делать? Индиана Джонс на его месте обязательно кинулся бы вдогонку, пытаясь протянуть негодяев своим знаменитым кнутом по прозвищу «Пацифист». Однако как же без кнута? Саша подскочил к телефону и хотел было набрать телефон полиции «110». Однако ничего не вышло. Телефон был глух и нем.

Зубы клацали, не желая останавливаться на месте. Саша впервые понял, что означает выражение «ватные ноги».

Какое же было счастье, когда в дверях появились мама и дед. Тот рассказывал что-то дурацкое, мамаша улыбалась из вежливости.

— А он все там и лежит? — закричал Саша несолидным потончавшим голосом.

— Кто лежит? — в недоумении отозвалась мама.

— Ну, мертвый Карл Иванович, которого сбросили с шестого этажа на первый.

— Не замечал я в тебе раньше склонности к черному юмору, — хихикнул дед, а мама добавила. — Ты лучше так со своим Индианой упражняйся, а Карл Иванович достойный человек. Когда ты болел, он, между прочим, врача сюда на своей машине привез и отвез.

Может, и в самом деле почудилось. Переиграл в компьютерные игрушки — они ведь, как известно, пострашнее наркотиков, особенно если трехмерные.

— Надо пойти к нему и узнать, — предложил мальчик.

— Ага. Спросить: вы, Карл Иванович, случаем не того, не спеклись,опять гыкнул дед.

— Ну-ка, давайте ужинать. — крикнула мама уже с кухни, — я приготовила классную еду.

— Не приготовила, а разморозила. Приготовили-то другие, — ехидно заметил дед и началась обычная перепалка, полушутливая-полузлобная, в которую постепенно встрял и ребенок.

Потом они мирно жевали и пялились в телек, где телеведущий дарил тупорылым участникам игры «Угадай-ка» газотурбинные мерседесы и иллюзионные центры.

В восемь часов в дверь неожиданно позвонили.

— Я вроде гестапо не вызывал. — схохмил дед. — Или это девушки к Сашке прорываются?

Мальчик открыл дверь, и в прихожую сразу вошли двое. Один в приличном костюме, а другой в обычных джинсовых шмотках.

— Ну-ка, дружок, позови маму, скажи, что пришел Рольф Бунге, представитель штадтфервальтунга [22] . — человек в костюме улыбнулся, оскалился и другой.

Но мама уже и так подошла.

— Фрау Рютина, — представитель показал свое удостоверение, сияющее всеми голографическими цветами, — должен сообщить вам, что согласно новому закону об «учете контингентных беженцев», параграфу второму, пункту восьмому, вы должны явиться в составе всех членов семьи по указанному штадтфервальтунгом адресу — для контрольной сверки. Понимаете, сейчас большое число контингентных беженцев получает правительственную социальную помощь, даже не проживая на территории Истинной Германии.

— Вы нас сейчас и сосчитайте, все мы тут, что ж еще? — возразила мама.

— Тонкости бюрократии, фрау Рютина, — холеный человек

отразил в улыбке некоторую иронию. — Однако и в этих тонкостях есть свой смысл. Понимаете, некоторые люди перебегают с одной квартиры на другую, создавая «публику». Документы тоже легко подделываются. Вот когда мы соберем всех в одном месте и одновременно поголовно учтем, тогда уже не останется никаких лазеек для злоупотреблений.

— На трамвае поедем, конечно же, на большее у горуправы денег само собой нету. — откликнулся дед.

— О нет. Все поедут на комфортабельных автобусах.

Человек в джинсах покрутил руками, показывая что он водитель.

— Короче, одевайтесь и спускайтесь, а уже через два часа вы будете дома. Мы ждем вас внизу. И захватите, пожалуйста, все свои документы.

— А вещи тоже с собой? — пошутил дед.

Представитель поддержал его смехом и скрылся за дверью. Дед с матерью пожали плечами и стали в темпе собираться.

В автобусе оказалось совсем немного народа. Маркины из соседнего дома, еще с десяток других «контингентных» людей. Играла приятная музыка, тут и всякие фильмы крутили с экранов, вмонтированных в спинки кресел.

— Много автобусов отрядили, — сказал Ефим Маркин, — чтобы без давки и поскорее всех собрать. Новое правительство не на шутку взялось за шаромыжников, которые живут там, а денежки берут здесь.

— Мама, а мы подъехали к школе, где Фред Штольт учится, — сказал Саша. Странно это здание смотрелось сейчас в ночной пустоте — будто тролль какой-то многоглазый. Возле него стояло уже с дюжину автобусов и три джипа.

— Я думала, нас в штадтфервальтунг привезут, — сказала Соня Маркина.

— А я думаю, нас сюда попИсать привезли, — задурачился дед,мальчики в одну сторону, девочки в другую.

Водитель пообщался с кем-то по мобильному телефону, а потом объявил:

— Выходите, пожалуйста. Проверка будет происходить в школе.

Все вышли, и уже на улице почувствовали себя весьма неуютно. Здесь, на плацу, носился холодный ветер, в глаза били фары и прожектора джипов. Кто-то из детей с плачем заголосил.

— Терпите, казаки пейсатые, — крикнул дед. — Какой фашист не любит ночной работы.

Народ собирался в спортивном зале. Дед ради хохмы попробовал юркнуть в запасный выход, но его оттуда вежливо

вытолкали. Порядок поддерживали крепкие блондинистые ребята в нарукавных повязках с надписью «ФС» [23] , а также чернявые крепкие мужики без всяких опознавательных знаков, явно турки и арабы.

— Кругом наци, а помогают им исламисты, не нравится мне это,сказала мама и прижала Сашу к себе, — Господи, только бы не порознь, а вместе.

Впрочем, была в зале и парочка столов, где две стопроцентно вежливые дамы занимались проверкой документов. Очередь двигалась довольно быстро и сашина семья в самом деле освободилась через какой-нибудь час. Однако и этого хватило, чтобы веки словно промазало клеем. Взял бы да и улегся прямо на полу.

Они вернулись в автобус, который вместе с тремя другими развернулся от школы и двинул в обратную сторону.

— Ну, наконец-то, — сказала мама. — На сегодня закончились игры тупорылых.

Однако на Кривицер-Ландштрассе автобусы двинулись не направо к центру, а налево, и покатили среди картофельных полей, прочь от города. Тут уж все пассажиры всполошились.

— Куда это вы нас везете, что за дела? Это что принудительная депортация?

Водитель объявил:

— Если мы вас всех будем развозить по домам, то это продлится до утра. Поэтому решено разместить вас на ночь в кемпинге «Люсторф». Пользуйтесь, если штадтфервальтунг угощает. Бар и дискотека будут работать до шести. По пять бутылок пива бесплатно.

— Фу, какая пошлость. — заметила мама.

Через двадцать минут автобус остановился, и водитель, ничего не уже говоря, вышел покурить. Неожиданно в салоне появился малый из ФС с пистолет-пулеметом. Дуло смотрело не вниз, не вверх, а на пассажиров.

— Всем выйти. Машина неисправна.

Люди, потягиваясь и понемногу матерясь, потянулись к дверям. Три автобуса стояли на площадке. За ней, как видно, недавно велись какие-то землеройные работы, по крайней мере, имелся ров, возле которого ожидали утра экскаватор и бульдозер.

— Строиться, надо вас пересчитать, — сказал эфэсовец и люди стали послушно выстраивать ряды неподалеку от рва, только мать все больнее тискала ладонь Саши.

И вдруг дед заорал:

— Бейся, кто может. Эта зондеркоманда настроена нас прикончить.

На пламенный призыв никто не ответил. В ответ лишь ударила в воздух короткая предупредительная очередь. Люди в каком-то полусне толкались возле ямы, растерянно глядя друг на друга. И хотя логика, разум кричали им о том, что должно вот-вот случится, их воля была подавлена, смята решимостью людей из «ФС». Казалось, что сами эфэсовцы это просто ширма, через которую неумолимо проглядывает небытие. Еще немного и… Парни в нарукавных повязках взводили затворы.

И вдруг прямо в центре площадки бубухнула дымовая граната, отчего все моментально упали, как будто лишившись ног. Одновременно ночную тишину разорвали сразу десятки стволов.

— Это Шавак [24] , — завопил дед с земли, — на этот раз не опоздали черти.

Но поблизости пока были только люди из «ФС». Большинство из них вело стрельбу в сторону ближайшего холма. Но один пробежал сквозь дым к лежащему «контингенту».

— Frisst mal, Scheisse [25] , — выдохнул он и направил ствол на распластанные тела.

Тут дед прыгнул вперед, прямо с земли, как зверь, и свалил эфээсовца. Жвахнула очередь, но куда-то мимо. Как сейчас гордился Сашка своим дедушкой, из старого дурака тот мигом превратился в Индиану Джонса, а то и покруче сделался.

Эфэсовец отпихнул было деда своим кованным башмаком, однако подлетел уже проснувшийся Фима Маркин, и врезал кулаком, в котором сжимал по старой блатной привычке камушек.

Парень из «ФС» крякнул и улегся, а рядом вдруг появились люди в незнакомой камуфляжной форме и спецназовских шлемах. Был их где-то десяток. Эфэсовцев и вовсе уж не стало видно и слышно.

— Спокойно, граждане, угомонитесь. — крикнул один из спецназовцев, поднимая руку с раскрытой ладонью. — Это гуманитарная помощь к вам подоспела. Американо-израильско-российский отряд быстрого реагирования «Иерихон».

Затем спецназовец ткнул в медальон, висевший на шее у Саши.

— Хорошо, что не снял маячок, поэтому мы точно прилетели. Что с Турловым?

— Убили его. С шестого этажа сбросили. — сказал Саша, сам удивляясь тому насколько солидно и веско звучит его голос. Он впервые играл в игры взрослых людей! Мама растерянно переводила взгляд с сынка на офицера спецназа.

— Ладно, злее будем, — сказал тот и дружески хлопнул

мальчишку по плечу своей здоровенной бронированной перчаткой.

Впрочем, офицера трудно было расслышать, ведь другие спецназовцы уже заняли позиции и вели огонь из штурмгеверов, гранатометов, кассетных ПРУ, безоткатных орудий. На расстоянии ста метров все это оружие с диким грохотом и воем образовало стену огня. Женщины и дети отчаянно зажимали уши.

А потом прямо на площадку выкатился боевой экраноплан, широченный, плоский, как летающая тарелка; он походя раздавил два автобуса своим массивным корпусом.

Дед поднялся с земля, смахивая грязь со своего пальто.

— Можно загружаться, товарищ командир?

«Товарищ командир» опустил забрало своего шлема, ухитрился сверкнуть маленькими голубыми глазками и немного помедлил с ответом:

— Торопиться нам пока рановато, сюда идет звено вражеских вертушек «Тигер». Это серьезные мессершмиттовские машины. Едва мы полетим над полем, они нам вклепают промеж рогов — и привет.

— Но вы же американо-российско-израильские…

— Мы — ограниченные полицейские силы. Ездим осторожно, как беременная женщина на самокате. Нам ни авиационного прикрытия не положено, ни подкрепления. В противном случае это будет называться не полицейская, а военная операция, а на нее нужна санкция ООН, поддержка прессы, парламентов и тэ дэ, и тэ пэ. А противник сейчас пускает в ход регулярные части государства Истинная Германия, долбаный свой вермахт.

Песок, вынутый землекопами-гробокопами из рва и превратившийся в насыпь, прикрыл экранолет во время ракетного залпа с вертолетов. Машина спецназа, в свою очередь, ответила из бортовых ЗРУ и весьма удачно. Один вертолет взорвался сразу, два других, дымясь, стали по-быстрому отваливать. Но три вражеские машины пошли в новую атаку и на этот раз с южной стороны, где не было насыпи.

— Ну, молитесь, господа и дамы, всем своим богам, — крикнул спецназовский офицер.

И тут неожиданная подмога: кто-то стал угощать вражеские вертушки со стороны автобусной остановки, что располагалась южнее. Этот союзник обладал весьма солидной огневой мощью, и выстрелы его были безупречно точны. Не помогли даже тучи золотистого порошка, который выпускали вертолеты.

Одна машина загорелась и спустя секунду громогласно воткнулась в землю, другая стала крениться на один борт и, напоминая полудохлую рыбу, «уплыла» куда-то на восток, третья,

повыписывав всякие фуэте и пируэты, неожиданно бубухнула и превратилась в тучу светлячков.

— Отлетались птички… Да кто же это там жвахает, словно зенитная батарея? — недоумевал спецназовский офицер, а потом что-то рассмотрел сквозь свои видеосканеры. — Баба какая-то на остановке, даже девушка, однако ебашит всех врагов, как богиня… Ладно, загружайся народ, эти гады на время отстали.

И не было следа прежней замедленности и сонности. Люди пулей вносились на борт экранолета и занимали места в десантном отсеке. Через пару минут машина могла уже закрыть бортовые люки и двинуться в путь. А девушка вышла из-за бетонного блока на остановке и помахала беженцам рукой. Саша увидел ее сквозь иллюминатор в освещении от горящего вертолетного «трупа» и она стала его первой ребяческой любовью. Даже с расстояния в сто метров было заметно, что у нее хрупкая фигурка и короткие волосики.

Когда экранолет почти уж пересек береговую границу, из облаков вынырнули два штурмовика люфтваффе. Саша, прилипший к иллюминатору, просто увидел две быстрые звездочки, но своей быстро умнеющей головенкой быстро ухватил, в чем дело. Судя по трассам очередей и лазерным спицам, уткнувшимся в небо, экраноплан тут же вжарил из бортового оружия, но толку от этого было, как от стрельбы из рогатки.

Однако, когда первый штурмовик дал залп, и стал виден стремительный ракетный факел, между ним и машиной спецназа вдруг возникло то, что можно было назвать НЛО. Слегка светящийся цилиндр, немного напоминающий морковку, для которого будто не существовало законов Ньютона.

Летающая морковь словно оттянула в свою сторону пущенную ракету и та только оплавила песок на прибрежной полосе. А следующую ракету НЛО просто проглотил, она даже и не разорвалась. Затем «морковка» молниеносно сдвинулась в сторону самолета и буквально разорвала его на несколько горящих полосок. Второй штурмовик тут же смылся в облака.

— Обосрался пилот, — с облегчением произнес кто-то из спецназовцев,полетел штаны стирать.

Экраноплан беспрепятственно уходил в открытое море, Саша потерял из вида НЛО, а другие пассажиры экраноплана его как будто и не видели — сейчас кто из них отрубился из-за обилия переживаний, кто клеймил позором ООН.

Спустя четыре часа экранолет приводнился, и к нему подошло пассажирское судно по имени «Балтика», на корме которого указан был порт приписки Санкт-Петербург, но по флагу

стало ясно, кем оно зафрахтовано. Трубчатый трап, спущенный с его борта, был соединен с выходным люком экранолета и беженцы стали перебираться с одного судна на другое. На борту теплохода представитель израильского посольства в Швеции ставил всем визу в паспорт, а людям, потерявшим бумаги, еще и мигом выправлял новый документ. Затем приятные, но спортивного вида девушки препровождали беженцев в каюты. Какая-то часть эпопеи закончилась.

— А вы видели летающую тарелку? — поинтересовался Саша у офицера спецназа, который напоследок выглянул из люка экраноплана, чтобы оценить результаты проделанной работы.

Тот нехотя отозвался:

— Ну, видел… Только, пацан, об этом никому. Какие же мы герои, если за нас какая-то морковка инопланетная воевала, да еще девушка в перерыве между свиданиями. Сам понимаешь.

— Ладно, я молчок.

И командир спецназовцев подарил Саше на прощание обломок штурмовика «Торнадо», упавший вниз и выловленный с экраноплана. Того самого самолета, что не добил беженцев. Кусок фюзеляжа был просто вывернут наизнанку и завязан в узел, вернее в какой-то странный цветок вполне подарочного вида. Что же за неведомая сила сотворила этот подарочек? Чрезвычайно накачанная, но очень управляемая сила. И неожиданно Саше подумалось, что этот железный цветок — подарок именно ему.

А когда и дедушка, и мама мирно дрыхли под мерное биение близкого гребного вала, он одел куртку и поднялся на открытую палубу в районе кормы — там почти не дуло и никто уже не гулял. Луна серебрила пенную дорожку кильватера, с неба подмаргивали красноватые и голубоватые звезды, там на востоке, где лежала Россия, занималась заря. Саша немного поозирался и увидел странный предмет, да что там предмет, ту самую неопознанную летающую морковь, которая недавно перекрутила вражеский самолет, а сейчас неотрывно следовала за судном.

Морковь каким-то незаметным движением стала ближе и оказалась совсем рядом с мальчиком. Теперь НЛО был неуловимой формы, неуловимого цвета и вообще вызывающий сомнения — реальный он или приснился. Но Саша не трусил, ведь совсем недавно эта штука помогла отделаться от приставучего врага.

Потом НЛО стал вибрировать в одной своей части и Саша услышал вначале невнятные, а следом и вполне разборчивые слова:

— Сашенька, я — твой папа.

Вот так номер! Папа же был писателем, и как это,

программистом, а не такой вот морковкой… Но почему нет? Трупоглот тоже был оборотнем.

— Вы — мой папа?

— Да, дракон переменил мое тело, чтобы я мог жить дальше, в космосе и на далеких планетах. И благодаря дракону я смогу приходить к тебе и впредь, хоть и не слишком часто. Согласен?

Это точно папка. Кто еще может так неуместно использовать слово «согласен»? Даже приятно, что твой родной отец не какой-нибудь там служащий или рабочий, а самый настоящий оборотень. И довольно могущественный впридачу.

— Но, папа, в таком виде, ты уже никогда не сможешь жить с мамой вместе.

— Ну, наверное. Если только она не станет художникомабстракционистом. Однако у всякого положения есть свои плюсы: она может заполучить нового мужа, в то время как и старый будет помогать ей по мере драконьих сил. Только ты ей пока ничего не говори про меня, пропал, дескать и все.

— Па, а что будет с нами? Я не про себя, а вообще про всю планету, помоему фигня какая-то творится.

— По-моему тоже. Но могло быть и хуже, если бы полноценное Яйцо Дракона досталось бы не тем, кому надо.

— А оно досталось тому, кому надо?

— Вроде бы… Кстати, скоро у тебя появится братишка. К сожалению, не от мамы, поэтому я и просил тебя помалкивать на этот счет. Он родится у той женщины, которая вам помогла сегодня отделаться от вертолетов… Понимаешь, я это не специально… Этот самый брат будет единственным полноценным носителем дракона-времяходца на Земле, и вполне сможет управлять им. Ты же будешь наблюдать за своим братом. Ну, а когда он начнет… скажем, заблуждаться из-за переизбытка силы, ты ему напомнишь, от чьего имени он действует… А сейчас мне надо отваливать по холодку.

И морковка взмыла в небо, моментально сделавшись просто подвижной звездочкой. А Саша пошел в каюту, чтобы подумать о том, почему все-таки его мама рассталась с его папой.

DRACONIAE ET BUBBLES

(Популярная энциклопедия для детей и мальков, стр.11245-6 и 11245-7)

Характерной особенностью драконов является существование двух различных жизненных циклов — «левого пути» и «правого пути».

Начало обоих циклов как будто похоже на то, что мы встречаем на Земле.

Половозрелый самец дракона-времяходца ищет самку.

Настигнув самку, самец проводит «обнюхивание», то есть анализирует набор биоэлектромагнитных полей и прочих факторов. На основании этого самка будет отнесена к «правому» или «левому» типу.

Собственно, самка «левого типа» не является самкой в привычном нам смысле, поскольку не способна к половому скрещиванию и является по сути лярводраконом. Результатом встречи с ней является «любовный» поединок. В случае победы самец вскрывает ее брюшной шов — и, очевидно, этот процесс сопровождается гедонистическими ощущениями. Затем он, частично поедая соединительную ткань, находит яйцо, и с помощью рептилевидного симбиота, так называемого «гаденыша», уничтожает защитный орган, именуемый «стражем». После этого самец своим заднехвостом вводит в самочье яйцо вирусную симбиотическую культуру, частично несущую его генотип. Кроме того, он внедряет переднехвостом в труп самки вещества, консервирующие его — это процедура называется «копчением».

После этого яйцо, оставшись неоплодотворенным, начинает развиваться в мертвом теле матери. В результате деления в нем образуются мальки-лярвы, способные к самостоятельному движению, поеданию друг друга (которое отдельные биологи называют гастрономическим совокуплением), а также размножению делением. Проходит примерно девятьсот поколений, пока самые агрессивные лярвы не прогрызают оболочку яйца и не выходят из него в брюхоматочную полость законсервированного трупа самки, которым и питаются. Проходит еще три поколения, прежде чем лярвы покидают изъеденное тело матери и выползают наружу. Из них и развиваются неполовозрелые самки дракона обыкновенного (draconian vulgaris), то есть самки левого пути.

В случае, если иммунные силы яйца были ослаблены, то вирусная «отцовская» инфекция приводит к мутированию лярв. В результате появляются полноценные женские особи — самки правого пути.

Есть предположение, что Пузыри (Amobea Magna Bubblesiana) биологически происходят от недоразвитых одноклеточных лярв первого поколения.

В случае, если в «любовном» поединке побеждает самка, она откладывает яйцо в разъятое тело самца и далее все происходит вышеописанным способом, за исключением того, что лярвы несут в себе исключительно генотип матери и вырастают в неполовозрелых самок.

С самкой правого типа, то есть половозрелой женской особью, лярводракон-самец вступает в любовную игру, во время которой теряет большое количество жидкости, частично отмирают и его ткани, отчего он трансформируется в куколку, т.е. «дракона малого пенисовидного». Самка целиком заглатывает куколку — очевидно этот процесс служит эквивалентом полового копулятивного акта, в том числе и по ощущениям. Малый дракон из незамкнутого пищевого тракта попадает в брюхоматочную полость, где извергает мужские лярвогаметы, а затем выходит наружу через аналоклоаку. Теперь он, едва наберет вес и силу, станет уже драконом-времяходцем (draconian temporepassus), имеющим огромный охотничий ареал. (Но это произойдет лишь в том случае, если он не встретит в период своей неустойчивости самку левого пути, которая его, конечно же, убьет.)

Одна из гамет, извергнутых им в брюхоматочной области, оплодотворяет яйцо, из которого появляется всего одна лярва. Она и вырастает в половозрелого самца дракона обыкновенного.

Авторы Энциклопедии рекомендуют своим юным читателям, которые держат домашних драконов, проделать непосредственные эксперименты со своими любимцами.

DRACONIAE, BUBBLES ET HUMANOIDES

(Популярная энциклопедия для детей и мальков, стр.11246-2)

… Сперва надо отметить, что драконы относятся к категории так называемых психоструктуральных объектов, то есть не имеют постоянной и однотипной вещественной структуры. Почему они, как будто принадлежащие нашей реальности, исконные обитатели спутников Юпитера, шагнули в Большой Мир, остается до сих пор загадкой. Некоторые ученые-холисты считают, что к этому их принудили суровые условия окружающей среды и некий фактор «целостного эволюционного преобразования». К примеру, хвосты, ранее служившие исключительно для воздействия на организм самки, стали влиять на пространственно-временную тензорику…

… Если такое сравнение правомочно, то люди ходят по строго очерченным дорожкам в большом парке, а драконы гуляют по всем его газонам и лужайкам.

Если объекты «нашего» мира используют лишь отдельные каналы анизотропного (однородного) времени, то драконы движутся по всем хронально-пространственным складкам и даже пробивают новые.

В так называемой Большой Реальности «наш» физический мир занимает не такое уж значительное место. Большая Реальность, образованная неустанно снующими хрононами, включает также разрушающуюся преднастоящесть и неустойчивую посленастоящесть. Эти области «сырой» материи недоступны для человека и прочих объектов «нашего» мира, но являются ареалами обитания драконов.

Обыденному людскому восприятию не слишком доступно, как это время может сворачиваться и разворачиваться, образовывать узлы, застывать и разжижаться. Но это вполне обычные состояния среды обитания для драконов. Надо учитывать, что «географичность» базового времени ведет к невероятным свойствам пространства во Большой Реальности. В частности, там нет деления на микро— и макромир, как не существует и привычной нам структуризации материи (кварки, кванты — элементарные частицы — атомы — молекулы — макроструктуры). Зарядом (полюсами), причем пяти видов, обладает там любой объект. Расстояния и массы квантуются

иначе и это квантование является переменным…

… Конечно же, мы вряд ли добъемся в ближайшей время масштабного народнохозяйственного эффекта от драконов, однако мы должны обратить внимание на опыт наших исконных врагов, Пузырей. Они, изначально не обладавшие способностями времяхождения, при симбиозе с драконами получили возможность проникновения в преднастоящесть и посленастоящесть и стали галактической расой…

notes

Примечания

1

сиб.: лес, тайга

2

сокр.: бинокулярные мониторы, соединенные с боди-компьютером и контактно прилегающие к лицу

З

межд. термин, обозначающий программы

4

Международный центр торговли, два здания высотой 440 метров на Манхэттэне

взрывчатые и отравляющие вещества

так обозначается в кибернетике область случайных воздействий

от англ. слова mood — настроение

8

Sturmgewehr нем.: штурмовая винтовка; название, принятое для беспатронного автоматического оружия, разработанного фирмой «Bosch» в 1999 г.

9

IQ — коэффициент интеллектуальности

входной разъем коммуникационного канала

11

жарг.: клавиши

виртуальная киберреальность

13

нем.: да помолчите

нем.: положить оружие

нем.: специальная лаборатория «Био3». Вход воспрещен

способ мгновенного охлаждения органических структур с помощью ядерногомагнитного резонанса

17

основной компьютерный чип

оборудование компьютерных сетей

19

нем. quarq: 1.творог 2. ерунда

нем. привет, мальчишка

21

Erdgeschoss: нем. «земляной» этаж, а понашему первый

Stadtverwaltung: нем. городское управление, мэрия

23

Volker Schutz, нем. народная оборона

израильская спецслужба

нем.: ну, жрите, говнюки